

ФЭННИ ФЛЭГГ

Стоя под радугой

Фэнни Флэгг любят за то, что после ее книг
тебя охватывает настоящее счастье.

Русский репортер

Annotation

Фэнни Флэгг верна себе – чуточку старомодна, чертовски обаятельна и задушевно иронична. «Под радугой» – роман, в котором собрались многие из героев и персонажей остальных книг писательницы. В провинциально-уютном городке Элмвуд-Спрингс все друг друга знают, но о жизни его обитателей знают и за сотни километров, и все благодаря Соседке Дороти – женщине с улыбающимся голосом, которая заведует городским радио и на всю страну рассказывает о том, как живет-поживает Элмвуд-Спрингс, где каждый горожанин особенный, со своими причудами и фанабериями. Вот, например, Слепая Пташка Певчая – девушка с божественным голосом и отвагой, которой любой зрячий позавидует. Или Бобби – мальчик, который ежедневно проживает в своих фантазиях сотни жизней, что не мешает ему и в реальности выкаблучивать такое, от чего весь городок немеет. Еще есть Сесил, король похоронного бизнеса; и застенчивая Бетти Рэй, которой суждено стать губернатором штата; и бесшабашная тетушка Элмер; и ее правильная племянница Норма; и многие-многие другие. В этой книге настоящая карусель из характеров и судеб, из смеха и слез, из невероятного и обыденного. Но прежде всего, это роман о времени и о том, что мир прекрасен в любую эпоху, – надо лишь уметь видеть красоту и счастье за шелухой будней. И Фэнни Флэгг умеет об этом рассказать лучше всех на свете.

- [Фэнни Флэгг](#)
  -
  - [К читателю](#)
  - [Начало](#)
    - [Элмвуд-Спрингс](#)
    - [Соседка Дороти](#)
    - [Водонапорная башня](#)
    - [Потрепанная Энн](#)
    - [Док Смит](#)
    - [Обыкновенный день](#)
    - [Гуднайты](#)
    - [Пташка Певчая](#)
    - [Тайна](#)
    - [Анна Ли](#)

- [Высшее общество](#)
- [Победитель](#)
- [Мальчик, который кричал «Волки!»](#)
- [Мама Смит – закоренелая преступница](#)
- [Отманы едут](#)
- [Пикники с песнопениями](#)
- [Снова дома](#)
- [Гостя по принуждению](#)
- [Неудивительно](#)
- [Религиозные бдения](#)
- [Вечеринка](#)
- [Прощай](#)
- [Чего они не знали](#)
- [Созерцание звезд](#)
- [Время летит](#)
- [Жизнь меняется](#)
- [Блудный сын](#)
- [Фонд Принцессы Мэри Маргарет](#)
- [И снова перемены](#)
- [Снова сентябрь?](#)
- [Продавец](#)
- [Тетя Элнер всех спасает](#)
- [Прогресс](#)
- [Госпел развивается](#)
- [Обмен](#)
- [Слава, слава, путь свободен](#)
- [Джимми и кафе «Трамвай»](#)
- [Возвращение Иды Дженкинс](#)
- [Застенчивая старшеклассница](#)
- [Время индейки](#)
- [Не садитесь!](#)
- [Рождественская витрина](#)
- [Рождественское представление](#)
- [Веселого Рождества](#)
- [Дядя Флойд слетает с катушек](#)
- [Февраль, месяц любви](#)
- [Еще одна выпускница](#)
- [Еще одна ошибка](#)
- [Команда по боулингу](#)

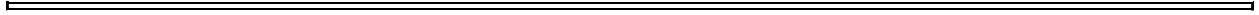

- [Конкурс](#)
- [Успех](#)
- [Первое свидание](#)
- [Жених](#)
- [Знакомство с семьей](#)
- [Поздравления](#)
- [1950-е](#)
  -
  - [Ковбой Боб](#)
  - [Всплеск рождаемости](#)
  - [Король похорон](#)
  - [Похороны Ферриса](#)
  - [Эммет Кримплер](#)
  - [Человек для народа](#)
  - [Хэмм и Родни](#)
  - [На дереве](#)
  - [Жизнь маленького города, февраль 1953](#)
  - [Зимняя сказка, март 1953](#)
  - [Чудом уцелевший](#)
  - [Тот Хутен снова наносит удар](#)
  - [Мисс Хендерсон](#)
  - [В меньшинстве и связанный по рукам и ногам](#)
  - [Сесил спасает ситуацию](#)
  - [Новости хорошие, новости плохие](#)
  - [Новая находка](#)
  - [Новая администрация](#)
  - [Настоящая первая леди](#)
  - [Электрическая компания, Миссури, 1959](#)
  - [Яхта](#)
  - [Радуги и торты](#)
- [1960-е](#)
  -
  - [Цыплята возвращаются в родной курятник](#)
  - [Пропавшая челюсть](#)
  - [Праздничное шествие](#)
  - [Танцующие аисты](#)
  - [Вита Грин](#)
  - [Много общего](#)
  - [Хэмм делает шаг наверх](#)

- [Электричество](#)
- [На волоске](#)
- [Власть](#)
- [Тонущий человек – опасный человек](#)
- [Два в одном](#)
- [Шоу продолжается](#)
- [Старые друзья](#)
- [Съезд губернаторов](#)
- [Золотая жила](#)
- [Генетический изъян](#)
- [Охота](#)
- [Хэмм Спаркс и четверо его людей пропали. Подозревают, что они убиты](#)
- [Тетя Элнер приходит в ярость](#)
- [Встреча](#)
- [Как вы познакомились с вашим лучшим другом?](#)
- [Неожиданное](#)
- [Петух, может, и кукарекает, но яйца-то курочка несет](#)
- [1970-е](#)
  -
  - [Новая декада](#)
  - [Отпуск Тот](#)
  - [День матери](#)
  - [Пустое гнездо](#)
  - [Автотуристки, 1974](#)
  - [Конец эры](#)
- [1980-е](#)
  -
  - [Страх](#)
  - [Оживление города](#)
  - [Мир госпела](#)
  - [Монро](#)
  - [Бедняжка Тот](#)
  - [Тот свихнулась](#)
  - [Дочери](#)
  - [Тур доктора Роберта Смита](#)
  - [Дорогая, мы стареем](#)
- [1990-е](#)
  -

- [Мороженое «Попсикал»](#)
- [Сесил Фиггз, также известный под именем Реймон Наварро](#)
- [Пора прощаться](#)
- [Как в старые времена](#)
- [Муравей](#)
- [Привет, дружище](#)
- [Все хорошо, что хорошо кончается](#)
- [Эпилог](#)
- [notes](#)
  - [1](#)
  - [2](#)
  - [3](#)
  - [4](#)
  - [5](#)
  - [6](#)
  - [7](#)
  - [8](#)
  - [9](#)
  - [10](#)
  - [11](#)
  - [12](#)
  - [13](#)
  - [14](#)
  - [15](#)
  - [16](#)
  - [17](#)
  - [18](#)
  - [19](#)
  - [20](#)
  - [21](#)
  - [22](#)
  - [23](#)
  - [24](#)
  - [25](#)
  - [26](#)
  - [27](#)
  - [28](#)
  - [29](#)
  - [30](#)

- [31](#)
- [32](#)
- [33](#)

Фэнни Флэгг

Стоя под радугой

Посвящается Юдоре Уэлти и Вилли Моррису

STANDING IN THE RAINBOW by Fannie Flagg

Copyright © 2002 by Fannie Flagg

Все права защищены.

Любое воспроизведение, полное или частичное, в том числе на интернет-ресурсах, а также запись в электронной форме для частного или публичного использования возможны только с разрешения владельца авторских прав.

Книга издана при содействии William Morris Endeavor Entertainment и Литературного агентства Эндрю Нюрнберга

© Дина Крупская, перевод, 2014

© Фантом Пресс, оформление, издание, 2014

© Электронная версия книги подготовлена компанией ЛитРес (www.litres.ru), 2014

К читателю

Как героиня этой книги заверяю вас, что все описанные здесь события произошли на самом деле, не сомневайтесь. И хотя персонаж я не главный, скажу вот что: я хозяйка собственного дома, содержу его в чистоте и порядке и исправно плачу по счетам. Я никогда не сидела в тюрьме и, вероятней всего, старше вас, если, конечно, вы еще не стоите одной ногой в могиле, а если стоите, то уж поймете меня наверняка.

Я, конечно, не литературный критик, но люблю книги с началом, середкой и концом, и чтоб еще сюжет какой-никакой имелся, и чтоб местами посмеяться. Не выношу книжечек, в которых не успеваешь за событиями. Могу обещать, что здесь вам не станут втирать докучливую историю в деталях про бедолагу, угодившего в отчаянное положение, но чудесным образом спасшегося, – и опля! – вот он счастлив на веки вечные. По данным на сегодняшнее утро, мозги у меня вроде на месте, чего не скажешь про мозги моей соседки миссис Уотли, воображающей, будто ее внук Тревис до сих пор работает в отделе покрышек в «Сирз», а вовсе не там, откуда в ближайшие пять лет выйдет разве что по амнистии за хорошее поведение. Хотя я не из тех, кто разносит слухи, ни-ни. Что вы, при моей профессии это непозволительно. Верьте или нет, но я еще зарабатываю на хлеб насущный, не пойми зачем, ведь при том количестве налогов, что я платила за свой бизнес, я могла бы сейчас сидеть дома и жить припеваючи на пенсию, но не постриги я кого-нибудь несколько дней, мне пальцы скрючит. К тому же надо следить, как бы родная дочь опять не сожгла кому-нибудь шевелюру (а то ведь пара волосин упадет – и они уж готовы в суд бежать) да чтоб парикмахерскую снова не подпалила. Ну и деньги не помешают. Я ведь так и не расплатилась за свою машину, ту, что расколотил Дуэйн Младший, причем дважды за полгода.

На детей я не рассчитываю, впрочем, это другая история. Энергии во мне прорва, но я не жизнерадостная оптимистка. Нет ничего хуже жизнерадостных стариков. Это неестественно. Угодив в книгу, пусть и не главной героиней, поневоле остановишься и задумаешься. Так что прежде чем отступить в сторонку и дать вам погрузиться в чтение, поделюсь мыслью: жизнь человека зависит от кучи всяких «если», правда? Возьмите, к примеру, мою персону... Что, если бы я померла, рожая Дуэйна Младшего (кстати, может, было бы и к лучшему, учитывая недавние события)? Меня бы тут не было. Но для романа, за который вы

вот-вот приметесь, важнее другое: что, если бы Дороти Смит не познакомилась с семейством Отман, исполнителями духовных песнопений? Что, если бы Бетти Рэй Отман не встретила Хэмма Спаркса? А Хэмм Спаркс не оказался бы причастен к махинациям?

Ой, лучше помолчу, ненавижу, когда мне пересказывают сюжет. И один мудрый совет: не берите с меня пример и не лезьте в конец книги. Слишком часто я подобным образом лишала себя удовольствия. Как я уже говорила, в этой книге со мной вы будете редко встречаться, но когда дочитаете – бьюсь об заклад, вас поразит, как здорово я все уладила.

Искренне ваша,
миссис Том Хутен

P. S. Никогда не берите в мужа пьющего человека.

Начало

МЕСТО ДЕЙСТВИЯ: Южный Миссури

ВРЕМЯ: 1940-е

НАСТРОЕНИЕ: полное надежд

Элмвуд-Спрингс

Почти все, у кого имелась лишняя комната, держали постояльцев. В те времена в городе еще не понастроили отелей да мотелей. Спустя несколько лет откроется «Говард Джонсон», но до тех пор и холостякам, которым требовался уход, и одиноким дамам нужно было где-то жить. И многие почитали своим христианским долгом приютить их, даже если несколько лишних долларов в неделю погоды не делали, а жильцы порой застревали на годы. Мистер Прюзт, холостяк из Кентукки с длинными, тощими ногами, много лет проживал у Хейгулов, – они и забыли, что он им не родня. Переезжал вместе с ними с места на место. Когда же в возрасте семидесяти восьми преставился, на семейной могиле Хейгулов появился камень с надписью:

МИСТЕР ПРУЭТ
ВСЕГДА С НАМИ
УПЛАЧЕНО СПОЛНА

Первая Северная авеню расположена недалеко от центра города и школы – пешком можно дойти; там-то в основном и сдавались комнаты.

Сейчас у Смитов живет Джимми Хед, повар из кафе «Трамвай»; у Робинсонов по соседству – Беатрис Вудс по прозвищу Слепая Пташка Певчая; дальше по улице семейство Уотли – они пустили мисс Татл, учительницу английского языка в старших классах. Эрнест Кунитц, руководитель школьного оркестра и солист-трубач, квартирует у мисс Альмы, по счастью, туговатой на ухо. Но очень скоро Смиты возьмут еще одного постояльца. И это станет первым звеном в цепи событий, о которых пойдет здесь речь.

Разумеется, пока они пребывают о том в неведении, особенно их десятилетний сын Бобби. Он и его закадычный дружок Монро Ньюберри в эту минуту торчат перед парикмахерской и глазуют на электрический шест, выкрашенный по спирали в красный и белый^[1]. Суть игры – дотарашиться до того, что глаза съедутся к переносице, это считается великим достижением. Уж такие в наших краях бытуют развлечения. Или вот еще – не дышать, пока не потеряешь сознание. А еще сигануть с тарзанки в леденящий пруд, прозванный Синим Дьяволом, – вода такая холодная, что когда плюхаешься туда даже в самую жару, то сердце буквально

останавливается. И пока карабкаешься на берег, тело уже все онемелое, ног не чувствуешь, а губы синие-синие – отсюда и название пруда. Но мальчишки – народ сумасшедший, вылезут из воды и, даже не согревшись, все в мурашках, снова несутся прыгать.

Некоторые вещи волновали Бобби до самого нутра. Впрочем, жизнь вообще приводила его в восторг. Да в те времена любой провинциальный мальчишка мечтал о свершениях, выпрыгивая по утрам из постели как пробка из бутылки шампанского. Ведь Бобби жил ровно посередке великой мировой державы – поговаривали даже, что величайшей. Мы в честном бою победили Германию и Японию. Мы спасли от гибели Европу, и в том году нас любили все, даже французы. Наши девушки были самыми красивыми в мире, наши мальчики – самыми симпатичными, наши солдаты – самыми храбрыми, а с нашим флагом ни один не мог сравниться по красоте. В те годы казалось, что все жители Земли мечтают стать американцами. И их можно было понять. У нас – Джон Уэйн, Бетти Грэйбл, Микки Маус, Рой Роджерс, Супермен, Дэгвуд и Блонди, Сестры Эндрюс и Капитан Марвел, Бак Роджерс и Ред Райдер, пневматические ружья, «Мальчишки Харди», Джи-мен, агенты ФБР, Мисс Америка, сладкая вата. Да при том, что *любой* человек может стать президентом Соединенных Штатов по достижении совершеннолетия.

Бобби даже сочувствовал всем, кому не повезло здесь родиться. Еще бы, ведь мы изобрели все самое важное в мире. Хот-доги, гамбургеры, американские горки, роликовые коньки, мороженое в стаканчиках, электричество, молочные коктейли, танец джиттербаг, бейсбол, футбол, баскетбол, барбекю, пистолет с пистонами и банановый сплит. А еще кока-колу, орешки в шоколаде, музыкальные автоматы, стиральный порошок «Оксидол», маргарин и атомную бомбу!

Мы были больше, лучше, богаче и сильнее всех в мире и тем не менее играли по правилам и были хорошими людьми. Даже протянули руку и помогли подняться из руин побежденным – Японии и Германии. Разве плохие люди на такое способны? Миссури – родной штат Бобби – дал миру Марка Твена, Уолта Диснея, Джинджер Роджерс, и Всемирную торгово-промышленную выставку в Сент-Луисе, и линкор «Миссури», на борту которого японцы подписали акт о капитуляции, сдавшись генералу Дугласу Макартуру. Да что там японцы, отряд бойскаутов-волчат Бобби под названием «Патруль куропатки» бегал по всему городу, собирая старые автомобильные покрышки, макулатуру, алюминиевые кастрюли и сковородки. Потому-то мы и выиграли войну. И хотя любому мальчишке и без того достаточно причин для гордости, можно добавить, что президент

Соединенных Штатов, мистер Гарри С. Трумэн, – урожденный и убежденный миссурианец, а Сент-Луис выиграл последний чемпионат по бейсболу. Даже деревья в тот год тянули макушки, как на параде. По крайней мере, так казалось Бобби.

У него были мать, отец и бабушка, и никто из его знакомых не умер. Только в витринах магазинов он видел фотографии убитых на войне ребят. Бобби и его лучший друг Монро недавно породнились – стали кровными братьями, событие настолько впечатляющее, что всю дорогу домой они молчали. Его старшая сестра, Анна Ли, белокурая голубоглазая красотка, пользовалась популярностью среди ребят постарше, что вечно ошивались вокруг их дома и иногда разрешали ему покидать мяч. Порой Бобби перепадал четвертак от какого-нибудь парня, чтобы он оставил их с Анной Ли наедине на веранде. В 1946 году четвертак означал пакетик поп-корна, билет в кино плюс экскурсия в будку киномеханика – Снуки, сидевший там, никогда не отрывался от книжки Мики Спиллейна. А после кино Бобби шел напрямик в кафе «Трамвай», где их постоялец Джимми жарил для него бургер, если, конечно, бывал не слишком занят.

А то можно было зарулить в аптеку на углу и полистать новые комиксы, потому что Бобби позволялось читать бесплатно, его отец был фармацевтом, и главное не загибать страницы и не закапать их кетчупом. Тельма и Берта Энн, девушки, работающие за стойкой с содовой, считали его симпатягой и могли налить за так стаканчик вишневой колы, а то и коктейля, если повезет. Центр города представлял собой одну длинную улицу, даже при большом желании не заблудишься, а погода круглый год стояла как по заказу. Каждый октябрь, как раз перед Хэллоуином, на небо выкатывала большая рыжая круглая луна. День Благодарения всегда был в меру морозен и хрустящ – как раз чтобы после грандиозного праздничного ужина с индейкой побегать во дворе, поиграть в салки. Снег выпадал раз два за год, как раз когда Бобби хотелось прогулять школу.

А потом наступала весна – с кузнечиками, лягушками и заново народившимися листочками на деревьях, а за нею лето, когда можно спать на открытой веранде, рыбачить, нырять с вышки в городском бассейне, а Четвертого июля, после всех шутих, вертячек и бенгальских огней, появлялись светлячки и сине-зеленые майские жуки – чтобы продлить эту светящуюся ночь.

Жаркими, душными августовскими днями, когда кажется – еще немного, и отдашь концы от перегрева, набегают облака и вдруг далекий гром громыхнет таким басом, что под ложечкой отзовется. Из ниоткуда налетит ветерок, небо затянет свинцовыми тучами, и потемнеет так, что

зажгутся уличные фонари, перепутав день с ночью. Мгновение – и лавина воды с грохотом обрушится с небес на штат Миссури, а еще минутка – и гроза, не предупредив, подберет юбки, и глядь – перебежала в другой город, оставив полные канавы – нарочно, чтобы Бобби выбежал пошлепать босиком, остудить ноги.

Хотя мистер Бобби Смит пока пробыл на этой земле всего ничего и занимал не так много места – каких-то четыре фута восемь дюймов, он успел обзавестись немалой собственностью. Большая часть ее хранилась в его комнате на полу, на стенах, на кровати и под кроватью, свешивалась с потолка и занимала все свободные поверхности. Как сказали бы декораторы, ему нравился бессистемный, беспечный, хаотичный подход к интерьеру. Мама же имела наглость наречь его комнату лавкой рухляди Армии спасения. Эта среднего размера спальня с маленьким шкафом была для Бобби личным волшебным королевством, полным несметных сокровищ. Он был здесь единовластным повелителем, богатым, как султан. По правде говоря, в комнате не нашлось бы ничего, достойного внимания султана, да и простого смертного. Тоже мне ценности: коробка расписных черепашек, горсть камешков, расплющенная монета, которую они с Монро подложили на трамвайные рельсы, да картонный ковбой Сансет Карсон из элмвудского кинотеатра, в натуральную величину, – Снуки подарил. Или вот еще – два серебряных доллара, искусственный желтый рыбий глаз, найденный позади Дома ветеранов войны, маленький стеклянный джип, в котором когда-то лежали конфеты, – секунд пять они пролежали, не больше. Из приобретений этого года: рогатка ручной работы, мешочек со стеклянными шариками, светящееся в темноте кольцо – 1 шт., компас – 1 шт., конструктор – 1 шт., йо-йо – 3 шт., модель самолета, щетка для волос с наклейкой Одинокого Рейнджера (подарок Монро на день рождения, его мама покупала), картонная бензоколонка «Файрстон», укомплектованная насосами, и полка с книжками по десять центов: «Терри и пираты», «Джо Палука», «Ред Райдер». Под кроватью несколько комиксов: «Человек-паук», «Поросенок Порки», «Малышка Одри» и «Каспер – дружелюбное привидение», а еще железная дорога, плетеный индийский браслет, подаренный девочкой (Бобби считает его потерянным), и руль от старого велосипеда в белой резиновой оплетке.

Но мир Бобби не ограничивался тем, что он мог увидеть и пощупать в четырех стенах своей комнаты. Он уезжал за тысячи миль на игрушечном поезде, стоявшем под кроватью, сбивался с пути в коварных горах, искал выход из длинных мрачных пещер над яростно рычащими горными реками и на пластмассовом самолетике, что свисал на нитке с потолка, облетал

вокруг света, частенько оказывался в джунглях Амазонки, кишущих аллигаторами. Даже уличный фонарь на углу дарил Бобби удивительные путешествия. Лежа на кровати ветренными летними вечерами, он смотрел на пляшущие тени, и тополь перед домом вскоре обращался в пальму на тропическом острове, и пассатные ветры врывались в открытое окно. Бывало, ночами он слышал слабые отголоски гавайской музыки и видел, как девушки танцуют хулу прямо перед окнами спальни Робинсонов. Бобби так вдохновился этими образами, что записался в кружок игры на укулеле^[2]. Его ждало ужасное разочарование. Он-то надеялся, что инструмент запоет, едва коснешься струн. Но нет. Извлеченный звук был столь далек от музыки, гавайской и вообще какой бы то ни было, что Бобби быстренько перешел в класс губной гармошки. Он был уверен, что играет, однако ошибался. Богатое воображение помогало ему слышать стук копыт и видеть поднятую пыль иссушенных пустынь Дикого Запада, когда он скакал на палке от метлы по заднему двору. В тот год он засыпал со звучащими в голове голосами ковбоев и индейцев. «Стрелки Том Микс и Ралстон Страйт в эфире!». «Американский ковбой с Дикого Запада!». «Хлопья “Куэйкер оутс” – питательно, воспитательно, предпринимательно!». «Задай им жару, Рейд Райдер». «Я снова в седле». «Быть мне вислоухим кенгуру, если это не облава». «Я Тонто, ты Кемо Сабе^[3]». И его любимое: «Хай-о, Силвер, прочь!»

Стороннему наблюдателю его жизнь может показаться идеальной. Но, если честно, удовольствие быть Бобби Смитом омрачали два темных пятна. Первое – внешность. Карие глаза и темные волосы смотрелись еще куда ни шло. Зубы ровные. Уши немного оттопырены, но в рамках приличия. А вот губы создавали проблему: в уголках они немного загибались вверх, придавая ему такой довольный вид, будто он знает какой-то секрет. Мать и учителя постоянно приставали: «Ты что это задумал?» – даже когда он ничего не задумывал. И как ни доказывай невиновность, кончалось одним и тем же: «Не лги, Бобби Смит, у тебя на лице все написано».

Другим темным пятном были родичи. Все знали, кто его родители, и бежали жаловаться, стоило ему совершить оплошность. Его отец – единственный в городе фармацевт, член клуба «Ротари», член Клуба Лосей и старший священник Первой методистской церкви, – естественно, был одним из первых людей Элмвуд-Спрингса. Но что еще хуже, его мама была на местном радио известной персоной – под именем Соседка Дороти она вела программу из собственной гостиной пять дней в неделю. И каждый год она рассылала своим слушателям поздравления с Рождеством на

открытке с фотографией своей семьи, так что люди за много миль отсюда знали, как он выглядит, а порой, когда приглашенный на передачу гость не приходил, мама хватала Бобби и начинала задавать ему всякие вопросы в эфире, типа они с ней не знакомы. На каникулах она заставляла его читать по радио какую-нибудь дурацкую длинную поэму. А самое жуткое – в маминой передаче часто обсуждалась его личная жизнь, и все, что он совершил, хорошее или плохое, тут же становилось достоянием общественности.

Единственное утешение – сей крест несли оба отпрыска Смитов, но Анну Ли это не утешало. В прошлом году у его сестры случилась истерика, когда мама сообщила по радио, что Анна Ли пока не ходит на свидания – ждет выпускного бала, надеясь, что ее пригласит мальчик, похожий, как ей кажется, на Гленна Форда – актера, по которому она сохнет. Дороти и раньше делилась со слушателями семейными делами, но когда Анна Ли услышала, что эта информация разлетается со скоростью звука, она рванула в свою комнату, вопя, будто ее подстрелили, и бросилась на кровать, всхлипывая:

– Ох, мама, как ты могла? Ты загубила мою жизнь. Меня теперь до смерти никто не пригласит на свидание. Мне больше незачем жить.

Два дня она рыдала, лежа в постели с мокрым полотенцем на лбу, а ее переполошенная мать пыталась успокоить дочь, пичкала домашним персиковым мороженым и обещала больше не упоминать ее имя в передаче.

Бобби лишь посмеивался: он еще не вступил в тот возраст, когда мнение о тебе других людей – вопрос жизни и смерти. И хотя не все проказы сходили ему с рук, он не слишком огорчался и, как большинство десятилетних мальчишек, верил, что чудо может произойти в любую секунду.

Соседка Дороти

В конце 1920-х – начале 1930-х, когда вдоль проселочных дорог к разбросанным по пустыне фермерским хозяйствам побежали провода, жизнь фермерских жен изменилась и долгие дни, протекавшие прежде в одиночестве, вдали от соседей, внезапно наполнились теплыми, дружелюбными голосами. Это были голоса других женщин, и доносились они из радиоприемников. Программа называлась «Домашнее радио». В 1924 году в разных уголках Среднего Запада женщины начали выходить в эфир, снабжая друг друга новыми рецептами, советами по воспитанию детей, ведению хозяйства и садоводству, обменивались местными новостями, давали небольшие домашние концерты, но главное – эти передачи были для многих сродни встрече с подругами. Каждый день жители Айовы слушали «Кухонные истории» с Лианной Дрифтмиллер или «На проселочной дороге» с Эвелин Беркби. Те, кто мог поймать сигнал из Южной Дакоты, познакомились с Уинн Списи – «Дамой по соседству». В эфир еженедельно выходили Аделла Шумейкер, Ида Бейли Аллен, Бернис Курьер, Альма Китчелл, Эдит Хансен и другие.

Одной из таких радиовещательниц была и мать Бобби, миссис Дороти Смит. Она вела передачу из собственного дома в Элмвуд-Спрингсе, штат Миссури, с 9.30 до 10.00 утра, через местную радиостанцию УДОТ на частоте 66. Дороти как нельзя лучше подходила для такой работы, и не только потому, что любила поговорить. После учебы в Бостоне она вернулась домой с дипломом по домоводству и уходу за детьми и с намерением не упустить Роберта (Дока) Смита, недавнего выпускника Школы фармацевтики, на которого положила глаз. Через шесть месяцев они прошествовали по проходу между рядами Первой методистской церкви прямо в семейную жизнь. В эфир Дороти начала выходить в 1936-м, и к концу войны ее уже многие знали как «Соседку Дороти». Каждый день Налон Клегг, диктор радиостанции в Поплар-Спрингсе, представлял ее одной и той же фразой:

– А теперь – моя и ваша соседка из белого домика прямо за углом, где бы вы ни находились, леди с улыбкой в голосе, Соседка Дороти... Аккомпанирует на фисгармонии Мама Смит!

Далее раздавались вдохновенные аккорды песни «На солнечной стороне улицы» в исполнении свекрови Дороти.

Песня была выбрана не случайно. Покупая в 1934 году дом, Док и в

самом деле искал дом на солнечной стороне улицы: его жена обожала фиалки-синеглазки и любила, чтобы на каждом окне стояли цветы. Соседка Дороти была полноватой женщиной, но полнота ее радовала глаз, как и радушная улыбка. Эта улыбка украсила обложку ее поваренных книг и рекламных щитов по всему Среднему Западу. Тем, кто видел ее фотографию или слышал спокойный, дружелюбный и всегда веселый радиоголос, могло показаться, что эта женщина в жизни не ведала ни бед, ни тревог. Но была у нее тайна, о которой почти никто не знал, – их первенец, четырехлетний белокурый малыш по имени Майкл. Дороти думала, это обычный детский вирус или простуда, наверняка ничего серьезного. Но вдруг он забился в конвульсиях. Умер внезапно и без всякого предупреждения. Вот он смеется, живой и жизнерадостный, а на завтра его уже нет.

Врачи сказали, это была крайне агрессивная бактериальная инфекция. Что за инфекция, в больнице так и не выяснили. Невозможно примириться со смертью любимого человека, но нет ничего страшнее, чем потерять ребенка.

Мать Дока, вдова, переехала к ним, чтобы как-то помочь. Спустя некоторое время Док вернулся к работе, но Дороти ничего не могла делать – сидела в комнате сына и смотрела на его кровать.

Она не ела, несмотря на кулинарные ухищрения Мамы Смит, и не могла спать без таблеток. Хотя доктора повторяли, что ничего нельзя было сделать, она не верила. Снова и снова задавала себе одни и те же вопросы. Сотня «почему» и «что если» – и ни одного вразумительного ответа. И Док ничем не мог помочь. Даже наоборот. Ее возмущало, как быстро он оклемался, будто ничего не случилось. Даже не желал об этом разговаривать. Стоило заикнуться – просто выходил из комнаты. Она была молода и не знала, что люди по-разному справляются с горем. Док – тоже еще молодой – был не прав, стараясь взять себя в руки и быть сильным ради жены. Она не знала, что он часто уезжал подальше за пределы города и просто сидел в машине и плакал.

Рана от потери ребенка не заживала и до конца не заживет. Но через год с небольшим они оба смогли вернуться к повседневной жизни.

Тогда-то Дороти и взялась печь, чтобы отвлечься. По пять, а то и десять тортов в день. И скоро горожане стали носить с собой вилки в карманах или сумочках: всякого, кто шел мимо, зазывали отведать кусочек. Все знали, что приглашение искреннее, ибо с тортами перебор, – и заходили, и отведывали. Герта Нордстром, подруга Дороти, хозяйка бакалеи, сказала, что у нее вполтину упали продажи, оттого что Дороти

всех угощает. Тогда Дороти стала печь для бакалей Нордстромов и прослыла чудо-кондитером. Однажды рецепт ее шестислойного ананасового торта-перевертыша занял второе место в конкурсе на лучшую выпечку в Пиллсбури, и ее пригласили выступить на радио в Поплар-Блаф. Посреди интервью она упомянула, что всегда использует муку «Голден флейк – легче перышка», продажи «Голден флейк» за один вечер удвоились, а ей предложили вести собственную передачу. Вскоре на заднем дворе их дома красовалась огромная радиоантенна с красным огоньком на верхушке. Позже, когда родилась Анна Ли, Дороти с Доком снова стали прежними, хотя и не забыли светловолосого малыша. Жизнь шла своим чередом, пока вдруг не изменилась в один прекрасный день – Дороти тогда было сорок три, и они давно перестали об этом мечтать. Врач сообщил Дороти, что с ней происходят вовсе не те изменения, на которые она грешила, – это не климакс, а беременность. И как гром среди ясного неба явился Бобби – человек, изменивший их жизнь во всех смыслах слова.

Водонапорная башня

Может, оттого, что в детстве человек ближе к земле, а может, оттого, что чувства еще не потеряли остроту, но детям дни кажутся длиннее, запахи сильнее, цвета ярче, звуки громче, а смешное – еще уморительней. Бобби каждый день глядел на мир новыми глазами и чуть ли не трясся от восторга. Включи его в розетку – засветится, как лампочка в 500 ватт. Все это замечательно – для него, но у домашних было ощущение, что они живут со щенком весом в 68 фунтов, который весь день носится туда-сюда. Вот и сегодня они с Монро задумали сделать такое, чего не должны были.

Они протопали почти милю за черту города, к водонапорной башне с надписью крупными черными буквами «ЭЛМВУД-СПРИНГС», имея четкое намерение залезть на самый верх. Узнай об этом мать Бобби, с ней случился бы сердечный приступ или чего похуже. Несколько лет назад с этой башни свалился старшеклассник и разбился насмерть. Но в детстве такие факты не пугают. С тобой-то ничего не случится. Кроме того, они с Монро друг друга подзуживали, так что пути к отступлению не было.

Втайне оба немного нервничали – боялись в последнюю минуту струсить, а тогда тебя назовут слабаком. Но соблазн похвастаться перед всеми (кроме предков) был сильнее страха. И Бобби придумал, как сделать, чтобы об их подвиге наверняка узнали.

Утром он сходил в лавку «Инструменты Уоррена» и купил большой моток суровых ниток, а Монро набил полный карман воздушными шариками, которые они собирались надуть и привязать на верхушке башни, чтобы развеять сомнения самых недоверчивых. Но когда они добрались до башни и глянули на нее снизу... Верхушка, издавна казавшаяся серебристым шариком в небе, теперь была с футбольное поле величиной. До нее так высоко, что шея тут же заныла. Говорят, оттуда видно шесть штатов, а в ясный день можно разглядеть даже Айову. Может, и врут, конечно. Бобби и Монро вздыхали, пинали комья земли, потом принялись обсуждать план с шариками.

– Думаешь, надуть надо до того, как полезем? – тянул время Монро.

– Нет. Ты что, не помнишь, сто раз говорили. Если сразу надуть, кто-нибудь увидит, что мы лезем.

– А-а, ну да.

– Наверху надует, привяжем – и быстрее смываться.

Монро, коренастый рыжий мальчик с розовой кожей, вдруг

побледнел.

– Кто первым? – Он задрал голову.

Бобби с места не двинулся. Тогда Монро сказал:

– Ты придумал. Ты и лезь первым.

– Да нет, ничего, можешь ты первым, если хочешь. Мне все равно.

– Да нет уж, надо все по-честному. Ты придумал – тебе и лезть.

Монро прижал его к стенке, отступать некуда.

– Ладно, если боишься, я пойду.

– Не боюсь я, просто ты ведь придумал, вот и все.

– Тогда сам иди, раз хочешь.

Монро снова поглядел вверх:

– Я не хочу.

Бобби сказал как можно беспечнее:

– Ладно, я пойду, но помни – Мак Уоррен сказал ни в коем случае не смотреть вниз, пока не долезешь.

– Ладно.

– Ну, вперед.

Бобби вдохнул побольше воздуха, поставил ногу на первую ступеньку и начал карабкаться по узкой железной лестнице. Вскоре они поняли, что подъем обещает быть долгим и крутым. Они не учли, что чем выше, тем жарче будет припекать, тем труднее держаться за скользкие железные перила потными руками, не говоря уж о ветре, который так и норовит сорвать их и швырнуть наземь. Через час – по крайней мере, казалось, что прошел час, – они наконец достигли верхушки – еле дыша, обливаясь потом, измученные пеклом и жаждой. На крошечной круглой площадке из гофрированной стали пришлось сесть, так дрожали ноги. Лицо у Монро было таким же красным, как надувные шарiki у него в кармане.

Посидев, они собрались с силами и отважились встать и выглянуть за ограждение. Монро сказал:

– Ух ты! Под нами тыщ десять футов. Мы выше, чем на самолете, даже выше Эмпайр-стейт-билдинг!

Выше-то, конечно, не выше, но ошибиться немудрено. Бобби и Монро частенько забирались на дерево или крышу гаража, но тут и сравнивать смешно. Отсюда видать на много миль вокруг.

Бобби просто онемел. Мир-то вовсе не круглый, как глобус в папином кабинете, нет, он плоский, совсем как карта, разлинованная на коричневые и зеленые квадраты. Но когда Монро указал направо, на их родной город, Бобби второй раз в своей юной жизни испытал шок.

– Глянь, – сказал Монро, – вон церковь, а вон наша школа, узнаешь?

Бобби открыл рот. Нет, быть того не может. Элмвуд-Спрингс час назад был для него огромным городом, а оказался всего-навсего горсткой домишек и улочек не длиннее дюйма – жалкий лоскуток жизни посреди пустыни. Вон она, Мейн-стрит, главная улица: с одной стороны церковь, с другой – Масонская ложа. Черные точки не крупнее мурашей ползают туда-сюда, ездят игрушечные машинки величиной со спичечный коробок, а дома – как фишки в «Монополии».

Монро сказал:

– А вон твой дом. Видишь радиомачту на заднем дворе?

Бобби напряг глаза, всматриваясь. Точно, его дом. Вон красный фонарь на верхушке мачты, а если прищуриться, можно заметить и черную точку во дворе, что вешает белье на веревку. Потом вдруг до него дошло: черная точка – это его мама! И следом пришла в голову вторая мысль, напугав его чуть не до смерти. А что, если он стоял бы сейчас дома, на заднем дворе, а кто-то разглядывал его сверху? Ведь это он тогда был бы не крупнее муравья. Нет, половинки муравья... Не больше блохи! Для того, кто смотрит отсюда, он бы вовсе не был центром гигантской вселенной, драгоценностью, что родители берегут как зеницу ока. Для того, кто смотрит отсюда, он был бы ничем и никем, такой же черной крапинкой на планете Земля, как остальные. Его прошиб холодный пот.

– Мне надо домой, мама ждет, – сказал он. И начал спускаться.

Монро кричал вслед:

– погоди, мы же еще не надули шары. Стой!

Но Бобби не слышал. Единственным звуком в ушах был бешеный стук сердца, а единственной мыслью – как можно быстрее попасть на землю, домой, где он будет нормального размера.

А Монро, брошенный в одиночестве, драпать не собирался. Не дождетесь. Раз уж он залез на такую высоту, пусть об этом узнают. К черту Бобби Смита, он сам надует шары. Вытащив шарик из кармана, стал надувать – и вдруг вспомнил. Подбежал к лестнице и заорал вниз:

– Бобби, погоди, нитки-то у тебя!

Поздно. Бобби уже на полпути к земле.

Добежав до дома, Бобби распахнул дверь, юркнул к себе в комнату и бросился на кровать. Анна Ли была на веранде. Заметив выражение его лица, она решила, что за братом кто-то гонится. Может, Лютер Григгз, здоровенный бугай, не упускавший шанса надавать Бобби тумаков? Но нет, Лютера не видно.

Бедняга Монро проторчал на башне еще минут сорок пять, пытаясь привязать к железной ограде хотя бы один красный шарик, но все они

улетели.

А для Бобби этот день значил гораздо больше, чем неудавшаяся проказа с шариками. Он впервые увидел себя со стороны, а не из центра собственной гигантской вселенной. Ему всегда казалось, что он особенный. А получается, он всего-навсего точка среди таких же крошечных точек? Неужели такое возможно?

Потрепанная Энн

В тот вечер Бобби был на удивление ласков и после ужина, когда все вышли скоротать вечер на веранде, пристроился головой на коленях матери, сидевшей на качелях, и уснул, чего с ним не случилось лет с шести. День был необычайно жарким, и теперь все семейство, включая Джимми и собаку Дороти, рыже-белого кокер-спаниеля по кличке Принцесса Мэри Маргарет, наслаждалось прохладой. Ночь выдалась тихая, и все с удовольствием слушали стрекот кузнечиков и скрип качелей. Дороти смотрела на Бобби. Он крепко спал у нее на коленях и не проснулся, даже когда она поменяла затекшую ногу. Она убрала ему волосы со лба.

– Небось напроказил что-нибудь. Вон как убегался.

Анна Ли сказала:

– Я думала, за ним снова гонится Лютер Григгз. Днем он влетел в дом на скорости сто миль в час.

Дороти вздохнула:

– Боюсь, этот Григгз когда-нибудь его покалечит. Он уже на голову выше Бобби.

Док выбил пепел из трубки о край ступени.

– Ну, я бы не волновался. Бобби, может, и не вышел ростом, зато шустрый.

Дороти подумала и согласилась:

– Да, ты прав. На днях, пока я включала радио, он успел выскочить из дому и очутиться далеко в поле, одна макушка мелькала.

Анна Ли – подросток, которая теперь называла брата не иначе как «этот ребенок», – высказалась:

– Этот ребенок – сплошная проблема, правда, мама?

– Да, но бывает милым, если захочет. Просто возраст, наверное.

– Я была такая же? – спросила Анна Ли.

– Нет, ты была сущим ангелом. Помнишь, Мама?

Мама Смит кивнула:

– Точно. Ты была очень воспитанной девочкой. Я тебя везде с собой брала, и никаких проблем – возишься себе с куклой, не пикнешь.

– Ты очень любила своих кукол, – улыбнулась Дороти. – Одна была такая большая, ее звали Потрепанная Энн. Твоя любимица, ты с ней не расставалась.

Они посидели в тишине, послушали кузнечиков. Потом Дороти

спросила Анну Ли:

- А что, кстати, стало с Потрепанной Энн?
- Бобби оторвал ей голову.
- Ох.

Мимо торопливо прошла Тот Хутен, на вид, как всегда, совершенно измученная. Она не остановилась, но помахала рукой и крикнула через плечо:

– Мамуля снова оставила сумку в кинотеатре, надо успеть, пока они не закрылись.

Мама Смит покачала головой:

- Бедняжка Тот, это уже второй раз за неделю.
- Бедняжка Тот, – согласилась Дороти.

Через несколько минут Тот шла обратно, неся огромную сумку матери.

- Вижу, нашлась пропажа, – крикнула Мама Смит.
- Да, Снуки нашел и дождался меня, слава богу. Спокойной ночи.
- Все сказали «спокойной ночи», а Мама Смит добавила:
- Передай от меня привет маме.
- Ладно.

Когда она была уже далеко, Дороти снова вздохнула:

– Бедняжка Тот. – И вдруг вернулась к прежней теме: – Жаль, что Бобби так поступил с Потрепанной Энн. Я надеялась, ты подаришь ее своей дочери. Ты так любила эту куклу. Даже в школу с собой брала. Надо же, ощущение, что только вчера я тебя провожала в первый раз в первый класс.

– Я что, сама не могла дойти? – спросила Анна Ли. – Это же всего два квартала.

– Нет. В первый день я тебя провожала, но ты не боялась. Наоборот, радовалась. Я стояла и смотрела, как ты поднимаешься по лестнице вместе с Потрепанной Энн. Наверху ты обернулась и помахала мне рукой, потом вошла. А у меня сердце чуть не разорвалось: казалось, я теряю свою девочку. Стояла перед школой посреди улицы и рыдала в голос, на глазах у всего честного народа.

– Правда, что ли? – не поверила Анна Ли.

– О да, – кивнул Док. Он разжег трубку, затушил спичку и положил ее в пепельницу возле стула. – Твоя мама пришла в аптеку почти в истерике. Словно не в школу тебя проводила, а на грузовое судно, уходящее к берегам Китая.

Анна Ли впервые слышала эту историю.

– Ты так же расстроилась, когда Бобби в первый класс пошел?

Дороти поглядела на спящего сына:

– Нет. Мне очень стыдно, но, думаю, я испытала облегчение. За день до этого он испортил все шесть тортов, испеченных для продажи в церкви. Сковырнул все верхушки и слопал. Так что нет, я с удовольствием сдала его на время. Но мальчики другие. Вот выйдешь замуж, заведешь своего малыша – сама узнаешь.

Анна Ли потрясла головой:

– Только не я. Не собираюсь мальчишек рожать. У меня будут одни девочки.

Мама Смит засмеялась:

– Милая, дети не рождаются по заказу. Можешь сколько угодно хотеть девочку, но природа сама распоряжается.

– Тогда я не стану замуж выходить.

– Так мы все говорим, пока наш суженый не войдет в дверь. Правда, Дороти?

– Да, со мной так и было. Всем разболтала, что собираюсь в Нью-Йорк, чтобы попасть на сцену и стать второй Сарой Бернар. А потом твой папа пригласил меня на рождественский танец, и все мои планы о бродвейской карьере вылетели в окно. – Дороти поерзала на качелях, Бобби не просыпался. – Ну вот, и вторая нога затекла. Не знаю, что у него в голове, но весит она тонну.

– Может, камни, – сказала Анна Ли.

Джимми встал, зевнул и потянулся:

– Ладно, пойду, наверное. До завтра.

– Спокойной ночи, Джимми.

Дороти взглянула на Дока:

– А ты, мистер суженый, отнеси-ка сына в кровать. Мне нужно еще поработать над передачей, пока не поздно. Уже почти десять.

Док отложил трубку и взял Бобби на руки.

– Пижаму на него надевать?

– Нет. Пусть поспит одетый, ничего страшного.

– Тогда всем спокойной ночи. – У двери Док обернулся: – Спокойной ночи, мисс Бернар.

Док Смит

Док был намного старше отцов друзей Бобби, и это его беспокоило, ведь он не мог побороться со своим сыном или погонять в футбол, как другие. Впрочем, и от него бывал прок. Док, например, в юности здорово играл в бейсбол. Он по сей день оставался ярым бейсбольным фанатом и заразил этим Бобби, они вместе слушали по радио все игры и изучали статистику. Отец обучил Бобби многим тонкостям.

Док не любил охоту, зато был заядлым рыбаком и брал с собой Бобби с тех пор, как мальчик научился ходить. В половине четвертого утра, задолго до рассвета, Док заходил к нему в комнату, одевал, и оба на цыпочках выскальзывали из дому, чтобы не потревожить робинсоновских кур, иначе те перебудят всю округу. Док как можно тише заводил свой «додж» 1938 года с паршивым глушителем и ехал по проселочным дорогам к реке. В такие предрассветные часы он давал сыну отхлебнуть кофе из прихваченного с собой термоса с непременным предупреждением:

– Ладно, глоточек, только маме не говори.

Это был ритуал. Бобби казалось – они соучастники в каком-то тайном сговоре. И хотя кофе на вкус был горьким и гадким, он пил не поморщившись. Мужской напиток, и справляться с ним надо по-мужски. Иногда они ездили в компании с Гленном Уорреном и его сыном Маком, но Бобби больше нравилось вдвоем. Ему нравилось, как отец представлял его другим мужчинам в лагере – мол, это мой сын. Папу явно уважали, как тут не испытать гордость. Еще нравилось ему в лагере рыболовов «У Старины Джонсона», где они брали напрокат лодку. В хлипкой деревянной хибаре хранились удочки и рыболовная снасть. Чучела рыб всех мастей и размеров занимали каждый дюйм стены. Потеснив рыб, на стене висел календарь с красавицей в коротких шортах: она ловила нахлыстом, стоя в воде, – Бобби это казалось экзотикой. Они покупали наживку, две бутылки газировки, крекеры, банку с сардинами и венские сосиски на обед и к восходу уже были на воде. Работа Бобби состояла в том, чтобы грести туда, где в тенистой глубине прячется крупная, толстая форель и зубатка, чтобы отец забросил наживку как можно ближе к берегу. Крекеры, которыми торговал мистер Джонсон, пахли плесенью, а газировка к полудню нагревалась, но это неважно. Проголодаешься – все покажется вкусным. Иногда они возвращались со связкой рыбы, иногда попадались две-три штуки. Однажды улов был совсем скудным и папа купил у Старины Джонсона

несколько форелей. Вечером Бобби в таких подробностях рассказывал детали рыбалки – как трудно было вытянуть каждую рыбку и как она сопротивлялась, – что мама заподозрила неладное. Но Бобби было все равно, сколько они наловили, он просто любил проводить время с отцом.

А пару лет назад папа небрежно выложил на стол в кухне горсть билетов и спросил:

– Хочешь, поедem на чемпионат мира по бейсболу?

Чудо из чудес – их команда, «Сент-Луис Браунс», играла в этом году с «Сент-Луис Кардиналс», и весь штат Миссури мечтал попасть на стадион. У Дока был друг по школе фармацевтов, Люк Сьюелл, так этот Сьюелл оказался двоюродным братом менеджера команды «Сент-Луис Бразерс» и раздобыл Доку билеты. Док нашел себе замену в аптеке, а Дороти уложила чемоданы. 3 октября они вдвоем сели на поезд до Сент-Луиса с билетами на все шесть игр, если не сократят количество встреч, а они сильно надеялись, что не сократят.

Какой город! Какое путешествие! Вдвоем с отцом жить в отеле, есть в ресторане, будто они оба взрослые. На «желтом такси» они доехали до аптеки «Рексалл» в центре Сент-Луиса, чтобы повидаться с папиным другом. Бобби сфотографировался под стальной аркой «Ворота» и получил в подарок новенькую бейсболку «Браунс». Каждый день в центре города, на Норс-Гранд-авеню, они садились на трамвай и долго ехали до Спортивного парка. Стадион в первый день матча... На трибунах витал аромат лосьона после бритья «Олд спайс» и сигаретный дым, возбужденные мужчины и мальчишки всех возрастов громогласно переговаривались и спорили. Толпа людей, шум, запахи, удары биты, зеленая трава, хот-доги, жареные орешки и – глоток пива «Пабст блю рибон»! Это было слишком. Бобби так разволновался, что закружилась голова. Их команда выиграла первую игру со счетом 2:1, обнадежив зрителей, но, как и ожидалось, эту серию встреч проиграла. Но они все равно за нее болели. Оба чудесно провели время. И хотя бедолаги «Сент-Луис Бразерз» больше ни разу не пробились на чемпионат мира, Бобби, по крайней мере, вернулся не с пустыми руками. Он стал гордым обладателем настоящего, взаправдашнего бейсбольного мяча с чемпионата, который умудрился поймать его отец во время аута. Мяча, подписанного самим шорт-стопом Марти Марионом, «самым ценным игроком» Национальной лиги в этом году. Бобби с отцом простояли в очереди за автографом часа два, но оно того стоило. Вернувшись, Бобби его всем показывал и на неделю, пока все не посмотрели на мяч по несколько раз, стал большим человеком в городе. А Док прекрасно отдохнул. Что-что, а отдых ему был

необходим.

Поглядеть со стороны, так аптекарь в маленьком городке – не такая уж тяжкая работа, никакой опасности, никакой нервотрепки. Но были в ней свои тяготы, о которых мало кто догадывается. Аптекарь совмещает уйму разных обязанностей: каждый горожанин вываливает на тебя нудные подробности о болячках, а ты с великим терпением выслушивай, а в придачу птицы со сломанными крыльями, дети с порезами и ушибами, прищемленными пальцами и растянутыми лодыжками, а сколько насморков, поносов, сколько кашлей, кошачьих царапин и собачьих укусов, сколько синяков под глазом и сыпи от ядовитого плюща! И все к нему. Впрочем, помогал-то он с радостью. Тяготило другое: Док, единственный фармацевт в Элмвуд-Спрингсе, был причастен к такой сугубо личной информации и таким секретам, о которых порой лучше бы не знать. Ведь по выписанному врачом рецепту он всегда понимал, чем человек болен.

Док, например, страшно волновался за своего друга-сердечника – увидел, насколько сильные препараты ему выписаны и в каких дозах, но поделиться тревогами ни с кем не мог. Также он знал, что Бедняжка Тот Хутен получила рецепт на «антабус» и каждое утро тайно подсыпает его в кофе своему мужу Джеймсу Дуэйнсу, чтобы тот прекратил пить. Он знал, какие солдаты вернулись с войны с сифилисом, какие дамы принимают таблетки от невроза, какие мужчины лечатся от импотенции, какие женщины страдают от женских болезней, какие хотят иметь детей, а какие нет. И все это приходилось держать в себе. Особенно было трудно, когда дело касалось его семьи. Он узнал, что отец умирает, в тот день, когда увидел рецепт на морфин, задолго до дня смерти.

Но если на работе он уставал, то домашняя жизнь была для него спасительным бегством. И скучно у них дома не бывало. Взять хоть прошлую неделю, когда зашел совершенно незнакомый человек и обедал с ними.

Из-за того что автобус на Грейхаунд останавливался прямо напротив их дома, на веранде или в гостиной всегда сидел народ. Да плюс радиофанаты Соседки Дороти. Немудрено было ошибиться. Увидев входящих и выходящих людей и нарисованные на окне буквы – название радиостанции, человек решил, что это такой ресторан «УДОТ». Недурно было бы пообедать здесь перед дальней дорогой в Поплар-Блафф. Около 5.30 вечера он припарковал машину у крыльца, вошел, сел в гостиной вместе с Доком и Джимми, читающими газету, и спросил:

– Когда подадут обед?

Док не знал, кто это, но вежливо ответил:

– Минут через тридцать.

Потом человек спросил, где туалет, посетил его, вернулся и сел ждать, листая лежавший рядом журнал.

Док решил, что это один из спонсоров Дороти, – мало ли, заехал человек в город. Когда Дороти крикнула, что еда на столе, человек поднялся и вошел в столовую. Никто не спросил даже его имени, каждый подумал, что это приятель кого-то из домашних, и Дороти молча поставила еще одну тарелку. Гость основательно приложился к тушеному мясу с пюре и во время трапезы развлекал народ байками из жизни профессионального страховщика домашней птицы и рассказами, как над ним подшучивают из-за фамилии Фаулер – «Птицелов». Они и не представляли, сколько в мире разнообразных пород кур. Справившись со вторым куском кокосового торта, он откинулся на спинку стула и сказал:

– Ладно, господа, поеду-ка я, пока не стемнело, – и вытащил бумажник, спросив Дока, сколько он должен.

Дороти удивилась:

– Что вы, ничего не надо, мистер Фаулер, вы доставили нам удовольствие. Надеюсь, будете к нам заглядывать всякий раз, как поедете мимо.

В этот вечер мистер Чарли Фаулер покинул Элмвуд-Спрингс в уверенности, что нет на земле города дружелюбнее. Потом он часто заезжал в гости, и ему были рады.

Обыкновенный день

В обычный будний день Джим Хед, постоялец Смитов, всегда просыпается первым. Он встает около половины пятого, идет в кухню, варит кофе, выпивает чашку и до пяти утра уходит. В такую рань свет в городе зажигают только в бакалее Нордстромов, которые открываются в 7.30, но в кафе «Трамвай» к шести уже полно желающих позавтракать. Док и Мама Смит тоже ранние пташки, в 5.30 они обычно появляются на кухне и вместе пьют кофе. Дороти к 6.30 умыта-одета. Она выходит на кухню и начинает день с того, что ставит в духовку противень с радио-печеньями, а потом кормит Принцессу Мэри Маргарет и двух желтых канареек – Клецку и Мой. Если на дворе лето, Бобби встает в 7.00, а Анна Ли выплывает в кухню к половине девятого – ей нужно побольше спать, чтобы быть красивой. В аптеку Док отправляется к 7.30, открывается в 8.00.

В 9.20 уже прошли разносчики молока, мороженого и хлеба, а из соседнего дома приходит Беатрис – Слепая Пташка Певчая, – она каждый день поет для передачи. Они с Мамой Смит, которая аккомпанирует ей на маленькой фисгармонии, идут в гостиную репетировать песню Беатрис. Дороти и Принцесса Мэри Маргарет подтягиваются к началу передачи – в 9.25.

Принцесса Мэри Маргарет виляет хвостом, приветствуя всех, кто зашел на передачу, а то запрыгнет кому-нибудь на колени и устраивается поудобнее. Когда же не в настроении, лежит в своей корзинке под столом Дороти. (Многие замечали, насколько собака воспитана лучше Бобби.) Потом Дороти приветствует зрителей – обычно это ожидающие автобуса или дамы из женского клуба. Дороти садится, в последний раз пробегает взглядом план передачи и рекламные тексты и выглядывает в окно, чтобы сообщить аудитории самые свежие сведения о погоде. Ровно в 9.30 мигает красная лампочка на стенке фисгармонии – сигнал «в эфире», и Мама Смит берет первые ноты вступительной мелодии. Программа начинается... А весь город и его окрестности уже сидят у радиоприемников.

Сегодня в пятнадцати милях от города миссис Элнер Шимфисл, фермерша, широкая в кости, с простым, но приятным лицом, вышла во двор с бело-голубой кастрюлей и принялась разбрасывать корм. Со всех сторон к ней кинулась птица – в основном петухи род-айлендской породы. Пригнув головы, они сражались за каждое зернышко. На миссис Шимфисл был новый передник в зеленую клетку поверх выцветшего платья в

цветочек и удобные белые старушечьи туфли.

Щурясь от солнца, она посмотрела вдаль, углядела мужа, бредущего за плугом, который тянули два черных мула, и позвала:

– Эгей, Уилл!

Маленький человечек в громадной соломенной шляпе остановился, помахал рукой и вернулся к работе. Опустошив кастрюлю, она отнесла ее к водяному насосу, сполоснула и повесила сушиться на торчащий в стене дома гвоздь, рядом с большим железным корытом. Снова взглянула на солнце, вытерла руки о передник и, решив, что, пожалуй, пора, вернулась в дом. На ногах с четырех утра, она успела подоить корову, собрать яйца, приготовить завтрак мужу, вымыть пол в кухне, повернуть постирушку, развесить белье, замочить мужнин рабочий комбинезон, нарезать цыпленка и закрутить шестнадцать банок инжирного варенья. Пожалуй, можно себе позволить посидеть минутку. Налив чашку кофе и приготовив карандаш и блокнот, чтобы записывать рецепты, миссис Шимфисл включила радио, настроенное на волну УДОТ, – единственную станцию, которую в таком захолустье слышно почти без помех. И тут как раз объявили «Соседку Дороти». За последние шестнадцать лет она ни разу не пропустила эту программу.

Помимо «Соседки» миссис Шимфисл слушала только «Евангельские чтения», фермерский отчет и музыку кантри в программе «Грэнд оул оупри». Соседка Дороти начала, как всегда, бодро:

– Всем доброго утра. Как поживаете? У нас в Элмвуд-Спрингсе чудесная погода, надеюсь, как и у вас, где бы вы ни были. Сегодня столько прекрасных новостей, столько специально приглашенных гостей... Нет-нет, молчу, все по порядку. Прямо передо мной в нашей гостиной сидит человек, с которым, я уверена, вы давно мечтаете пообщаться. Мистер Мило Корабель приехал из самого Нью-Йорка, чтобы рассказать нам о своей новой книге «На вершине холма под дождем», и нам не терпится об этом услышать. А еще мы хотели бы поприветствовать других гостей в студии.

У нас тут шесть дам из клуба садоводов «Клэр де люн», сегодня они едут в Сент-Луис на большую цветочную выставку (Мама Смит сыграла несколько аккордов из песни «Встретимся в Сент-Луисе»), и я уверена, что разговор с ними принесет массу удовольствия. Еще вы услышите старых знакомых – Руби Робинсон и Беатрис, Слепую Пташку Певчую, которая поет... что?.. «Я люблю человека с Луны». Кроме этого, в нашем музыкальном меню на сегодня сестры Гуднайт, которые обещали заскочить чуть позже и спеть в честь заезжего гостя песенку под названием «Мой

милый попал на корабль». Они говорят, что песня грустная, но ничего другого со словом «корабль» они не исполняют.

Прежде чем приступить к интервью, хочу передать огромное спасибо моему новому спонсору, детскому питанию «Верна Клэпп», и чуть позже мы поговорим об этом поподробней. Кстати, если вам невдомек, что это за звуки, не беспокойтесь, это не ваше радио барахлит. Фокстерьер Бедняжки Тот снова подгуляла, и звуки эти доносятся из коробки с дюжиной щенков – самых, причем, симпатичных в мире, правда, мистер Корабель? Он кивнул.

Мама Смит сыграла первую строчку песни «Сколько стоит та собачка на окне?», и Дороти засмеялась:

– Вообще-то Тот отдает их совершенно даром, главное – в добрые руки. Она говорит, здесь пять мальчиков и семь девочек, но это еще требует проверки. Мы знаем, кто их мать, но насчет отца Тот не имеет ни малейшего представления. Мне лично кажется, что к этому причастен эрдель, что живет неподалеку, так что приходите и выбирайте себе друга.

А еще, пока не забыла, хочу сказать, как мы благодарны за ваши отзывы на сборник рецептов сладких блюд. Миссис Френсис Клевердон из Ардена, штат Оклахома, пишет:

Дорогая Соседка Дороти,

Я считаю вашу идею сборника рецептов сладких блюд замечательной и с удовольствием ставлю ее в один ряд с нессельдорским пудингом.

Спасибо, Френсис. И я вижу, у нас сегодня есть несколько предложений на обмен. Миссис Ирен Нефф из Элктона спрашивает в письме, нет ли у кого красно-коричневых мужских тапочек шестого размера с черной индийской вышивкой и не хочет ли он обменять их (или хотя бы одну левую) на четыре чайные салфетки. А еще миссис Клодия Грэм из Блю-Спрингса ищет пудру «Леди Эстер». Ей нужна коробка, а не сама пудра, и в обмен она предлагает бутылочку от духов «Вечер в Париже». Но прежде чем мы перейдем к интервью и песням, надо объявить победителя конкурса «Ваше самое смешное происшествие». Итак...

Мама Смит изобразила фанфары.

Дорогая Соседка Дороти,

Однажды я терла свою раковину на кухне, но чище она не становилась. И вот заходит моя дочь и спрашивает, зачем я сыплю сухой пармезан в раковину. На следующий день муж повел меня к окулисту.

Подписано: «Миссис Мина Флит из Маунт-Стерлинг, штат Кентукки».

Мои поздравления! Вы выиграли пятифунтовый пакет муки «Голден флейк», – муки, из которой получают такие печенья, что вся семья кричит: «Вкуснота!» Я прекрасно вас понимаю, Мина: сама никак не выберусь за очками. Ну хорошо, о чем мне еще нужно сегодня не забыть? Ах да. Джеймс Хутен закончил с домом Уотлесов и свободен. Он приглашает: краски ваши – работа моя, звоните. Что еще? Что? А-а, Мама Смит говорит, я забыла задать вопрос недели. Простите, девочки, понедельник – день тяжелый, наверное, я тарахчу как сорока, но столько всего произошло! Так, где же вопрос? Был же где-то.

Тут в холле раздался телефонный звонок.

– А-а, вот он, нашла. «Какая ваша любимая кухонная утварь и почему?» Разве мы его уже не задавали, Мама Смит? Она говорит – нет, значит, и впрямь не задавали. А тому, кто звонит мне сейчас по телефону, придется перезвонить через полчаса, я в эфире. Звоните после десяти. (Телефон замолчал.) Простите, девочки, я на минутку.

Дороти прикрыла рукой микрофон:

– Бобби! А ну положи на место!

На веранду поднялся человек, перегнулся через подоконник в гостиную и вручил Дороти записку, которую она тут же прочитала в микрофон:

– Мерл сообщает: «Если в субботу пойдет дождь, пикник Клуба Лосей будет перенесен в Зал собраний Американского легиона, через дорогу». Хорошо. Спасибо, Мерл, но давайте надеяться, что дождя не будет. Следующий номер программы – интервью с нашим знаменитым автором из далекого Нью-Йорка, который расскажет нам все о своей новой книге, и я уверена, вам это будет интересно.

Дороти дотянулась до бумажки, приклеенной скотчем – чтобы не забыть – к коробке блинной муки «Голден флейк», стоящей на столе.

– Кстати, коли уж разговор о книге, вот для вас интересный факт, мистер Корабель. Вы знали, что некая миссис Патриция Леннон из Сент-Поля, штат Миннесота, прибираясь на чердаке, наткнулась на библиотечную книгу, просроченную на двадцать три года? Сумма библиотечного штрафа за невозврат составила около трех тысяч долларов. Название книги? «Как улучшить память». Так что смотрите возвращайте книги вовремя. Но, прежде чем передать микрофон мистеру Корабелю, позвольте вас спросить: вы никогда не мечтали о путешествии к югу от границы, в сторону Мексики? – Соседка Дороти кивнула Маме Смит, и та немедленно изобразила мексиканскую мелодию. – Люди из «Ниблетс»

уверяют: скука убивает, пряность оживляет. Да здравствует новый «Ниблетс Мексикорн»! Цельнозерновая кукуруза, смешанная с красным и зеленым перцем. Теперь вы сможете устроить настоящий мексиканский праздник прямо в собственной кухне, и вся ваша семья будет кричать «Оле!».

Мистер Корабель, писатель, художавый человек в галстукe-бабочке, сидел на веранде, ошеломленный, в плетеном кресле – в руке печенье, на колени взгромоздился большой кокер-спаниель, а вокруг, терзая взбивалку для яиц, носится мальчишка. Отдыхавшие на веранде восемь человек внезапно вскочили, подхватили чемоданы и кинулись к просигналившему автобусу до Грейхаунда, а один из щенков, опровергая поговорку «милый как щеночек», вылез из картонной коробки и принялся с аппетитом жевать шнурок писательского ботинка.

Несколько детей не старше шести из детского сада, организованного на заднем крыльце дома, то и дело заскакивали за печеньем или потискать щенков, а из-за угла дома выглядывали две девчонки-подростка и, хихикая, таращились на него. Внезапно мимо прошеествовали две одинаково одетые женщины средних лет – это были Ада и Бесс Гуднайт. Они сели перед микрофоном и превосходно исполнили жуткую песню об утонувшем «Титанике», радостно кивая писателю, улыбаясь и помахивая руками. Он через силу кивал в ответ и криво улыбался, не понимая, какого черта он тут делает и о чем думали издатели, посылая его в этот дурдом. Пересечь всю страну, оказаться невесть где – зачем? А они так расписывали, что эта, как ее, Соседка Дороти продала через свою программу больше книг, чем весь Средний Запад. Но теперь, глядя на непримечательную пампушку-домохозяйку, сидевшую за столом, на котором громоздились ворохи бумаг, горшки с цветами, зеленый керамический кот и аквариум с золотой рыбкой, писатель Мило Корабель с трудом в это верил.

Спустя двадцать девять минут, одно интервью и три рецепта Дороти подняла глаза и произнесла:

– Ох уж эти строгие старинные часы на стене... Я вижу, время истекло. Так приятно каждое утро сидеть и болтать с вами, потягивая кофеек. Пообщаешься с друзьями – и так хорошо на душе. А когда я заглядываю в почтовый ящик и вижу, сколько писем от вас пришло, я чувствую себя миллионером, так что знайте: я буду по вам скучать до следующей встречи. Возвращайтесь завтра, хорошо? Соседка Дороти и Мама Смит желают вам хорошего дня, дорогие!

На отдаленной ферме Элнер Шимфисл встала, выключила радио,

выплеснула в раковину остатки кофе. Лучше бы Соседка Дороти раздавала котят, а не щенков. Уилл обещал, что в следующий раз, как она станет предлагать котиков, они поедут в город и возьмут одного. Элнер приколотла сегодняшний рецепт к остальным и записала название книжки того человека, что был в передаче. Она была не ахти какой читательницей, но эта книжка вроде ничего. И день потек дальше. Но у Элнер было такое радостное чувство, словно в гости заглянула подруга.

Что же до мистера Корабеля, он понятия не имел, как ему повезло, что Соседка Дороти согласилась пригласить его на передачу. Огромное число ее слушателей из пяти штатов, если не больше, знали, что она никогда ничего не станет рекламировать зазря. И были совершенно уверены, что если книга понравилась Соседке Дороти, то им она тоже должна понравиться.

Через три недели мистер Корабель сидел в офисе своего издателя, а все вокруг наперебой повторяли: «Я же тебе говорил». Пришлось ему признать, что поездка на Средний Запад была не такой уж глупой затеей и напрасно он, значит, так громко возмущался по возвращении в большой город. К его удивлению, роман «На вершине холма под дождем» вдруг подскочил до третьего места в списке бестселлеров «Нью-Йорк таймс», куда автора прежде ни разу в жизни не заносило. Кто бы ожидал! Но не один мистер Корабель удивлялся Соседке Дороти. Оказывается, эта женщина многое могла изменить – и сейчас, и годы спустя.

Гуднайты

Хотя мистер Мило Корабель и решил, что сестры Гуднайт, которые пели и жестикулировали в унисон, несколько не в себе, горожане, знавшие их всю свою жизнь, не находили в близнецах ничего странного.

Разумеется, когда они родились, это вызвало немалый фурор. Близнецы были редкостью, и народ со всей округи приезжал полюбопытствовать. Их мать, Хейзел Гуднайт, в то время начальница почтового отделения, выставляла их на обозрение всем желающим в задней комнате почтамта, пока им не исполнилось по пять лет.

Хейзел утверждала, что они однояйцевые близнецы, и одевала их соответственно, но это было не так. Ада, родившаяся на полторы минуты раньше, платя носила на размер больше и всегда была на десять фунтов тяжелее Бесс, но чтобы доставить удовольствие матери, они продолжали носить одинаковое – и одежду, и прически: завивали короткие волосы в мелкие завитушки и в парикмахерскую приходили в один день. Две добродушные, дружелюбные сестрички слыли в городе юмористками. Спрашиваешь, к примеру, одну – ответит другая. Они были настолько близки, что заканчивали друг за друга фразы. После нападения на Перл-Харбор Ада, которая всегда была храбрее сестры, приняла случившееся как личное оскорбление и на следующий день всех удивила. Она поклялась всеми силами помогать «стереть япошек с лица земли» и собрала чемодан. В эту клятву поверило большинство горожан, ведь в 1936-м Ада вывела женскую команду по софтболу в чемпионат штата. Ада имела некоторое представление о самолетах, поскольку встречалась с Верном Саттлом, пилотом кукурузника, и потому записалась на программу подготовки летчиц ВВС США. Занятия проходили на Поле мести в Суитуотер, Техас. Подготовка была жесткой, многие выбыли. Аде приходилось несладко, но в письме домой она пожаловалась только на две вещи: слишком мало мужчин и слишком много насекомых.

Когда Ада поступила на военную службу, ее сестра Бесс развернула боевые действия на домашнем фронте. Она приняла на себя обязанности начальника офиса телеграфа «Вестерн юнион» в центре города, кроме того, стала добровольцем Красного Креста и все свободное время помогала раздавать еду на железнодорожной станции. Вскоре после начала войны Соседка Дороти организовала женский комитет по приему воинских эшелонов, проходящих через Элмвуд-Спрингс, чтобы их встречали горячим

кофе, пирожками и домашним печеньем. Большинство солдат были просто напуганными мальчишками, старались храбриться, но все равно бросали в окна бумажки со своим именем и адресом в надежде, что какая-нибудь девушка станет писать им письма. В конце войны Элмвуд-Спрингс гордился тем, что ни один мальчик, бросивший в окно поезда такую бумажку, не остался без ответа. Всю войну девушки по вечерам часами отвечали на письма. С утра, накрасив губы помадой, они помечали конверты большим красным поцелуем. Сотни коробок с печеньем, пряниками, конфетами и вязаными носками были отправлены за море. В обязанности Бобби и Монро входило бегать по всему городу, собирать письма и приносить в почтовое отделение, чтобы отправить их с первой почтой. Мак Уоррен, симпатичный светловолосый парнишка, слишком юный для военной службы, был недоволен, что его девушка, Норма, пишет такому количеству солдат, однако молчал. Непатриотично ревновать к воинам. Солдаты, не успевшие до войны обзавестись своей девушкой, просили прислать карточку. В результате фотографии Анны Ли, Нормы, Петси Мэри и прочих девочек побывали в сражениях на другом конце света, радуя незнакомых ребят. За эти годы солдаты, которым редко писали из дому, крепко сдружились с подругами по переписке из Элмвуд-Спрингса. Но не все писавшие были молодыми девушками. Бесс Гуднайт, замужняя тридцатилетняя женщина, писала восемнадцати солдатам и подписывалась: «С любовью, Бесс Гуднайт». Всем своим мальчикам она послала фото Риты Хейворт. После войны несколько ребят приехали познакомиться с той, чьи письма так поддержали их в трудные годы. Все войны сводят людей, которые иначе могли бы не встретиться. Например, Ада Гуднайт, получив в 1943-м крылышки на погоны, поехала на выходные в Нью-Йорк и столкнулась там со знаменитостью – с настоящей голливудской звездой.

В тот вечер Ада вместе с девушками из ее эскадрильи отправились в город и оказались в одном известном ночном клубе, где ее пригласили танцевать.

Потом она рассказывала:

– В клубе «Эль Морокко» я танцевала румбу с кинозвездой и даже не догадалась. Симпатичный невысокий парнишка пригласил меня на танец и, когда я встала, схватил за руку и давай крутить. Дергал, швырял туда-сюда, мотал по всему залу, потом я наконец вернулась на место отдышаться, и тут – представляешь, Анна, – человек за соседним столиком и говорит: «Вы, может, не в курсе, девушка, но вы плясали румбу с мистером Джорджем Рафтом!» Какой душой я себя почувствовала! Не только Джорджа Рафта не

признала, но даже не поняла, что румбу танцевала!

После этого у Ады было много волнующих и опасных приключений. В обязанности ее эскадрильи входило летать над артиллерийским стрельбищем с длинной мишенью из белого шелка, чтобы наши солдаты могли упражняться в стрельбе по вражеским самолетам. Некоторые не слишком опытные снайперы нередко промахивались. Ада писала Бесс: «В меня столько раз попадали, что хвост самолета напоминает швейцарский сыр».

Жизнь родного города протекала, может, не столь ярко и опасно, как жизнь Ады, но все были сосредоточены на победе. Соседка Дороти подкорректировала свои радиорецепты, убрав из них вовсе или уменьшив количество дефицитных продуктов – сахара и жира, масла и мяса. Повсюду разбивали «огороды победы»^[4], а Док Смит был уполномоченным по гражданской обороне. Несколько раз они репетировали светомаскировку с отключением электричества, хотя мало кто по-настоящему верил, что японцы или немцы изменят запланированные маршруты ради того, чтобы атаковать Элмвуд-Спрингс. Но даже если не брать во внимание слабую угрозу авианалетов, годы войны, как и везде, принесли городу несчастья и перемены. В 1942-м футбольная команда выпускников школы Элмвуд-Спрингса после выпускного бала целиком записалась в добровольцы, и вернулись не все. Нордстромы, хозяева пекарни, потеряли своего мальчика Джина в битве при Иводзиме в 1944-м, несколько ребят из окрестных ферм тоже погибли. Некоторые женщины и девушки постарше, кто подался на заработки в большие города, вернулись с амбициями и другим отношением к жизни. Ада Гуднайт сказала сестрам, что коли она смогла летать, значит, для женщин нет предела возможностей, – и доказала это. Она привезла домой мужа и гордо представила его всему городу, а вскоре открыла собственную летную школу. Парни возвращались с войны посерьезневшими. Но даже те, кто остался дома, повзрослели слишком быстро, и Анна Ли не была исключением.

В том возрасте, когда ей полагалось только бегать на танцульки, наряжаться и веселиться, она получила письмо.

24 октября 1945

Йоркшир, Англия

Дорогая мисс Смит,

С сожалением сообщаю, что Ваш друг, рядовой 1-го класса Гарри Кроуфорд, Армия США, сегодня утром скончался в госпитале от

полученных ран.

Хотя я знала его не так долго, могу сказать, что он был славный парень и до самого конца служил примером храбрости и достоинства.

Если это принесет хоть малейшее утешение, знайте, что Ваши письма и фотокарточка доставляли ему радость вплоть до последнего дня. Поскольку я лично читала их Гарри, я решилась написать Вам и вернуть письма и фото, а также принести глубочайшие соболезнования.

Глинис Нил, медсестра,
Госпиталь ветеранов

Мать пыталась ее успокоить, но впустую, оставалось только сидеть и слушать всхлипывания Анны Ли.

– Ох, мама, мне так стыдно, я не ответила на его последнее письмо. Подумала – раз война закончилась, это уже неважно, напишу я или нет... А теперь поздно. Мне так плохо. Хочется умереть.

Вскоре после этого Анна Ли торжественно заявила семье, что приняла решение никогда не выходить замуж и посвятить свою жизнь работе медсестры. Мать ей сказала:

– Дорогая моя, это прекрасно, но давай подождем до окончания школы, а там будет видно.

Дороти и вправду не возражала. Как говаривала ее соседка, медсестра Руби Робинсон, «сестринское дело – хорошая, надежная профессия». Просто Дороти не была уверена, что Анна Ли не изменит своего мнения. В прошлом году Анна Ли объявила, что станет профессиональным конькобежцем и будет путешествовать по всему миру. Довольно странное решение для особы, которая ни разу в жизни даже близко не подходила к ледовой дорожке. Мама Смит тогда заметила, что девочка, видимо, пересмотрела фильмов с Соней Хени^[5].

Пташка Певчая

После войны народонаселение в городе почти не изменилось – появились лишь муж Ады Гуднайт и Марион с ребенком, невестка Нордстромов, которые поселились в их доме. Беатрис Вудс, известная своим радиопоклонникам как Слепая Пташка Певчая, переехала в Элмвуд-Спрингс весной 1945-го. Официально она была постоялицей Руби и Джона Робинсон и платила за комнату, однако приходилась Руби дальней родственницей. И для всего Элмвуд-Спрингса ее приезд был огромной удачей. Как сказала Соседка Дороти, «все оказались в нужном месте в нужное время».

Нужным местом в этом конкретном случае послужили похороны миссис Лилиан Спротт, старшей сестры Руби. Руби с Джоном поехали прощаться с ней во Франклин, штат Теннесси. Беатрис Вудс, племянницу Лилиан по линии мужа, попросили спеть на похоронах. В то время Беатрис с отцом жили на маленькой ферме за городом.

Слепая с рождения, Беатрис провела девятнадцать лет своей жизни практически не выходя из дому. Радиоприемник «Филко» был ее единственным окошком в мир. Кроме церкви по выходным да редких прогулок она проводила дни наедине с приемником и выучила много мелодий.

С того момента, когда она впервые спела в церкви, слава ее стала расти и быстро разлетелась по округе. Люди издалека приезжали послушать слепую девушку с голосом ангела. Однажды в воскресенье заезжий священник был растроган до слез красотой ее высокого, чистого, почти неземного голоса и сказал, что девочка поет, как певчая птица на рассвете. С тех пор ее называли не иначе как Слепая Пташка Певчая из Теннесси.

В день похорон Лилиан Спротт, когда священник подал знак, отец Беатрис провел дочку в белом платье по проходу, усадил на стул и положил ей на колени цитру. Она спела старинный церковный гимн «Кто-то ждет меня там, наверху» и закончила службу песней «Будет покой в долине».

Когда она умолкла, в церкви не осталось ни одной пары сухих глаз. Женщина, почти не знакомая с усопшей, заметила, что старую Лилиан сегодня наверняка будут воспевать на небесах, заслужила она того или нет. Джон Робинсон шепнул Руби, что надо отвезти Беатрис спеть в программе Соседки Дороти. Дороти всегда искала таланты. Отец спросил Беатрис, хочет ли она поехать. Она не задумываясь сказала «да» и через два дня

спела по радио песню «Всегда».

Заезжие артисты в передаче были делом привычным. За годы работы в эфире Дороти представила слушателям многих певцов. Всего неделю назад двенадцатилетний Ян Барнард, которого называли не иначе как Удивительный Танцующий и Поющий Мальчик из Уиндзора, прибыл из самой Канады и устроил бум, танцуя чечетку под песню «Если бы вы знали Сузи». Но никогда раньше после единственного выступления не было такого широкого отклика, как после появления в эфире Беатрис Вудс. Звонки и письма затопили радиостудию, все хотели еще раз услышать Слепую Пташку Певчую из Теннесси. И в следующий раз Беатрис спела «Старого пастуха», песню про собаку. Каждый, кто пережил смерть своего любимца, и даже те, кто не пережил, плакали, включая Соседку Дороти, которая выбежала из гостиной, а когда вернулась, с трудом закончила эфир. В магазине инструментов помогавший отцу пятнадцатилетний Мак Уоррен так затосковал по своей собаке Тесс, что наревел себе температуру, и пришлось отправить его домой. Пташка стала настоящей звездой, и Дороти попросила ее появляться в передаче каждую неделю, а компания «Мука Голден флейк – легче перышка» согласилась оплачивать ей пансион. Отец отвез ее обратно в Элмвуд-Спрингс, на этот раз прихватив ее одежду и радиоприемник. Оказалось, Беатрис знает сотни песен и может петь все что угодно: гимны, популярные песенки, госпел, кантри – только назови. Очень скоро ее завалили заявками, и она стала выступать в передаче каждый день. Раз теперь она жила в Миссури, слова «из Теннесси» откололись от ее сценического псевдонима, и она осталась просто Слепой Пташкой Певчей. Ходить ей особо было некуда, поскольку Руби с Джоном жили по соседству со Смитами. Док протянул веревку от задней двери их дома к своей веранде, и теперь Беатрис без труда находила дорогу туда и обратно. Это отлично работало, если не было дождя. В обратном случае ей было велено дожидаться на заднем крыльце, чтобы кто-то пришел и отвел ее.

Тайна

Бобби первым узнал тайну Беатрис. Одним дождливым утром Дороти выглянула в окно кухни. Увидев, что дождь и не думает прекращаться, она велела привести Беатрис. Бобби доел завтрак, сказал «о'кей» и направился к двери, но был остановлен:

– Бобби, возьми зонт.

Бобби застонал. Не потому что не хотел идти за Беатрис – нет, она ему нравилась. Не нравился ему зонт. Ворча под нос, он открыл стенной шкаф в прихожей, с трудом раздвинул тяжелые зимние пальто и извлек на свет огромный черный зонтище, к которому питал ненависть, и, похоже, взаимную. Помимо того что костлявое создание было с него ростом, оно еще обладало гнусным, злобным характером и на все имело свое мнение. Одна спица вечно выскакивала, и пока ее поставишь на место, вылетят еще три-четыре. Другая проблема состояла в том, чтобы выдворить зверюгу за дверь, не свалившись при этом со ступенек. Мама Смит запрещала раскрывать зонт в доме: дурная примета, но пока откроешь его под дождем, вымокнешь до нитки, и какой тогда в нем смысл.

Бобби отволлок чудовище к задней двери, надавил изо всех сил, зонт раскрылся, одна вреднючая спица, как всегда, торчала оголенной шпагой. Ну и шут с ней, решил Бобби и протиснулся в дверь. Беатрис, готовая к выходу, ждала – в желтом дождевике, резиновой шляпке и галошах, без которых Сестра Руби не выпускала ее, хотя ходу здесь две минуты. Беатрис поздоровалась прежде, чем он открыл дверь с москитной сеткой:

– Привет, Бобби.

Она узнала его по тому, с какой скоростью он взлетел по ступеням.

Они шли рука об руку и болтали.

– Что сегодня будешь петь, Беатрис?

– Пока не знаю. А чего бы ты хотел?

Бобби задумался. Они огибали большую лужу.

– Как насчет «Холодная, холодная вода»? – Бобби всегда начинал с ковбойских песен. – Или, может, «Апрельские дожди»?

Беатрис кивнула:

– Обе хороши.

Мама Смит ждала их в конце пути и открыла дверь.

– Погодка что надо, верно? Заходи и давай-ка снимем с тебя эту мокрятину.

Беатрис нравилось каждое утро приходить к Смитам. Это был для нее настоящий праздник – с запахом теплого, свежее испеченного печенья, гомоном снующих туда-сюда людей и целым автобусом фанатов, приехавших на передачу. Полная противоположность тишине комнат, где она проводила большую часть времени.

В доме Робинсонов, где царил страх Сестры Руби перед всякими вирусами («Нет в природе такой заразы, которую я не смогу убить!»), всегда витал запах дезинфекции. После передачи Беатрис обычно оставалась обедать и возвращалась после полудня. В тот день дождь так и лил не переставая, и, чтобы проводить Беатрис, Бобби был вызван с чердака, где его танк, подозрительно похожий на большую спичечную коробку, косил армию глиняных солдатиков. Когда они выходили, Беатрис услышала, как Бобби бормочет, сражаясь с зонтом, и шепнула:

– Брось его, Бобби. Пойдем так.

У Бобби загорелись глаза.

– А промокнуть не боишься?

– Нет. Тебе не кажется, что гулять под дождем гораздо веселее?

– Ага!

Она сдернула свою непромокаемую шляпу и сунула в карман:

– Идем!

Через десять минут Бобби и Беатрис бегали взад-вперед по улице, шлепали босиком по всем встречным лужам. И тут Руби Робинсон, только что вернувшаяся с работы, выглянула в окно и узрела их чуть ли не в квартале от дома. Она выскочила на веранду и завопила, чтоб они немедленно шли домой. Ее беспокойство носило чисто медицинский характер: она чувствовала себя ответственной за здоровье квартирантки.

Оба проказника промокли до нитки. Когда они поднялись на крыльцо, Руби была вне себя.

– Ну, знаете ли, слыхала я о людях, которым хватает глупости гулять под дождем, но собственными глазами вижу такое впервые. Бобби Смит, уж от тебя-то я не ожидала. Подумать только, потащил бедную слепую девочку мокнуть под ливнем.

Беатрис вступилась за Бобби:

– Он не виноват. Я сама захотела погулять.

Сестра Руби смотрела на Бобби, с которого уже порядком натекло на ее коврик у двери. Переставив его на газету, она сказала с некоторым скепсисом:

– Сама или не сама – какая будет разница, когда вы оба помрете от воспаления легких? Не стыдно – подвергать себя риску ради глупой

забавы? Удивлюсь, если вы переживете эту неделю.

Несмотря на ее зловещие предсказания, никто не заболел – ни кашля, ни чиха. Какое разочарование для Сестры Руби, которая вела температурный дневник всю неделю. На седьмой день, не выявив ни малейшего симптома простуды, она сдалась. Поднеся термометр к свету и снова увидев 36,6, она сказала:

– Ладно, но знайте – на сей раз вам просто повезло.

Вечером того же дня она говорила Дороти:

– Представь, если бы девочка слегла от пневмонии и отдала концы, живя под одной крышей с дипломированной медсестрой, что бы люди подумали? В конце концов, я отвечаю за здоровье всего общества и отношусь к этому серьезно.

Соседка Дороти сказала:

– Я знаю, и все это ценят, просто...

Руби не слушала.

– Беатрис восприняла происшествие легкомысленно, ей-то что, а мне, между прочим, нужно поддерживать репутацию медицинского работника. Как, скажите на милость, мне давать медицинские советы по радио, если моя собственная квартирантка окочурится прямо у меня на глазах?

Дороти старалась проявить сочувствие и такт.

– Руби, я знаю, как ты за нее беспокоишься, и это очень мило с твоей стороны, но тебе не кажется, что иногда ей нужно хоть немного свободы?

Руби фыркнула и закинула за плечо конец голубого капора.

– Свободы? Ну, Дороти, если подвергать здоровье риску ты называешь свободой, то нет, не кажется.

Убеждать Руби – дохлый номер, но Бобби с Беатрис считали так: меньше знаешь – крепче спишь. С этого дня Беатрис брали в разные секретные экспедиции, о которых Сестра Руби не догадывалась. То дикая поездка на тачке или путешествие в Блю-Спрингс на мотоцикле приятеля Анны Ли, то прогулка галопом на спине старого мула, которого где-то одолжил Монро, то катание со снежной горки на сплющенной картонной коробке.

Застукали их всего однажды. Некий доброжелатель поведал Руби:

– Кстати, я видел нынче вашу квартирантку Беатрис на ярмарке, они с Бобби Смитом катались на американских горках и вопили во все горло.

Информация оказалась достаточно серьезной, чтобы Руби надела не только официальную медсестринскую шапочку, но и капор, и немедленно отправилась к дому Смитов жаловаться. Даже Дороти была немного озадачена, представив слепую девушку на американских горках.

– А если бы она вывалилась и сломала себе шею? – распекала она потом Бобби.

Бобби оставалось только благодарить небо, что Сестре Руби не доложили о других аттракционах, на которых они с Беатрис в тот день отрывались: Петля, Удар молнии, Хлыст, Дикая мышь, Гусеница и электромобили с бампером. Особенно на последнем было круто. Что Бобби вытворял! Они оба могли пострадать. Он выжимал из машины максимальную скорость, врезался во всех подряд, носился по площадке как ненормальный, голубые электрические искры у них над головой так и брызгали во все стороны. И Монро – демон скорости – в ответ нападал беспощадно и яростно. Не говоря уж о том, что Лютер Григгз так крепко врезался в них сзади, что они оба едва не вылетели из машины. Но Беатрис понравилось все. В конце она воскликнула:

– Ой, Бобби, давай повторим!

И они повторили. Даже дважды.

Этим летом Бобби раскрыл ее тайну. Тайну, о которой люди ни в жизнь бы не догадались, глядя на эту милую, спокойную девушку, почти небожительницу. Беатрис Вудс была с дичинкой. Она мечтала о романтике и приключениях. И больше всего на свете любила скорость.

Анна Ли

Сестра Бобби и две ее лучшие подруги, Норма и Петси Мэри, росли вместе. Отец Нормы управлял единственным в городе банком. Родители Петси Мэри, Мерл и Вербена, заведовали химчисткой «Голубая лента». Петси Мэри была из их троицы самой успевающей ученицей, но далеко не красоткой. Как выразилась ее тетка, «у бедняжки на лбу с шести лет написано, что коротать ей век старой девой, школьной училкой». Но Петси Мэри была славной девочкой. Все трое были славными, а мелкие огрехи можно списать на то, что сейчас они переживали фазу «мой киногерой».

Всякий раз, как в элмвудский кинотеатр привозили новую картину, они сидели на двенадцатом ряду в центре. Актеров любили разных. У Анны Ли в этом месяце предметом обожания стал Дан Эндрюс. Она заполнила гору альбомов его фотографиями, вырезанными из киножурналов. Петси Мэри на тот момент сходила с ума по Алану Ледду, только что сыгравшему в «Голубом георгине». Но выбор Нормы удивлял ее подруг. Ее любимой кинозвездой был никому не известный актер по имени Уильям Бендикс, совсем не красавчик и даже не симпатяга. На вопрос «Почему он?» Норма отвечала:

– В том-то и дело. Должен же по нему хоть кто-нибудь фанатеть.

Однако школа близилась к концу, они сосредоточились на предстоящем выпускном, и страдания по звездам экрана отошли на второй план. Норма пойдет на бал, разумеется, с Маком, Петси Мэри, как всегда, со своим кузеном. Анна Ли единственная пока никому не дала согласия. Их больше волновал вопрос, что надеть. Все как одна старшеклассницы требовали купить им выпускное платье в магазине, ведь надеть бальное платье домашнего пошива все равно что написать на лбу огромную красную букву «Д». У Соседки Дороти в серванте лежал диплом модельера, и она считалась одной из лучших портних в штате, однако понимала, что делать нечего – придется отпустить Анну Ли вместе с подружками в универмаг «Морган бразерс» – выбрать готовое платье. Это будет вдвое дороже, чем сшить самой, но ее дочь или получит магазинное, или умрет от унижения. По крайней мере, так она выразилась.

Еще в универмаге «Морган бразерс» работала удивительная продавщица, миссис Марион Нордстром, заведующая «Отделом лучших платьев». Если миссис Нордстром поможет тебе с выбором, ты точно не ударишь в грязь лицом. Все девчонки в компании Анны Ли считали эту

даму самой изысканной женщиной в мире. Высокая и отчужденная, всегда безукоризненно одетая по последней моде, она была их идеалом. Военная вдова Марион приехала из самого Сан-Франциско, Калифорния, и привезла с собой гардероб, ставший предметом постоянного обсуждения в среде старшекласниц.

– Она каждый день в разном, – говорили они восхищенно.

После школы Анна Ли и Петси Мэри шли в универмаг будто бы за покупками, а на самом деле – чтобы увидеть сегодняшний наряд миссис Нордстром.

Анна Ли даже высокую прическу с нее копировала. Прическу слишком взрослую – считала Дороти – для девочки, которая до сих пор носит белые носки и кеды, но Анне Ли это казалось верхом утонченности. Но Дороти переживала из-за другого – дочь может вырасти немного избалованной. В каждой школе есть одна девочка, по которой все мальчишки сходят с ума. Анна Ли с первого класса как раз такой девочкой и была.

Из представителей мужского населения ее чары не действовали только на Бобби. Он изводил сестру и мучил при всяком удобном случае. Она же в ответ ябедничала, и, поскольку была старше, верили, конечно, ей, а не ему. Так что Бобби не был рад, что Анна Ли появилась на свет шестью годами раньше, чем он, – факт, о котором она напоминала при каждом удобном случае. Бобби ненавидел, когда на семейных посиделках все начинали вспоминать события, случившиеся до его рождения. Снова и снова он спрашивал: «А где был я?» Мать отвечала: «Тебя еще не было», на что сестра вздыхала: «Старое доброе время. Тогда я еще была единственным ребенком в семье» – или другую какую гадость придумает.

Бобби, как ни старался, не мог представить мир без себя. Это совершенно сбивало с толку. Где он был? Что делал? Однажды, привязанный к дому, оттого что Лютер Григгз караулил поблизости, чтобы снова его поколотить, он воспользовался случаем и ходил за матерью по кухне, задавая все те же вопросы.

– Но если меня здесь не было, где я был?

– Ты еще не родился, – отвечала она, нарезаая картошку.

– Ну а до рождения где я был?

– Ты был искоркой в папином глазу, как говорится. Подай, пожалуйста, масло.

– Когда я родился, я уже был собой или сначала родился, а потом стал?

– Всегда был.

Он протянул ей тарелку с маслом.

– А если бы я родился в Китае, я все равно был бы собой – или

китайцем?

– Ох, Бобби, лучше бы ты не спрашивал меня о таких глупостях. Я только знаю, что ты – частичка меня и папы и что ты такой, каким тебе суждено быть.

– Да, но если бы ты не вышла замуж за папу, что тогда?

– Не знаю, – сказала она, обмазывая стеклянную форму маслом. – Могу только сказать, что ты появился в то время и в том месте, как было задумано, и что я тебя загадала.

– Правда? – удивился Бобби. – Типа как на куриной косточке?

– Вроде того.

– А что говорила, когда загадывала?

– Что хочу мальчика с карими глазами и темными волосами, точно такого, как ты, – и вот ты здесь. Так что ты – сбывшаяся мечта.

– Ух ты! – Бобби с минуту обдумывал, потом сказал: – А вдруг тебе не тот мальчик достался, почему ты так уверена?

– Потому что, не забывай, там, наверху, кое-кто есть. И ему виднее.

Дороти включила духовку, вынула сыр из холодильника, а Бобби все ходил за ней хвостиком.

– А вот если Бог перепутал? Что, если я родился не в том году или даже не в той стране?

– Он не ошибается.

– А вдруг все же ошибся?

– Не ошибся.

– Ну просто представь: все же *ошибся*. И что тогда?

Дороти поставила форму в духовку, вымыла руки. А Бобби стоял сзади и ждал. Вытерев руки полотенцем, она повернулась и посмотрела на него:

– А что, Бобби, ты бы хотел родиться в другой семье, не у нас?

Бобби с невинным видом моментально пошел на попятный:

– Нет, я просто... интересовался.

И тут же вспомнил, что не полил папиных червей для рыбалки. Папа разводил их в саду, в «червятнике».

Вообще-то он не был до конца откровенен с матерью. Иногда по ночам он фантазировал, что однажды к ним в дверь постучат и скажут:

– Мы прибыли за мальчиком.

И тогда его родители признаются, кто он на самом деле. Что он полноправный принц Англии, что его отдали на воспитание, пока ему не исполнится двенадцать. Потом он поедет по улицам в карете, а народ будет кланяться и шептать: «Это юный принц». Все учителя из их школы будут кланяться. Вот он подъезжает к дому, а на веранде стоят родители и

бабушка, и все кланяются. Он поскорей махнет им, чтоб разогнулись, и тут Анна Ли подбежит к карете и падет к его ногам в слезах.

– Простите меня за все, ваше величество. Я не знала, кто вы. Простите, простите!

– Ты... прощена, – скажет он и красиво взмахнет рукой.

Он будет великодушным, всепрощающим правителем – со всеми, кроме Лютера Григгза. Его он арестует и проведет по городу в цепях, а Лютер будет рыдать и тщетно молить о пощаде. Вот он, момент чистейшей радости.

В другие дни Бобби представлял себя сыном Роя Роджерса и Дэйл Эванс, похищенным при рождении, и вот его наконец нашли и устроили парад на Мэйн-стрит, и он сидит верхом на лошади вместе с Роем, и его новый отец приподнимает ковбойскую шляпу, приветствуя толпу. Дейл и Габби Хэйз скачут рядом. Он поедет жить к ним на ранчо и возьмет с собой элмвуд-спрингскую семью. Днем будет объезжать скот, а вечерами сидеть у костра, слушая ковбойские песни в исполнении группы «Сыновья пионеров», и все они будут жить счастливо до конца своих дней. «Счастливых дорог тебе... и до встречи».

Но пока что (ненадолго, конечно) он был обычным Бобби Смитом. И увы, как и подозревала Анна Ли, он кое-что задумал.

Бобби нашел верный способ поквитаться с сестрой за предательство: она наябедничала маме, что он ездил в Блю-Спрингс. Его в наказание не пустили в субботу в кино на двойной сеанс, и он пропустил «Парни в седле» и «Облаву на дикую лошадь». Они с Монро много недель планировали месть и наметили провернуть дело перед выпускным.

Его мама и Бабушка Смит помогали в проведении праздника, а Док держал аптеку открытой допоздна, чтобы ребята могли поесть мороженого после торжества. У Джимми по вечерам в пятницу всегда покер с друзьями в Доме ветеранов. Так что весь дом остался в полном распоряжении Бобби и Монро, и они привели свой план в исполнение.

Когда дело было сделано, они затаились в комнате Бобби и стали ждать. Анна Ли вернулась домой последняя – вся сияющая, всплыла в розовом облаке в 23.29, за минуту до своего «комендантского часа». Весь вечер она танцевала под бумажными серебряными звездами и бело-голубыми баннерами, свисающими с потолка спортзала. Танцевала она с Билли Нобблитом, похожим на Вана Джонсона, по крайней мере, так ей казалось. Она мечтательно разделась под звуки до сих пор не смолкающих в голове мелодий – «Это должен быть ты» и «Пятнышки и лунные лучи».

Юркнула в ночную рубашку, почистила зубы, осторожно сняла с

корсажа приколотый цветок и положила в стакан с водой на комод. Забралась в постель, усталая и счастливая, и блаженно вытянулась... Но это блаженство длилось не дольше секунды.

Со скоростью пули она выскочила из-под одеяла, вопя во все горло:

– Змеи! Змеи!

Вбежала в комнату родителей с воплем:

– Спасите! Меня укусила змея!

И рухнула без сознания.

После того как Док и Дороти привели дочь в чувство и кое-как успокоили, после того как Мама Смит в сетке для волос и запахнутом халате объявила: «Если в доме рептилии, я не останусь», воцарился мир. Но ненадолго. Мама Смит отказывалась возвращаться в постель, пока Док не проверит комнату Анны Ли. Это не был ночной кошмар, как убеждали ее родители. У нее под одеялом извивалось около сотни склизких розовых червей – родом из «червятника» в саду, как быстро догадался папа.

– Не пойму, с чего она такой шум подняла. Это же безобидные червячки, – сказал Бобби, когда отец выудил его из-под кровати.

Но случилось непредвиденное и печальное: в ту самую секунду, когда папа открыл дверь его комнаты, Монро – верный кровный брат Монро – выскочил в окно и без остановки бежал до самого дома в пижаме, на спине которой красовался портрет благородного героя Хопалонга Кэссиди, грозы злодеев на Диком Западе. Предоставив Бобби одному держать ответ за содеянное.

Анна Ли страшно разозлилась и заявила, что Бобби для нее больше не существует. Она довольно долго с ним не разговаривала, пока однажды вдруг не забыла, случайно попросив принести с кухни молока.

Он расхохотался:

– Ха-ха-ха, я думал, ты со мной не разговариваешь. Сама сходи! – И выскочил на улицу.

Анна Ли с отвращением встала и, открывая в кухне холодильник, спросила мать:

– Хоть убей, не пойму, зачем вам понадобился второй ребенок? Почему вы не остановились на мне?

Дороти улыбнулась:

– Дорогая, мы вообще-то думали, что остановились.

Анна Ли глянула на мать с удивлением: об этом она слышала впервые.

– Что же произошло?

– Наверное, Господь решил даровать нам еще одного ангелочка с небес.

– Меня сейчас стошнит, – сказала Анна Ли и вышла.
В дверях появилась Мама Смит.
– Что это с ней? – спросила она.
Дороти засмеялась:
– Хотела знать, зачем нам понадобился Бобби.
– И что ты ей наплела?
– Во всем обвинила Господа Бога.
– Чем не объяснение. Пресвитериане считают, что в мире все предопределено. По крайней мере, так говорит мать Нормы.
– Ида? Откуда ей-то знать, она методистка.
– Уже нет. На прошлой неделе она клялась, что пресвитерианка.
Объявила это прямо посреди турнира по бриджу.
Дороти разбила три яйца в миску с синей полосой и принялась взбивать.
– Но вокруг на много миль нет ни одной пресвитерианской церкви. С чего это вдруг она заделалась пресвитерианкой?
Мама Смит налила себе чая со льдом.
– Наверное, считает, что это продвинет ее вверх по социальной лестнице.
– Ну... даже не знаю, что сказать. Лимон в холодильнике. Надеюсь, она будет счастлива.
Мама Смит дотянулась до холодильника.
– Я тоже надеюсь, но вряд ли, разве что Норма выйдет за Рокфеллера.
Тогда Ида наконец займет в обществе место, которого достойна.

Высшее общество

Мама Смит сказала правду. Если и было в Элмвуд-Спрингсе некое подобие высшего общества, мать Нормы стремилась как раз этим обществом быть. Ну еще бы, ведь муж Иды Дженкинс, Герберт, был городским банкиром, и потому Ида ощущала, что обладает некоторым положением, а его необходимо укреплять. В конце концов, ее общественный долг – устанавливать стандарты аристократического поведения. Освещать путь, так сказать. Подавать пример. Она была ответственна за все мелочи жизни, и ее непрестанные усилия нести людям культуру и красоту сводили с ума Норму и ее отца.

Хоть и проживала Ида в городке, который язык не поворачивается назвать городом, она подписывалась на все модные женские журналы, дабы идти в ногу со временем. В конце тридцатых годов она взялась произносить слово «модерн» как «модерне», дом свой называла «бунгалом», а одежду – «платьем». Слово «интригующий» использовала к месту и не к месту, стриглась под Ину Клэр, звезду Бродвея, и вместо слова «плакать» старалась употреблять выражение «выплакать все глаза», а то и «обессилить от рыданий».

А еще Ида была клубной женщиной до мозга костей. Она была гранд-дамой в Национальной федерации женских клубов Миссури, возглавляла местный клуб садоводов, клуб бриджа, клуб «Встречи по средам», книжный клуб и городской клуб театралов. И ее ни разу не видели на улице без шляпы и белых перчаток. А ели в доме исключительно заправив за ворот салфетку, что ждала сложенной корзинкой возле каждой тарелки, и на белой скатерти.

– Только дикари принимают пищу на голом столе, – утверждала Ида.

На шестнадцатый день рождения она подарила Норме новое, расширенное издание книги по этикету Эмили Пост, которую подписала таким наставлением:

Если бы это прочитал каждый человек, мир был бы избавлен от многих неприятностей.

С днем рождения!

С любовью,

мама

С экспертом по этикету Ида была «на короткой ноге» и частенько приговаривала:

– Интересно, как бы с этим справилась Эмили?

А порой начинала фразу со слов «Эмили говорит...».

Жизненной задачей Иды и, как она полагала, всей Америки было просвещение людей не только в Элмвуд-Спрингсе, но и во всем мире, покуда в самых отдаленных иглу на Северном полюсе и в темных, непролазных дебрях джунглей Борнео не запомнят, что вилка – слева, а свежие цветы на столе радуют глаз, что чистый дом – счастливый дом; покуда все не признают, что повышать голос в гневе – грубо и неприемлемо ни при каких обстоятельствах.

Ида всегда говорила:

– Помни, Норма, в Америке аристократами становятся не по происхождению, а по поведению.

Судя по ее поведению, Ида уже считала себя герцогиней Кентской.

Норма любила мать, но жаловалась Анне Ли:

– Не представляешь, каково это – жить рядом с ней двадцать четыре часа в сутки. Тебе сказочно повезло, что у тебя твоя мама, а не моя.

Норма, как и Монро, старалась почаще оставаться на ночь у Смитов. У них всегда было полно народу, веселья и вкусной еды. А самое главное, в доме Соседки Дороти можно было сидеть в гостиной, чего Ида не позволяла Норме и ее отцу. Гостиную Иды только демонстрировали гостям, она называлась официальной комнатой. Настолько официальной, что туда никто не заходил с тех пор, как Ида обставила ее мебелью восемнадцать лет назад.

В одну из таких ночевок Норма помогла Анне Ли отомстить Бобби и Монро. Днем в субботу мальчики сидели в темной гостиной с закрытыми шторами и, поедая сэндвичи с арахисовым маслом и бананами, слушали по радио любимые страшные детективные истории. Уже прозвучали «Искренне ваш», «Джонни доллар», «Бостон Блэки» и «Свистун», и как раз начиналась следующая.

Сначала раздались странные звуки, извлекаемые из фисгармонии, потом голос.

ЖЕНЩИНА. Он заходит... в аптеку. Становится на весы.

(Звук монеты, упавшей в щель автомата.)

ЖЕНЩИНА. Вес двести тридцать семь фунтов.

(Звук выскочившей из щели карты.)

ЖЕНЩИНА. Что вас ждет? Опасность!

(Скрежет струны.)

ЖЕНЩИНА. Ктооо тут?

МУЖЧИНА. Толстяк!!!

Как и было обещано, в программе этой недели подозрения и тайны не успевали сменять друг друга. К концу передачи мальчишки едва могли усидеть на стульях от страха. Вот в глухом закоулке загадочного человека в дождевике стали преследовать шаги: шур-шур... клик-кляк... ближе и ближе... громче и громче... некуда бежать... негде спрятаться... В тот самый миг, когда перепуганный герой с бьющимся сердцем обернулся и увидел своего жестокого убийцу, две фигуры в жутких резиновых масках, с зеленым свечением под подбородками выскочили из-за дивана с воплем: «ВАААА!»

От испуга парни взвились в воздух, завопили, как девчонки, и, сбивая друг друга с ног, перевернув кофейный столик и стулья, едва не выбив дверь, вылетели из комнаты.

На фонари были накручены зеленые отражатели, а маски остались с Хэллоуина. Прятаться и ждать подходящего момента пришлось весь вечер, но каждая минута ожидания оправдалась!

Победитель

– Всем доброго утра! Не могла дожждаться эфира, потому что, как поет Габриел Хитер, «Ах, нынче вечер новостей хороших!», впрочем, в нашем случае это утро, и мы так и подпрыгиваем от нетерпения. Но сперва позвольте спросить вас: вы не чихаете от стирального порошка?

Миссис Скуатзи Китрел из Силвер-Спрингса, Мериленд, говорит: «“Ринзо” стирает быстро и с обильной пеной, и руки потом не шершавые, и я от него не чихаю, как от остальных». Так что запомните: «Ринзо» для белой и «Ринзо» для цветной одежды – единственный порошок, на девяносто восемь процентов без пыли, вызывающей чихание. А еще скажите, вы, часом, не ищете клетчатую, в полоску или в горошек ткань для окна спальни, кабинета или кухни? Если да, то Фред Морган из «Морган бразерз» приглашает – заходите, и еще у него во дворе выставлен большой рулон крапчатого шведского материала, который он хочет отдать со скидкой, так что кто подумывал обзавестись занавесками – сейчас самое время.

А теперь – *большая* новость дня.

Дороти взяла со стола письмо с хорошими новостями, и на лице ее засияла гордая улыбка.

– Знаете, вообще-то мы не любим хвастаться, но сегодня не в силах удержаться, так что расскажем. (Мама Смит устроила фанфары на фисгармонии.) Вчера было объявлено, что Док выиграл ежегодный Конкурс фармацевтов аптечной сети «Рексалл» – второй год подряд. И получит приз лично на Юго-восточном съезде фармацевтов в Мемфисе, а я планирую быть там и увидеть это собственными глазами. Так что – эгей, там, в аптеке, слышишь нас, Док? Мы страшно гордимся тобой!

В «Рексалл» приемник стоял на полке за спиной Тельмы и Берты Энн, двух девочек в бело-розовой униформе, работавших за стойкой с содовой. Тельма в это время мыла стеклянную вазу для бананового сплита, а Берта Энн готовила яичный салат: приближалось время обеда, скоро сюда нагрянут проголодавшиеся. Обе бросили дела и засвистели, захлопали, завопили:

– Да! Знай наших! Поздравляем, Док! Наш герой!

Док дописал рецепт и вручил посетительнице бутылку болеутоляющего: у ее младенца резались зубки. Она спросила, что случилось, и Док смущенно ответил:

– Ой, ничего, эти двое просто дурачатся. Сами знаете, такой возраст... – И продолжал: – Значит, много не лейте, всего несколько капель на стакан воды, средство просто волшебное, вот увидите.

Когда она ушла, Док подошел к стойке, шутливо грозя пальцем:

– Глупые девчонки, и что мне с вами делать?

Они засмеялись.

– Это за то, что не сказал нам, – ответила Берта Энн.

Он сел на табурет.

– Моей женушке следовало бы рот зашить. – Ему, конечно, было приятно, но он скрывал. – Приготовь-ка мне коктейль с мороженым, Берта. И себе что-нибудь налейте. Раз уж кота вынули из мешка, можно и отметить.

А тем временем Дороти сделала еще одно объявление:

– Сегодняшним победителем в конкурсе «Ваше самое большое удивление в жизни» становится миссис Салли Сокуэлл из Хот-Спрингса, Арканзас. Она пишет:

В прошлом году я потеряла бриллиант из кольца и пришла в отчаянье: его подарил мне на свадьбу покойный муж, и теперь я лишилась обоих. Представьте себе мое удивление, когда, жаря яичницу, я обнаружила в белке что-то блестящее. Не поверите, это был мой потерянный бриллиант! Наверное, курица его склюнула, когда я собирала яйца. Пути Господни неисповедимы.

– Да, миссис Сокуэлл, поразительно, но слава богу, что вы не стали делать омлет, иначе могли бы не заметить.

К слову, о пропавших предметах. Зашла Леона Уотли и сказала, что кто-то продал ее свитер и сумочку на школьной благотворительной распродаже поддержанных вещей. Она говорит: положила вещи на стол, на секунду отвернулась – и все, как не бывало. Так что если вы прикупили себе женский голубой свитер, расшитый бисером, и черную сумочку с маленькой нераспечатанной коробкой салфеток «Клинекс», звоните Леоне, она с радостью их выкупит. Нам еще многое предстоит сегодня рассказать. Беатрис споет одну из ваших любимых песен, «Я снова надуваю пузыри». Да, увы, очередной сезонный бум. В следующую субботу в элмвудском кинотеатре пройдет ежегодный конкурс надувания пузырей, проводимый жвачкой «Базука»... Мамочки, готовьтесь. Я знаю, Бобби будет день и ночь сводить нас с ума: хлоп, хлоп, хлоп, чавк, чавк, чавк. И не забудьте, каждую среду в элмвудском кинотеатре Посудный вечер^[6], приходите. Так... Что я

еще забыла, Мама?

Мама Смит сыграла несколько аккордов из похоронного марша и указала на стоявшую на столе банку.

– Ага, верно, спасибо, Мама Смит. На прошлой неделе мы рассказывали о новом растворимом кофе, но придется удалить его из списка рекомендуемых продуктов. Увы, он вовсе не настолько хорош, как обещали, правда, Мама Смит? Она сказала «да» и скривилась, но, как я говорю всем моим спонсорам, не бросайте попыток, мы за вас болеем.

И помните наш девиз: «Если не удалось с первого раза, пробуйте снова».

К несчастью для Бобби, мамин девиз ему снова пришлось выслушать на следующей неделе, когда он приплелся домой, проиграв конкурс на лучший пузырь – второй год подряд. Столько тренировался – аж челюсти сводило, и все равно оказался только шестым. В их семье все что-нибудь выигрывают, кроме него.

Мальчик, который кричал «Волки!»

Док пришел домой обедать, Дороти ждала в кухне, чтобы услышать его мнение о шляпке, только что купленной для поездки в Мемфис. Он долго разглядывал новинку на голове жены, потом сказал:

– Даже не знаю, Дороти. Видал я шляпы и похуже.

– Спасибо тебе большое, – сказала она.

Мама Смит вмешалась:

– А мне нравится. – И неодобрительно глянула на сына.

– Правда? – с надеждой спросила Дороти.

– Да, да, очень стильно. Не слушай его. Он ничего не понимает в шляпках.

Док с готовностью согласился:

– Ваша правда. Меня не слушайте. По мне, так все шляпы одинаковые.

– Ну вот, – сказала Дороти. – И зачем я мучаюсь, если тебе без разницы. Могла бы просто горшок на голову нацепить.

Когда она вышла, Мама Смит сказала:

– Ну молодец.

Док пожал плечами:

– Это не шляпа, а блин с фруктами и мертвой птицей сверху.

Беатрис Вудс, сидевшая за столом, засмеялась. Док нагнулся и шепнул ей:

– Считай, тебе повезло, что ты не видишь. Непонятно, что с этой шляпой делать – то ли на завтрак сжевать, то ли подстрелить.

После того как Док снова ушел в аптеку, они сидели и говорили о предстоящем путешествии. Дороти вздохнула:

– Мне бы сбросить фунтов десять, тогда уж ехать.

Мама Смит сказала:

– А мне бы снова стать восемнадцатилетней, но чтоб мозги остались такие, как сейчас.

Дороти спросила:

– Что бы ты сделала по-другому?

– Ничего. Вышла бы, конечно, за того же человека и родила ребенка, но только подождала бы чуток. А то, может, осталась бы холостячкой, как Энн Шеридан, или открыла бы свой бизнес, завела секретаршу, курила сигары да сквернословила.

Дороти с Беатрис засмеялись, и Дороти спросила:

– Беатрис, если бы у тебя была возможность исполнить одно желание, что бы ты загадала?

Беатрис, у которой «Путешествие в кресле» была любимой передачей, ответила:

– Я бы загадала сесть в машину и объехать весь мир.

– Детка... – Дороти погладила ее по руке.

– Правда, было бы весело?

– Куда как весело, – сказала Мама Смит и поспешила сменить тему, видя, что у Дороти глаза на мокром месте. Несмотря на ограничения в жизни, слепая Беатрис ни капли себя не жалела, и в их голосах тоже не должна слышать жалость. Но как печально: ее желанию не суждено сбыться.

На следующей неделе с Бобби случилось то же, что с мальчиком, который кричал «Волки!», из поучительной истории. Он проснулся и сообщил, что в школу пойти не может, потому что весь покрыт красными пятнами. Дороти знала, что сегодня в школе у них серьезный тест по математике, к которому он и не думал готовиться. В прошлом году в то же время он клялся, что сломал ногу. В позапрошлом выдумал аппендицит. Посему в его комнату была в третий раз послана Анна Ли с простым и доходчивым сообщением:

– Мама говорит – если через пять минут не выйдешь, то лучше бы у тебя в самом деле была сыпь.

– У меня и так есть! – возмутился Бобби. – Смотри, какие здоровенные красные пятна по всему телу, и плохо мне. Подойди, сама глянь. – Он поднял пижамную фуфайку. – И все краснее становятся, и тошнит меня, и температура, кажись, поднимается, пощупай лоб.

Но Анна Ли не собиралась его щупать и, выходя, сказала:

– Валяйся, пожалуйста, сколько влезет, мне-то что. Надеюсь, тебе всыпят, не поскупятся.

Бобби, ругаясь вполголоса, вылез из постели, оделся и вышел в кухню, где мать наскоро сунула ему в руку банан со словами:

– На вот, по дороге сжуешь.

– Но, мам...

– Не хочу ничего слышать, Бобби. Иди быстро, пока не опоздал.

Бубня себе под нос, он поплелся к выходу и хлопнул дверью.

Около двух часов дня позвонила учительница:

– Дороти, я хочу, чтобы вы знали: я отвела Бобби в изолятор, потому что он весь покрыт красными пятнами. Руби говорит, это корь и его нужно

в карантин.

Дороти встревожилась:

– Ох, батюшки, бегу, спасибо за звонок.

Дороти, конечно, чувствовала себя страшно виноватой, и Бобби воспользовался этим на полную катушку.

– Я же говорил, что заболел, мам, – простонал он слабым голосом.

И к 5.30, когда Анна Ли вернулась с репетиции, Бобби возлежал на кровати, как король, а все суетились вокруг и угождали ему как могли. Кровать устилал слой новых комиксов, принесенных отцом из аптеки, страдальцу уже выдали мороженое, две бутылки кока-колы и «7UP», а родительница стояла у постели, готовая исполнить любой каприз. Анну Ли мать встретила строгим взглядом:

– У твоего брата корь, бедняжка *в самом деле* заболел.

Бобби лежал и слабо улыбался, радуясь победе, – ждал, чтобы Анна Ли извинилась. Но вместо извинений она воскликнула с ужасом: «Корь!» – и побежала мыть руки с мылом.

Анна Ли боялась не столько самой кори, сколько волдырей: скоро ведь спектакль. В этом году она возглавляла драмкружок и участвовала в школьной постановке. Она не приближалась к брату, пока Сестра Руби не заверила ее, что дважды корью не болеют, но и после этого ходила по дому в перчатках и замотав нос платком. Лучше перестраховаться. Она ведь не просто играет в пьесе, она там главная!

Мама Смит – закоренелая преступница

В отличие от своего беззаботного сына Мама Смит была маленькая, худощавая и напористая женщина, в прошлом красотка. Она появилась на свет в городе Индепенденс^[7], штат Миссури, в соседнем доме с Бесс Уоллес, которая потом вышла замуж за Гарри С. Трумэна. Мама Смит однажды играла с ним «Вальс Миссури» в четыре руки и часто говорила о президенте:

– Мы встречались на пути к его величию.

Мама Смит всегда была вольнолюбивой и действовала без оглядки задолго до того, как это вошло в моду, объясняя, что название родного города не могло не повлиять на ее характер. И правда, она оказалась в числе первых суфражисток штата, в 1898-м вместе с подругами по колледжу участвовала в Вашингтонском марше за право женщин голосовать и была арестована за нарушение спокойствия. Эту историю Бобби и Анна Ли могли слушать бесконечно.

– Они бросили нас в кутузку, – рассказывала Мама Смит и добавляла, смеясь: – Может, ваша бабка и закоренелая преступница, но права-то мы в конце концов отвоевали!

Мама Смит стала первой женщиной в городе, постригшейся под каре, хотя на тот момент разменяла уже четвертый десяток. А еще она как-то зашла в бар в Канзас-Сити и отведала нелегального джина, от чего слегка опьянела и сбала джаз на фортепьяно. Но поскольку она играла на фисгармонии в Первой методистской церкви, то постаралась не слишком распространяться о случившемся.

Мама Смит была обладательницей маленьких, изящных ножек, очень ими гордилась и не упускала случая продемонстрировать. В ее гардеробе стояло больше тридцати пар обуви. И если Бобби унаследовал от нее любопытство, то Анна Ли – страсть к обуви. Вот и на прошлой неделе она отправилась в центр, чтобы купить на распродаже «оксфорды» из витрины универсама «Морган бразерс», по которым давно помидала. Но, как водится, из всех выставленных в витрине туфель на эти единственные не было скидки. Она здорово потратилась на платье для выпускного и была на нулях. Всю следующую неделю она ломала голову, как бы подзаработать, и тряслась, что туфли купят. Каждый день ходила их проведывать, но разжиться деньгами удалось только за несколько дней до отъезда родителей в Мемфис. Маме Смит тоже внезапно понадобилось уехать в Индепенденс

к сестре, которая упала и сломала бедро. Хотя корь Бобби почти прошла, у Дороти душа была не на месте, она не могла бросить больного ребенка, будь то младший или старшая. И тут, к всеобщему удивлению, Анна Ли вызвалась все выходные провести дома и ухаживать за Бобби и Принцессой Мэри Маргарет за вознаграждение, равное стоимости туфель, если ей заплатят вперед. Сестра Руби сказала, что будет заглядывать каждый день, и Джимми заверил, что присмотрит за ними обоими. И после всеобщих уговоров Дороти все же решилась на поездку.

На три дня Бобби устроил Анне Ли настоящее рабство. Он провел их в постели, слушая радио, полистывая комиксы и порявкая: то кока-колу ему неси, то шипучку, то имбирный эль, то мороженое. Пока он придумывал новые приказы, Принцесса Мэри Маргарет, беспокойная с рождения, нервно бегала из комнаты в комнату в поисках Дороти – переживала, где хозяйка и вернется ли.

Док и Дороти прибыли в отель «Пибоди» вечером в пятницу и прекрасно провели следующий день, посещая всех своих друзей в Мемфисе и не подозревая о закулисной катастрофе. В соседнем с ними номере 367 Норвел Флоат, ответственный за банкет на съезде фармацевтов, пребывал в ярости. Только что ему доставили телеграмму, что дуэт Вилли и Бак, известный под сценическим именем «Хау ду ю ду бойз», который он лично ангажировал на этот вечер восемь месяцев назад, устроил кулачную потасовку из-за дамочки в Шривпорте, штат Луизиана. Бак сломал нос Вилли и сбежал с отвоеванным трофеем в Чикаго. Понятное дело, отказались они в последнюю минуту, и у Норвела Флоата осталось 723 фармацевта без обещанного концерта. Он немедленно сел на телефон и обзвонил все городские агентства по организации концертов. Но на сегодня никого не было в наличии. Ни чечеточников, ни певцов, ни комиков, ни завалящего аккордеониста! Он даже решился позвать Томми Троупа, который имитировал голоса птиц (и делал это отвратно), но получил ответ, что Томми в прошлом месяце скончался. Тогда в последней отчаянной попытке Флоат позвонил на местную радиостанцию, ВРКК, обитавшую на восемнадцатом этаже отеля. Тамошний директор ничего утешительного ему не пообещал. Единственное, что он мог предложить, это группу странствующих евангелистов, которые выступали у них сегодня в шесть утра и не успели покинуть город. Норвел тут же не глядя попросил их позвать. Директор переспросил:

- Вы уверены? Они, как бы это сказать... несколько сыроваты.
- Слушайте, мистер, – сказал Норвел, – я в безвыходном положении.

Мне уже все равно, понимаете? Доставьте их к половине десятого.

Он положил трубку, чувствуя себя счастливым человеком. Неважно, кто и что, лишь бы не пустая сцена.

Банкет в тот вечер получился роскошным. Док, Дороти и остальные фармацевты и их жены нарядились по такому случаю в лучшие выходные костюмы и платья. Док под жаркие аплодисменты поднялся получать награду, такой красивый, такой элегантный в своем смокинге, с серебристой сединой, поблескивающей в свете прожекторов, что, когда он вернулся за столик, Дороти шепнула:

– Я замужем за самым красивым мужчиной в этом зале.

Он засмеялся и шепотом ответил:

– Ну конечно, ты так говоришь, потому что тебе от меня никуда не деться.

Позже, когда были вручены остальные награды, конференсье вышел и объявил то, что за сценой Норвел Флоат набросал второпях на салфетке:

– Поздравляем еще раз победителей и надеемся, что ужин вам понравился. А теперь продолжим вечер. Мы счастливы приветствовать на нашей сцене знаменитую семью Отман, исполнителей духовных песнопений, из далекого города Сенд-Маунтин, Алабама. Сегодня они успешно выступили на радио ВРКК в программе «Час песнопений». Встречайте!

Занавес тут же поднялся, являя залу пятерых Отманов – мать, отца, двух мальчиков и девочку. Мать, сидевшая за пианино, – женщина весом не меньше двухсот фунтов, белокожая, с чернющими волосами, собранными в пучок, без намека на макияж и в бледно-лиловом платье – внезапно и без предупреждения атаковала ничего не подозревающее пианино, одной пухлой рукой отбивая ритм, а второй – мелодию. Несчастный инструмент подпрыгивал, сражаясь за жизнь, а она беспощадно давила на педали. И – снова неожиданно – большой мужчина постарше, двое молодых людей (все в одинаковых костюмах) и девочка, стоявшая на сцене как столб, завопили со всей силы:

– ВЫ НОВОСТИ ХОРОШИЕ СЛЫХАЛИ?

И все гости до единого выслушали означенные хорошие новости. Минни Отман об этом позаботилась. У нее был самый сильный голос в группе – глубокий, хриловатый и такой громкий, что если включить его на полную катушку, то с противоположной стены зала сыпалась штукатурка. За полчаса группа осилила «Славься, славься, светлый путь», «Каждый раз я к Духу прикасаюсь», «Дом на холме», «Скажи маме, что я там буду»,

«Радостный день» и «Когда приду я в Город тот». Пока они пели, фармацевты и их жены из Нью-Йорка, Бостона и Филадельфии сидели ошеломленные и обездвиженные, тогда как большинство южан кивали, улыбались и постукивали в такт ногами. Но клан Отманов, казалось, совершенно не замечал аудитории, не обращал внимания ни на тех, ни на других и продолжал с растущим энтузиазмом: «Подожди, недолго ждать осталось», «Какой же это будет день», «Я поднимаюсь все выше и выше», а закончил песней, которую их предводительница, как сама гордо призналась, написала только сегодня, сидя за завтраком в кафетерии отеля. Она сказала:

– Песня называется «Жду не дождусь попасть на Небеса». Надеюсь, вам понравится.

Потом откинула голову, заколотила по клавишам и радость полилась из ее горла:

По ступеням хрустальным взойти
И по залам из кости слоновой
Прямо к трону бежать золотому,
Где, я знаю, давно меня ждет
Иисус, мой прекрасный король.

Я узнаю Его, увидав.
Я узнаю Его где угодно.
Его кровь обратилась в рубины.
Где терновый венец возлежал,
Там алмазы сверкнули в волосах.

Я мечтаю о вас, Небеса,
Буду счастлива там, а печали
И тревоги останутся здесь.
Все труды и всю ношу земную
Разом сброшу с натруженных плеч.
По ступеням хрустальным взойду
И вскричу наконец: «Аллилуйя!»
Испытания все позади,

Потому что дождался меня
Иисус, мой прекрасный король!

Пока она тянула финальный ми-бемоль, у многих людей в зале полопались бокалы. У некоторых исполнителей получается слишком «темный» или слишком «выбеленный» продолжительный звук за счет преобладания низких или высоких обертонов, но у Минни Отман была идеальная высота, она всегда была в самый центр ноты с точностью серебряной пули. Звон в ушах стоял у слушателей еще долго после того, как дали занавес.

Отманы едут

Представление было чудесное, даже более чем. По окончании Док сказал соседу:

– В жизни не видел людей, так страстно жаждущих смерти.

Но Дороти получила массу удовольствия. Ей и раньше доводилось слышать церковные песнопения, но не такие. Недостаток стиля и глянца Отманы компенсировали вдохновенностью исполнения. Они с Доком не были особыми любителями подобного рода музыки, но Дороти знала, что ее слушательницам на фермах это должно понравиться. И когда остальные гости, оглушенные, на неверных ногах потянулись к бару, Дороти направилась за кулисы, чтобы похвалить Отманов за выступление.

Семейство собирало звуковое оборудование. Дороти представилась Минни Отман, наговорила комплиментов и сказала, что если они будут где-нибудь поблизости от Элмвуд-Спрингса, штат Миссури, она приглашает их на передачу. Минни промокала большим белым платком взмокшее лицо. Она сказала:

– Благослови вас Бог. – Потом отвернулась и крикнула: – Феррис, нас не звали в этом году на религиозные бдения где-нибудь в Миссури? Или речь шла об Арканзасе? Загляни-ка в блокнот. Эта милая леди хочет позвать нас на свою радиопрограмму. – Она извинилась перед Дороти: – Мы столько разъезжаем, уважаемая, что всего не упомнишь.

Феррис Отман, весивший фунтов на сто больше своей жены, пыхтя, вытянул из внутреннего кармана пиджака длинный черный блокнот. Полистал его:

– Мы приглашены в Церковь Христа на шоссе 78 возле города Эш-Хилл, Миссури, в первую неделю июля.

Минни повернулась к Дороти:

– Это недалеко от вас, уважаемая?

Дороти сказала:

– Да, я знаю Эш-Хилл, это рядом. С радостью попрошу кого-нибудь съездить за вами и привезти к нам. Где вы остановитесь?

Минни засмеялась:

– Ой, где нас поселят, мы узнаем только на месте. Мы ночуем у добрых людей. Обычно церковь находит жилье. Нас шестеро, включая Флойда, – он ждет в машине, не выступает на банкетах, только в церквях и на религиозных бдениях, так что если знаете семью, готовую приютить

двух-трех человек, скажите, ладно? У вас, часом, не найдется лишней кровати или топчанчика?

Дороти оказалась в безвыходном положении, потому что женщина согласилась выступить в ее передаче. Она глянула на девочку – той было лет пятнадцать-шестнадцать – и сказала:

– Ну, вообще-то, миссис Отман, у нас самих дочка примерно одного возраста с вашей, и она наверняка будет в восторге от такой гостьи.

Минни возвела глаза к потолку, пропела «СЛАВА ИИСУСУ!» и снова перевела взгляд на Дороти:

– Я вам вот что скажу, миссис Смит, Господь каждый день подкидывает нам хороших людей. – Она снова спела во весь голос: – БЛАГОДАРЮ ТЕБЯ, ДОРОГОЙ ИИСУС!

Дороти была несколько ошарашена такой эмоциональной благодарностью и быстро добавила:

– Но, миссис Отман, вы должны знать, что мы не прихожане Церкви Христа, не знаю, важно ли вам это, но...

Минни отмахнулась:

– Ой, дорогуша, совершенно неважно, лишь бы вы были христианами, не пили спиртного, не курили и не играли в азартные игры. – И, прежде чем Дороти успела вставить хоть слово, закричала мужу: – Феррис, одно место около Эш-Хилл уже есть! – И снова обернулась к Дороти: – Это очень мило с вашей стороны, спасибо вам всем, она не доставит проблем, ест маломало, вы ее даже не заметите. – Потом махнула белым носовым платком в сторону дочери: – Бетти Рэй, пойдика сюда. Эта милая леди приглашает тебя пожить с ними в Миссури.

Бетти Рэй – худая бледная девочка, светлая шатенка с карими глазами, в таком же, как у матери, лиловом платье – подошла к ним с некоторой неохотой.

Дороти ей улыбнулась:

– Здравствуй, Бетти Рэй. У нас дочка твоего возраста, и она будет рада, если ты у нас поживешь.

Минни ткнула девочку локтем:

– Скажи леди спасибо.

Девочка вспыхнула и что-то пробормотала, но так тихо, что Дороти не разобрала слов.

Позже, когда Дороти вернулась к столу и осознала, что сделала, она сказала мужу:

– Анна Ли меня убьет.

Пикники с песнопениями

Семейство Отман было одним из многих белокожих исполнителей церковных песнопений, странствующих в этом году по Югу и Среднему Западу. Группы с названиями «Семья Спир», «Семья Счастливых Гудманов», «Политики», «Мальчики Гармонии», «Уэзерфорды», «Ле Февр», «Четверка из Дикси», «Мальчики из Долины Теннесси», «Мастера мелодии» жили на то, что ездили по стране и пели в маленьких церквях, на собраниях верующих, на религиозных бдениях, на днях песнопений и всяких пикниках с обедом на природе. Корни так называемой южной церковной музыки «госпел» уходят в Англию 1700-х годов, когда первые колонисты привозили с собой из Старого Света сборники гимнов. Госпел долгое время был доминирующим музыкальным стилем в Америке, очень популярным на церковных собраниях по всей стране. Но после Гражданской войны пение в стиле «Священная арфа» – музыка фигурных нот – потеряло свою популярность на Севере, сохранившись только в сельских церквях на глубоком Юге. В 1910 году человек по имени Джеймс Д. Воган опубликовал свой первый песенник «Гармонии госпела». Для продвижения сборника он создал «Квартет Вогана», первую чисто мужскую группу южных церковных песнопений в Америке. А затем открылась Музыкальная школа Вогана в Лоуренсбурге, штат Теннесси. Следом стали открываться другие школы, и в 1930-е годы группы южного госпела из мужчин, женщин и детей уже колесили по Югу и Среднему Западу и проникли на север до самой Айовы. О наиболее успешных группах заговорили на радио, и скоро их выступления стали собирать толпы народа.

Но в 1946-м появление на радио Отманам было еще в новинку. Родители Ферриса и его братьев – Флойда и Лероя, протестанты-пятидесятники, жили на бедной частной ферме в Северной Алабаме. Воспитанный в строгости, Феррис верил, что слушать радио, а также петь под радио и молиться под радио – большой грех. Как выражалась Минни, «у Ферриса пунктик: он думает, что за всем скрывается дьявол». Но в 1945-м, увидев, сколько народу благодаря радиовещанию привлекают остальные группы, он начал молиться. Неделью спустя поделился:

– Минни, Господь говорил со мной и сказал, что мы должны идти на радио.

Все, отмашка дана, можно действовать.

Минни Варнер, четвертый ребенок священника «Ассамблеи Бога», родилась под городом Шейло, Джорджия. Варнеры были семьей музыкальной, и в девять лет Минни уже играла на пианино в церкви. В двенадцать она познакомилась с Феррисом Отманом, которому было в ту пору двадцать четыре. Она играла для состоящей из девочек группы из Бирмингема на Дне песнопений. Увидев в тот день Ферриса с его копной черных вьющихся волос, она влюбилась. Феррис испытал те же чувства. Вечером он сказал своему брату Лерою:

– Сегодня я встретил мою жену.

Два года спустя, в возрасте четырнадцати лет, она убежала с ним, невзирая на предупреждения родителей и старших братьев, что выйти замуж за странствующего певца – не лучший вариант. Проведешь, мол, жизнь на заднем сиденье машины, продавая песенники из багажника. И до сих пор их предсказания сбывались. Но Феррис Отман, который вкалывал на хлопковой плантации, чтобы окончить Школу песнопений Стемпс-Бакстера в Далласе, чувствовал, что это его призвание. С шестилетнего возраста он не мечтал о другой жизни кроме как в квартете исполнителей госпела. А Минни с двенадцати лет хотела только одного – быть его женой. Так и началась у них жизнь на колесах.

После того как родились два мальчика, Бервин и Вернон, а потом и Бетти Рэй, родители Минни купили им маленький дом из двух спален в нескольких милях от ее родной деревни. Они хотели, чтобы у детей был свой дом, но дети появлялись там ненадолго, помыться, постираться – и снова на дорогу. Это была нелегкая жизнь. Во время Великой депрессии они потеряли брата Ферриса, Лероя, их бас-гитариста, который сбежал, чтобы присоединиться к оркестру народной музыки. В те дни им перепадала разве что горсть долларов от продажи песенников, но чаще они выступали за пожертвования, составляющие пять-десять долларов за вечер, в зависимости от количества прихожан. Денег не хватало. Единственным утешением, рассказывала Минни, была уверенность, что это работа во славу Божью, и еще еда. Церкви были в основном деревенские, и еды там всегда хватало. В домах, где их принимали, и на бесчисленных пикниках с пением гимнов даже во время Депрессии хорошо кормили. Жареный цыпленок, ветчина, свинина, жареная зубатка, свежие овощи, батат, картофельное пюре, хлеб с мясной подливкой, маисовые лепешки, свежая пахта, мед, варенье и джем, домашняя выпечка, пироги и фруктовые десерты. Они ели столько жирной пищи, что стало казаться, будто исполнителей госпела отбирают по весу. Один человек в Луизиане, ставший под Шреверпортом свидетелем автомобильной аварии, где

пострадала машина с известной группой певцов, заметил:

– Из одной только машины вытащили пару тысяч фунтов певцов. Конечно, есть и удобство от всей этой набивки: никто не пострадал.

Неудобство же, по словам Минни, было в том, что «исполнители госпела обладают прекрасной душой, но паршивым желчным пузырем». Из семьи Отман только Бетти Рэй была худышкой, и этого они понять не могли. Впрочем, девочка во многом была для них загадкой.

Снова дома

Дороти с Доком вернулись в Элмвуд-Спрингс поздно вечером в воскресенье, и в 9.30 в понедельник она, как обычно, вышла в эфир. Соседка Дороти открыла программу своим всегдашним приветствием:

– Всем доброго утра, надеюсь, у вас погода прекрасна, но на нашу я сержусь – сплошь серая морось. Но будь то дождь или солнце, я рада оказаться дома и снова встретиться с моими радиодрузьями. Мы чудесно съездили в Мемфис, столько всего повидали! Во-первых, прямо в холле нашей гостиницы жила семейка уток, во-вторых, через дорогу от нас двадцать четыре часа в сутки продавали хот-доги. Я Доку говорю: не представляю, кто бы захотел хот-дог посреди ночи, но, видать, такие находятся. В общем, Мемфис замечательный город, но... – Мама Смит сыграла несколько аккордов песни «Нет лучшего места, чем дом наш родной», и Дороти засмеялась: – Верно, верно, Мама Смит. Кстати, мы рады, что Мама Смит этим утром снова с нами, ее сестра Хелен молодчина, резво идет на поправку. Мы желаем доброго здоровья и ей, и всем нашим любимым, кто нынче болеет. Для них у нас припасен особый подарок, который придется по душе всем любителям церковных песнопений. Но это потом, а пока...

Скажите, вы умеете печь бисквиты так, чтобы вся ваша семья в один голос восклицала: «Вкуснота!»? Если нет, я хочу, чтобы вы пошли и купили себе пакет муки «Голден флейк – легче перышка». И прежде чем я прочту письмо-победитель в конкурсе «Как я встретила своего мужа», я должна сказать огромное спасибо Эвелин Беркби, нашей подруге и ведущей радиопередачи для хозяек «На проселочной дороге», которую слушают на радио КМА в Шенандоа, штат Айова, за присланный рецепт черничного пирога со сметанным кремом. Давайте поглядим, что тут у меня припасено... А-а, Фред Морган звонил, они только что получили партию новых радиоприемников «Филко», так что спешите. С горечью признаюсь: я настолько стара, что помню самодельные радиоприемники – детекторные штуковины, сооруженные из коробок от овсянки или сигарет. Что? Мама Смит говорит, что помнит время, когда радио вообще не было. Я страшно рада, что мы живем сейчас, а не тогда, а то что бы я делала, не заходя с помощью радиоволн в гости ко всем моим радиососедям, но как эта штука работает – не спрашивайте. Ведь нас, одновременно болтающих в эфире, огромное количество, но передачи не сталкиваются друг с другом в

воздухе. Загадка! Часто задаю себе вопрос: куда девается моя передача после того, как ее услышали? Растворяется в воздухе или так и витает где-то в надземном пространстве? Но если знаете – прошу, не говорите мне, а то напугаюсь до смерти.

Пришла Беатрис, у нее песня «Звездная пыль на синей траве» для всех слушателей из Кентукки, но сначала наш победитель. Миссис Бутс Кэрролл из Энида, Оклахома, пишет:

Дорогая Соседка Дороти,

Мы с мужем познакомились в Алькатрасе ^[8]. Нет, он не был преступником, он был охранником. Прихожане нашей церкви поехали туда на экскурсию, и, когда мы встретились глазами, он проследовал за группой до экскурсионного автобуса, узнал, где мы остановились, и в тот же вечер пригласил меня на свидание. Хоть и служил он охранником, а был красивым, и форма ему очень шла, и теперь у нас четверо взрослых детей.

Что ж, миссис Кэрролл, приз определенно ваш, так что ждите сертификат на бесплатный пятифунтовый пакет муки «Голден флейк».

После того как Беатрис спела и Дороти справилась еще с несколькими рекламными объявлениями, она сказала:

– Знаете, я всегда ищу, чем бы вас новеньким порадовать, и вот, пока мы с Доком были в Мемфисе, мне повезло увидеть и услышать удивительную поющую группу, семью Отман. В следующем месяце они приедут выступить на нашей программе. Позже я сообщу точную дату, чтобы ни один ценитель церковных песнопений не пропустил это событие. Вас ждет истинное наслаждение.

Приезду Отманов особенно обрадовалась тетушка Нормы, Элнер Шимфисл: она уже слышала их выступление в передаче «Время госпела». В последнее время старушка стала туга на одно ухо и полюбила группу, которая так громко поет.

После передачи, восхищаясь в комнате Анны Ли новыми туфлями и слушая жалобы на Бобби, который тиранил ее после их отъезда, Дороти пыталась придумать, как бы менее травматично сообщить дочери о скором приезде гостыи. Она сделала вид, что расправляет занавеску, и эдак небрежно бросила:

– Да, кстати...

Но хитрость не удалась.

– Исполнительница песнопений Церкви Христа? – возопила Анна Ли. – В моей комнате на целую неделю? Поверить не могу!

– Ну, золотко, она тебе наверняка понравится, вот увидишь. Такая вроде славная девчушка, – с надеждой сказала Дороти.

Анна Ли взвыла и повалилась на кровать, словно разом лишившись сил.

– Мама, как ты могла – не спросив меня?

– Так уж получилось, понимаешь. Миссис Отман спросила, нет ли у нас лишней кровати... А тебя там не было... Вот я и подумала – ты не станешь возражать. Она ведь примерно твоего возраста, и к тому же тебе не помешает познакомиться с человеком немного другого круга.

– Немного другого! Мама, эти люди даже в кино не ходят, не красятся – ничего!

Дороти вспомнила, как они выглядят, и должна была признать:

– Может, и так. Но это из-за религии, так что нужно просто уважать их убеждения. Ты же можешь сделать перерыв на неделю в кино и танцах, правда?

Анна Ли смотрела на мать в ужасе:

– Почему я должна делать перерыв? Я же методистка.

– Ну просто мне кажется, это будет не совсем ловко – делать то, чего ей нельзя.

– И как мне предлагаешь ее развлекать, если ей ничего нельзя?

– Можешь познакомить ее с подругами. Наверняка у вас найдется много интересных занятий.

– Хоть одно назови.

– Например, в бассейн можно сходить. Или организовать для нее небольшую вечеринку на заднем дворе. Пикничок.

– А еще что?

– Ох, Анна Ли, ну не знаю. Да ты придумаешь, чем занять свою гостью, я уверена.

– Она не моя гостья, я просто отдуваться должна буду за всех – день и ночь с ней возиться. А вдруг она начнет рыться в моих вещах?

– Не глупи. Не станет она рыться. Она очень славная девочка, и наверняка все будет хорошо, как-нибудь ты выживешь, даже если тебе придется целую неделю проявлять гостеприимство. Потом еще обсудим. А сейчас мне пора готовить обед.

Дороти была в дверях, когда Анна Ли добавила:

– Ладно, но если она заявится в каком-нибудь жалком самодельном платье, я ее никуда не возьму. Пусть дома сидит.

Анна Ли не хотела огорчить маму, но от этого заявления Дороти остановилась как вкопанная. Анна Ли в ту же секунду сообразила, что

зашла слишком далеко.

Мать обернулась и долго смотрела на нее.

– Анна Ли, только не говори мне, что моя дочь выросла снобом. Если я хоть на минуту подумаю, что ты способна быть к кому-нибудь недоброй, тем более к бедной девочке, которая, может, мечтает приехать и познакомиться с тобой, это разобьет мне сердце. Я сказала, что ты будешь рада принять ее, да, видно, ошиблась.

Анне Ли сразу стало стыдно.

– Мама, прости, я не хотела.

Дороти постояла, раздумывая, что предпринять, потом решила:

– Я позвоню миссис Отман и скажу, чтобы они на нас не рассчитывали, подыскивали другое жилье.

– Нет, не надо. Мам, ну прости.

Но Дороти повернулась и вышла из комнаты. Анна Ли ринулась за ней, умоляя:

– Нет! Пожалуйста, не надо. Мама, ну пожалуйста!

– Я не стану звать девочку, если ей не рады.

– Рады, рады, я хочу, чтобы она приехала. Обещаю, я буду делать все, что она захочет. Пожалуйста, пусть приедет! Я себя убью, если не разрешишь ей приехать! – Тут она рухнула на пол в полноценной подростковой истерике. – Пожалуйста! Пожалуйста! Она может одна в моей комнате жить, я у бабушки посплю, может все мои вещи носить. Я буду развлекать ее днем и ночью, обещаю, только не звони!

Дороти не раз была свидетелем подобных спектаклей, и это ее не убедило.

– Хорошо, Анна Ли, встань. Сегодня звонить не буду. Но ничего не обещаю. Посмотрим, что ты завтра скажешь.

С этого дня на каждом совместном ужине Анна Ли сообщала, что ждет не дождется приезда Бетти Рэй.

И хотя это было не совсем правдой, Анна Ли готова была пройти сквозь огонь, только бы снова не разочаровать маму.

Гостья по принуждению

Месяц спустя около четырех часов пополудни старый запыленный четырехдверный зеленый «паккард», плотно забитый людьми, сборниками песен и одеждой, со звуковым оборудованием, привязанным к багажнику на крыше и даже к подножкам, остановился около дома Смитов. Сделанный вручную знак на капоте гласил: СЕМЬЯ ОТМАН – СТРАНСТВУЮЩИЕ ВО ИМЯ ИИСУСА.

Дороти крикнула из гостиной:

– Анна Ли, Бобби, спускайтесь, Бетти Рэй приехала.

Весь день Анна Ли отрабатывала улыбку и счастливый вид по поводу приезда гостыи, но, увидев побитую дорогами машину, втайне понадеялась, что соседи ее не заметят.

Дверь машины открылась, с заднего сиденья вылезли трое, на девочке, как и предвидела Анна Ли, было голубое самодельное платье с каким-то уродским зеленым зигзагом по вороту и рукавам. Один из мальчиков Отманов отвязал от подножки небольшой коричневый картонный чемодан, сунул его девочке и влез обратно в салон.

Минни махала из окна платком.

– Вот и она, миссис Смит, – сказала она и, оглядев дом, воскликнула: – Нет, вы только гляньте, что за красота! Сколько кустов, а клумбы какие – ай-ай! Да это самый красивый дом из всех, где она жила.

Дороти поблагодарила.

– Может, зайдете выпьете холодненького, съедите по сэндвичу? Я для вас печенье напекла.

– Ой, нет, уважаемая, сил нет, мы из Оклахомы едем как сардины в банке, ноги отеки, как у слона, скорей бы до места добраться. К тому же, если мы все вылезем, неизвестно, впихнемся ли мы обратно. Мальчикам не терпится поглядеть, где нам выступать... Но от печенья не откажемся, если оно домашнее.

– Конечно, – сказала Дороти. – Анна Ли, Бобби, упакуйте печенье в вощеную бумагу и сэндвичей положите.

Минни поманила Дороти, чтобы та подошла поближе к машине.

– Миссис Смит, я уже говорила, она совсем мало ест. Единственное, что может вас беспокоить, это ее привычка сидеть в уголке и молчать, но не принимайте на свой счет. Она просто ужасно смущается, не знаю даже, отчего и в кого она такая. Господь знает, прочих Отманов скромниками не

назовешь. Мы молимся, чтобы она от этого избавилась, но пока результатов не видать.

Получив угощение, Минни сказала:

– Я утром верну тарелку. Будем ровно в девять, к началу программы, не волнуйтесь.

И они укатили, оставив Бетти Рэй на дороге.

Анна Ли немного ненатурально изобразила радость:

– Здравствуй, я Анна Ли, добро пожаловать.

Дороти притянула к себе сына и сказала:

– А это Бобби.

Бобби сказал:

– Привет.

Бетти Рэй кивнула, не поднимая глаз. Последовал неловкий момент, когда они все стояли и молчали, но Дороти словно дала команду «Отомри!», сказав:

– Ну, пошли тебя устраивать. Бобби, возьми чемодан.

Бобби как зачарованный разглядывал ее странное платье.

– А-а, да... – Он взял чемодан и тут же спросил: – А он у тебя что, картонный?

Дороти прожгла его взглядом.

– Мне просто интересно, – буркнул он.

Бетти Рэй, видимо, привыкла ночевать у незнакомых людей, смирилась и покорно шла, куда ее вели. Она молчала, пока процессия не остановилась перед комнатой Анны Ли. Дороти открыла дверь и провозгласила:

– Будешь жить здесь.

Огромная, солнечная, с большой кроватью, покрытой белой кружевной накидкой, с цветастыми обоями, комната казалась ожившей фотографией из журнала. Анна Ли с Дороти все утро приводили ее в порядок. Дороти постирала и погладила занавески. Все ждали, что гостя войдет первая, но Бетти Рэй застыла в дверях. Потом жалобно глянула на Дороти и спросила извиняющимся голосом:

– Миссис Смит, а нет ли у вас какой-нибудь другой комнаты?

Дороти была поражена. Вот уж чего она никак не ожидала услышать.

– Э-э... Тебе не понравилось? Что-нибудь не так?

– Нет, мэм.

Дороти потеряла дар речи. «Ох, батюшки», – только и могла она сказать.

Бобби выдал:

– А хочешь, у меня поживи. У меня там полно всякого.

– Нет, Бобби, с тобой она жить не будет. Я просто пытаюсь сообразить, что можно еще предложить. Давай пройдемся по дому, посмотришь сама.

Бетти Рэй снова съежилась и испуганно прошептала:

– А вы не возражаете?

Дороти беспокоилась, но виду не подала.

– Нет, конечно, ты же гостя. Мы хотим, чтобы тебе было хорошо.

Пока они втроем следом за Бетти Рэй совершали небольшой марш-бросок, обходя комнаты, Дороти посмотрела на дочь, вскинула руки и потрясла головой, как бы говоря без слов: «Я не понимаю, что она делает. А ты?» Но Анне Ли вдруг стал нравиться такой странный поворот событий, и она не ответила. Только подняла глаза к потолку и невинно похлопала ресницами, что в переводе могло означать: «Откуда мне знать? Это ты ее пригласила». Дороти очень захотелось ущипнуть дочь покрепче.

Бетти Рэй обошла почти весь дом, пока не открыла дверь в маленькую каморку для шитья. Заглянув внутрь, она указала на кушетку у стены, заваленную обрезками ткани и выкройками:

– Можно я здесь поживу?

Дороти, раздавленная, сказала:

– Можно, конечно... Но это же просто дыра в стене, не больше стенового шкафа. Здесь даже одежду негде повесить. Разве тебе не будет лучше в большой, красивой спальне, с собственной ванной?

Но Бетти Рэй прошептала:

– Нет, мэм, мне здесь нравится.

– Ну и прекрасно, – излишне бодро сказала Дороти. – Главное, чтобы тебе нравилось. Анна Ли, помоги мне освободить кровать, и сложим гладильную доску.

За обедом Бетти Рэй почти ничего не съела. Открывала рот, только когда к ней обращались, и то ради односложного ответа.

Док заскочил домой пообедать и попытался с ней поболтать. Он вежливо спросил:

– Ну как тебе твоя комната, Бетти Рэй?

Бобби встрял:

– Не понравилась. Она заселилась в комнату для шитья.

Док спросил Дороти:

– Почему в комнату для шитья? Мне казалось, гостью собирались поселить к Анне Ли.

Пока Дороти подыскивала тактичный ответ, возникла пауза, в которую мог бы проехать грузовик. Но Бобби не заметил никакой неловкости, зато

заметил, что у гостей нет аппетита, и вежливо осведомился:

– Если она не хочет свой десерт, можно я его съем?

После обеда, не говоря ни слова, Бетти Рэй направилась в кухню и встала у раковины. Когда Дороти сообразила, что к чему, то замахала руками:

– Нет, разве можно, деточка, ты же гость. Беги играй. Мы с Мамой Смит сами приберем.

Бетти Рэй, кажется, удивилась, но отправилась прямо в свою комнату и закрыла дверь. Когда Анна Ли, вытащив из шкафа кучу игр, в которые они могут поиграть, заглянула в кухню с вопросом, где Бетти Рэй, Дороти сказала:

– Не уверена, но, кажется, она уже легла.

– Но сейчас только семь.

– Может, устала с дороги.

– Значит, – сказала Анна Ли, – монополька отменяется, да?

Позже, когда они сидели на веранде, а Дороти еще не вышла, Мама Смит тайком шепнула Доку:

– Странная девчушка, правда?

Неудивительно

В тот первый вечер Мама Смит посчитала Бетти Рэй странной, но на следующее утро, столкнувшись со всем семейством Отман во всей его красе, включая загадочного Дядю Флойда Отмана с его куклой по имени Честер, чревовещающей цитатами из Святого Писания, она изменила мнение. Честер был в ковбойской шляпе и то и дело напевал: «Йодль вложил мне в сердце Иисус». Увидев остальных, Мама Смит быстро сообразила, что Бетти Рэй – самая легкая форма Отманов.

После их ухода Бетти Рэй тотчас скрылась в своей каморке.

– Бог мой, неудивительно, что она со странностями, – заметила Мама Смит. – В такой-то компании.

Ровно в 9.15 они вывалились из машины и вторглись в дом, как армия захватчиков, и меньше чем за десять секунд съели все шесть дюжин печений, выставленных у двери. Во время выступления Минни села за фисгармонию Мама Смит и забила ее практически до смерти. После того как группа спела три песни, чревовещатель Честер проговорил высоким, скрипучим голосом:

– Не забудьте, друзья, начиная с сегодняшнего вечера мы всю неделю будем петь на шоссе 78 в Церкви Христа на ежегодном пикнике с песнопениями, и там будет уйма хороших песен, уйма хорошей еды... и спасение душ, так что приходите!

Потом они загрузились в автомобиль и уехали.

Зрителям, присутствующим в тот день на передаче, их пение явно понравилось, особенно Беатрис Вудс, Слепой Пташке Певчей, она даже от восторга захлопала в ладоши, когда чревовещатель Честер разразился йодль-трелями. Мама Смит, однако, ее восторгов не разделяла и рада была получить назад свой инструмент хотя бы отчасти живым.

Зато Бобби было без разницы – носит ли Бетти Рэй платье домашнего кроя и поет ли госпел. Ему нравилось, что в доме новый человек. Наконец есть перед кем повыделываться.

На второе утро он дождался, когда Бетти Рэй выйдет в кухню завтракать. Едва она села за стол с Доротой и Мамой Смит, они услышали странный, зловещий свист из холла. Потом в дверях появился Бобби в отцовском длинном плаще с поднятым до ушей воротом и широкополой серой фетровой шляпе, надвинутой до глаз, и завыл не своим голосом:

– Я Свистун и многое знаю, ибо я выхожу по ночам. Я знаю много

загадочных историй, таящихся в сердцах мужчин и женщин: им есть что прятать во мраке. Да... Мне ведомы страхи, о которых они молчат, страхи, которым нет названия!

На сих словах он исчез так же внезапно, как появился, огласив дом безумным смехом.

Бетти Рэй немного встревожило такое странное поведение, но остальные спокойно вернулись к еде. Дороти лишь сказала, намазывая маслом тост:

– Тратил бы он столько же времени на домашнюю работу, сколько проводит в обнимку с радио, был бы уже отличником.

Бетти Рэй глянула в окно и увидела девушку в темных очках: держась за протянутую между домами веревку, она шла через двор, направляясь к двери черного хода, в то время как другая посетительница – в поношенном платье, с накрученными на бигуди волосами, забранными под сетку, – вбежала на крыльцо – и напрямиком к кухне:

– Маму не видали?

Дороти огорчилась:

– Нет, здесь ее не было. Опять пропала?

– Да. Я на пять секунд отвернулась, глядь – ее нет. Если увидите ее, хватайте.

Когда женщина ушла, Мама Смит сказала:

– Бедняжка Тот, это уже второй раз за неделю.

Дороти покачала головой:

– Бедняжка Тот.

Мама Смит повернула голову, чтобы заговорить с Бетти Рэй, но та исчезла, оставив тарелку с едой почти нетронутой. Через секунду щелкнул замок на двери ее каморки. Женщины удивленно переглянулись.

– Н-да... – сказала Мама Смит.

– Н-да... – повторила Дороти. – Не знаю, что и думать. А ты?

– И я.

К завтраку спустилась Анна Ли.

– Она уже встала?

– Да, и уже ушла. Ты ее упустила.

Бетти Рэй сидела в каморке, пока не пришло время ехать на собрание. Тогда она выскользнула из дома незамеченной и стояла на дороге, пока ее не забрала машина. Позже Дороти постучала к ней в дверь и, не дождавшись ответа, вошла глянуть, все ли в порядке, но девочки след простыл. Дороти не собиралась любопытничать. Она случайно заметила, что платье Бетти Рэй, в котором та приехала, лежит на кровати, а открытый

чемодан на полу пуст. Боже правый, подумала Дороти, у девчушки всего-то одежек – два платья.

Первым желанием было помчаться в город и закупить ей нарядов. Вечером она обговорила это с Доком. Многие годы оба тайком снабжали людей одеждой и продуктами или анонимно посылали деньги, когда случалась необходимость. Но Бетти Рэй – другой случай. Она гость в их доме. Незаметно это сделать не удастся, а иначе она подумает, что ее воспринимают здесь как объект для благотворительности, и обидится.

Эта дилемма мучила Дороти всякий раз, как она видела девочку все в том же изношенном платье.

Религиозные бдения

С тех пор как Отманы появились в передаче Соседки Дороти, Анна Ли, Норма и Петси Мэри просто умирали от желания побывать на религиозных бдениях. Девочки выросли в городе и до сих пор не проявляли интереса к подобным мероприятиям. Однако Дороти немедленно заподозрила неладное.

– Слушай, Анна Ли, я не хочу, чтобы вы ехали насмехаться над этими людьми. Ты слышишь?

– Мама! – Анна Ли была шокирована таким предположением. – С чего ты взяла, что мы станем насмехаться?

– Потому что слишком хорошо знаю вас, балбесок.

В конце концов Анне Ли удалось вырвать у матери разрешение, но Ида, мама Нормы, была категорически против.

– Я вас туда не пущу. Не пойми с кем в не пойми какой глуши заниматься пустой болтовней! К тому же мы пресвитериане, и нам чужды их примитивные ритуалы.

Однако Норма соврала, что пойдет ночевать к Петси Мэри, и все равно поехала.

Шел второй день бдений. Норма заставила своего друга, Мака, отвезти их туда. Выехали в шесть, но сначала Норма велела Маку заехать в кафе «Трамвай» – закупить в дорогу гамбургеров. Она показала схему проезда, где было написано: «Религиозные бдения и ужин на траве».

– Я не собираюсь ничего есть с травы. Если заболею, маман сразу поймет, где я была.

Свернув с шоссе 78 на пыльную грунтовую дорогу, они увидели коряво написанные плакаты: ВОЗМЕЗДИЕ ЗА ГРЕХ – СМЕРТЬ, А ТЫ СПАСЕН? ГОТОВЬСЯ К ВСТРЕЧЕ С ТВОРЦОМ и ГОСПОДЬ ПРИНИМАЕТ ВСЕ ВЫЗОВЫ ЛИЧНО, У НЕГО НЕТ СЕКРЕТАРЕЙ.

Петси Мэри заметила:

– В «секретарях» «Р» пропустили.

Минут через сорок пять подъехали к месту под названием Пастбище Браунов и очутились позади Церкви Христа на шоссе 78 перед большой круглой желто-коричневой палаткой с висящими вокруг на веревках красно-белыми треугольными баннерами. Обочины были плотно заставлены автомобилями, грузовиками и тракторами, пришлось оставить машину в полумиле. Народу толпилось уйма, все с тарелками и

корзинками. Протиснувшись поближе к палатке, они увидели длинные столы со скамьями, застеленные газетами и заставленные домашней снедью. Норма удивилась: оказывается, «ужин на траве» вовсе не предполагает еду прямо с земли. При виде груды жареных цыплят, домашней лапши с сыром, свежей кукурузы и арбузов, они пожалели, что послушались Норму и захватили только гамбургеры. Норма оправдывалась:

– Откуда я знала-то, там же не сказано «ужин на столах»!

Внутри палатки все складные деревянные стулья оказались заняты, и они устроились на галерке, что Норму как раз более чем устраивало. Пол был усыпан опилками, пахло как в цирке, и публику охватило радостное возбуждение – тоже почти как в цирке. Детям разрешалось бегать по проходам и шуметь – совсем не то что в церкви, где все собраны и серьезны. Всех переполняло радостное ожидание. Чего именно ожидать, девочки из Элмвуд-Спрингса пока не знали. Со здешним народом они никогда не виделись: тут были и пятидесятники, и последователи Церкви Христа, и строгие «Примитивные баптисты», известные обрядом омовения ног, – кого только не понаехало.

Мужчины по случаю принарядились в чистые рабочие штаны и рубы, а женщины – в платья домашнего покроя, такие же, как на Минни и Бетти Рэй. Вечер выдался душный, и дамы – большинство с волосами, собранными в пучок на затылке, – сидели и радостно общались, обмахиваясь бумажными веерами с картинкой Тайной вечери, розданными при входе. Круглая сцена в центре палатки была голой, не считая пианино, стереосистемы да искусственного папоротника в кадке. В ожидании начала Анна Ли, Петси Мэри и Норма пихали друг друга локтями и хихикали, а Мак показал пальцем на старушку, которая жевала табак и сплевывала в специально принесенную жестянку. И тут мимо них прошла большая, широкая в кости миловидная женщина с худосочным мужчиной в рабочем комбинезоне. Норма глянула на нее мельком и тут же бросилась на землю и спряталась под стулом.

Мак спросил:

– Ты куда, Гуфи?^[9]

– Это тетя Элнер! Увидит меня – непременно маман доложит.

И весь вечер Норма подпевала и качалась в такт с сидевшими впереди людьми, обмотанная шарфом по глаза и в темных очках: вдруг тетушка обернется и каким-то образом узрит ее среди семи сотен прихожан. Но больше ее беспокоило другое.

Ровно в семь вечера вышел пастор Церкви Христа на шоссе 78. После многословной молитвы он представил семью Отман – исполнителей

госпела, и они под громоподобные аплодисменты заполнили сцену.

Петси Мэри ткнула в бок Анну Ли:

– Которая из них Бетти Рэй?

– Худышка.

Петси Мэри заметила, что худышка единственная из Отманов, у кого нет угольно-черной копны волос.

– Она как-то не похожа на остальных, правда?

Норма шепнула Маку:

– Я бы горевать по этому поводу не стала.

Вечер начался бодрящим «Дай мне эту Древнюю религию» с притопыванием и прихлопыванием, потом они спели «Омыт ли ты кровью?», «Скажи Матери, что я там буду», «Мы встретимся у реки», «Я верю в человека в Небесах», и, когда все слушатели уже кричали и подскакивали на своих местах, приезжий пастор, лидер сегодняшнего собрания, его преподобие Бриггл Стоктон из Дел-Рио, штат Техас, пробежал по проходу между рядами и вскочил на сцену с Библией в руке, танцуя и выкрикивая:

– Я чувствую вдохновение!

Дальше события развивались совсем не по тому сценарию, какой представляла себе четверка из Элмвуд-Спрингса. Преподобный Бриггл обрел спасение души у знаменитого евангелиста Билли Сэнди и вознамерился отплатить миру услугой за услугу. Он попрыгал на одной ноге, затем на другой и предупредил тех прихожан, кто еще не был спасен, о геенне огненной. Потом принялся выкликать бессвязные лозунги о борьбе с дьяволом за души человеческие, вопя:

– Я буду биться с ним лопатой... Я буду биться с ним топором... Я буду биться утром... Я буду биться ночью!

Он так огорчался и переживал по поводу дьявола, что стал малиновым, начал плевать, и зрителям с первого ряда приходилось уворачиваться всякий раз, как выкрикивалась новая фраза. Мак до того развеселился, что вслух заржал, но тут же притворился, что это кашель. Анна Ли с Нормой от стараний сдержать смех едва не умерли от удушья. Но преподобный Бриггл не успокоился, покуда несколько женщин не вскочили и не принялись плясать и выкрикивать что-то на непонятном языке. Грешники-гости потели и ерзали на своих стульях, и где-то через час гневных воззваний, перепугав толпу обещаниями, что гореть им в аду, он призвал спасенных подойти и признаться в своих грехах перед Господом Всемогущим, чтобы спастись от вечного проклятия. Около трехсот человек разом вскочили с мест – некоторые делали это на каждом собрании, некоторые впервые – и

стали протискиваться к алтарю, крича «Слава Иисусу!» и «Аллилуйя!». Один мужчина в конце их ряда дергался, будто сунул пальцы в розетку.

Норма, Мак и Анна Ли так увлеклись этим зрелищем, что не заметили, как их подруга вдруг встала и вместе с толпой ринулась к алтарю. Оглянувшись и увидев ее, Норма закричала:

– О боже, Мак, Петси Мэри ушла, хватай ее!

Но поздно, она уже была на полпути. Час спустя, когда они вытащили обалдевшую Петси Мэри из палатки и сидели в машине, она пыталась объяснить:

– Даже не пойму, как это случилось. Сажу себе вроде, а потом – хлоп, и я уже иду по проходу. Как будто меня кто поднял за шкуру и переставлял ноги, а я не могла остановиться. После этого ничего не помню. Так что, наверное, моя душа спаслась.

Анна Ли спросила с благоговением:

– А каково это – спасенной быть, Петси Мэри? Чуешь какую-нибудь разницу?

Петси Мэри прислушалась к себе и честно ответила:

– Не знаю даже... Но голова болеть перестала.

Мак захохотал, однако Норма ничего смешного не увидела.

– Нечего ржать, Мак. – Потом предупредила Петси Мэри: – Учти, если ты свихнешься и начнешь бормотать на непонятном языке, клянусь, я с тобой больше не разговариваю.

Встревоженная Анна Ли пристально взгляделась в лицо подруги:

– Ты не чувствуешь желания бормотать на неизвестном языке, Петси Мэри?

Петси Мэри прислушалась к себе.

– Вроде бы нет... пока.

Норма закатила глаза:

– Ну, отлично. Теперь придется следить за ней, как ястреб, день и ночь. Все ты виноват, Мак.

– Я? А чего я сделал-то?

– Если бы схватил ее, когда тебе сказали, она бы не дошла до спасения.

– Норма, я не мог. Она уже была у сцены. Сама-то чего ж за ней не пошла? Ближе ведь была, чем я.

– Ага, чтоб тетя Элнер сообщила маме, что видела меня? Хочешь, чтобы меня заперли дома до конца моей земной жизни? Ты же знаешь маман – она слетит с катушек, если узнает, что тетя Элнер ходила на религиозные бдения, не говоря уж о ее собственной дочери.

Вечеринка

На следующий день по пути на вечеринку, устроенную Анной Ли для Бетти Рэй, Норма заставила Петси Мэри пообещать, что если она почувствует себя хоть немного странно или у нее вдруг возникнет неодолимое желание бормотать на непонятном языке, она тут же уйдет.

– Если мы хотим на будущий год выступать в команде болельщиц, мы не можем себе позволить снова впасть в религиозный экстаз. – Потом попыталась прощупать почву с другой стороны: – Как сегодня твоя головная боль?

Бедная Петси Мэри, с которой Норма последние двадцать четыре часа не спускала глаз, сказала:

– Кажется, вернулась.

Для Нормы это было хорошей новостью. Значит, Петси Мэри избежала спасения души.

Вечеринка планировалась в маленьком клубном зале бассейна «Каскад». Анна Ли заранее предупредила друзей, что религия не позволяет Бетти Рэй танцы, так что придется обойтись без этого. Все ворчали, но все равно пришли. Вечеринка намечалась с трех до пяти, но Отманы увезли Бетти Рэй на бдения в четыре. И тогда уж понеслось. Перед Бетти Рэй все вели себя сдержанно и культурно, но едва она удалилась, как в ход пошел музыкальный автомат и начались пляски.

Когда Анна Ли вернулась, ее мать в кухне разговаривала с организатором местного Красного Креста, обсуждая грядущие ежегодные учения. Анна Ли поставила в мойку тарелки, которые брала на вечеринку. Дороти, которая весь вечер нервничала, спросила:

– Как все прошло?

Анна Ли скривилась и кивком позвала ее на заднее крыльцо. Дороти извинилась и закрыла дверь. Анна Ли шепнула:

– Мама, это было ужасно. Все так старались, а она только стояла в углу и тряслась.

– Ох.

– Вывалила на себя тарелку с едой. Мне было ее так жалко. Мальчики пытались ее разговорить, но она просто не знала, как себя вести. Может, с ней что-то не так? Может, она отсталая или еще чего?

– Нет. Нет, что ты. Скорее всего, просто не привыкла к вечеринкам.

Но в душе Дороти не была так уверена.

На следующий день, когда Бетти Рэй забрали, Анна Ли сказала:

– По-моему, она меня просто ненавидит.

– Нет, дорогая, ничего подобного, – сказала Дороти.

– Ну, по крайней мере, я ей не сильно нравлюсь. Я пригласила ее к себе в комнату, думала – пообщаемся, познакомимся поближе, а она только сидела молча и вообще вела себя так, будто ее тут силком держат. – Анна Ли была в замешательстве. – Не понимаю, мама, остальные-то ко мне вроде нормально относятся. Выбрали меня самой популярной ученицей... А при виде Бобби она поворачивается и идет в другую сторону.

Мама Смит засмеялась:

– Это я как раз могу понять.

– И бедный Джимми, – продолжала Анна Ли. – На днях заходит в кухню, здоровается, а она как драпанет! Спряталась в кладовке и просидела там, пока он не ушел.

– Все равно что с мышью в доме жить, – задумчиво проговорила Мама Смит. – Поздно вечером слышу: метнулась в ванную, что-то там простирнула – и шмыг назад, к себе в комнату. Ходит на цыпочках, будто извиняется за то, что живет на свете, боится лишний звук издать, жметесь к стенам. Небось она с удовольствием испарилась бы, если б могла.

– Да, – вздохнула Дороти, – прямо сердце кровью обливается. Но что тут поделать, нужно просто быть к ней добрее, постараться не пугать.

В оставшиеся дни Мама Смит и Анна Ли пытались разговорить гостью, но тщетно. И в конце пребывания у Смитов Бетти Рэй чувствовала себя чуть поспокойней только в присутствии Дороти и Принцессы Мэри Маргарет. Она не выходила из комнаты, когда шла передача, но в дневное время, если никого другого поблизости не было, порой проскальзывала в кухню и сидела в углу, поглаживая собаку и глядя, как Дороти готовит. Дороти с удовольствием бы с ней заговорила, но не хотела принуждать к общению. Однако в последний день все же не удержалась. Она вошла в комнату для шитья и села на кушетку.

– Дорогая, иди сюда, присядь, поговорим минутку, хорошо?

Бетти Рэй села. Дороти взяла ее за руку и заглянула в глаза:

– Я знаю, что это не мое дело, но я за тебя беспокоюсь. Знаешь, ты не должна так стесняться людей. Ты всем нам очень нравишься, но если ты не будешь с нами разговаривать, мы не поймем, как ты к нам относишься.

Бетти Рэй покраснела, опустила голову. Дороти продолжала:

– Я понимаю, это, наверное, просто от робости. Веришь, нет, но я в твоём возрасте была такая же. Деточка, для твоего же блага тебе нужно

понять: ты совершенно замечательный человек и люди хотели бы с тобой дружить, если ты им позволишь. – Она похлопала ее по руке: – Я знаю, у тебя получится. Обещаешь, что хотя бы постарайся?

Бетти Рэй кивнула, в глазах у нее стояли слезы.

Прощай

Когда Отманы приехали за Бетти Рэй, все Смиты вышли проводить ее к машине. Минни высунулась из окошка и сказала Дороти:

– Надеюсь, она вас не беспокоила, миссис Смит.

– Нет, что вы, наоборот – нам было приятно.

– Я ж говорила – много она не ест.

– Миссис Отман, – сказала Дороти, – а что, если я попрошу вас на минутку зайти? Я кое-что вам приготовила.

– Конечно. – Минни повернулась к мужу: – Выключи двигатель, Феррис, побереги бензин.

В кухне она увидела, что Дороти приготовила им в дорогу огромную корзину бутербродов и печенья.

– Ой, ну как же это мило, ну вы подумайте. Нам ваше печенье так понравилось, слов нет, чуть руки себе не отгрызли.

Дороти прикрыла дверь.

– Миссис Отман, вообще-то я искала повод поговорить с вами наедине. Можете на минутку присесть?

– Конечно, уважаемая. – Минни села за стол. – И кстати, спасибо за рекламу на радио. Народу набежало – не продохнуть, никогда столько не было. Пришлось притащить еще сотню стульев и скамеек, чтобы всех рассадить.

– Не стоит благодарности.

– И еще раз спасибо за девочку.

– Об этом я и хотела поговорить, миссис Отман. Это, разумеется, не мое дело, но вы знаете, что у Бетти Рэй руки дрожат?

Минни кивнула:

– Да-да. Уж и не припомню, когда началось, лет с пяти-шести вроде бы. – Она взглянула на окно и воскликнула: – Ой, вы только посмотрите, до чего симпатичные занавесочки, и все эти цветы в стеклянных вазочках... Клянусь, никогда такого не видела.

– А вы знаете, отчего она дрожит, миссис Отман?

– Называйте меня Минни, дорогуша. Нет, понятия не имею. Оттого что слишком худенькая, наверное. У ней косточки тоненькие, как у птички. – Она засмеялась и прикрыла рот рукой. – Явно не в меня. Смотрите, у меня даже запястья толстые. Мама говорит – если толстеют запястья, знай, что ты слишком растолстела.

– Миссис Отман... Минни... Вам, конечно, виднее, но, учитывая, что она такая застенчивая, может быть, ей не на пользу все эти переезды с места на место?

– Знаете, пожалуй, вы и правы, миссис Смит. – Минни нагнулась и заговорила шепотом, словно делая признание Дороти: – Мне больно об этом говорить, но, кажись, песнопения ей не по нутру. Не в ее характере. Ее приходится силой на сцену выволакивать, да и рот она едва раскрывает, и я не могу этого понять. У нее и мать, и отец исполнители госпела, и мальчишек хлебом не корми, дай выскочить на сцену, но Бетти Рэй... – Она печально покачала головой: – Она всегда отличалась, и нам всем это горько, особенно ей.

– Да, могу себе представить.

Минни вздохнула:

– Миссис Смит, я знаю, что она не любит ездить и петь не любит, но что поделать-то? – Тут Феррис посигналил, и Минни встала: – Пойду-ка. Мы должны к семи быть на всенощной в Гумбольдте, штат Теннесси, спасибо-расспасибо, что вы ее приютили и надавали нам столько угощения.

Когда они шли к машине, Дороти сказала:

– Пусть возвращается в любое время, мы будем рады, миссис Отман. – Она заглянула в машину, чтобы попрощаться, но Бетти Рэй не было видно на заднем сиденье среди людей и вещей. Анна Ли, Бобби и Мама Смит стояли и махали руками, пока машина не отъехала.

Мама Смит сказала:

– Надо же, как эти деревенские любят путешествовать всем скопом, правда?

Машина завернула за угол, и Дороти ощутила грусть и еле сдержала слезы. Что-то в Бетти Рэй трогало ее за душу. Она дала девочке адрес и просила писать, но сомневалась, что когда-нибудь получит от нее весточку. Когда они скрылись из виду, Дороти обняла Анну Ли:

– Ты была мила с ней, и я тебе за это очень признательна.

Бобби встрял:

– И я был с ней мил. Подарил чуть не самый любимый камушек.

– Правда? – Дороти обняла его другой рукой, чего он и добивался.

Вместе они пошли к дому.

Бобби добавил:

– Камушек-то, может, сотню долларов стоит, а то и больше.

Анна Ли спросила мать:

– Как думаешь, ей у нас понравилось или наоборот?

– Не знаю, дорогая. Надеюсь, понравилось. Нельзя сказать наверняка.

Чего они не знали

Спустя четыре часа и сто семьдесят восемь миль от Элмвуд-Спрингса Отманы пересекали реку Теннесси. Бетти Рэй сидела, притиснутая к старшим братьям, Бервину и Вернону, те пихали друг друга, и, как всегда, все в машине говорили одновременно. Минни ворчала на Ферриса за то, что он не остановился на последней заправке, а ей надо было в туалет. Чревоушатель Честер был вытащен из коробки и жаловался Феррису, что Флойд тоже хотел выйти на заправке купить себе бутылку холодного «Доктора Пеппера». Но Феррис, нацелившись доехать до места без остановок, игнорировал жалобы и пел свой любимый гимн «Тысяча языков». Бетти Рэй всю дорогу до Гумбольдта сидела с закрытыми глазами, сжимая в руке камушек, что подарил ей Бобби, и старалась отрешиться от шума.

Семья Смит не догадывалась, а девочка не смогла им сказать, что никогда в жизни не жила в таком замечательном доме, как их. По сравнению с брошенным на пол матрасом или кроватью с торчащими пружинами, которые она делила еще с четырьмя-пятью детьми, комнатка для шитья казалась Замком на холме, о котором так часто пела мать. Она не захотела жить в комнате Анны Ли не потому, что ей там не понравилось. Это была самая красивая спальня в мире... слишком красивая для нее. Главная беда – в размерах. Она побоялась бы спать в такой большой комнате. Она привыкла ночевать в маленьких домишках по соседству с деревенскими церквями, где они обычно пели. Если Смиты думали, что она все время убегает, потому что не любит их, то они ошибались. Просто впервые в жизни у нее была возможность пойти в свою комнату и закрыть дверь, побыть совершенно одной. Впервые вокруг не толпились родственники и чужие люди. Им было интересно, что она там делает одна? Они бы удивились, узнав, что она абсолютно ничего не делает – сидит часами в тишине, и все. А мысль, что ей не нравится Анна Ли, была совсем далека от правды, дальше не бывает. Она испытывала благоговейный трепет перед Анной Ли и ее подругами. А рот почти не открывала только оттого, что не могла придумать, что сказать. Ей все понравились, особенно Дороти, которая была к ней так добра. В это последнее утро она едва удерживалась, чтобы не начать умолять их: позвольте мне остаться! Она пробыла в Элмвуд-Спрингсе всего неделю, но это была лучшая неделя в ее жизни.

Дальше Отманы поедут в Фейетвилл, Северная Калифорния, и с каждым днем Элмвуд-Спрингс будет все дальше и дальше.

Созерцание звезд

В пятницу, после отъезда Бетти Рэй, Бобби и его отряд бойскаутов-волчат должен был отправиться в поход на Индийские курганы за городом – искать наконечники стрел. Поход отменили из-за дождя. Но Бобби не огорчился. Он любил в теплый дождливый день сидеть на веранде и смотреть, как машины шуршат колесами по мокрой улице – туда-сюда. Все было зеленым, блестящим и влажным. Весь день до четырех он грезил наяву, а потом как ни в чем не бывало вернулось солнце. Но дождь напитал воздух свежестью, смыл всю пыль знойного августа. Сегодня Монро ночевал у них, и после ужина все, как обычно, потянулись на веранду. Мама Смит перегнулась через перила и взглянула на небо.

– Пойду звездами полюбуюсь. Кто-нибудь хочет со мной?

Бобби и Монро выразили желание, и они втроем вышли в сад с черного хода. Мама Смит уселась в деревянное кресло, а мальчишки повалились на траву рядышком.

– Такое чистое небо, – сказала Мама Смит. – Вы когда-нибудь видели столько роскошных звезд? Вон Большая Медведица и Венера. Наверняка увидим падающую звезду, до утра времени много.

Бобби нравилось вместе с Мамой Смит смотреть на звезды и задавать вопросы.

– Бабушка, а какой был мир, когда ты была маленькая? Сильно другой?

– Ну, время было другое.

– И люди другие?

– Нет, люди-то как раз не сильно меняются, но у нас тогда многого не было, что у вас есть. Не забывай, я жила в девятнадцатом веке.

– Во время Гражданской войны? – вытаращил глаза Монро.

– Ну нет, все-таки попозже. Но, помню, отец о ней рассказывал, и в детстве у нас над камином висела сабля.

– Сабля? – переспросил Бобби. – Настоящая?

– Еще бы. Он воевал на стороне конфедератов.

– И рубил саблём людей?

– Ой, ну это вряд ли. Она больше для показухи на боку у него болталась.

– А она до сих пор у тебя?

– Нет, слишком много времени прошло. Думаю, брат ее забрал, а может, потерялась.

Бобби сказал:

– Но он все-таки был настоящим солдатом, да?

– Самым что ни на есть настоящим. И твой прадедушка Смит со стороны отца твоего отца тоже, только сражался он за федералов. Оба родом из одного города. Но тогда это не было редкостью.

Бобби был ошарашен. Он представить себе не мог, как давно живет его бабушка.

– А звезды в те времена были?

Она засмеялась:

– Да, дорогой, в твоем возрасте я видела те же звезды и луну, что и сейчас. Природа не меняется, только люди. Каждый год рождаются новые люди, а звезды и луна остаются прежними. Просто у нас тогда ни машин не было, ни кино, ни радио, ни даже электричества.

– А как же вы жили?

– Очень тихо.

Монро скривился:

– Это был небось кошмар.

– Ага, – согласился Бобби. – Скука небось смертная.

– Да не особо. Было другое. Книжки были, игры, мы пели песни, ходили в гости. Если чего не знаешь, то и скучать по тому не станешь, вот ведь как.

– А кем ты хотела стать, когда вырастешь, ба?

Мама Смит улыбнулась:

– Веришь, нет, но одно время я думала, что стану знаменитым ученым, как мадам Кюри, и, может, найду лекарство от какой-нибудь страшной болезни.

– Чего ж не стала?

– Мой папа мог отправить в колледж только одного ребенка, учиться отправили брата, и мои мечты о том, чтобы стать новой мадам Кюри, пошли прахом.

Бобби попросил:

– Расскажи про тот отель, куда ты поехала на медовый месяц.

– Бобби, ты эту историю уже сто раз слышал.

– Ну и что, а Монро нет. Расскажи.

– Я не слышал, – сказал Монро.

– Ну... Когда мы с твоим дедушкой поженились, мы сели на поезд и поехали на медовый месяц в Северную Калифорнию. Главное, он не сказал, куда мы едем. Хотел сделать сюрприз, намекнул только, что это будет знаменитый отель с видом на самое красивое в мире озеро. Никогда не забуду первый вечер в этом отеле. После ужина мы вышли на широкую

веранду с видом на озеро, увешанную разноцветными китайскими фонариками. Часов в восемь, как стемнело, все гости отеля вышли на улицу и сказали: «Смотрите на озеро».

– И что дальше произошло? – нетерпеливо спросил Бобби.

– Внезапно посреди озера загорелся огромный светящийся знак с надписью ОТЕЛЬ СВЕТИЛЬНИК из тысячи золотистых лампочек.

– Ух ты! – сказал Монро.

– Потом мы все спустились на берег, сели в каноэ и поплыли к знаку. Не знаю, что было красивее – смотреть назад, на отель с маленькими зелеными, желтыми и красными китайскими фонариками, горящими в темноте, или плыть прямо по словам ОТЕЛЬ СВЕТИЛЬНИК, отраженным в воде. Это был волшебный вечер, вот что я вам скажу.

– Теперь расскажи ему про Кони-Айленд.

– Хорошо. Значит, оттуда мы направились в Нью-Йорк, но было очень жарко, и каждый день мы катались на трамвае к океану в Кони-Айленд^[10], гуляли там и смотрели на всю эту красоту.

Бобби пихнул Монро локтем:

– Погоди, сейчас будет самое интересное.

– И догуляли мы до парка развлечений «Дримленд», такого огромного, что внутри него есть целый небольшой городок под названием Город лилипутов. Туда можно войти, а живут там только лилипуты – сотни лилипутов.

– Ух ты! – выдохнул Монро.

– У них свои домишки и магазины, и собственный лилипут мэр, и крошечный лилипут полицейский. Пока мы там гуляли, мы встретили чудесную семейную пару лилипутов, так вот, дети у них получились нормального размера, жили в Нью-Джерси.

– Ну ничего себе! – выдохнул Монро. – Все бы отдал за то, чтобы увидеть город, полный лилипутов.

– Да, я этого никогда не забуду.

– А что ты еще такого же интересного помнишь из древних времен, бабушка?

– Дай подумать... Помню смену века – первое января 1900-го. Был грандиозный праздник.

– И как праздновали?

– Вечеринки устраивали, а в последнюю полночь 1899-го все жители Индепенденса вышли на улицы – звонили в колокольчики, дули в свистки, запускали фейерверки и всю ночь до утра приветствовали новый век. Мы думали, двадцатый век будет лучше всех прочих, но не прошло и

четырнадцать лет, как началась Первая мировая, так что наши мечты не сбылись.

Скоро Мама Смит сказала:

– Ладно, мальчики, поздно уже. Оставляю вам звезды, а сама пойду.

– Спокойной ночи, бабушка.

– Спокойной ночи, миссис Смит.

Когда она ушла, Монро вздохнул:

– Она самый старый человек из всех, кого я знаю.

– Да... Представь, ей целый век. – Они еще полежали, глядя на звезды.

Бобби спросил: – Интересно, а что будет, когда наступит 2000-й?

– Не знаю. Все небось уже обзаведутся собственными космическими кораблями и начнут летать на Марс и обратно.

– А нам по сколько будет в 2000-м?

Монро сел и сосчитал на пальцах. И посмотрел на Бобби, ошарашенный.

– Нам будет шестьдесят четыре!

– Нееет! – Бобби тоже сел. Он не мог поверить.

– Может, нас уже и в живых не будет, не доживем до таких лет.

Перспектива быть такими же старыми, как стариканы, что целыми днями сидят перед парикмахерской, подействовала угнетающе. Чуть погодя Бобби сказал:

– Монро, давай заключим соглашение. Если мы оба доживем до 2000 года, где бы мы ни оказались, мы позвоним друг другу и скажем: «Ура, мы сделали это!» Заметано?

– О'кей, заметано.

Они пожали друг другу руки и снова повалились в траву. Попытались представить себе, какими станут, как будут выглядеть, но не могли. Расстояние от 9 августа 1946-го до 2000-го казалось примерно таким же, как от Элмвуд-Спрингса до желтой луны в небе.

Они смотрели на небо в ожидании падающей звезды, пока Дороти не позвала их в дом.

Время летит

Кроме того, что в город приезжал Мистер Арахис^[11], а элмвудский кинотеатр показал сразу четыре фильма с поющим ковбоем Джином Отри в один день, да плюс то, что на дне рождения Монро во время проведения конкурса «прицепи ослу хвост» Бобби застрял рукой в осле, ничего интересного больше не произошло, и вот снова сентябрь.

И хотя Бобби ненавидел, когда лето кончалось и наступала пора покупать новую одежду для школы и таскаться за матерью по магазинам, все же было что-то радостное в приближении нового учебного года. Он любил запах новых учебников, любил ходить в лавочку «Все по 5 и 10 центов» покупать всякие школьные принадлежности. Новенькая коробка карандашей, тетрадки, и большие толстые резиновые ластик, и новый ранец. Мальчики шли в парикмахерскую, чтобы начать учебный год с приличной стрижкой, девочки являлись с туго накрученными волосами, в новых платьях и обуви: из старой выросли.

Да и школа прихорошилась. Натерли до блеска деревянные полы, отмыли столовую. Даже учителя, отдохнувшие за время летних каникул, излучали оптимизм и рвались вдохновлять нежные юные души, что поручены им на следующие девять месяцев. Свежие куски мела, глянцевые карты на стенах, круглые плафоны под потолками, сияющими белизной. Все здание аж вибрировало от нетерпения и предвкушения. Все или почти все были рады встрече и полны ожиданий.

Эйфория длилась дня три, а к концу сентября воцарялась всегдашняя тоскливая тягомотина. Бобби так и остался самым мелким в классе, а Лютер Григгс по-прежнему грозил ему взбучкой.

Наступило и миновало Рождество, и Бобби получил красно-белый велосипед марки «Швимм», серебристую ковбойскую кобуру «Дик Трейси» с разноцветными искусственными камнями и пистолет с пистонами. Плюс кучу носков и никому не нужного нижнего белья. А надеялся на настоящий тропический шлем «Джангл Джим».

Кроме носков и трусов на Рождество была еще одна печаль: в среду 3 января, в Посудный вечер, кино, которое должны были доставить с автобусом на Грейхаунд, не прибыло. Вследствие этого Снуки вынужден был крутить резервный фильм, имеющийся в будке для такого рода случаев. Но очень многие после раздачи посуды ушли. Оно и понятно: сколько раз можно смотреть «Возвращение Лесси»?

Январь и февраль прошли более-менее сносно, зато март гремел и грохотал. В первый понедельник месяца день обещал быть ясным, но к восьми утра все изменилось стремительно и радикально. Дороти едва успела обежать дом, закрывая окна, и тут грянула буря. К тому моменту, как передача вышла в эфир, несколько домов уже остались частично без крыш, перед бакалеей «Эй энд Пи» сорвало навес, и позвонила Бедняжка Тот Хутен с сообщением, что кусок крыши Мерла и Вербены вломился в окно ее гостиной и разбил все, что оставалось от хорошего сервиза.

Мама Смит открыла передачу аккордами из «Погодки штормовой», а Дороти вбежала в последнюю секунду, села и сказала:

– Все верно, Мама Смит, погодка действительно штормовая, насколько в здешних местах уместно слово «шторм», и, глядя в окно, могу вам сообщить, что там полный кавардак. Надеюсь, что у вас, где бы вы ни находились, все в порядке. Был такой ветер, что я думала, эфир сорвется, но ничего, мы вроде вещаем. – Она запнулась, потом продолжала: – По крайней мере, надеюсь. Бобби, лети к соседям, проверь, мы в эфире? А пока он бежит, я все равно буду говорить. Ох, что за день! Сияло солнце, и вдруг ни с того ни с сего ливанул дождь. Я даже не успела поснимать белье с веревки.

Позвонил Док, поделился: так потемнело, что пришлось включать свет в аптеке. Бобби заскочил в дом, хлопнув дверью, и крикнул:

– Ты в эфире!

Дороти сказала:

– Ну хорошо. Бобби говорит, мы в эфире. Так что делать нечего, просто ждем, что все закончится. Мы наблюдали за грозой из эркера в гостиной, и, надо сказать, нам понравилось, хотя стало немного грустно, когда мимо пролетела пижама Дока. Почему-то грозы вечно подгадывают под день стирки, не заметили? Миссис Уотли занесла нам пару рубашек Дока, но все остальное упорхнуло. Звонят со всего города, сообщают, что к ним прилетели чужие вещи. Мистер Хендерсон говорит, что пара женских панталон обвилась вокруг его флюгера, но не представляю, кому достанет смелости признать их своими. Что? Бобби сообщает, у нас на радиомачте целая куча разной одежды, так что если вы обнаружите пропажу, приходите – вдруг она здесь. Ой, я сегодня в таких растрепанных чувствах, что не могу найти свои пометки для передачи.

Дороти подняла горшок с цветком, заглянула под него и поставила на место.

– Радуйтесь, что вы меня не видите, – я до сих пор красуюсь в халате. Тут и гроза, и звонки без перерыва – время просто испаряется. И надо же –

именно сегодня. Как раз когда мы представляем нашего нового спонсора, «Похоронные услуги и Цветочное оформление» Сесила Фиггза, а я сижу ненакрашенная, в сетке для волос и не переодетая. Приношу свои извинения, мистер Фиггз, обещаю, завтра я справлюсь лучше.

Дороти посмотрела на Бобби, который сидел рядом с Беатрис и радостно жевал радиопеченье.

– Простите, девочки, я на минутку. – Она прикрыла рукой микрофон. – Ты почему это не в школе, молодой человек?

– А мне Беатрис надо проводить – дождь ведь, – ответил он.

– Это очень мило с твоей стороны, но, думаю, мы как-нибудь справимся. Простите, мои дорогие. У меня тут обнаружился мальчик, который должен быть в школе, так что если кто из учителей слушает меня в учительской, обещаю – он через минуту будет. А если нет, позвоните мне.

В следующий миг по эфиру разнесся стук хлопнувшей двери.

– Черт, – сказал Бобби, несясь в школу.

Дороти по-прежнему перебирала на столе бумажки в поисках сценария передачи. Наконец объявила:

– В этот дождливый день Беатрис споет нам «Пусть вашим зонтиком станет улыбка» и «Я рисую облака солнечным лучом», а я пока, может, найду пропажу.

Оставшаяся часть весны прошла без сильных огорчений, драм и особых событий, пока в субботу первого июня не случилось кое-что важное.

Жизнь меняется

Бобби с раннего утра трудился в аптеке – разгружал коробки, затаскивая их с черного хода. Вообще-то он получал на карманные расходы 50 центов в неделю, но хотел подработать на секцию бодибилдинга «Атлант Чарльз». Они с Монро заключили пари, что до первого сентября станут силачами. Учитывая его вес – шестьдесят восемь фунтов^[12] в мокром виде – и руки-палки, задача предстояла нешуточная. Бобби в рекордное время покончил с коробками красно-белых соломинок для коктейлей, выгрузил бумажные салфетки, шампунь, лекарства от кашля, детские присыпки, аспирин, бинты и пробоотборники Уитмана. Он спешил. Сегодня в бассейне открывался сезон.

Док выдал ему 50 центов и крикнул вслед:

– Осторожней, сынок, не ударься головой о трамплин!

Ответное «Да, сэр» донеслось уже издалека – Бобби во весь опор неся по улице.

Соседка Дороти рассказывала по радио:

– Журнал о домоводстве «Хозяюшка» гарантирует, что черносливовый сок «Сансуит», в отличие от прочих черносливовых соков на рынке, обладает одинаковыми слабительными свойствами в каждом стакане.

И тут ворвался Бобби, шваркнул дверью – бац! – и пулей пролетел в свою комнату.

Соседка Дороти проинформировала радиослушателей:

– Как вы могли догадаться, это прибыл Бобби. – И перешла к объявлению, что миссис Элейн Стаггерс из Ардена, штат Оклахома, интересуется, как лучше готовить старый добрый пирог с клубникой и ревенем. – Так что если у вас есть хороший рецепт, присылайте.

В этот момент Бобби протоптал через прихожую с плавками в руке, но по пути к входной двери был остановлен матерью:

– Минутку, молодой человек! Раз уж вы наделали столько шума, почему бы вам не зайти и не рассказать всем, что за спешка?

Бобби сунул голову в гостиную и крикнул:

– «Каскад» открывается!

Соседка Дороти сказала:

– Ооо, понятно... Ну что ж, сегодняшний день можно официально считать первым днем лета. Бобби сообщил, что бассейн открыт.

Мама Смит выдала несколько веселых аккордов «У моря, у моря,

прекрасного моря», пока Бобби, подпрыгивая от нетерпения, ждал, чтобы его отпустили.

– Ладно, беги, только ради бога не ударься головой о доску на вышке!

Все в доме услышали вопль «О'кей!», и тут же хлопнула дверь черного хода.

Бобби знал короткий путь через задворки до любого места в городке и за какие-то две минуты добирался до бассейна. Он со свистом пролетал мимо домов, где женщины слушали, как Соседка Дороти повествует о том, как в прошлом году он выделялся перед девочкой и грохнулся головой о трамплин, как результат – потеря сознания и три шва. Многим людям это послужило бы хорошим уроком и навсегда отвратило от бассейна, но не Бобби.

Он любил воду. Мать не знала, но он уже несколько раз окунался в Синего Дьявола. Весело, конечно, но с «Каскадом» не сравнить. Ему все казалось там чудесным – и запах хлорки, исходящий от нагретого солнцем бетона, и погружение в чистую, прозрачную воду, пронизанную солнечными лучами... И эта тишина под водой, когда мир наверху, приглушенный и отдаленный, кажется таким далеким. А еще в бассейн, конечно, ходили девочки. Ему хотелось произвести впечатление на девочку из класса – не ту, что нравилась ему в прошлом году, а новенькую. Она танцевала степ, и когда Бобби, которого Дороти чуть не волоком затащила на концерт учеников школы танцев Дикси Кэхилл, увидел ее сольный танец под песню «Станцуй со мной по полю из тюльпанов», он подумал, что она, пожалуй, такая же классная, как его новые желтые ботинки.

Бобби ворвался в большое бетонное здание с надписью КАСКАД по фасаду, выудил из джинсов монету в 10 центов, получил ключ от шкафчика, рванул по коридорам и успел практически полностью раздеться, даже не добежав до мужской раздевалки. Так торопился, что чуть не грохнулся, впрыгивая в свои ярко-оранжевые плавки. Быстро запер шкаф и выскочил из сумеречного здания под сверкающее белое солнце. Вот он. Наконец-то! Оазис кристально-чистой воды, о которой он мечтал всю зиму. Огромное озеро, сверкающее тысячами алмазов, окруженное горячим бетоном. Ох, это было слишком. У него захватило дух. Больше ждать невозможно! Он разбежался и нырнул. Проплыл под водой, вынырнул рядом с Монро – и понеслось. Они брызгали друг в друга, пока девочки, не желавшие мочить волосы, не раскричались на них. Э-эх, повеселимся!

К половине пятого от Бобби не было ни слуху ни духу, и Дороти заглянула к Анне Ли, которая вместе с Петси Мэри корпела над альбомом вырезок с кинозвездами.

– Анна Ли, я беспокоюсь. Бобби уже шесть часов торчит в бассейне. Сходите, пожалуйста, за ним, намекайте, что для одного дня достаточно.

Анна Ли застонала так, будто мать велела ей возвести египетскую пирамиду вручную.

– Ой, мам, это обязательно?

– Да, я боюсь, вдруг он опять поранил голову.

– Если он хочет остаться дурачком, сигая с этой вышки, я не смогу его остановить.

– Прошу тебя, дочка, ради меня.

Испустив очередной страдальческий вздох, Анна Ли встала:

– Пошли, Петси Мэри. Но я не понимаю, мама, почему ты вообще разрешаешь ему туда ходить. Он там целыми днями щиплет людей за ноги и ведет себя как придурок.

Это была чистая правда. В тот момент Бобби и Монро шныряли под водой и всем надоедали. Любимым их развлечением было нырнуть и проплыть между ногами ничего не подозревающего посетителя. Бобби веселился по полной. Бассейн был плотно забит потенциальными жертвами. Он проплыл между ногами одного купальщика и тут увидел другие ноги и заодно уж проплыл между ними. «Мастер!» – думал он про себя, пока не осознал, опоздав лишь на долю секунды, что эти вторые ноги принадлежат Лютеру Григгсу. Большая ошибка!

Бобби выжал максимальную скорость, чтобы уплыть как можно скорее и дальше, однако получилось недостаточно быстро и далеко. Едва он вынырнул, чтобы глотнуть воздуха, Лютер напрыгнул сзади и изо всех сил пнул его между лопатками.

Бобби даже не понял, что произошло. Сильный удар лишил его воздуха, и его отнесло к тому краю бассейна, где глубоко. Лютер с хохотом уплыл, а Бобби так и остался бездыханным. Он целый день дурачился, и никто не обратил на него внимания, даже спасатели, они и так не успевали следить за возбужденными детьми.

Прошло несколько минут, пока Мак Уоррен, болтавший с Нормой возле бассейна, не увидел, что мальчик неподвижно лежит на поверхности лицом вниз. Мак кинулся к нему, за волосы вытащил из воды. Бобби не подавал признаков жизни и уже начал синеть.

Подходя к бассейну, Анна Ли и Петси Мэри издали увидели кучку людей. Анна Ли с любопытством направилась к ним. На бетоне лежал человек.

– Ой, Анна Ли, кажется, он умер! – завизжала Норма.

Анна Ли еще не поняла, кто там. Все расступились перед ней. Она

увидела безжизненное тело Бобби, и ноги ее подкосились. Спасатели делали искусственное дыхание, считая вслух, изо всех сил пытались вернуть Бобби в мир живых. Анна Ли не могла двинуться с места, она кричала, снова и снова:

– Это мой брат!

За несколько страшных мгновений, пока Бобби не задышал, выкашливая воду из легких, тысячи его гадких проделок были забыты. Единственное, чего хотела Анна Ли, – чтобы он ожил.

Бобби открыл глаза, увидел склонившихся над ним людей и перепугался. Он не понимал, где находится и почему лежит на бетоне, и тут распознал лицо сестры, стоявшей рядом с ним на коленях. И вдруг ощутил, что невероятно счастлив ее видеть. Обнял за шею и не хотел отпускать. Его трясло, а потом он заплакал. Анна Ли обнимала его и бормотала:

– Все хорошо, Бобби, все хорошо, я здесь.

Даже когда спасатели понесли Бобби на кушетку в здание бассейна, он не выпускал ее руки. Его укрыли и стали растирать, чтобы вернуть нормальное кровообращение. Чуть погодя он сел и выпил кока-колы. Его все еще трясло от пережитого, но уже не так. Когда стало лучше, Анна Ли принесла его вещи из раздевалки, помогла одеться, и они вместе пошли домой – его рука у нее на талии, ее рука у него на плече. Мать поджидала их на подъездной дорожке.

– Я уже места себе не находила! – крикнула Дороти. – Хотела сама идти за вами. Что ты там застряла?

Анна Ли сжала плечо брату и ответила:

– Да так, ничего, болтала со знакомыми. Прости, это я виновата.

На следующий день Бобби решил, что в его интересах повременить с походами в бассейн. Особенно если туда повадился Лютер Григгс. Поэтому он остался дома в окружении комиксов.

Около половины первого прибежал Монро и забарабанил в окно, глаза как блюдца, словно марсианина повстречал по дороге. Бобби открыл окно пошире, и Монро вскарабкался на подоконник.

– Ух ты, знаешь, что случилось с Лютером? – Схватившись руками за голову, он возбужденно закружил по комнате. – Фантастика! Просто фантастика! Жаль, ты не видел. Бац! – хук справа в подбородок, бамс! – хук слева, и снова справа. Вот это она ему показала! – Монро, приплясывая, изображал драку. – Бац! Бамс!

– Да кто?

– Анна Ли!

Бобби не поверил:

– Анна Ли? *Моя сестра?*

– Да.

– Шутишь?

– Нет, не шучу, сам видел. Она пришла к бассейну – его искала. Нашла, подергала за рубашку и говорит – не хочешь подраться с кем-нибудь твоего роста? Потом улучила момент и как повалит его. И давай метелить! Он ревел, представь! Классно. Жалко, ты не видел.

– Анна Ли?

– Ага. Сказала, что если еще раз до тебя дотронется, она натравит на него Билли Нобблита.

– Моя сестра?

Монро плюхнулся на кровать.

– Везет же тебе. Мне бы такую сестру.

– Он правда плакал? – Бобби улыбался.

– Ну да, молил о пощаде.

Вечером за ужином Бобби смотрел через стол на сестру новым взглядом, полным благоговения и обожания. Хотя ничего не было сказано, с того дня их отношения начали меняться. Постепенно мысль о том, как здорово быть единственным ребенком в семье, растаяла, и они перестали ябедничать при всяком удобном случае. Даже иногда делились секретами. Хоть и не ахти какие достижения, но все же совсем другое дело.

– До чего приятно, когда дети не вцепляются один другому в горло, – заметила как-то Дороти. – Интересно, что между ними произошло?

Хотя Дороти больше не беспокоилась, что ее отпрыски поубивают друг дружку, время от времени она с тревогой вспоминала Бетти Рэй Отман. Письмо от нее так и не пришло. «Здорова ли девочка?» – думала Дороти. Даже позвонила священнику Церкви Христа на шоссе 78, но он не имел представления, где сейчас Отманы.

Бетти Рэй нашла конверт, который Дороти сунула в боковой кармашек чемодана, только через несколько дней после отъезда из Элмвуд-Спрингса. В конверте было пятьдесят долларов и записка:

Дорогая,

Прими эти деньги и купи себе что-нибудь или просто сохрани их на черный день, если хочешь. Не забывай нас, пожалуйста, и приезжай.

Твои друзья

Док и Дороти Смит

Р. С. Отправляй мне иногда хоть записку, чтобы я знала, как ты, хорошо?

Бетти Рэй хотела написать в ответ, но не знала, что сказать. Впрочем, Дороти могла не волноваться, что Бетти Рэй их забудет. Она часто вспоминала свою жизнь в Элмвуд-Спрингсе. В бесконечных разъездах она лишь изредка попадала в школу и больше пропускала занятий, чем посещала. Она мечтала пожить на одном месте, ходить на уроки. Если бы она могла, как Анна Ли, иметь из года в год одних и тех же друзей, жить в одном и том же доме! Часто по вечерам они проезжали маленькие города, она смотрела из окна, как люди всей семьей сидят на веранде или обедают в гостиной, и вспоминала Смитов. Но никогда не говорила матери, как ей тоскливо. У Минни своих проблем было невпроворот.

Блудный сын

Для Отманов лето – время страды. С мая они проехали от Небраски до Арканзаса, потом были Оклахома, Мичиган, Луизиана, Западная Вирджиния, Канзас – и снова назад. После ночного пения в Спартанбурге, Южная Калифорния, они смогли наконец сделать дневную передышку. Феррис остановился на ферме с Бервином и Верноном, а Бетти Рэй приютила семья из семи человек. Минни ночевала у Пайков, местных исполнителей госпела. Наутро, сидя на заднем дворе, она общалась с миссис Опал Пайк, чей муж ушел на работу. Он приходился родственником тем Пайкам, что производили ментоловый бальзам, и ведал всеми продажами в Каролине. Женщины пили чай со льдом и обсуждали проблемы и тонкости жизни в качестве жен певцов госпела.

– Не так легко постоянно быть у всех на виду, – сказала Минни.

– Точно, – согласилась миссис Пайк.

– Знаете, Феррис ведь не всегда был таким строгим христианином, как сейчас. Мало кто знает, но в течение многих лет он и в запой впадал, и погуливал. Принимал спасение души и снова соскальзывал на дно.

– Seriously?

– Да. Но, слава Господу, не далее как шесть недель назад, считая с нынешнего вторника, он наконец спасся окончательно и стал другим человеком. Деревенская женщина из Миссури, исцеляющая силой веры, избавила его от артрита и спасла его душу за один сеанс.

– Seriously? – повторила миссис Пайк, прихлопнув комара на руке.

Минни кивнула:

– Он давно пытался преодолеть кризис веры. Три месяца учился заочно, чтобы получить сертификат священника Церкви Христа. И вот однажды просидел всю ночь в машине с Библией, а утром заходит, и на нем лица нет. Я ему: «Феррис, что стряслось?» А он: «Присядь, Минни, я тебе что скажу. – И говорит: – Милая, хочу, чтобы ты знала: я сражался и молился об этом тысячу часов, но ничего не помогло. – Сжал мне руку и продолжал: – У нас серьезная проблема. Мне, возможно, придется бросить пастырство». Я как услышала, аж задрожала вся, потому что до сих пор это была вся его жизнь. И говорю: «Феррис, в чем дело? Это из-за другой женщины?» А он: «Нет, милая, из-за блудного сына. Я изо всех сил старался с этим смириться, но не смог». То есть он потерял веру из-за притчи. Он сказал: «Если человек уходит из дома, пьет-гуляет, тратит все

деньги и живет в грехе, а по возвращении отец обнимает его и говорит – добро пожаловать домой, и ведет себя так, будто ничего не случилось, то как себя должны чувствовать другие сыновья, те, что остались дома, трудились, сэкономили и жили по-христиански? Ведь они подумают, что их многолетнее старание ничего не значит для отца. Они и сами могли уйти и развлекаться на полную катушку. Не понимаешь, да, Минни? Зачем человеку стараться быть хорошим, если для его отца это ничего не значит? Зачем быть хорошим, если можно, как блудный сын, делать что заблагорассудится, и тебе это сойдет с рук?»

Ну что я могла ответить? Я сказала: «Феррис, я тебя поняла. Ты не можешь хорошо петь и молиться, если не видишь в этом смысла».

Но петь все равно пришлось, потому что на нас рассчитывали, и я просто все время молилась. Прошло несколько месяцев, и однажды мы пели на большом религиозном бдении в палаточном лагере в Пелхэме, Алабама, я никогда не забуду тот вечер. В небе ни звездочки, тьма египетская, Феррис пошел погулять и скоро набрел на палатку этой женщины, Арфистки. Надо сказать, он видел лучших священников и евангелистов, и они на него не действовали, а тут прошло каких-то двадцать минут – она сошла со сцены, схватила его, обняла и что-то сказала, – и нате вам, он с тех пор спасен.

– Благодарение Господу, – сказала миссис Пайк.

– Господь и Арфистка. Не знаю, что уж она ему сказала, но, наверное, что-то хорошее, потому что больше у него колено ни разу не болело. Неудивительно, что у нее столько почитателей. Говорят, в Атланте люди приезжали в машине «скорой помощи», а уезжали на трамвае. Сходишь на такую исцеляющую проповедь – и прощай, болячки. Мы на такую ходили в Детройте, так там люди исцелялись направо и налево – от болей в спине, от слепоты, бурсита, зоба, проблем с печенью, стригущего лишая, от всего. Одна женщина пришла с погнутым указательным пальцем, так к концу проповеди он был прямым как палка.

– Правда?

– Да. Милая, она обернулась и указала им прямо на меня! – Минни смотрела в сад. – Надеюсь, Феррис какое-то время побудет спасенным, хотя бы пока мальчики не вырастут. Они в таком возрасте, когда уже начинают куролесить, и за ними надо смотреть в оба, да с их дяди Флойда день и ночь глаз не спускать. Понимаете, как я устаю?

Фонд Принцессы Мэри Маргарет

Дороти помогала не только людям, которые, по ее мнению, в этом нуждались, но и к животным питала нежные чувства, и об этом знали на многие мили вокруг. Первого июля она вела передачу с очередным котенком-подкидышем на коленях – накануне вечером его оставили у задней двери. После первого рекламного объявления она сказала:

– Кстати, звук, который вы слышите, это не моторная лодка. Это мурлычет милейший котик, и ему нужен дом. Рыжий ангел составит вам замечательную компанию, я уверена, так что если можете его забрать – позвоните, пожалуйста.

У Элнер, тети Нормы, никогда не пропускавшей передачу Дороти, животные тоже были слабым местом.

На следующее утро Мама Смит открыла передачу радостными аккордами песни «Снова настали счастливые дни».

– Правильно, Мама, сегодня у нас счастливый день, и я могу начать эфир с радостной новости. Я зашла в свою личную будку для голосования и выбрала Элнер Шимфисл победительницей в ежегодном конкурсе «Лучшая соседка». Вчера после передачи она позвонила и сказала, что заберет котика, и днем они с мужем Уиллом пришли за ним. Так что наш рыжий сиротка обрел семью на ферме. В этом году она забирает уже пятого котенка, спасибо ей! Элнер говорит – рыжего у нее нет, а она как раз всегда хотела. Так что всем повезло. А назвали кота Сонни. Удачи Сонни в новом доме!

Какие же у нас хорошие люди, правда? А теперь пора отпраздновать великий день... (Мама Смит сыграла на фисгармонии «С днем рожденья тебя».) Да, сегодня день рожденья нашей дорогой Принцессы Мэри Маргарет. Но мы поговорим об этом чуть позже. Сначала хочу напомнить, что все пожертвования, присланные вами для фонда Принцессы Мэри Маргарет, пойдут на заботу о животных, нуждающихся в помощи. Я счастлива сообщить, что в прошлом году мы нашли любящих хозяев для более чем пятисот собак и кошек, плюс к тому пристроили коробку подкинутых черепашек и трех кроликов. Плюс вклад в собаку-поводыря для нашей Беатрис Вудс.

Собака прибыла на прошлой неделе – красивый золотой ретривер по имени Хони, и если бы вы видели Беатрис и Хони, идущих по улице, вы поняли бы, какое чудо сотворили ваши деньги. Нашу благодарность не

выразить словами!

Мне бы хотелось, чтобы вы увидели и нашу Принцессу Мэри Маргарет в ее корзинке, полной новых игрушек, подаренных на день рождения. Сегодня нашей девочке исполнилось двенадцать. Трудно поверить, что, когда Док ее принес, она умещалась на ладони. Правда, Мама Смит? А теперь она такая же большая и толстая, как я. Похоже, мы обе слишком налегаем на мороженое. А вот поздравительная открытка, которую я хотела бы прочитать вам.

С днем рождения, Принцесса Мэри Маргарет.

Надеюсь, день этот будет счастливым. Ты молодец, продолжай в том же духе. Мама, Бесс и Маргарет шлют тебе наилучшие пожелания.

Президент Гарри С. Трумэн

Мама Смит сыграла «Да здравствует Вождь». Соседка Дороти засмеялась и продолжала:

– После передачи Принцесса Мэри Маргарет получит в кафе «Трамвай» особый деньрожденский хот-дог от Джимми, потом перейдет улицу и в обувной мастерской навестит своего друга Бутылочку. Бедняжка Принцесса Мэри Маргарет в таком восторге от него! Любит она этого кота. Не знаю почему, он-то к ней совершенно равнодушен. Любовь слепа, как говорится...

И снова перемены

Около двух ночи зазвонил телефон и Док решил – ну вот, опять. Ему часто приходилось вылезать из постели и открывать аптеку ради мамочек, которым срочно понадобилось жаропонижающее или микстура от кашля. А то, бывало, Тот Хутен звонит с просьбой пойти отыскать ее мать или оттащить ее Джеймса с лужайки в дом, пока солнце не взошло. Но на этот раз было другое. Звонила Олла Уоррен – сообщить, что у Гленна, лучшего друга Дока, владевшего магазинчиком «Инструменты», только что случился сердечный приступ.

Через пять минут Док с Дороти были у Уорренов. Молодой доктор Холлинг уже прибыл, и «скорая» была на подходе. Следующие несколько дней жизнь Гленна висела на волоске, но в конце концов его отпустили домой с предупреждением – беречься еще несколько месяцев. Так что магазином будет заниматься его сын, Мак, пока отец не оправится. Бобби преклонялся перед Маком, особенно после того, как тот спас его, вытащив из бассейна. Не только Бобби – все мальчишки смотрели на Мака с обожанием. Он ведь подрабатывал билетером в кинотеатре, да еще и был лучшим игроком в футбол и бейсбол. Говорили, он так хорош в шорт-стопе, что ему впору играть в профессиональной команде. Бобби сочувствовал Маку, что тому приходится все лето вкалывать за родителя, но он не знал, как это выразить.

Прошло несколько дней. Вечером, когда Док сидел на веранде и читал газету, к нему подошел Бобби. Крутанул стоявший на столе глобус, взял из пепельницы отцовскую трубку, оглядел и положил на место, потом сказал:

– Пап, разговор есть.

Голос его звучал так серьезно, что Док приготовился к худшему. Интересно, в какие неприятности вляпался Бобби.

– Помнишь тот бейсбольный мяч, что мы привезли с чемпионата мира? – спросил Бобби.

– Да.

– Ну, я знаю, это ты его поймал и все такое, но скажи, ты сильно разозлишься, если я одолжу его Маку Уоррену? Я был сегодня в «Инструментах». И вспомнил, как ему понравился этот мяч, когда я ему показывал. Он на него так смотрел... Что скажешь?

– Это твой мяч, сынок, и если ты хочешь, то я не против.

– Я пока думаю... Не знаю, отдам или нет. Просто хотел убедиться, что

ты не рассердишься, если что.

– Понятно.

Док ничего больше не сказал, но в душе порадовался. Похоже, несмотря на все заскоки и закидоны, сердце у Бобби доброе и он вырастет хорошим человеком.

Хотя многое в Бобби изменилось в лучшую сторону, кое в чем он остался прежним.

Соседка Дороти в эфире докладывала слушателям:

– Если вам любопытно, что это за звуки, не пугайтесь, это не приемник сломался, это Бобби и его теннисная ракетка. Тюк, тюк, тюк... Мы тут уже все слегка тюкнутые. Бобби, ну-ка кыш из дому, живо! Хотела бы я глянуть на человека, кто изобрел ракетку с привязанным шариком. Тюк, тюк, тюк – день и ночь, а ведь мы только что миновали фазу ежегодного жвачконадувательства. Так что если у вас нет мальчика в доме и вы хотите такую радость, звоните.

Изгнанный из дому Бобби, которому сразу надоело практиковаться, заскучал. Лето как-то не радовало. Сперва чуть не утоп, теперь еще и конкурс жвачный продул в третий раз подряд, Монро нет в городе – уехал к бабушке с бабушкой на месяц, жарынь, и делать совершенно нечего. Он послонялся по центру, в аптеке выпил бесплатной лаймовой газировки, почитал комиксы, забрел в парикмахерскую и торчал там, пока не появился злобный Старик Хендерсон. Всем известно, что он травит кошек и ненавидит детей, поэтому Бобби спешно слинял. И решил заглянуть в проекторную кинотеатра к Снуки. День был будний, значит, ничего стоящего не крутили, но ему нравилось бывать у Снуки: иногда он позволял Бобби поставить фильм на перемотку. Войдя в стеклянные двери фойе, Бобби сразу почувствовал себя лучше. Какая бы жара ни стояла снаружи, в кинотеатре всегда прохладно, и автомат попкорна издавал прекрасные звуки и запахи. Он купил большой красно-белый полосатый пакет попкорна, коробку карамелек «Милк дадс» и колу – стакан для себя и стакан для Снуки. Если есть деньги, почему бы их не тратить? У Бобби в карманах было битком мелочи и пакетиков с пульками – аж брюки сползали, ведь кроме работы в папиной аптеке он развозил газеты и подстригал газоны. И мечтал, чтобы скорей исполнилось шестнадцать, когда можно устроиться киномехаником, тогда у него будет своя униформа с латунными пуговицами и картузом и собственный серебристый фонарик с красной пластиковой насадкой. Но ждать еще несколько лет, а ему хотелось сейчас, хоть что-нибудь! И у него загорелись глаза, когда Снуки

сказал:

– Слыхал? Приезжают какие-то люди из Сент-Луиса, откроют новый модный ресторан.

– Правда?!

Оказалось, правда! Бакалея «Эй энд Пи» переезжает в здание побольше – напротив, где раньше располагался магазин автопокрышек, подселившийся теперь к «Вестерн авто». Бобби разволновался. Открытие ресторана – вот это событие. На его памяти это первое серьезное событие в городе с тех пор, как он родился.

Каждый день он приходил и смотрел, как бакалею превращают в ресторан. С черного хода заносили столы, стулья и кухонное оборудование, красно-белый тент заменили на розово-белый и повесили занавески до середины окна. Весь город умирал от любопытства: что же это будет за ресторан, но информацию хранили в тайне, так что пришлось дожидаться открытия.

Ночью рабочие прикрепили над главным входом длинный транспарант, скрытый до поры до времени коричневой оберточной бумагой. Ее снимут только в назначенный час. Наконец момент настал. Ровно в 8.30 вечера бумагу сняли и, увидев надпись, зрители, стоявшие перед зданием, а среди них Бобби и его семья, захлопали. Розовый неоновый знак – это уже шик... Но розовый неоновый знак с мигающим поросенком произвел фурор. Чудо из чудес! Ловко! Толстый розовый поросенок с хвостиком-закорючкой бегал кругами по надписи:

КАФЕТЕРИЙ «ТРИ ПОРОСЕНКА» ВКУСНО И БЫСТРО

Народ чуть не выломил двери. Даже если бы не было этого розового неоновых поросенка, слова «кафетерий» было довольно, чтобы привлечь всю округу. Ладно бы кафе, ресторан, даже закусочная, такое-то им было не в новинку, но «кафетерий» звучало так модно, так современно и стильно... Прямо-таки изысканно! Покоряла сама идея – везти коричневый поднос вдоль длинной череды стеклянных витрин со всевозможными блюдами и тыкать пальцем – мол, этого желаю, и вот этого. Рай! Чего только там не было: квадратики желе с кусочками моркови и виноградинами, овощи, мясо, рыба, роллы, кукуруза в початках, а напитков и десертов и не счесть. Предлагались даже иностранные блюда – итальянские спагетти и китайское рагу с курицей – чау-мейн. «Вот это прогресс! Что же ждет нас

дальше?» – думали все.

Несколько женщин, увидев такое разнообразие, поклялись, что все, дома больше не готовят, и трое или четверо сдержали клятву.

Ида Дженкинс, мать Нормы, была так впечатлена, что стала невзначай ронять слово «кафетерий» к месту и не к месту.

Конечно, не сразу народ привык и понял, что надо следить за тем, что выбирают дети. В первый вечер Бобби взял три десерта и две тарелки картофельного пюре с поджаркой. А когда Бедняжка Тот повела мать пообедать, та уместила на поднос шестнадцать кукурузных початков и четыре чая со льдом. Тот пыталась изъять несколько, но не тут-то было: мать стала лягаться, вопить, и пришлось ее спешно увести домой.

Но не считая этого, да еще нескольких инцидентов с уроненным по дороге к столику подносом, для города заведение стало весьма желательным дополнением. И для города, и для его окрестностей. Да и неоновая реклама всем нравилась. Теперь городок освещали оранжево-белая надпись над входом в кинотеатр; ярко-зеленая вывеска «Виктор-флорист»; сине-белые «Химчистка Голубая лента» и «Аптека Рексалл» – и розовый поросенок, бегущий по кругу.

С веранды Смитов открывается удивительный вид на Мэйн-стрит – вся она в разноцветных веселых огнях, как чертово колесо.

Снова сентябрь?

Монро всего неделю как вернулся от бабушки с дедушкой, но не успел Бобби порадоваться, как накатил очередной сентябрь и начались занятия. Но для его сестры нынешний год кардинально отличался от прежних. Анна Ли стала старшеклассницей и получила все права и привилегии этого высокого звания. Старшеклассники были особой кастой. В отличие от остальных учеников, вынужденных по-прежнему уныло тянуть бесконечно скучные будни, у старшеклассника каждая минута была наполнена футболом, весельем, кричалками для повышения духа, танцами, романтическими увлечениями и предчувствием. Они пока не догадывались, но для многих эти годы станут самыми счастливыми в жизни.

А Бобби до сих пор торчал в шестом классе. И ждать ему приходилось разве что Рождества да возможности напугать злобного Старика Хендерсона.

Через несколько недель, в октябре, Дороти начала эфир, как всегда, словами:

– Всем доброго утра. Ой, надеюсь, вы вчера не пропустили полнолуние? Обожаю луну в это время года, когда, по словам мистера Джеймса Уиткомба Райли, «тыкву тронул иней». А у меня для вас хорошие новости. Элмвуд-Спрингс наконец выиграл футбольный матч благодаря мистеру Маку Уоррену, забившему решающий гол. Ура герою. И нам ура. Анна Ли с подружками в пятницу собираются жарить сосиски и зефир на озере, и мы с Доком их сопровождаем, так что если я в этом месяце не наберу двадцать фунтов весу, считайте, мне повезло. Чуть погодя Беатрис, наша Слепая Пташка Певчая, споет «Под сенью шепчущих сосен», а пока сезонное сообщение от доктора Орра, нашего элмвудспрингского дантиста. Он пишет: «Октябрь – месяц для засахаренных яблок, яблочного ириса и для вечеринок с ловлей яблок в тазу. Настоятельно рекомендую обладателям зубных протезов воздержаться от вышеозначенных угощений и развлечений». Спасибо за напоминание, доктор Орт. Конечно, мы все помним прошлый год, когда Бедняжка Тот Хутен распрощалась с новеньким передним зубом, пробуя засахаренное яблоко на ярмарке. Я лично скорее кусну наш обеденный стол, чем подобную сладость. Ну хорошо, что у нас дальше?

Ага, вот. Док велит напомнить, что деньги, собранные на аттракционе «Дом с привидениями» в Клубе Львов, пойдут для детей-инвалидов, так

что приходите обязательно. Но он просит предупредить, чтобы люди с больным сердцем побереглись и остались дома: похоже, там будет жутко. Я вот ни за что не пойду. Отдам свою монетку у дверей – и все, спасибо, конечно. В прошлом году Бобби втянул меня внутрь и перепугал до смерти. Но те, кто любит бояться, любит напрыги и наскоки из каждого угла, поверьте, Львы справляются с этим отменно. Мама Смит говорит, что в этом году будет участвовать в аттракционе, но не сказала, в качестве кого.

31 октября в 5.30 Бобби, наряженный Авраамом Линкольном, в черном костюме и черной шляпе двух футов высотой, похожей на дымовую трубу, – это Джимми смастерил ее из картона – стоял в холле. Он поедал большие оранжевые зефирины из вазы на столике у входной двери и был застукан матерью.

– Бобби, прекрати! Это не тебе. Это для колядок.

Он похлопал невинными глазами:

– Так я тоже колядую.

– Ты меня прекрасно понял.

Она опустила взгляд на вазу, и тут Бобби предусмотрительно дал деру. Никто тебя не похвалит за то, что пообкусывал с печенья все белые верхушки в виде молодых кукурузных початков. Он был прав. С мешком за спиной Бобби направился к Монро. В мешке лежали два больших куска картона в форме ступни гориллы. По крайней мере, в его представлении так должны были выглядеть ступни гориллы. Док должен был догадаться, что они что-то затевали, поскольку Монро повадился в аптеку, каждый день покупая по большому пакету детского талька.

Около полуночи, когда Старик Хендерсон уже улегся в постель, Монро и Бобби совершили то, что планировали несколько недель, а потом помчались к дому Монро, где Бобби в тот день ночевал. На следующее утро Старика Хендерсона ждал шок – и дождался. Парадное крыльцо сплошь покрывал белый тальк, и на нем отчетливо проступали несколько кошачьих следов плюс следы гигантского монстра. Старик Хендерсон так и не сообразил, что за существо посетило его этой ночью, но с тех пор ставил у двери ружье на случай, если оно вернется.

Пришло и миновало Рождество с очередной сотней подаренных носков и трусов и очередным неподаренным тропическим шлемом «Джангл Джим», но зато 21 декабря выпал снег. Наконец-то хоть что-то. В новогоднюю ночь Джеймс Хутен напился и свалился с лестницы Дома

ветеранов, сломав обе руки и лишившись работы: без рук дом не покрасишь. Чтобы свести концы с концами, Тот пришлось заняться мытьем и укладкой волос на дому и переоборудовать свою кухню.

«Бедняжка Тот, теперь ей приходится тянуть всю семью», – говорили горожане и шли к ней на укладку, даже без особой нужды. До замужества Тот прошла обучение в школе красоты и считала это единственным, что у нее хорошо получается. К сожалению, она ошибалась, и Мама Смит и другие седоволосые дамы выходили от нее ярко-фиолетовыми, но никто не жаловался. Не такая уж большая жертва ради помощи подруге.

После необычайно холодных февраля и марта весна решила вернуться, и в апреле-мае дом Смитов охватила суета. Приближалось окончание школы, и Анна Ли бегала по магазинам в бесконечных поисках нарядов – для танцев, для вечеринок и выпускного. Помимо бала разворачивалась еще одна интрига – кого кем выберут в альбоме выпуска на страницах «Кто есть кто». Норму и Мака выбрали «Самой симпатичной парой», Петси Мэри, как «Самой умной девочке», подарили медальон Мэри Истер, а Анна Ли стала «Классной красавицей». Дикси Кэхилл станцевала соло, и школьный выпускной прошел без сучка без задоринки. Дороти с Доком подарили Анне Ли часы «Бьюлова», Мама Смит и Джимми дали денег, а Бобби, последовав совету матери, купил ей духи «Уайт шолдерс» на деньги, вырученные доставкой газет.

Настал последний день школы, и Бобби, как водится, был совершенно счастлив. Что же касается Анны Ли, то когда улеглись все эмоции и радости выпускного и появилось время подумать, она впала в меланхолию. Вдруг осознала, что жизнь, какую она вела последние двенадцать лет, кончилась и никогда не будет прежней.

Бобби же, наоборот, волновался, что его жизнь никогда не изменится.

В первое теплое воскресенье каникул, пока все были в церкви, Бобби помчался на велике к водонапорной башне, бечевка и горсть красных воздушных шариков оттопыривали его карманы. Уж сегодня-то он долезет доверху и совершит задуманное. С тех пор как они туда лазали с Монро, он хранил в себе страшную тайну, о которой не знал даже лучший друг. Никто не знал. Он боялся туда лезть. А еще боялся, что снова испугается. Он приезжал сюда уже раз десять, чтобы покорить высоту, и не мог. Но сегодня поклялся, что влезет, доберется до самой верхушки.

Однако никакого «иначе» не получилось. Все повторилось. Он стоял у подножия, собираясь с духом, но, как ни старался, все впустую. Едва он

ставил ногу на первую ступеньку, сердце начинало колотиться, пробивал холодный пот, и он не мог оторвать вторую ногу от земли. Потратив еще час на тщетные попытки, Бобби сдался и поехал домой, совершенно раздавленный. Он начал бояться того, что больше всего на свете пугает мальчишек. Бобби боялся, что в душе он трус. Может, Лютер Григгс прав? Может, он и впрямь «баба»?

Сейчас он вернется, и все поймут это по его лицу. Но чем дальше от башни, тем легче ему становилось. Вот он уже в городе, вот проезжает мимо парикмахерской и кинотеатра, видит знакомых – и его немного отпускает. Из дверей аптеки вышла Дикси Кэхилл и помахала ему рукой. Он помахал в ответ. И стало еще легче. Никто не оглядывался на него, не перешептывался. Никто не знал. В следующий раз – поклялся он себе. Он сделает это в следующий раз. К тому же он не мог быть трусом – слишком много задумано подвигов. Надо летать на самолетах, под парусом бороздить океан, объезжать коней на родео, спасать девочек, колотить забияк. Он должен подавать решающие мячи и зарабатывать тачдауны, сгонять скот и вести ракету на Марс. Доехав до дому, Бобби себя убедил, что это не может быть правдой. Он не трус.

Но, видимо, убедил недостаточно, потому что через несколько ночей ему – уже не в первый раз – приснился этот сон. Он лезет на башню, и тут железные кольца-ступени начинают отваливаться и он падает. Каждый раз он просыпался за мгновение до удара о землю.

Он ненавидел водонапорную башню.

Продавец

Июль в этом году выдался горячим и засушливым, в десять утра жарило уже на полную катушку, в небе ни облачка. В тот день молодой человек в черном «плимуте», находившийся в пятнадцати милях от города, заметил, как над полем двигается небольшое пылевое облако. Подъехав ближе и сбросив скорость, он понял, что не ошибся в своих предположениях. Одиноким работяга в комбинезоне и соломенной шляпе налегал на плуг, который волокли два мула. Молодой человек глянул на часы. Время есть. Он свернул и поставил машину у обочины.

Можно и делом заняться. На почтовом ящике, прибитом к столбу, прочел имя.

Вышел из машины, перелез через заграждение и направился к работяге. Заметив его, тот остановил мулов.

Молодой человек моментально нацепил улыбку и помахал рукой, чтобы было понятно: он друг, не из правительственного учреждения и не из банка. Не хотел рисковать, по прошлому опыту зная, что фермеру недолго кликнуть собак или пальнуть из ружья. Подойдя ближе, он крикнул:

– Мистер Шимфисл?

– Да, сэр, – кивнул фермер и стал ждать, чего от него хотят.

Подойдя ближе, молодой человек сказал:

– Как поживаете? Жара сегодня, правда? – Выудил визитку из кармана рубашки, похлопал мула по крупу. – Мальчик, хороший. Крепыш какой, – бормотал он, пока фермер изучал визитку.

Там было сказано, что он представитель тракторной компании «Эллис-Чалмерс». Фермер не удивился. Этот парень не первый, кто пытается ему что-нибудь продать. Однако спросил дружелюбно:

– Вам что-нибудь нужно?

– Нет, спасибо. Я просто мимо еду, в Элмвуд-Спрингс, гляжу – вы тут, вот и подумал – ничего, если я с вами вместе похожу?

Фермер, не заинтересованный в покупке трактора, прекрасно знал, что за этим последует, однако ответил:

– Да ради бога.

– Вот спасибо. – Продавец тут же уселся на землю, снял туфли и носки, закатал штанины и зашагал рядом. – Честно говоря, мистер Шимфисл, я этих старых плугов с детства не видел. Много дней провел, таскаясь за ним. У отца было около двадцати пяти акров под Ноксвиллем,

но мы все потеряли – теперь они под водой.

Шимфисл сочувственно покачал головой. Он знал, что такое для фермера утратить землю. Они еще немного походили за плугом. Досконально обсудив цены на зерно, погоду и когда какую культуру нужно сажать, продавец сказал:

– А ничего, если я попробую? Интересно, помнят ли руки.

Фермер снова остановил мулов и передал ему поводья:

– Держите. И не бойтесь их маленько подстегнуть. Они чертовски упрямы.

Продавец встал за плугом, свистнул, несколько раз цокнул, и после легкого шлепка по крупам мулы потопали вперед так же резво, как в пять тридцать утра. Даже резвее, а он разговаривал с ними как со старыми друзьями.

Шимфисла это, конечно, впечатлило. Обычный продавец тракторов понятия не имеет, с какого бока подойти к корове, а парнишка – настоящий фермер. Минут через десять молодой человек остановил мулов.

– Должен вас поблагодарить, мистер Шимфисл. Так приятно снова дать работу рукам – прямо хоть не прекращай.

– Да и не прекращали бы. Мне понравилось отдыхать. Как захочется попахать – милости прошу.

– Да, сэр, спасибо, непременно. Славных вы мулов держите. Теперь их нечасто увидишь. Все торопятся, всем скорость нужна.

Фермер взял поводья.

– Что ж, приятно было побеседовать.

– И мне. – Продавец похлопал по брюкам, подняв пыль. – Весь перепачкался, надо же. Можно у вас тут где-нибудь руки помыть? У меня в городе свидание, лучше в таком виде не показываться.

– Конечно, о чем речь, идите в дом, скажите жене, я вас прислал. Она похлопочет.

– Премного благодарен.

Он взял свои туфли с носками и направился к белому дому. Уилл Шимфисл вернулся к своему занятию, несколько разочарованный, что этот представитель «Эллис-Чалмерс» не попытался продать ему трактор.

Да что продать, он даже ни разу не упомянул о тракторе. И только поэтому Уилл для себя отметил: если ему вдруг придет в голову обзавестись машиной, покупать надо будет у этого паренька.

Подойдя к дому, молодой человек снова отряхнулся как мог, потом постучал. Он слышал, как выключили радио, и через несколько секунд к двери подошла крупная женщина в домашнем халате.

– Миссис Шимфисл, простите за беспокойство, меня прислал ваш муж – не позволите ополоснуться? Я там запыхался весь в поле, пока мы общались.

Она открыла дверь с москитной сеткой:

– Ну конечно, милый, заходи, сейчас выдам тебе и мыльца, и тряпицу какую.

– Нет, мэм, я лучше тут, а то я вам всю кухню перепачкаю.

– погоди тогда минутку. – Она ушла и вернулась с тряпкой, куском самодельного мыла и тазиком. – Почистишься – заходи, чаю со льдом выпей. Небось пересохло во рту-то.

Включив кран во дворе, молодой человек сунул голову под воду, умылся и сполоснул ноги. Надев носки и ботинки, вынул из кармана черную расческу «Эйс» и причесался. Потом снова постучал:

– Мэм, ваш тазик.

Аккуратный, симпатичный молодой человек в белой рубашке сверкал как новенький.

– Заходи. Сэндвич сделать? – предложила миссис Шимфисл.

Он вошел и взял стакан с чаем.

– Нет, мэм, спасибо, больше ничего не нужно. Я, как до города доберусь, сразу веду девушку обедать. Она сказала, мы пойдем в эту... кафетерию, что ли, что-то в этом роде.

– Ооо, так тебе повезло, мои сестры Ида и Герта говорили, это шикарное место. Я сама не бывала, но собираюсь – как только уломаю Уилла переодеться. А то он снимает свой комбинезон не иначе как ради похорон, так что, боюсь, чтобы там поесть, придется мне ждать, когда кто-нибудь помрет. Ида говорит, у них там розовая свинка по кругу бежит, так наглядись уж на нее вместо меня.

– Да, мэм, обязательно. – Он протянул ей пустой стакан и вдруг сообразил, что нелишне будет и ей визитку оставить. – Миссис Шимфисл, я подумываю занять когда-нибудь политический пост. Пока не знаю какой, но на всякий случай хочу дать вам визитную карточку. – Он порылся по карманам, но ничего не нашел. – Кончились. Ну ничего, если вы увидите на избирательном бюллетене имя Хэмм Спаркс, буду благодарен за ваш голос. Запомните?

– Так тебя зовут Хэм?^[13] Как рождественскую ветчину? Как окорок?

– Да, мэм, только с двумя «м».

Она повторила:

– Хэмм... Типа Ветчинна. Что ж, фамилия необычная, но запомнить легче, чем Билла или Джона, вот что я скажу.

– Да, мэм, до замужества моя мама была Хэмм.

– Да что ты! У меня вон мама была по фамилии Накл – звучит почти как «костяшка», только одной буквы не хватает, а папа Нотт – «узел», если не учитывать одну лишнюю «т». Говорят, люди, получив приглашение на свадьбу Накл – Нотт, очень смеялись.

Он улыбнулся:

– Да уж, смешно.

– Хорошо, что они не родили мальчика и не назвали его Накл. Ничего себе имечко вышло бы – Накл Нотт, да? Узел-Костяшка. Одно время, – взгляд ее затуманился, обратившись в прошлое, – у нас в классе учился мальчик по имени Лярд – «жир», только писался как Лиард, так его всю жизнь называли Криско – была такая марка кулинарного жира. Сомневаюсь, что он смог жениться, по крайней мере, я о таком не слыхала. Он продавал пуговицы.

Хэмм открыл дверь, чтобы удрать. Он по опыту знал, что фермерским женам не хватает общения и они могут часами говорить с совершенно незнакомыми людьми.

– Что ж, спасибо за все, миссис Шимфисл.

– Постой, фамилию-то я уже и забыла.

Он обернулся, сбегаая по ступеням:

– Спаркс, мэм, Хэмм Спаркс.

– Спаркс?^[14] Это как искры, что ли, от электричества?

– Да, мэм. – Он махнул ей рукой и побежал к машине.

Тетя Элнер всех спасает

Когда продавец ушел, Элнер позвонила сестре, Герте Нордстром, и рассказала, что познакомилась с человеком по имени Ветчинна. Герта засмеялась:

– Осталось только найти женщину по имени Яичница.

Сестер Нотт было три: Элнер, Герта и младшая, мать Нормы, Ида. Несмотря на то что все в городе знали, что эти трое выросли на одной ферме на Среднем Западе, выйдя за Герберта Дженкинса, Ида вдруг стала порой ронять туманные намеки, будто родом она из старинного южного семейства, обнищавшего в годы Депрессии. К 1948-му она так часто апеллировала к своему благородному происхождению, что сама поверила. Это заблуждение родилось девять лет назад, после того, как она дюжину раз подряд посмотрела «Унесенных ветром». Ида была убеждена, что узнает Тару, а значит, жила там в прошлой жизни. До нее так и не дошло, что Тара – всего лишь декорация для съемочной площадки, а ее недавно появившийся южный акцент – всего лишь бледное подражание бледному подражанию английской актрисы, которая имитирует американский южный акцент.

Единственной натуральной южанкой в городе была семидесятивосьмилетняя вдова по имени миссис Мэри Франсис Сэмплз, рожденная в Хантсвилле, штат Алабама. На нее тоже фильм произвел сильное впечатление. Сильное, однако обратное. Мало того что они проиграли войну между штатами, так еще и на роль Скарлетт О’Хары не прошла настоящая дочь Юга, алабамская девушка Таллула Бэнгхед^[15]. Мэри Франсис Сэмплз поклялась никогда больше не смотреть кино. Единственным для нее утешением было, что, «по крайней мере, роль не досталась девчонке-янки».

Но хватит о миссис Сэмплз. Ида просто заиклилась на том, чтобы ее дочь Норма отправилась учиться в колледж на Юге. Самой Иде не судьба была стать истинной дочерью Конфедерации, но мысленно она видела себя через много лет в гостях у дочери: вот сидит она на веранде с видом на огромную плантацию в Вирджинии, а вокруг суетятся слуги. Норма, правда, эти мечты не разделяла. Она-то хотела всегда одного – выйти за Мака Уоррена, обзавестись домом в Элмвуд-Спрингсе и детьми. Норма с Маком женихались с седьмого класса. И когда в день выпускного бала он подарил ей обручальное кольцо, никто не удивился. Одна Ида была

категорически против. Не желала даже слышать об этом.

– Мак славный мальчик, – сказала она, – но моя дочь не выйдет за сына владельца лавки с инструментами в провинциальном городишке.

– Нет, выйдет, – сказала Норма.

– Только через мой труп. И вообще, сначала ты колледж окончишь, потом уж замуж выпрыгивай.

Норма обратила на отца взгляд – помоги, мол, но он уже много лет не перечил своей жене. Зачем, все равно без толку! На некоторое время Норма и Мак стали местными Ромео и Джульеттой. Мнения в городе разделились. Ида была на одной стороне, все остальные на другой.

Живя далеко за пределами города, Элнер, тетя Нормы, была не в курсе трагедии племянницы и ее парня, пока парочка однажды не явилась к ней в гости. Норма была в слезах и отчаянии, Мак крепился.

– Тетя Элнер, если она заставит меня ехать в этот дурацкий колледж и бросить Мака одного, клянусь, я просто покончу с собой. Она хочет, чтобы мы потеряли четыре года жизни исключительно из-за какого-то ее заскока.

Мак посмотрел на Норму:

– Я бы с ней поехал, но не могу бросить отца. Он тяжело болен, я должен заниматься магазином. – Он перевел взгляд на Элнер и спросил: – Миссис Шимфисл, а если мы сбежим и тайком поженимся, поедете с нами?

У Элнер даже дыхание перехватило.

– Ох, Мак, что ты, не надо. Ну подождите еще чуток, она одумается, я уверена.

– А вдруг нет? – спросила Норма.

– Наверняка. Давай-ка попридержим коней, что-нибудь да придумается.

Они уехали. Элнер стояла в саду и махала им вслед, пока машина не скрылась из виду. Потом вернулась в дом и набрала номер:

– Ида, это твоя сестра. Так, скажи-ка ты мне, что это за ерунда, почему ты не разрешаешь девочке выйти за сына этого Уоррена?

– Я не говорю, что нельзя, я только говорю, что не сейчас.

– Почему это не сейчас?

– Сперва пусть колледж окончит, получит образование, а пока получает, у нее, по крайней мере, будет шанс встретить мальчика из семьи получше. Сейчас она, конечно, не может этого представить, но время лечит, и потом ей будет лучше с кем-то из ее круга... Может, с отпрыском из хорошей старинной южной семьи – такой же, как у нас...

Не дав ей договорить, Элнер резко перебила:

– Ой, Ида Мэй, я тебя умоляю, прекрати. Не из какой ты не из хорошей

старинной южной семьи. Твой дед был трудягой-немцем со свинофермы в Пенсильвании, и все об этом знают. До сих пор мы с Гертой баловали тебя, позволяли эти мелкие заскоки, потому что это было забавно, но я не могу видеть, как ты губишь Норме жизнь из-за глупости, так что перестань пороть чушь, немедленно.

Она бросила трубку.

Ида так и стояла с открытым ртом. Элнер, ее старшая сестра, практически воспитавшая ее после смерти матери, почти никогда не повышала на нее голос. Потом Элнер рассказывала:

– Я очень не хотела так поступать, но крутые времена, как говорится, требуют крутых мер.

На следующий день Элнер собирала фасоль в огороде, когда зазвонил телефон. Звонивший был настойчив, и в конце концов пришлось взять трубку: вдруг кто-то умер. На другом конце провода послышался взволнованный голос юной Нормы:

– Тетя Элнер?

– Привет.

– Ты не поверишь, что сейчас было. Мама сказала, что я могу выйти за Мака и не ехать учиться.

Тетя Элнер притворилась удивленной:

– Ну, чтоб меня... Что именно она сказала?

– Что если я желаю загубить свою жизнь и отказываюсь от шанса на счастье, то она мне не станет запрещать. Правда, здорово?

– Ох, милая, я так за тебя рада, не представляешь, – сказала Элнер, вытряхивая стручки фасоли из фартука в кастрюлю. – Я же говорила, она одумается.

– Говорила! В общем, сегодня идем в церковь и назначаем дату.

– Хорошо. Лучше поспешите, пока она не передумала. Скажи малышу Маку, что я рада.

Позже, когда фасоль уже варилась, телефон снова зазвонил. На сей раз это был Мак.

– Миссис Шимфисл, я просто хотел вас поблагодарить. Я знаю: вы что-то сделали, чтобы заставить мать Нормы согласиться.

– Нет, нет, милый, она сама. У нее своя голова на плечах.

– Все равно, если бы вы ей что-то не сказали, – а я знаю, что сказали, – неизвестно, на что могла решиться эта сумасшедшая, лишь бы разлучить нас.

– Рада, что все получилось. И еще, милый... Я понимаю, Ида доставила вам массу неприятностей, но постарайся не судить ее строго.

Она, конечно, виновата, но зла никому не желает. Просто она хотела бы другой жизни, не той, что у нее есть.

– Постараюсь, – сказал Мак. – Но это будет непросто.

– Хорошо, и не забывай, на радость твою или на беду, но она теперь твоя теща.

В трубке долго молчали, потом Мак попрощался.

Элнер повернулась к коту Сонни и сказала:

– Ох-ох-ох, я чуть было не угробила эту свадьбу своим поганым языком.

Но не угробила. Свадьба состоялась. Ида как-то умудрилась справиться с собой, по крайней мере, на медовый месяц. Но надежда никогда не умирает. На тот случай, если Мак вдруг разбогатеет на продаже железок, в качестве одного из свадебных подарков она преподнесла Норме книгу Вивьен Клип «Как управлять прислугой».

Прогресс

Дороти в кухне проглядывала в последний раз сценарий передачи и тут услышала, что ее зовет Мама Смит.

Глянула на часы – 9.28. Помчалась через прихожую с бумагами в руке и яростно лающей Принцессой Мэри Маргарет под ногами. Влетела в гостиную в последнюю минуту:

– Вот она я! – Махнула гостям: – Здравствуйте, простите, замешкалась.

Замигала красная лампочка, заиграла музыкальная заставка.

– Всем доброго утра... Здесь у нас чудесный день, и у вас, надеюсь, тоже, где бы вы ни были. Но, прежде чем продолжать, должна предупредить: если вы удивились, отчего это я так странно сегодня разговариваю, так знайте – я задержалась на кухне вовсе не для того, чтобы хлебнуть шерри. – Мама Смит сыграла «До чего я пересох», и Дороти засмеялась. – Просто утром я ставила пломбу у доктора Орра, и заморозка еще не отошла. Так что сегодня прошу любить и жаловать меня такую.

День независимости не за горами, и наше с вами троекратное ура красному, белому и синему. Гленн Уоррен из Дома ветеранов говорит, что на Четвертое июля все угощение будет красным, белым и синим – свекла, картофельное пюре, куриное мясо только белое, черничный пирог с ванильным мороженым. Давайте надеяться, что арбузы поднатужатся и дружно покраснеют. И не забудьте – в следующую среду в городе появится Человек-пони, так что если хотите фотографию своего чада в седле, Человек-пони ждет вас на пустыре за церковью с двенадцати до четырех.

Дороти улыбнулась зрителям.

– Мы рады приветствовать сегодняшних гостей. Встречайте миссис Иду Дженкинс и семерых членов Клуба садоводов из далекого города Джоплина. Добро пожаловать, дамы. Как вы все в курсе, Ида – мама нашей прелестной юной новобрачной, Нормы Уоррен. Я и сама мамаша, так что, надеюсь, вы не станете возражать, если я тоже немного похвастаюсь. Мы так рады за Анну Ли: ее только что приняли в Чикагскую школу медсестер, альма-матер нашей медсестры Руби Робинсон, и я знаю, что она не меньше нас рада за Анну Ли. Как же быстро летит время... Кажется, только вчера Норма и Анна Ли впервые собирались на танцы. Ощущение, что мир меняется прямо на глазах. Док вчера сказал, что в пригороде собираются открыть еще два коммерческих предприятия. Одно – кафе-мороженое «Тейсти-фриз» с обслуживанием прямо в автомобиле, оно будет в виде

иглу, с полярным медведем на верхушке. Второе – ночной мотель «Поселок вигвамов», где номера будут в виде бетонных вигвамов. И гуляют слухи, будто в скором будущем у нас появится новый мотель «Говард Джонсон». Итак, Элмвуд-Спрингс растет, год-другой – и наш родной город будет просто не узнать!

Кстати, о разрастании. Хочу напомнить нашим слушателям из района Рэймор и Харризонвилль, что фирма «Похоронные услуги и Цветочное оформление» Сесила Фиггза открыла два новых офиса рядом с вами. Двадцать четыре часа в сутки они к вашим услугам. И помните, Сесил Фиггз – мой единственный спонсор, который *не хочет*, чтобы у вас к нему было дело, но если вдруг понадобится – он всегда наготове. А теперь Беатрис Вудс споет нам очень подходящую для этого утра песню, «Перемены грядут».

Через две с половиной минуты, справившись с рекламой блинной смеси «Голден флейк» и продиктовав набор пряностей маринада для зеленых помидоров, Дороти глянула на настенные часы и сказала:

– Ох, батюшки, мои сердитые старинные часы намекают, что время истекло. Осталось рассказать о днях рождения и смерти, но с этим придется подождать до понедельника. Соседка Дороти и Мама Смит, сидевшая за фисгармонией, были рады встретиться с вами, с нетерпением ждем следующей встречи, хорошо? И помните, вас всегда с удовольствием угостят радиопеченьем на Первой Северной авеню, дом 5348.

Дороти, конечно, искренне приветствовала решение Анны Ли стать медсестрой, но мысль о том, что дочь будет жить так далеко от дома, ее не радовала. В последнее время она часто садилась и просто смотрела на Анну Ли, и глаза ее наполнялись слезами. Неужели она скоро расстанется со своей девочкой.

Госпел развивается

Менялся не только Элмвуд-Спрингс, вся страна, казалось, совершила гигантский прыжок вперед. Все больше людей покупали собственные дома. Повсюду возникали новые радиостанции. Каждый день продавались тысячи радиоприемников, автомобилей, стиральных машин, холодильников и плит. Все больше дорог асфальтировали, все новые изобретения поступали на рынок – не уследишь. Электрические посудомоечные машины, электрические открывалки для консервов, все электрическое, знай жми на кнопку. К 1960 году, говорят, роботы будут делать за людей всю работу по дому. По словам Дороти, если дело пойдет в таком темпе, скоро у домохозяек начнется беззаботная жизнь.

Но быстрее всего менялся госпел. В годы войны, когда народ из деревень подался на фабрики, эта музыка тоже проторила себе путь из маленьких, захолустных церквушек Юга и Среднего Запада в крупные города. Люди меняли адреса – с Алабамы и Джорджии на Детройт и Чикаго... Адреса, но не музыкальные вкусы. Они хотели слушать привычную музыку, и госпел стал звучать на всех радиостанциях, собирать новую аудиторию на Севере. Толпы фанатов перестали уместаться на церковных скамьях и в школьных классах и переместились в большие концертные залы и на стадионы. Сотни поэтов писали новые песни. Даже журнал «Тайм» признал существование разрастающейся и приносящей прибыль «Улицы дребезжащих жестянок госпела»^[16].

Южные песнопения разносились по всей стране до самой Канады.

Самые известные группы обзавелись своими радиoproграммами, студиями звукозаписи и издательствами и ездили в парикмахерскую на больших черных лимузинах. Но не Отманы. Они разъезжали в той же раздолбанной машине и все так же пели в основном в деревенских церквях и на всенощных. Феррис, хоть и спасся повторно, тем не менее был убежден, что из-за новой моды на госпел их музыка все дальше уходит от религии и оказывается в опасной близости к шоу-бизнесу. Он чувствовал: дьявол вползает в госпел, покачивая бедами, соблазняет певцов шальными деньгами и сманивает добрых христиан ритмами бибопа на путь, противный Господу. Он кричал о том, что госпел вне рамок церковных песнопений – это грех. Потеряв собственного брата, Лероя, прельстившегося пением в дешевых салунах с танцульками, он боялся, что и сыновья, Бервин и Вернон, тоже могут сбежать, поэтому позволял семье

выступать только в передачах, посвященных исключительно госпелу.

Одну из таких передач дважды в день вели братья Блэквуды на станции КМА в Шенандоа, штат Айова. Дороти на выходные приехала в Айову в гости к Эвелин Беркби, подруге и соратнице по радиодомоводству, а заодно выступить с лекцией на тему «Украшение пирогов на все случаи жизни». Она стояла за сценой, слушая советы Адели Шумейкер, как выбирать обои, – и тут ей вручают записку.

Дорогая миссис Смит,

Увидала постер в КМА что вы тут будити а видь и мы тоже туточки. Давайте побеседуем после шоу если найдете время.

Минни Отман

Дороти быстро настрочила на обороте: «Чудесно! Встретимся у выхода со сцены, когда все кончится. Дороти» – и отдала записку посыльной.

Дороти искренне хотела увидеться с Минни Отман и надеялась, что Бетти Рэй будет с ней. Она столько раз думала о Бетти Рэй, гадала, как она. Но Минни пришла одна.

Женщины отправились в маленькое кафе через дорогу и сели в кабинку, куда Минни еле втиснулась. Выслушав обо всех местах, где побывали Отманы, Дороти наконец задала вопрос, который давно рвался с языка:

– Как поживает Бетти Рэй?

Тень озабоченности пробежала по лицу Минни. Помедлив, она призналась:

– Не очень. Честно говоря, миссис Смит, об этом я и хотела с вами поговорить. Она не знает, что я здесь, но вы и ваша семья были так милы с ней, и своя доча у вас есть, и вообще, вот я и подумала, может, вы мне что посоветуете, потому что признаюсь как на духу, я жутко за нее переживаю.

– Ох, батюшки. С ней что-то стряслось?

– Пока нет, но мне сейчас очень тяжело. Мальчишки вошли в клинч, бунтарят вовсю, и Флойд совсем свихнулся на женщинах, хуже, чем раньше, а у Ферриса нелады с головой.

Дороти забеспокоилась:

– Что с ним?

– Да то и дело по новой спасается и до того воодушевляется, что слетает с катушек, как в последний раз. Говорю вам, миссис Смит, он

сейчас в одном шаге, того гляди схватит в руки змею, каждую минуту за ним глаз да глаз, только и следи, чтоб не занесло. Знаете этот народ из Сенд-Маунтина, они там все такие. Трое уже померли от змеиного укуса. – Она тяжело вздохнула. – И кроме себя винить мне некого. Мама предупреждала насчет брака с человеком из Сенд-Маунтина, но я вцепилась в Ферриса Отмана, слышать никого не желала, так что сама влипла – самой и расхлебывать. Но я не могу и за ним следить, и за всей семьей. А Бетти Рэй в таком возрасте – все мальчики хотят с ней встречаться, и боюсь, стоит мне отвернуться, какой-нибудь вихлястый певун госпела из тех, что выются вокруг, как-нибудь возьмет да и удерет с ней посередь ночи.

– Понятно. А она что по этому поводу думает?

– Ну, она покамест на них ноль внимания. Ничем не интересуется, сидит в уголку да книжки читает. Глаза себе уж загубила, очки пришлось выписывать, но она так ненавидит нашу бродячую жизнь, что готова хоть сейчас замуж выскочить, лишь бы осесть где-нибудь.

– Вы думаете?

– Если она хоть чуток на меня в ее возрасте похожа, то она так и сделает, а нанять вместо нее другую певицу у нас денег не хватит, так что я просто вся извелась.

– Да, поводов для беспокойства у вас достаточно.

Дороти и сама волновалась. Минни наклонилась и тихо проговорила:

– Миссис Смит, я знаю, умной меня не назовешь. Образования у меня ноль без палочки. И не поймите меня превратно, я всех их люблю до смерти, но что Феррис, что мальчики, не говоря уж о Флойде, не самые сметливые экземпляры на свете. Для людей навроде нас такая жизнь – самое то. А вот Бетти Рэй другая. Она умней нас всех. Она думает, я не замечаю, но я-то вижу, как она читает свои книжки. Учиться она хочет, вот это – ейное. Я пыталась к сестре ее пристроить в школу, но там детей полон дом, она не выдерживает, нервируется. Но, миссис Смит, если я чего-нибудь с этим не придумаю как можно скорее, она закончит как я, останется на всю жизнь неучем.

Дороти кое-что пришло в голову, но пока она решила ничего определенного не обещать.

– Минни, – сказала она, откинувшись на спинку стула, – не знаю, сработает ли мой план, но прошу вас – позвоните мне домой на следующей неделе, хорошо?

Минни с трудом выпихнула телеса из кабинки и обещала позвонить, как только они попадут в дом с телефоном. На том и расстались.

На следующий день Дороти уехала в Элмвуд-Спрингс, а Отманы с утра пораньше направились в Нэшвилл, штат Теннесси, город, прозванный Пряжкой Библейского пояса^[17]. Всю дорогу туда Минни молилась, чтобы Феррис не бродил за кулисами, отговаривая остальных исполнителей госпела петь в коммерческих целях, и чтобы Флойд не начал снова приставать к сестрам Картер.

Когда они в последний раз пели с семьей Картер, кукла Честер сделал Джун предложение, настолько оскорбившее девушку, что она сорвала с него парик. За ремонт нахала пришлось выложить двадцать восемь долларов.

По дороге домой Дороти раздирали сомнения. Конечно, хотелось помочь Бетти Рэй, но не хотелось терять другую девочку, тоже ее подопечную. Но еще она знала, что эта другая девочка больше всего на свете жаждет путешествовать.

«Так, ладно, – решительно сказала она себе, – что мне стоит спросить». И в первый же день после возвращения, сидя с Беатрис в кухне, она издали завела разговор.

– Угадай, кого я встретила в Айове.

– Не знаю.

– Помнишь Отманов?

Беатрис улыбнулась и погладила свою собаку-поводыря, Хони.

– Еще бы.

– А Бетти Рэй помнишь?

Беатрис кивнула:

– Да... Девочка, что у вас жила. Как она?

Дороти откашлялась.

– Не очень хорошо, кажется. Даже наоборот.

– Ох, как жалко.

– Ее мама сказала, что Бетти Рэй не любит путешествовать. Мечтает осесть хотя бы ненадолго и походить в школу.

– Правда?

– Да, ее мама очень хотела бы, чтобы у Бетти Рэй была возможность получить аттестат. (Беатрис кивнула, но смолчала.) Хотя вряд ли это получится, – продолжала Дороти.

– Почему же?

Ура, Дороти как раз надеялась, что Беатрис спросит.

– Ну, если она уйдет из группы, им придется кого-то искать на замену.

– Ах вот как, – сказала Беатрис и принялась яростно чесать Хони за

ухом. – Правда?

Дороти подсыпала еще две ложки сахара в ее кофе, чтобы дать Пташке время подумать.

– Конечно, для некоторых это непросто – вечно странствовать с места на место...

– Странствовать?

– Ну да. Я ничего не сказала Минни... Тебя же такая перспектива вряд ли заинтересует, правда?

Беатрис вскочила на ноги:

– Ой, Дороти, думаете, они меня возьмут? Возьмут, думаете? Я знаю все песни и мелодию могу выучить любую...

– Минни мне будет скоро звонить, если хочешь, я ее спрошу. Но по моему, много они не смогут платить.

– Да мне все равно! А если их беспокоит моя слепота, скажите про Хони. Скажите, мы отлично справляемся. Я почти все могу делать сама. Я не буду им в тягость. Скажите, я буду петь бесплатно.

Обе были как на иголках, пока Минни не позвонила, как и обещала. Дороти сказала, что Беатрис сможет заменить Бетти Рэй, если они согласны. Минни ответила, что обговорит с Феррисом и перезвонит.

Прошел час. Наконец раздался звонок.

– Миссис Смит, скажите девоньке, если она хочет с нами вместе помыкаться, мы будем рады. Погодите, я дам Бетти Рэй.

Дороти тут же крикнула Беатрис, ожидавшей ответа в кухне:

– Все хорошо, дорогая, тебя берут.

Потом трубку взяла Бетти Рэй:

– Алло?

– Бетти Рэй, тебе мама все рассказала?

– Да, мэм.

– Ты согласна? Ты знаешь, мы очень хотим, чтобы ты приехала.

Последовала долгая пауза.

– Миссис Смит, вы просто не *представляете*, как я хочу к вам.

Дороти, пожалуй, впервые услышала от Бетти Рэй целое предложение. Она очень переживала, что совершает ошибку, но в этот момент поняла, что все сделала правильно.

Минни снова была у телефона:

– Скажите Беатрис, мы заедем через несколько недель. Клянусь, когда кажется, что ты в полном тупике, Господь посылает ангела. Бог запишет вас в святые, миссис Смит. Знаете, какой у меня камень с души свалился!

Повесив трубку, Дороти вернулась в кухню, но Беатрис и след

простыл: побежала собираться.

Обмен

Феррис Отман вовсе не радовался расставанию с Бетти Рэй, но Минни, впервые за время их брака, топнула ногой, а нога у нее довольно тяжелая.

– Феррис, мое дите не хочет провести всю жизнь на колесах, она хочет ходить в школу, значит, так тому и быть.

– Через мой труп, – сказал он.

– Да хоть бы и так, ежели иначе никак.

Феррис заглянул ей в глаза и понял, что лучше дальше не давить, и через две недели Отманы по дороге сделали крюк, чтобы оставить Бетти Рэй и забрать Беатрис Вудс с собакой. Когда они подъехали, Минни опустила стекло и сказала:

– Миссис Смит, нет времени даже обнять вас, мы опаздываем, нужно быть к восьми на всенощной в Литтл-Рок, но я всю дорогу буду за вас молиться.

Задняя дверца открылась, Бетти Рэй вышла, а Беатрис и Хони влезли на ее место.

Дядя Флойд сидел на переднем сиденье с Феррисом и Минни, и едва они тронулись, как Честер – кукла, цитирующая Библию, – обернулся к девочке. Брови у Честера подпрыгнули, и он сказал:

– Ух ты, ну привет тебе, красотка.

Беатрис немедленно откликнулась:

– Привет и тебе!

Мама Смит, Дороти, Бобби, Анна Ли и Сестра Руби Робинсон махали машине вслед, еле сдерживая слезы. Но Беатрис Вудс не оглянулась. Она бы оглянулась, хоть и не увидела бы ничего, но была слишком сосредоточена на том, что впереди. Наконец-то она на дороге, мчится в неведомую голубую даль. Йо-хооо!

Бетти Рэй не слишком изменилась с их встречи, только чуть выросла и обзавелась очками. Явно не сама выбирала оправу – дешевое сочетание черного пластика с металлом совсем не красило девочку-подростка. По дороге к дому Дороти поклялась себе, что прежде всего купит бедняжке новые очки.

Хотя все переживали разлуку с Беатрис, но Бетти Рэй встретили с радостью, особенно Анна Ли. Она прогрустила все лето. Осенью уезжать, жить неизвестно где, без семьи, да еще и обе лучшие подруги ее забросили. Впервые в жизни она чувствовала себя одинокой. Петси Мэри работала

весь день в химчистке отца, а Норма вышла замуж. И как ни клялись они с Нормой, что между ними все останется по-прежнему, многое изменилось. Раньше она могла звонить Норме днем и ночью, уговорить пойти куда угодно и когда угодно. Теперь же та была замужней женщиной, а это совсем другое дело. Никто не виноват. Вокруг Анны Ли по-прежнему вились все городские мальчишки, но подруги остро не хватало.

Была и другая причина для грусти.

В первый вечер Анна Ли зашла в комнату Бетти Рэй, села на кровать и наблюдала, как гостья разбирает чемодан. Потом сказала искренне:

– Не представляешь, как я рада, что ты здесь. Я чувствую себя такой виноватой, что уезжаю от мамы, оставляю ее одну с Бобби. Прямо хоть отказывайся от учебы. Но раз ты тут, ей будет не так одиноко, и за меня будет поменьше переживать.

Бетти Рэй до сих пор стеснялась Анны Ли и лишь пробормотала:

– Спасибо.

Анна Ли продолжала:

– Ты все равно что младшая сестренка, которая остается за старшую, да? – Она вздохнула: – Жаль, нет у меня настоящей сестры. Мама так на меня рассчитывает, и это тяжело. И раз уж мы типа сестрички, может, поживешь в моей комнате, когда я уеду? Для меня это очень много значит.

– Правда?

– Да, конечно, а уж мама как обрадуется. Ей немного не по себе, что ты в такой каморке ютишься. Нет, тут, конечно, очень мило и все такое, – быстро добавила она, – просто если б ты у меня в комнате жила, мы бы еще больше сроднились. (Бетти Рэй вытащила очередное самодельное платье.) Слушай, Бетти Рэй, у нас с тобой, кажется, один размер. У меня одежек целый шкаф остается, чего им просто так на вешалках болтаться, можешь надевать все, что приглянется. Я собиралась их раздать. Если ты, конечно, не против носить секонд-хенд. Вообще-то шмотки классные.

Бетти Рэй, которая всю жизнь только секонд-хенд и носила, ответила:

– Не против.

Оставшиеся недели Анна Ли посвятила Бетти Рэй и заставила перемерить всю свою одежду. Однажды не выдержала и напрямик спросила то, что давно вертелось на языке:

– Дашь мне как-нибудь покумекать над твоей прической?

«Накумекавшись», она заодно и губы ей подкрасила, и щеки нарумянила.

– Гляди, так же лучше, правда?

Бетти Рэй глянула в зеркало, без очков ничего не увидела, но все равно

согласно кивнула. Потом Анна Ли покрасила ей ногти в ярко-красный цвет. Бетти Рэй слишком смущалась, чтобы возразить. Да и кто способен отказать Анне Ли, в ее розовом ангорском свитере и розовом жемчужном ожерелье? В ее руках Бетти Рэй была послушной пластилина.

Каждый день Анна Ли ходила с Бетти Рэй по магазинам, такие походы длились часами. Анна Ли покупала в универмаге «Морган бразерс» новый гардероб для колледжа и перемерила все до единой блузки, туфли, костюмы и платья, а некоторые дважды, прежде чем на что-то решиться.

Дороти радовалась, что они проводят вместе столько времени, но потом забеспокоилась и сказала Маме Смит:

– Она таскает за собой бедную девочку, как в детстве свою куклу, Потрепанную Энн.

Так оно и было.

Однажды Анна Ли сказала Бетти Рэй:

– Я знаю, ты очень религиозная и все такое, но скажи, для тебя пойти в кино – большой грех? Джинджер Роджерс родом из Миссури, и я умираю хочу снова посмотреть «Китти Фойл». Может, разочек не грех?

Бетти Рэй подумала.

– Не знаю. Никогда не была.

Дороти, узнав об этом, сказала:

– Слушай, Анна Ли, я не хочу, чтобы ты вынуждала Бетти Рэй делать то, что она, может, вовсе не хочет делать.

Анна Ли, в тот момент занятая выплетанием косичек из реденьких волос Бетти Рэй, невинно ответила:

– А я и не вынуждаю, мама. Она сама хочет, правда?

Бетти Рэй подтвердила:

– Да, мэм.

Назавтра они пошли на «Китти Фойл», и кино Бетти Рэй понравилось.

В пятницу Дороти повезла девочек в Поплар-Блаф за новыми очками для Бетти Рэй. Вернувшись, она говорила Маме Смит:

– Жаль, ты не поехала – получили бы несравненное удовольствие, наблюдая за Анной Ли. Она квохчет над Бетти Рэй, так мамаша.

– Очки-то заказали? – поинтересовалась Мама Смит.

– В конце концов заказали. – Дороти села на диван. – На следующей неделе привезут. Анна Ли выбирала. Голубые, с крылышками на краях. Я бы, конечно, такие не взяла, но Анна Ли уперлась и добила своего. Бетти Рэй – милейшее существо. Сидела и терпела. Позволила Анне Ли перемерить на нее все оправы, какие имелись в магазине, даже не пикнула.

Анна Ли и вправду увлеклась своим новым проектом, пытаясь

вылепить из Бетти Рэй свою копию. Будь у нее еще несколько недель, она бы выучила Бетти Рэй танцевать джиттербаг. Но настал день, когда пришлось уезжать в школу медсестер. Вечером вся семья отправилась на вокзал провожать ее. Дороти по дороге без умолку болтала и храбрилась, но в последнюю минуту, когда Анна Ли, такая красивая, такая взрослая в коричневом охотничьем костюмчике и в шляпе под стать, забралась на подножку и помахала им рукой, Дороти не выдержала. Зажала рот, чтобы скрыть рыдания, пока поезд отходил от станции, а потом заплакала в голос. Док обнял ее за плечи:

– Ну-ну, перестань, это ненадолго. Она же приедет на Рождество.

– Знаю, – сказала Дороти, – просто она такая маленькая, моя девочка, а поезд такой огромный. – И снова разрыдалась. Глупо, конечно, но она ничего не могла с собой поделать. Точно так же у нее сердце разрывалось, когда она впервые провожала дочь в школу двенадцать лет назад.

Бобби тоже огорчился, но что сказать, не знал, поэтому выдал:

– Только шляпа у нее дурацкая.

Дома Дороти отправилась в постель, Бобби – к себе слушать радио, а Мама Смит – помогать Бетти Рэй перенести вещи в комнату Анны Ли, как и было обещано. Вешая в шкаф платья, Мама Смит сказала:

– Не представляешь, какая удача, что у Дороти есть ты. А то я не знаю, что бы с ней сейчас было. Она уже потеряла одного ребенка, и терять второго, даже на короткое время, очень больно.

Док с Джимми сидели на веранде. Разговор не клеился. После долгого молчания Док не выдержал:

– Зря Дороти ведет себя так, будто настал конец света. Господи, да она к Рождеству вернется. – Потом глянул на Джимми и покачал головой: – Женщины... каких-то несколько месяцев, а страданий как на десять лет разлуки.

– Да, женщины – существа нервные.

Они сидели в темноте, курили, делая вид, что не скучают по Анне Ли, они, мол, выше таких глупостей. Но они скучали.

Анна Ли ехала уже два часа, когда нашла конверт, подсунутый Доком ей в сумку тайком от Дороти. В конверте была блестящая монета и записка.

Если тебе вдруг что-то не понравится, звони, я тебя заберу.

Папа

Док не знал, что Джимми тоже сунул ей двадцатку в карман жакета

перед отъездом.

– Мало ли чего, – сказал Джимми.

Слава, слава, путь свободен

Но и другую пару родителей разлучили с ребенком – Минни и Феррис Отман. С момента отъезда из Элмвуд-Спрингса и до самого Литл-Рока они были заняты разучиванием песен с Беатрис, а потом без перерывов ездили по стране. Оба страшно скучали по Бетти Рэй. Феррис беспокоился, что без его ежедневных молитв и чтения Библии дочь может отойти от Господа и повернуться к порокам. Минни же больше волновало, приспособится ли Бетти Рэй к новой жизни и найдет ли свое счастье. Перед расставанием она посоветовала Бетти Рэй не слишком обращать внимание на папины строгие запреты. Посоветовала наедине.

Ферриса хватил бы удар, узнай он, что дочка пользуется губной помадой и смотрела фильм с Джинджер Роджерс. Но Минни сказала Бетти Рэй в телефонном разговоре:

– Детка, твоего папу не сможет огорчить то, чего он не узнает.

Их жизнь менялась почти так же быстро, как жизнь Бетти Рэй, с того самого дня, когда они приехали в Литл-Рок на ночные бдения. Ночь обещала быть длинной. Другие группы уже переоделись к выступлению. «Семья Спир», «Счастливые Гудмены», квартет «Лестер-Стэмпис», квартет «Джона Дениелса», «Мастера мелодии», «Мальчики из Дикси», квартет «Солнечный Юг» – группы со всей страны здоровались за кулисами, делились радостями и печалью, рассказывали, у кого – сердце, у кого – камни в желчном пузыре. Жаловались на налоговую службу – вечную проблему странствующих певцов.

До начала оставалось всего полчаса, и Минни с Беатрис отправились в женскую раздевалку, а мальчики в мужскую. Флойд выгружал из машины стереосистему. Холлы и зал гудели от радостного возбуждения – народу пришло несколько сотен человек. Участие в песнопениях со звездами было для Отманов возможностью «поправить положение дел», как выражалась Минни. Не самый удачный момент для того, чтобы выводить нового члена группы, но что делать. Они были вынуждены завезти Бетти Рэй в Элмвуд-Спрингс хотя бы за несколько недель до начала занятий в школе, а деньги нужны. Семьдесят пять долларов за ночной концерт – щедрее предложений им еще ни разу не делали. Они должны выйти третьими, после «Мальчиков из Дикси». И вот Минни подвела Беатрис и Хони к выходу на сцену. Беатрис, услышав шум и волнение за кулисами и в зале, уцепилась за Минни. Минни похлопала ее по руке:

– Не бойся, девонька, я с тобой.

Беатрис сказала:

– Что вы, Минни, я не боюсь, мне, наоборот, не терпится.

«Мальчики из Дикси» завершили последний номер, «Много радостей минуло», а народ все прибывал – люди опаздывали к началу, их интересовали более известные группы, «звездные», которые выходили после «незвездных». Когда объявили Отманов, зрители бродили по залу, подыскивая места получше.

Мало кто поднял глаза, когда Отманы вышли на сцену, и эти немногие удивились, увидев собаку, за которую держалась маленькая женщина в темных очках. «Что происходит?» – подумали они. Минни села за инструмент, глядя, как обычно, прямо перед собой, и принялась топтать ногой, а дождавшись прилива вдохновения, заиграла первую песню – «Слава, слава, путь свободен». А потом случилось нечто неожиданное. Из колонок высоко над головами зрителей полился поразительный голос, ничего подобного они не слышали.

Минни сразу поняла, что Беатрис – необычная певица. Поняли это и все остальные. Люди перестали ходить и сели где попало. Скоро и гримерки опустели – народ подтянулся поближе к сцене, всем хотелось увидеть это чудо.

Когда Беатрис пела одна, это было что-то. Минни одна – это было что-то. У Бетти Рэй был мягкий и приятный голос, но чистое, мощное сопрано Беатрис идеально сочеталось с полноценным, могучим тенором Минни. А в соединении с глубоким басом Ферриса и альтами мальчиков их пение стало сенсацией и вызвало бурный восторг. Зал аплодировал стоя после каждой песни. К моменту, когда они исполняли последний номер, «Дни счастливые проходят», их гонорар поднялся с 75 до 150 долларов за выход. И больше их никогда не ставили «на распевку».

Один из «Мальчиков из Дикси» позже заметил:

– Отманы нашли золотую жилу в лице этой слепой малышки.

Бетти Рэй получила новую жизнь, а Отманы – новый звук.

Лишь Минни не слишком удивилась этому феномену. Она всегда верила и не уставала повторять:

– Господь никогда не закрывает одну дверь, не открыв другую!

Джимми и кафе «Трамвай»

После отъезда Анны Ли Дороти не находила себе места, пока дочка не позвонила: доехала нормально, все в порядке. Довольно быстро Дороти стала прежней и с удовольствием окунулась в суету с покупкой учебников и других мелочей к школе. Пару недель назад Бетти Рэй прошла тест, и к всеобщему удивлению, получила достаточно высокий балл, чтобы поступить в выпускной класс. Как будто Анна Ли вернулась. Предстоит еще один школьный бал, и экзамены, и прочие приятные хлопоты.

А вот Бобби, бедолага, остался на второй год, так за закрытыми дверями было решено между его родителями и учительницей, мисс Хендерсон. Мол, раз он получил такие плохие оценки, особенно по математике и английскому, его лучше еще годик поддержать в шестом классе, иначе он уже непоправимо отстанет. Вдобавок на водонапорную башню он так и не влез. Немудрено, что Бобби пребывал в печали. Единственное утешение до следующих каникул – двойной сеанс в элмвудском кинотеатре по воскресеньям да после кино обед в кафе «Трамвай». Хоть что-то, правда?

Кафе «Трамвай» – маленькая круглая белая постройка с окном во всю стену. После фильмов Бобби любил сидеть на табурете за стойкой, есть острый хот-дог, запивать апельсиновой газировкой и глядеть, как мир движется мимо. Джимми то и дело поглядывал на него: парень качал ногой, пиная стену. Это означало лишнюю работу – оттирать следы подошвы, но Джимми ничего не говорил. Он получал от Бобби свои дивиденды в виде рассказней и всегда радовался его приходу. Столько лет прожив у Смитов, он воспринимал их как свою семью. И давно отчаялся завести собственную. Хотя хромал почти незаметно, но все равно стеснялся этого и боялся позвать девушку на свидание, тем более замуж.

В шестнадцать он стал морским пехотинцем, а когда грянула Вторая мировая, ему было двадцать пять. Но для него война кончилась в тот же день, что началась. Воскресное утро 7 декабря 1941-го он встретил на борту линкора «Аризона». После чего много лет скитался по госпиталям – заново учился ходить, но никто не слышал от него ни слова жалобы. Ему повезло больше, чем другим морякам с того судна. Он-то потерял только ногу, а они – жизнь. Джимми жил тихо, каждый день ходил на работу в кафе, раз в год ему полагался недельный отпуск, который он проводил в Сент-Луисе, навещая друзей в ветеранском госпитале, и по пятницам играл

в покер в Доме ветеранов. Вообще-то работать ему было необязательно, выплат по инвалидности от правительства вполне хватило бы, но такая мысль никогда не приходила ему в голову.

Когда Бетти Рэй впервые появилась в их доме, она ужасно стеснялась Джимми, но он ей все равно понравился. Он был не таким громогласным и напористым, как мужчины в ее семье. Она всегда на людях испытывала беспокойство, боялась, что от нее ждут каких-то слов, но с Джимми этого не было. Спокойный, милый, легкий человек. И она ему тоже нравилась. Дороти подмечала кое-какие перемены в его поведении. С приезда Бетти Рэй он выходил ужинать в чистой белой рубашке. А еще ждал, что Бетти Рэй первая уйдет с веранды, – стыдился вставать при ней. Бетти Рэй не знала, что у Джимми деревянная нога, а если б и узнала – не страшно. Кому-кому, а ей-то было доподлинно известно, что значит отличаться от других.

Они не понимали, как похожи: оба боялись жизни, оба были увечными, только по-разному.

Возвращение Иды Дженкинс

Уж как боялся Бобби отправляться в школу второгодником, но еще больше Норма боялась очередного визита своей матери. 21 сентября Ида вернулась из поездки: сначала она побывала в Балтиморе на конференции Национальной федерации женских клубов, а затем посещала музеи в Вашингтоне. И в тот же день расхаживала по новому дому своей дочери, отпуская комментарии.

– Я не уверена насчет этих занавесок, Норма.

– А что с ними не так?

Ида не стала вдаваться в конкретику.

– Жаль, ты не позволила нам с отцом нанять профессионального дизайнера. – Она оглядела комнату. – А где твой серебряный чайный сервиз?

– В буфете.

Ида смотрела на дочь, словно не веря своим ушам.

– Норма, немедленно выставь чайный сервиз, его должны видеть. Чайный сервиз – лицо порядочного дома.

– Мам, мне тут чашку негде выставить, не то что целый сервиз, которым я даже не пользуюсь.

Ида села в кухне и сняла перчатки.

– Не знаю, зачем вы с Маком настаивали на покупке этого домишки. Он величиной со спичечный коробок... И как вы собираетесь принимать гостей без гостевой ванной комнаты, выше моего понимания.

– Гостей я принимать не собираюсь, и большего мы с Маком не можем себе позволить.

– Я бы не стала напоминать, но ты знаешь, как я к этому отношусь. Мы предлагали купить вам дом побольше.

– Да, мама, знаю. Как поездка?

– Чудесно... Интеллектуальнейшие разговоры с интереснейшими женщинами нашего круга. Будь ты членом клуба, могла бы со мной ездить.

Тот факт, что Норма не желает вступать ни в какие клубы, был для Иды постоянным источником огорчения.

– Мам, не начинай, пожалуйста, – сказала Норма и принесла сливок.

– Ой, хорошо-хорошо, я вовсе не об этом пришла поговорить, – Ида сверлила взглядом простой белый молочник, поставленный дочерью на стол. – Норма, а где тот красивый молочник с ручной росписью, подарок

Герты и Лодора?

– Разбился, – соврала дочь.

– Ты уж Герте не говори. Скажи, бережешь для особых случаев.

Ида вдруг заметила в Норме какую-то перемену.

– Что, скажи на милость, ты сотворила с волосами? Чего это они так раскурчавились?

– Тот Хутен.

– Больше ни слова.

Норма села за стол:

– Так о чем ты хотела поговорить? Ты сказала, у тебя ко мне разговор.

– Ах да. Так вот, Норма, я много об этом думала. Теперь, когда ты выросла и замужем, нам пришло время побеседовать как женщина с женщиной. В конце концов, ты моя дочь и должна получить хоть какую-то выгоду из моего жизненного опыта. За годы наблюдений я пришла к следующему умозаключению. – Последовала эффектная пауза – из тех, что всегда предваряли умозаключения Иды. – Норма, женщины непременно возьмут власть над миром, все к этому идет. Мужчины заняты исключительно тем, что развязывают войны да выделяются друг перед другом. – Она покосилась на окно – удостовериться, что мужчин поблизости нет. – Я начинаю думать, что умом большинство так и остаются двенадцатилетками... Только не твой папа, разумеется, слава тебе господи, он-то разумный и взрослый человек, но если бы меня не было рядом, кто знает... Мужчины – они как сады. Требуют ежедневного ухода, иначе сорняками зарастут. Жаль, что мне пришлось учиться на горьком опыте. Без женщины мужчина вянет.

Лицо Нормы выражало скептицизм.

– Норма, это правда. Посмотри, что стало с американским Западом. Вот как поступают мужчины, если позволить им действовать, – не моются, убивают индейцев, буйволов и друг друга, пьют, играют в азартные игры и бог знает что творят. Только когда порядочные, уважаемые женщины приехали на Запад, грубияны исправились и начали вести себя пристойно. Не забывай – все зло в мире от мужчин. Позволь тебя спросить... Если бы всем управляли женщины, думаешь, было бы столько сирот, брошенных отцами? Знаешь, львы даже пожирают своих малышей, если мать не уследит.

– Мама, при чем тут львы?

– Просто к слову, в качестве подтверждения. Норма, за ними нужно следить ежеминутно, иначе они вернуться в первобытное состояние.

– Ох, мам, папа не такой.

– Сейчас – да, когда он с нами. Но как ни прискорбно лишать тебя иллюзий, девочка моя, знай: каким бы воспитанным ни был мужчина, как бы хорошо ни вел себя в обществе, достаточно оставить нескольких представителей сильного пола на неделю в лесной хижине, и если думаешь, что они станут пользоваться салфетками, накрывать на стол или бриться, ты глубоко ошибаешься. Я не говорю, что они не могут себя заставить, я говорю только, что если мы хотим мирового прогресса, то женщины должны взять управление в свои руки. Главное, сделать это так, чтобы они не догадались.

После ухода матери Норма набрала телефон магазина «Инструменты». Когда муж поднял трубку, она сказала:

– Мак, пообещай мне одну вещь.

– Какую?

– Если я начну вести себя, как моя мать, ты возьмешь ружье и пристрелишь меня, ладно?

Застенчивая старшеклассница

Поступив в двенадцатый класс школы Элмвуд-Спрингса, Бетти Рэй, как любая новенькая, привлекла к себе всеобщее внимание. Но спустя две недели интерес к ней поутих, и чудачка-певица отошла на второй план. Любому сложно влиться в коллектив, где почти все ребята учатся вместе с первого класса, а Бетти Рэй трудно было вдвойне. Из толпы она не выделялась, и мальчики ее возраста не обращали внимания на худенькую, бесцветную новенькую в голубых пластмассовых очках. Некоторые девочки изо всех сил старались разговорить ее за обедом или пригласить в аптеку выпить содовой, но она так стеснялась, что почти не открывала рта. Наконец они сдались. Поняли, что в ней нет ничего интересного, а может, она слишком религиозна. Ее не то чтоб не любили – нет, просто оставили попытки сблизиться. Так что Бетти Рэй особо никуда не ходила – в школу да иногда в кино с семьей. С еще большим удовольствием она шла из кино домой, и Дороти радовалась этому. Вообще-то, она была отличной помощницей. Дороти получала сотни писем в неделю, и Бетти Рэй помогала их сортировать, рецепты откладывала в одну стопку, советы и объявления – в другую. Еще Бетти Рэй помогала Бобби, только Дороти этого не знала. Иногда, заходя в тупик с какой-нибудь задачей по математике, он тайком бежал к ней в комнату, и она решала за него. Мама Смит, любительница карт, надумала научить Бетти Рэй играть и была поражена, насколько быстро та схватывает. Спустя несколько дней Мама Смит призналась Дороти:

– Эта девочка – прирожденный игрок. Не удивлюсь, если к концу недели она освоит бридж.

И до первого ноября все шло гладко.

В тот день Дороти выбирала картошку в овощной лавке, когда туда вошла Паулина Татл, учительница английского в старших классах, высокая женщина без подбородка. Заметив Дороти, она направилась к ней и громко спросила:

– Ну, как там Анна Ли? Есть от нее известия?

– Нормально, Паулина. И учится хорошо, и все ей нравится.

– Я так и знала. Всегда говорила, что если кто и достигнет успеха, так это Анна Ли Смит.

– Между прочим, она о вас спрашивала.

– Из всех моих учеников она была самая умная, сплошь пятерки, к

тому же красавица.

– Спасибо, мне очень приятно. А как дела у нашей Бетти Рэй?

Паулина внезапно помрачнела.

– Я как раз собиралась вам звонить насчет нее, Дороти. Боюсь, у нас серьезные проблемы.

Дороти встревожилась:

– Что такое?

– С письменными заданиями все хорошо, но с устными – полный кошмар. Руку никогда не поднимет, а если вызываю, то бормочет себе под нос, что не знает ответа. – Паулина взяла картофелину, оглядела. – Но меня-то не обманешь, все она прекрасно знает. Просто не говорит. Очень жаль приносить дурные вести, Дороти, но девочка совершенно не владеет устной речью! – На слове «совершенно» она бросила в пакет большой красный помидор, как бы ставя ударение. – Я несколько раз ее вызвала и перестала – боюсь, в обморок упадет.

– Ох, батюшки, нехорошо как.

– Да, ничего хорошего.

Мисс Татл кинула в тот же пакет луковицу.

– Эта девочка никогда ничего не добьется, если не научится себя подавать, и оценок хороших на экзаменах не получит.

– Мы знали, что она немного застенчивая.

– Экстремально застенчивая, и надо пресечь это сейчас, иначе она вечно будет плестись в хвосте.

Дороти всерьез разволновалась:

– Что же делать?

– Думаю, ей следует незамедлительно записаться в драмкружок. Может, мисс Хэтчер научит ее хотя бы говорить. Вся надежда только на нее. – Мисс Татл взяла пучок салата, взвесила в руке, положила обратно. – Трудно готовить для себя одной. Не станешь ведь покупать половину пучка. Вам повезло, что у вас большая семья. Если хотите, я поговорю с Бетти Рэй.

– Нет-нет, спасибо. Давайте я сперва подумаю, что можно сделать. Что ж, рада была с вами пообщаться, Паулина. – И Дороти направилась к выходу.

Мисс Татл крикнула ей вслед:

– Попросите Анну Ли черкнуть мне пару строк, когда у нее выдастся минутка.

Дороти беспокоилась. С такой проблемой она раньше не сталкивалась. Дети ее трудностей с общением не испытывали. Особенно Бобби. Учителя не могли заставить его помолчать и сконцентрироваться на письменной

работе, в тетради вечная мазня и ошибки – если умудрится не забыть ее и не потерять. Паулина, похоже, считает ситуацию критической. Может, она и права. Может, нужно что-то сказать девочке прямо сегодня.

На кухне, пока Бетти Рэй разминала картошку для пюре, Дороти решила.

– Ну что, дорогая, как у тебя дела в школе?

– Хорошо.

– Трудности какие-нибудь есть?

– Нет, мэм.

– Получилось с кем-нибудь подружиться?

– Да.

– Не знаю, известно ли тебе, но лучше всего заводить друзей на факультативах. Я в школе была президентом клуба домохозяек, и мне очень нравилось.

Бетти Рэй улыбнулась. Дороти продолжала:

– Знаешь, я сегодня встретила Паулину Татл, мы заговорили о тебе, и она, верней, мы обе подумали, что было бы неплохо тебе вступить в какой-нибудь клуб. Может, захочешь в драмкружок походить. Анна Ли очень любила сцену.

Она говорила весело, но при слове «драмкружок» Бетти Рэй моментально побледнела. Она обратила к Дороти застывшее лицо:

– О, миссис Смит, я не смогу.

Дороти тотчас почувствовала себя виноватой. Она обняла Бетти Рэй за плечи:

– Нет – и не надо, конечно. Прости меня. Глупо было предлагать... Тебя всю жизнь на сцену силком тянули, правда?

– Да, мэм. – Бетти Рэй едва не плакала. – Я это прямо ненавижу.

– Ох, дорогая, не представляю, что на меня нашло. Ты не должна делать то, чего не хочешь.

– Она рассердится?

– Нет, что ты. Не беспокойся ни о чем. Я скажу Паулине, что мы не хотим, чтобы ты ходила в какой-то глупый драмкружок. И вообще тебе никакие кружки не нужны, правда?

– Да, мэм.

Поставив мясной рулет в духовку, Дороти села за стол лущить фасоль и подумала: «Ну не вызывает ее на уроках Паулина, и кому это важно? Ну не прогремит она на весь мир, и что? Не всем же звездами становиться. Ну получит она четверку или тройку вместо пятерки. Она довольна жизнью, и на кухне незаменимая помощница, тихая, воспитанная. Может, она станет

кому-то прекрасной женой. Пусть Бетти Рэй не такая красавица, как Анна Ли, зато уже сейчас готовит не в пример лучше. А мужчины любят тихих девушек, умеющих готовить».

А еще подумала: «Хорошо, что Анна Ли красивая, потому как готовить она совсем не умеет».

Когда Бетти Рэй домыла кастрюлю и села за стол, Дороти задала ей свой коронный вопрос:

– Дорогая, если бы одно твое желание могло исполниться, чего бы ты пожелала?

Бетти Рэй придвинула к себе горку фасолевых стручков, подумала и ответила:

– Дом.

– Дом? – удивилась Дороти. – Какой именно?

– Ну, маленький. И собачку, может.

– А хорошего мужа? Ты не хочешь, чтобы дом купил тебе муж?

– Нет, мэм. Я после школы работу найду и сама себе куплю. По-моему, я не очень нравлюсь мальчикам.

У Дороти в глазах мелькнул озорной огонек.

– Кое-кто – он работает в кафе «Трамвай» – считает тебя замечательной девушкой, я точно знаю...

Тут в кухню вошел Бобби, картинно качая бедрами, накрашенные красные губы были сложены бантиком.

– Молодой человек, – сказала Дороти, – почему ты не делаешь уроки в своей комнате?

Бобби, виляя бедрами, вышел.

Позже Дороти пошла его проверить. Бобби висел, уцепившись за дверь, как летучая мышь. Она сказала:

– Бобби, ты хочешь остаток жизни провести в шестом классе? А ну слезай и за работу!

Бобби стек на пол и поплелся к столу. Мама выразилась как нельзя яснее.

В пятницу Бетти Рэй вернулась из школы с довольным выражением лица и вручила Дороти маленькую желтую клубную карточку с надписью: БЕТТИ РЭЙ ОТМАН, БИБЛИОТЕЧНЫЙ КЛУБ СТАРШЕЙ ШКОЛЫ ЭЛМВУД-СПРИНГСА.

– Какая молодец! Я так горжусь тобой, прямо не знаю! – Дороти хорошо представляла, как нелегко далась Бетти Рэй такая карточка. – Это следует отметить! Мама Смит, Бобби, одевайтесь! Мы идем в аптеку есть мороженое!

Спустя пять минут все сидели на табуретах за стойкой с содовой и заказывали мороженое с горячим сиропом, кроме вечного оппортуниста Бобби: он повелел принести двойной банановый сплит^[18].

Время индейки

С тех пор как Беатрис уехала с Отманами, сестры Гуднайт, Бесс и Ада, взялись помогать Дороти. Они пели на передаче в особых случаях, и сегодня выдался как раз такой.

Перед выходом в эфир Дороти выглянула в окно, чтобы сообщить самые свежие новости о погоде, и увиденное ее порадовало.

– Всем доброго утра. У нас в Элмвуд-Спрингсе на дворе еще один прекрасный осенний денек, и у вас, надеюсь, тоже. Знаю, время сейчас хлопотливое, все готовятся ко Дню благодарения и каникулам, и мы очень рады, что вы выкроили для нас минутку. Не знаю, как вы, но лично я с нетерпением жду конца этой недели. Бобби сводит нас с ума, пытаюсь к пятнице вызубрить «Песнь о Гайавате». «Из страны Дакотов диких, с гор и тундр, с болотных топей...» Кажется, еще раз услышу – закричу. Бедная Бетти Рэй помогает ему учить, и скажу вам – у этой девочки терпение Иова. Пока что «Гайавату» выучили уже все домашние, кроме Бобби.

Ну что ж, завтра 4 ноября, день всеобщего голосования. (Мама Смит сыграла первые аккорды песни «Великий добрый старый флаг».) Правильно, Мама, демократия в действии. Утром позвонила Ида Дженкинс, председатель местной женской политической фракции, чтобы напомнить всем женщинам: приходите обязательно, голосуйте, не оставляйте выбор исключительно мужчинам. И Мама Смит согласна – не забывают, наша Мама Смит была суфражисткой, отстаивала наше право голосовать, и мы ею очень гордимся. Позже обещали заскочить Бесс и Ада Гуднайт, спеть «Бонго, бонго, бонго, бонго, не уеду я из Конго». Хотя ума не приложу, какое отношение к выборам имеет эта песня... Может, они ошиблись? Нет? Нет, Мама Смит говорит, они собираются спеть именно ее. – Дороти пошуршала бумагами. – Тааак, поглядим, что у нас дальше. Ага, объявление от торговой палаты. Они просят поменять название конкурса «Мисс Индюшка» на «Мисс Благодарение», так что, если вы согласны, зайдите завтра в аптеку и тоже проголосуйте. Гарри Джонсон из «Эй энд Пи» просит сказать вам, друзья, что у него есть спецпредложение на День благодарения: покупаешь одну банку молодого горошка «Дел Монте», вторую получаешь в подарок, и еще он говорит, что у них заготовлено много индюшек – уже выпотрошенных и наштигованных, осталось только сунуть в духовку.

А теперь позвольте спросить: вас когда-нибудь ударило током при

замене предохранителей? Если да, то следующая реклама для вас. Пользуйтесь предохранителями «Роял кристалл» со стеклянным противоударным наконечником. Это безопасней, чем лампочку поменять. Спрашивайте заодно и рождественские гирлянды «Роял». Все вышеперечисленное можно купить в магазине Уорренов «Инструменты». Кстати, об Уорренах, вчера мы с Мамой Смит были в гостях у нашей новобрачной Нормы Уоррен, которая провела для нас экскурсию по своей кухне. У нее новый обеденный столик «Формика» с табуретками – невероятно яркий и веселый. Она говорит, что цвета есть разные – желтые, голубые, зеленые, но у Нормы – вишневый. (Мама Смит сыграла «Жизнь моя – тарелка вишен».) Все верно. Норма в восторге: его очень легко содержать в чистоте, провел влажной тряпкой – и готово. Все говорят, это мебель будущего, и я в это верю! Когда Норма постелет красно-белый линолеум, ее кухню можно будет демонстрировать всему Среднему Западу в качестве эталона!

Не садитесь!

Норма и Мак были женаты всего ничего – меньше четырех месяцев, но Норма уже вовсю наслаждалась ролью жены и хозяйки. Ей ужасно нравилось обустривать свой домик, особенно радовала кухня, которую она вылизывала так же страстно, как Мак – свой новый автомобиль «Нэш рамблер». Через несколько недель грядет их первое Рождество в новом статусе супругов, и Норма приняла важное решение. Обсудив его с Максом, она позвонила матери сообщить волнующую новость.

– Здравствуй, – сказала Ида.

– Мам, знаешь что? В этом году я хочу всех пригласить на рождественский ужин к нам!

– Кого это всех?

– Тебя, папу... Других Уорренов: тетю Гертю, дядю Лодора, тетю Элнер и дядю Уилла. Всю семью. Правда, здорово?

– Это очень мило с твоей стороны, детка, но мне кажется, ты не подумала. – Ида тщательно взвешивала каждое слово.

– Подумала.

– Норма, как ты рассадить такое количество гостей? У тебя нет нормального обеденного стола.

– Очень просто, не обязательно формальный ужин устраивать. Все блюда поставим в углу кухни, каждый будет подходить с тарелкой и класть себе что захочет – как на фуршете. Мак сказал, он сдвинет карточные столики в гостиную, и мы накроем их простыней.

В английском языке не хватило бы слов описать, насколько Ида Дженкинс не хотела принимать пищу с карточного стола, накрытого простыней, но чувствовала, как много это значит для Нормы. Навалившись на телефонный столик, дабы прочнее стоять на ногах, она сказала:

– Хорошо, дорогая, если хочешь, давай. Уверена, что получится славно.

Когда все приглашенные на рождественский ужин пообещали прийти, Норма вдруг сообразила, что больше чем на двоих она никогда в жизни не готовила. Возможно, соорудить праздничный ужин на десятерых – не так-то просто, а она хотела, чтобы все получилось идеально. Она позвонила Соседке Дороти, и та помогла ей продумать меню до мелочей. Чтобы не допустить ошибки, она составила список: что в какой момент сунуть в духовку, когда вытащить, когда картошку ставить, сколько минут жарить

отбивные, сколько минут томить подливку, когда разогреть четыре банки горошка и булочки.

Почти всю неделю до праздника Норма провела в кухне, репетируя. Один день потратила, чтобы убедиться, что работают все таймеры, вся утварь на местах и готова к использованию. Она решила переложить горошек из банок в блюдо с крышкой, а банки выбросить. Это, конечно, жульничество, но известно, что скажет мать, увидев банки. Сто раз уже слышали: «Только бродяги да бомжи едят консервы». Мак наблюдал, как она выставляет таймеры, ходит со списком взад-вперед от плиты к холодильнику, притворяясь, что носит продукты, и говорит сама с собой. У нее было такое напряженное лицо, что муж пожалел ее и спросил:

– Могу я как-то помочь?

Она подняла на него глаза:

– Да, не пускай никого в кухню, особенно маман. А то она встанет и будет смотреть. Я и без того буду на нервах. Просто развлекай гостей, пока я не выйду и не скажу: «Ужин на столе, идите ешьте».

– Ужин на столе, идите ешьте?

– Ну, может, не такими словами, может, я скажу «Кушать подано» или что-то вроде того, но когда я позову, ты всех заставишь встать, взять тарелки и прийти сюда. Но не раньше.

– О'кей.

– Просто молись, чтобы я ничего не сожгла и не уронила.

– А хоть бы и сожгла, что с того? Это же не конец света, а всего лишь ужин.

– Всего лишь ужин? Всего лишь? Так ты считаешь, что все мои мучения – пустое? Провести первое Рождество в собственном доме – это для тебя ничто?

– Нет, я другое имел в виду. В смысле, если ты даже испортишь что-нибудь, это не конец света, всем будет плевать.

– Всем плевать?

Мак понял, что роет себе яму, и попытался выбраться:

– Но ты ничего не испортишь. Все будет по высшему разряду.

– Тебе легко говорить. Сам бы попробовал на десятерых приготовить.

В субботу, за целую неделю до ужина, Норма вычистила дом сверху донизу. Когда Мак вернулся днем домой, она встретила его на пороге с щеткой в руках:

– Мак, не садись на диван и стулья, и по ковру не ходи, и постарайся не пользоваться туалетом.

Так Мак понял: когда Норма нервничает, ей лучше не перечить.

Рождественская витрина

Сегодня день суеты. Дороти напекла пятнадцать дюжин имбирных печений в виде человечков, чтобы на праздники хватило, Бобби спустил с антресолей елочные украшения, а Бетти Рэй и Мама Смит маскировали зубочистки под елочки для стола. Около пяти тридцати пришел Док с огромным мятным леденцом-тростью, щеки его горели от мороза и двух стаканчиков яичного ликера приличной крепости. Перед этим они с Эдом и друзьями по старой традиции устроили в парикмахерской небольшой предрождественский мальчишник, и поэтому он был во всех смыслах на подъеме. Через несколько дней домой вернется Анна Ли, а сегодня они идут в город выбирать елку.

Он направился в кухню и вручил Дороти сладкую трость:

– Хо-хо-хо!

– И тебе хо-хо-хо, – засмеялась Дороти.

После ужина Дороти заставила Бобби надеть кожаную кепку с ушами, и всей семьей, включая Бетти Рэй и Джимми, они пошли на пустырь за церковью. Клуб «Цивитан» натянул вокруг пустыря гирлянду с белыми лампочками и устроил ежегодный елочный базар. Пахло хвоей, и знакомый запах Рождества еще больше воодушевил Дока. Джин Одри пела «Рудольф, олень красноносый»: Мерил приладила на стойку навеса маленький радиоприемник. Док ходил по рядам, искал подходящее дерево. Остановливался, встряхивал очередную елку и шел дальше.

– Как считаешь, Дороти, большую взять или маленькую?

Бобби попросил:

– Давайте большую.

– А ты как думаешь, Мама Смит? – спросила Дороти.

– Я думаю, раз возвращается Анна Ли, было бы неплохо в этом году разориться на большую.

Они шли дальше, рассматривая елки. Некоторые были покрашены в странные цвета. Док услышал, как Мама Смит в соседнем ряду говорит с Дороти:

– Какой человек в своем уме купит розовую елку?

– Ну, это, наверное, современно. Может, кто-то жаждет перемен в жизни, – предположила Дороти.

– По мне, так скорее уродливо, чем современно.

Поиски продолжались, Док тщательно обследовал каждую более-

менее подходящую елку. Он отвергал недостойных одну за другой, пока не углядел лежащую на земле голубую ель-великаншу, до сих пор не освобожденную от веревочных пут. Подошел Фред Хейгуд, работник «Цивитан», и спросил: «Хотите, развяжу?» Док хотел. Фред перерезал веревку и потряс елку, чтобы распушить. Дерево было около восьми футов высотой, пушистое и ровное. Док сказал:

– По-моему, хорошая, а?

Фред выдал мнение эксперта:

– Ага, красавица.

– Что скажешь, Джимми? – спросил Док.

– Мне нравится, – кивнул Джимми.

– Сколько? – спросил Док.

Фред крикнул в сторону навеса:

– Мерил, сколько за голубую ель, которую только что привезли?

Мерил крикнула в ответ:

– Полтора доллара – и она ваша.

Док сказал:

– Пусть ребята доставят ее к нашему крыльцу.

Далее все двинулись к универмагу «Морган бразерс» посмотреть на украшенные к Рождеству витрины. Когда проходили мимо парикмахерской, несколько человек, включая Джеймса Хутена, мужа Тот, еще сидели там, и помахали им. Из магазинов доносилась музыка. Перри Комо пел «Похоже, очень скоро Рождество», и во всех витринах красовалась красная, белая или зеленая надпись ВЕСЕЛОГО РОЖДЕСТВА! У Бобби было ощущение, что за одну ночь здесь вырос другой город. Две бутылки, наполненные красной и синей подкрашенной водой, что давным-давно стояли в окне аптеки, вдруг представились ему двумя светящимися елочными украшениями. Сегодня даже бетонная площадка перед кинотеатром, казалось, сверкала серебряными блестками. Перед универмагом уже толпился народ – и дети, и взрослые с восхищением разглядывали инсталляцию «Зимняя сказка», где одновременно двигались сотни механических фигурок. Эльфы с Санта-Клаусом, поезда с игрушечными пассажирами бегали вверх и вниз по белой горе, исчезали в тоннелях. К вершине горы поднимались лыжники, чтобы скатиться к подножию. Качающие головами северные олени, запряженные лошадьми экипажи, крошечные машинки двигались по миниатюрной деревеньке. Собачки виляли хвостами, фигурки мужчин, женщин и детей катались на коньках по замерзшему пруду из круглого зеркала, а вокруг пруда сверкал снег, росли зеленые деревья. Целый мир за стеклом. Бобби часами стоял бы, прижавшись к стеклу, если бы ему разрешили.

Домой шли снова мимо «Цивитан» и встретили Норму и Мака Уоррен, выходящих с елочного базара с розовой елкой.

– Здравствуйте, – радостно сказала Норма. – Глядите, что мы купили. Ничего прелестней не видела, а вы?

Мама Смит на миг лишилась дара речи, но Дороти быстро ответила:

– Да, прелесть. Мы на нее и сами засмотрелись. – И, в принципе, не соврала.

– Попросите, пожалуйста, Анну Ли позвонить мне, как только приедет.

– Обязательно.

Когда они разошлись в разные стороны, Мама Смит заметила:

– Дала бы миллион долларов, чтобы увидеть лицо Иды Дженкинс, когда она обнаружит эту «прелесть» в гостиной Нормы.

Вернулись все уставшие и сразу отправились спать, а Бобби всю ночь снилась рождественская витрина. Он катался на коньках по зеркальному пруду, кружился с красивой девочкой в короткой красной юбке и на белых коньках, но во сне она подозрительно напоминала Клодию Альбетту, сидевшую в классе как раз впереди него.

За три дня до этого Джимми бродил по универмагу «Морган бразерс» в поисках подарков, но выбрать что-то оказалось труднее некуда – он брал очередную безделушку и тут же клал обратно. Продавщица глядела, глядела на это дело и наконец не выдержала:

– Джимми, давай-ка ты мне скажешь, что ты ищешь, – сказала она. – Вдруг я смогу помочь.

– Ну...

– Кому ты выбираешь подарок?

Джимми совсем засмутился, но от помощи не отказался:

– Для девушки.

– Понятно. Может, красивый шарфик? Шарфик всегда кстати. Какие у нее волосы?

– Каштановые, – пробормотал он и поплелся следом за ней к стойке с шарфами.

Рождественское представление

На следующий день, после школы, Бетти Рэй и Бобби разворачивали рождественские украшения, а Док принес три новые гирлянды. Мигающие лампочки у них уже были, а эти меняли цвет.

Когда пришел Джимми, они с Доком повесили на дверь новый рождественский венок, присланный одним из спонсоров Дороти, Сесилом Фиггзом. После обеда все украшали гостиную, а Мама Смит руководила: сидела на диване и командовала, что куда приладить. К вечеру на каждом окне красовались картонные подсвечники с синими лампочками, красные бумажные буквы на дверях желали всем прохожим ВЕСЕЛОГО РОЖДЕСТВА, а на елке в углу висели атласные шарики – красно-зеленые и красно-синие с белым налетом изморози. На ветках была рассыпана серебристая мишура, а на верхушке красовался ангел в виде кокер-спаниеля с крылышками, подаренный одним радиослушателем в честь Принцессы Мэри Маргарет.

Наутро, в 8.54, Дикси Кэхилл и все шестнадцать ее учеников в гриме и в костюмах спустились с крыльца школы танцев. Дикси построила их в шеренгу на улице, дунула в свисток и повела через весь город на программу Соседки Дороти. Они выступали каждый год. Поскольку на танцевальных туфлях у всех было по колокольчику, шум на улице они поднимали приличный. «Будто стадо оленей мимо прогнали», – сказал парикмахер Эд. Таким макаром они взошли на веранду Дороти и выстроились в гостиной в ожидании, когда настанет их черед.

Дом был полон людей. Оркестр колокольчиков построился перед входом в гостиную – они выступали следующие, а Эрнест Кунитц оказался зажатым в углу: ему, как всегда, исполнять соло на трубе. Соседка Дороти в прекрасном настроении вышла в прихожую в зеленом рождественском платье с серебряными колокольчиками на корсаже. У нее был двойной праздник. Ей нравилось вести рождественские передачи, это во-первых, а во-вторых, сегодня приезжает Анна Ли. Поздоровавшись с гостями, она протиснулась сквозь толпу, переступила через сидевших на полу детей, заняла свое место, разложила рекламные объявления, и передача началась словами:

– Всем доброго утра и счастливого двадцать третьего декабря! Сегодня мы подготовили для вас столько замечательных сюрпризов, что я с трудом дождалась начала.

Нынче в Элмвуд-Спрингсе сплошные волнения! У нас тут собрались ученики школы танцев Дикси Кэхилл – они исполнят степ «Звон колокольчиков», вам наверняка понравится. Еще оркестр колокольчиков из Первой методистской церкви сыграет «Ровно полночь наступила». Да, как вы заметили, сплошные колокольчики, но в Рождество их много не бывает, правда? Эрнест Кунитц исполнит нам соло на трубе, песня называется... – Она помолчала. – Кто-нибудь, пожалуйста, высуньтесь в прихожую, спросите, что он приготовил. – Дикси крикнула название, и Дороти сообщила радиослушателям: – «Радость в мире», вот как. Но прежде чем перейти к выступлениям, я вам кое-что напомним. (Мама Смит взяла несколько аккордов из «Санта-Клаус входит в город».) Правильно, Мама Смит, Санта действительно входит в город и проведет весь сегодняшний и завтрашний день на пустыре за универмагом «Морган бразерз», так что вы успеете с ним сфотографироваться. Я веду к нему Принцессу Мэри Маргарет сразу после передачи, и не забудьте, весь доход пойдет Армии спасения, которая творит много добрых дел не только в Рождество, но и весь год.

Тут вдруг все зрители разом засмеялись, глядя на что-то за ее спиной. Дороти обернулась и увидела миссис и мистера Санта-Клаус: они стояли на веранде и махали ей руками. Дороти сказала:

– Не сойти мне с этого места, здесь натуральные Санта-Клаусы.

Она открыла окно, Санта наклонился и проговорил гортанным, звучным голосом:

– Веселого тебе Рождества, девочка!

Дороти не удержалась и захохотала: визита Санты она не ожидала, тем более Санты с голосом Бесс Гуднайт.

Ада и Бесс, с утра пораньше успевшие вручить подарки ученикам начальной школы, по дороге домой заскочили в парикмахерскую поздравить народ, и определенного плана у них не было. Женщины современные, они часто присоединялись к мальчикам пропустить рюмашку и принесли бумажный стаканчик яичного коктейля для Мама Смит.

Анна Ли прибыла на автобусную станцию – шикарная, полная новостей о своих новых поклонниках. Неудивительно. И Док, конечно, был счастлив вновь обрести свое любимое дитяtko – такое раскрасивое и довольное жизнью. Дороти сказала Анне Ли, что какими бы взрослыми дылдами ни стали ее детки, спится ей спокойно, только когда они оба сопят за стенкой, в своих постелях.

Вечером, когда Дороти закончила возню на кухне, Док уже лег. Она протерла лицо холодными сливками, выключила свет и легла рядом. Чуть

погода спросила:

– Еще не спишь, Док?

– Задремываю.

– Правда, сегодня был замечательный день? Почти идеальный?

– Да.

Еще чуть помолчав, она сказала:

– Док, спроси, что бы я загадала, если бы одно мое желание могло сбыться?

Он протянул руку и похлопал ее по плечу:

– Я знаю, дорогая.

Сколько бы лет ни прошло с тех пор, как умер их первенец, Майкл, каждый праздник был пронизан для них тайной грустью. Первые десять лет в рождественское утро они вдвоем шли к его могиле и приносили маленькую елочку, украшенную миниатюрными игрушками, а на Пасху ставили рядом с могилой корзинку с крашеными яйцами. В день его рождения и в день смерти их одолевала печаль. Редкий день проходил, чтобы кто-то из них не подумал: «Майклу было бы сейчас шесть» или «Майклу теперь было бы двенадцать». Хотя никто этого не знал, пожертвования, сделанные в память Майкла Смита, ежегодно оплачивали новые кровати и обои для целого крыла детской больницы. Большая часть денег на покупку собаки-поводыря для Беатрис Вудс поступила в Фонд Принцессы Мэри Маргарет в качестве пожертвования от его имени.

Прошло уже двадцать два года. Дороти пыталась представить себе, каким бы он стал человеком. Какая девушка его полюбила бы, а то уже и вышла за него? Какие у него народились бы дети, пошли бы в него или в маму? У Дороти перед глазами всегда маячило лицо маленького мальчика. Она видела, как он стоит и машет ей, человечек, которого больше нет в живых. Она думала о нераспустившихся бутонах, о непророснувших из яйца цыплятах – что с ними случается? Они исчезают, уходят из мира, потерянные навеки, – или вернутся когда-нибудь, весной? Ее мальчик чудился ей во всех встречных малышах с голубыми глазами и светлыми волосами. Но это был не он.

Веселого Рождества

Утром двадцать четвертого декабря Бобби уже с нетерпением ждал вечера. С тех пор как у них поселился Джимми, Смиты открывают подарки вечером под Рождество, поскольку Джимми должен в 23.45 садиться на автобус до Канзас-Сити, чтобы встретить праздник с друзьями из Госпиталя ветеранов. И очень кстати, поскольку Бобби и Мама Смит к этому времени обычно уже так растрясут и общупают предназначенные им свертки, что те вряд ли дожили бы до следующего утра.

Однажды Дороти увидела в хронике о Джоан Кроуфорд, ее любимой кинозвезде, как дети Джоан в рождественский вечер собираются вокруг пианино и поют хоралы, после чего детям Дороти приходилось делать то же самое. Каждый год после ужина она заставляла всех собираться вокруг фисгармонии и петь. Бобби страстно ненавидел этот обычай. Ему казалось, что все это только досадная задержка, а настоящий смысл Рождества в другом – как раз в подарках.

Около половины десятого вечера, когда наконец настала пора разворачивать подарки, зазвонил телефон. Дороти сказала:

– Подождите, я только узнаю, кто это. Не открывайте.

«Вот черт!» – подумал Бобби, уже вцепившийся в коробку со своим именем, чтобы беспощадно разорвать бумагу.

Они слышали, как Дороти говорила кому-то на том конце провода:

– Ой, какой кошмар... ох, бедняжка... Ох... господи, ну надо же... Да... Наверняка пойдет... Вот бедная.

Она вернулась в комнату и посмотрела на Дока.

– Это Бедняжка Тот. Ее мать стащила все подарки и спрятала в саду, а Тот никак не найдет их и спрашивает, не мог бы ты открыть аптеку, чтобы она хоть что-нибудь детям купила на утро. Я сказала, что мог бы.

– Ладно. – Док пошел надевать пальто. – А вы давайте открывайте. Я скоро вернусь.

Дороти сказала:

– Ни в коем случае. Мы ничего не станем открывать до твоего возвращения.

– Может, хоть один откроем? – жалобно спросил Бобби.

– Нет, Бобби, положи обратно.

Мама Смит вздохнула:

– Бедняжка Тот, весь день вкалывает, а потом мыкается со своей

безумной мамашей, да еще двоих детей поднимает. Ума не приложу, как она со всем справляется.

– Не представляю. Да к тому же Джеймс налетел на дерево и все себе поломал по новой.

Док открыл аптеку, буквально следом ввалилась Бедняжка Тот в бархатном халате цвета морской волны и тапочках, снова измотанная донельзя. Они прошлись вдоль полок и выбрали куклу и заколки для семилетней Дарлин и несколько плюшевых игрушек для Дуэйна Младшего, которому было два с половиной. Еще она взяла прозрачную пластиковую сумочку и сказала:

– Не знаю, Док, что делать, кричать или с крыши броситься. Джеймс тратит деньги быстрее, чем я их зарабатываю. Я весь день укладываю людям волосы, а он за ночь пропивает.

Док сказал то, что говорил ей годами:

– Милая моя, гони его взашей.

Тот подняла на него глаза и ответила так, как отвечала годами:

– Да кто ж о нем тогда позаботится? Кроме меня никто с ним не сладит.

Когда Тот ушла, рассыпаясь в благодарностях, Доку пришлось еще подождать: несколько покупателей заскочили за какой-то надобностью. Денег он с них не взял. Сказал: в рождественский вечер все бесплатно.

Только час спустя он вернулся. Наконец-то Бобби получил разрешение содрать с большой коробки бумагу. Внутри оказалась потрясная вертушка для пластинок, а бабушка подарила ему две пластинки, о которых он больше всего мечтал. И трусы.

От Джимми он получил деньги, от Бетти Рэй – книжку «Ровер бой», а Анна Ли удивила его настоящим тропическим шлемом «Джангл Джим».

Дороти подарили халат, камею и новые занавески, Доку – новую трубку и пижаму с тапочками и – от Бобби – коробку для рыболовных принадлежностей. Маме Смит достались носовые платки, духи и красивая новая колода игральных карт. Джимми получил традиционный блок сигарет «Кэмел» и от Бобби щипчики для ногтей на ногах. Девочкам достались духи, одежда и немного денег, плюс щипчики для ногтей на ногах от Бобби и альбомы для наклеивания вырезок от Дороти. Минни и Феррис Отман, на неделю Рождества ангажированные петь в Северной Каролине, прислали Бетти Рэй Библию в белом кожаном переплете с ее именем на титуле, выгравированным золотыми буквами. Еще она развернула сверток с красивым шелковым шарфом с ее именем на карточке, но от кого – там не было сказано. Потом все вышли на веранду вместе с

Джимми ждать автобус. В 23.45 он остановился перед крыльцом, и Джимми влез на подножку.

Дороти, как всегда, ложилась последней и, закончив дела в кухне, зашла в гостиную, чтобы погасить гирлянду на елке. Она постояла, глядя, как огни мигают и переливаются в темноте, и так это было красиво, что она решила оставить их на ночь включенными.

Дядя Флойд слетает с катушек

Через два дня после Рождества, когда Дороти была в эфире, зазвонил телефон. Проходившая мимо Бетти Рэй взяла трубку, и, как ни странно, это оказалась ее мама. Минни Отман звонила из Церкви примитивных баптистов в Талладеге, штат Алабама, в истерике.

– Ох, Бетти Рэй, милая, случилось ужасное, крепись, новости плохие.

– Мама, что стряслось?

– Милая, – всхлипывала Минни, – мы вчера вечером потеряли Честера. Честер пропал, а твой дядя Флойд заперся в мужском туалете, возводя хулу на Господа, и не выходит.

– В каком мужском туалете? – спросила Бетти Рэй.

– В кафе, где подают дары моря. Представь, мы все весело поедаем жареных креветок и вдруг узнаем, что Флойд носится по автостоянке, воя, как привидение. За то время, что мы съели двенадцать креветок, Честера украли прямо из его чемоданчика, среди бела дня. Похитили, как мальчонку Линдберга^[19]. А Флойд побежал в мужской туалет, заперся и грозит там утопиться. Мы уговаривали его выйти, и Беатрис, и все, кто там был, но он не слушался. Мальчишки хотели влезть через окно, так он не пустил их, поливал водой. Пришлось оставить его в ресторане и выступать вчера без него. Так там и сидит до сих пор, а твой папа просто вне себя. У нас ведь вся неделя расписана.

– Ох, мама, что же делать?

– Честера сейчас ищет полиция. Если не найдет, с твоего дяди станется провести в этом туалете веки вечные. – Она застонала. – Бедный наш деточка, Честер, кто мог украсть куклу! Мне пора, папа ждет... Молись за нас, доча. – И она повесила трубку.

Потом Минни и Феррис организовали возле ресторана кружок молящихся, а по всему штату распространили полицейский бюллетень из восьми пунктов. *Пропавший: кукла-чревовещатель, профессиональное имя – Честер, цитирующий Писание. Светлый парик, голубые глаза и веснушки. Последний раз его видели на автостоянке возле ресторана «Дары моря Вентзеля» на шоссе 21, был одет в ковбойский костюм и маленькую ковбойскую шляпу.*

Феррис был убежден, что исчезновение Честера – дело рук дьявола, тогда как большинство верующих считали, что его выкрали в религиозном экстазе. Бервин, Вернон и Беатрис не знали, как себя вести, но Минни

продолжала молиться и держаться за свою веру в то, что он вернется. Флойд провел в туалете ресторана 72 часа, пока Честера наконец не вернули – целым и невредимым!

Оказалось, это была безобидная шутка. Другая группа исполнителей госпела проходила мимо машины Отманов, и один из них, зная, как Флойд обожает свою куклу, выкрал ее с заднего сиденья. Честер проехал до самой Марианны, штат Флорида, где ему купили детский билет на грейхаундский автобус и отправили назад.

В этот вечер в Локсли, Алабама, Честер вернулся на сцену и спел «По пути к Иисусу» и «Когда приходит время путешествия Туда».

– Благодарение Господу, малыш снова с нами, – с облегчением говорила Минни по телефону Дороти. – Я знала, что Господь не оставит нас в трудный час. Ой, Дороти, я как увидела Честера в дверях автобуса, ох, чуть сердце у меня не лопнуло! Прямо как в Библии: «Он потерян был, но ныне найден».

Этим вечером Дороти призналась Маме Смит:

– Может, она и слишком громкая, и речь у нее не ахти какая правильная, но, честно говоря, если мне когда-нибудь очень понадобится, чтобы за меня или за близкого мне человека молились, первой, кого я попрошу, будет Минни.

Февраль, месяц любви

Как выяснилось, кафетерий «Три поросенка» принес городу не только вкусную еду, но и романтику. У его владельцев из Сент-Луиса была дочь, учившаяся в шестом классе вместе с Бобби. Итальянский отец и мать-гречанка произвели на свет темноглазую красавицу с оливковой кожей, звали ее Клодия Альбетта, и по ее вине все мальчишки разом поглупели. Горожане в основном имели шведские, норвежские и ирландские корни, и она казалась им экзотическим созданием, Ивонн Де Карло и Дороти Ламур^[20] в одном лице. К февралю крыша съехала и у Бобби. Нетрудно было догадаться: он здорово изменился. Во-первых, жестоко намасливал волосы, во-вторых, положил под пятку новенький, блестящий десятицентовик.

Когда Дороти вернулась из магазина, она с удивлением увидела, что Бобби до сих пор сидит за столом в кухне, перебирая кучу валентинок, купленных за 10 центов в магазине.

– Еще не выбрал?

– Нет, – сказал он, отталкивая открытки. – Надписи все дурацкие. А мне нужно хорошую.

– Можно узнать, кому предназначается твоя валентинка, или это секрет?

– Клодии Альбетте. – Но быстро добавил: – Это не моя идея, это миссис Хендерсон заставила нас выбрать имя из шляпы – хотела убедиться, что все девочки в классе получают поздравление.

– Надо же, какое везение, что тебе досталась девочка, которая тебе нравится.

– Мне не досталась, – признался Бобби. – Я отдал за нее Монро бойскаутский нож и индийский браслет. Ему она тоже типа нравится.

– А-а, понятно. – Мама села рядом. – Ну, у тебя здесь немаленький выбор. – Она просмотрела открытки и взяла одну в руки. – Вот котенок с целой корзинкой сердечек, довольно симпатичный, да?

Бобби пригляделся:

– Хотелось бы чего-нибудь посерьезней.

– Ну что ж... – Перебрав карточки, взяла одну с купидоном, поглядела на нее и положила назад: – Нет, это тебе не нужно. Чего-то среднего бы, между взрослой валентинкой и детской. Не глупую... но и не слишком сентиментальную. – Дороти выбрала еще одну. – Так... поглядим... Нет,

тоже не твой случай. Ладно, вот эта. Смотри, обычное сердце и простая по смыслу надпись. «Ты моя идеальная валентинка. Будь моей».

Бобби забрал открытку у матери:

- Ты правда думаешь, эта хорошая?
- Да, со вкусом, но просто и понятно.
- Уверена?
- Абсолютно.

Довольный Бобби взял ручку и черкнул внизу: «Угадай кто». Мать взглянула на подпись.

- Ты хочешь сказать, что после всех мучений даже не подпишешься?

Бобби испугался:

– Я не хочу, чтоб она знала, что это от меня! К тому же мы и не должны подписывать.

- Ну можно же хотя бы намекнуть, а? Это же нормально?

– Каким образом намекнуть?

– Не знаю. Ну хоть крошечную подсказку подкинуть.

– Например?

– Ну, ты мог бы сказать: «От тайного почитателя, мальчика с каштановыми волосами».

– Фу, мам, это глупо.

– Ничего не глупо. Ну представь, если бы ты нравился девочке, а она бы скрывала это. И ты б не догадывался. Нельзя упускать шанс в любви. Придется тебе набраться храбрости.

– А вдруг ее вырвет или еще чего?

– Ой, господи ты боже мой, Бобби, поверить не могу, такой смелый мальчишка – и вдруг заделался стыдливым трусишкой. Что с тобой?

Бобби долго сидел и думал, потом, собрав всю волю в кулак, отбросил опасения и пошел даже дальше, чем советовала мама: «От мальчика в третьем ряду с каштановыми волосами и карими глазами».

На следующее утро Дороти говорила радиослушателям:

– Если стоите, лучше сядьте, потому что я не думала, что доживу до того дня, когда Бобби Смит встанет поутру и сам причешется, без напоминания. Великая вещь – любовь... По опыту знаю. Я столько лет ждала, что в саду мне приладят «качели для влюбленных». Столько раз говорила Доку: «Правда, это местечко под раскидистой яблоней прямо просит, чтобы сюда повесили качели, чтобы мы могли сесть, смотреть на поля и любоваться заходящим солнцем?» И вот вчера после передачи выглядываю в окно – и что я вижу? Гленн и Мак Уоррен вешают-таки качели! Гленн говорит: «Док прислал нас поздравить тебя с Днем святого

Валентина». Можете поверить? Так что пусть не думает молодежь, что у нее монопольные права на любовь. – Мама Смит сыграла мотив песни «Не сиди под яблоней ни с кем кроме меня», и Соседка Дороти захохотала: – Все верно, Мама Смит. Пусть не вздумает ни с кем кроме меня сидеть ни под яблоней, ни под каким другим растением, а то я ему покажу. Слышишь, Док?

Бобби весь день ерзал за партой, ждал, когда начнут поздравлять, и наконец мисс Хендерсон принесла печенье и принялась раздавать валентинки. Когда она назвала имя Клодии Альбетты, Бобби сделал вид, что оглядывает класс, но смотрел на нее. Вот она открывает конверт. Вот обернулась, и улыбнулась, и премило махнула рукой.

Бобби улыбнулся и помахал в ответ, но она не на него смотрела. Она улыбалась мальчику, который сидел через три парты от него, мальчику, у которого – Бобби совсем забыл! – тоже были карие глаза и каштановые волосы. Черт!

Когда он вернулся, Дороти встретила его у двери.

– Ну? – спросила она.

– Говорил же, глупая идея. Теперь ей нравится Юджин Уотли.

– Ой, батюшки, – сказала Дороти.

Когда вечером на обед заехал их друг мистер Чарли Фаулер, инспектор домашней птицы, он спросил, как дела у Анны Ли и как поживает юный Роберт.

Дороти покачала головой.

– Боюсь, у юного Роберта любовные проблемы в связи с небольшой ошибкой в идентификации личности.

Клодия Альбетта не единственная в этом году совершила такую ошибку. Бетти Рэй нашла неподписанную валентинку, подсунутую утром под ее дверь, а потом увидела Бобби в кухне и решила, что это его рук дело. Бобби удивился – чего это она его целует ни с того ни с сего?

Еще одна выпускница

Время между февралем и маем пролетело незаметно – для всех, кроме, пожалуй, Бобби. Три месяца показались ему длинными, как десять лет, и к окончанию учебного года он уже напоминал дикое животное, жаждущее вырваться из клетки. Дороти умудрилась втиснуть его в приличный костюм с галстуком-бабочкой на выпускной Бетти Рэй. Дороти хотела, чтобы этот день девочке запомнился. Вся семья была в сборе, включая пришедшего на помощь Монро. Они кричали и аплодировали, когда ее вызвали на сцену, а Джимми еще и свистел. Дороти переживала, что Бетти Рэй не так популярна в классе, как другие, к тому же Отманы приехать не смогли, значит, девочке надо дать понять, что есть люди, которым она не безразлична. После торжества, когда все они стояли кружком и поздравляли выпускницу, подошли две ее одноклассницы и спросили, собирается ли Бетти Рэй на вечеринку в «Каскаде».

– Вряд ли, – ответила Бетти Рэй, но Дороти, не успев подумать, сказала:

– Ой, Бетти Рэй, ты же не хочешь пропустить выпускную вечеринку. Почему бы тебе не сходить? Уверена, будет весело.

– Да, – подтвердила одна из девочек. – Парня приводить необязательно. Можешь с нами пойти.

– Я тебя отведу, если захочешь, – сказал Бобби.

Девочки не стали ждать ответа.

– Если надумаешь – звони.

Всю обратную дорогу Дороти то и дело прикусывала себе язык, чтобы не сказать что-нибудь по этому поводу, и ей удалось сдержаться. Она пообещала Бетти Рэй, что никогда не станет вынуждать ее делать что-то против воли, однако мысль, что Бетти Рэй не пойдет на выпускную вечеринку, смущала ее еще больше. Выпускной бал она уже пропустила. Один мальчик пригласил ее, но она сказала, что не умеет танцевать, и он позвал другую девочку. Вечер выпускного она провела дома, с альбомом вырезок. Сама она вроде и не горевала, но Дороти извелась.

Когда после ужина все вышли подышать на веранду, Дороти с Мамой Смит остались в кухне пить кофе. Дороти сказала:

– Мне так ее жалко, прямо не передать.

– Почему? Она расстроилась, что родители не приехали?

Дороти покачала головой:

– Нет, об этом она ничего не говорила. Просто я зашла к ней в комнату, а она сидит там одна-одинешенька, корпит над альбомом, в то время как другие веселятся.

– Может, ей нравится над альбомом корпеть.

– Знаешь, что она собирает в этот альбом? Фотографии домов из журналов.

– Домов?.. Почему домов?

– Потому что больше всего на свете она мечтает о собственном доме.

– Кинозвезд я еще могу понять, но дома – это что-то новенькое. Какие хоть дома-то?

– Просто небольшие дома. У нее там штук сто вырезок уже.

– Ты поэтому ее жалеешь?

– Нет, не поэтому. У меня просто ощущение, что она постоянно о чем-то грустит. Не на поверхности, а глубоко внутри, и я не знаю о чем. – Дороти посмотрела вдаль, и ее глаза наполнились слезами. – Она мне напоминает маленькую брошенную собачонку, которая бродит по свету в одиночестве, и это разбивает мне сердце.

Мама Смит полезла в карман, вынула салфетку, протянула Дороти.

– Прости, – сказала Дороти. – Я не собиралась нюни распускать.

– Вот именно – нюни, дорогуша. Сразу глаза на мокром месте, как речь о Бетти Рэй заходит. А мне кажется, она тут счастлива.

– Правда? – Дороти промокнула глаза.

– Да. По-моему, ей с нами гораздо лучше, чем с этой ее семейкой, зуб даю.

– Что ж, может, я и ошибаюсь. – Дороти высморкалась. – Надеюсь, что ошибаюсь.

Еще одна ошибка

Дороти не ошиблась. Бетти Рэй было грустно. Как будто жизнь из нее утекла, а почему – она не знала. Еще она чувствовала себя виноватой за то, что не похожа на остальных Отманов и Варнеров и так их разочаровала. Семью она любила, но временами ощущала себя инопланетянкой среди аборигенов. Она всегда была другой, сколько себя помнила.

Бетти Рэй не знала, но вообще-то причины отличаться от Отманов и Варнеров у нее были, и весомые. Уж если на то пошло, она вообще не имела с ними родственной связи. Но этого никто не знал. Даже Минни Отман верила, что родила ее семнадцать лет назад, однако она ее не рожала. Невозможно поверить, что такое могло произойти на самом деле, однако произошло же.

В последний месяц беременности Минни, Феррис и мальчики жили в Сенд-Маунтине у матери и отца Ферриса, и, когда пришел срок родить, все они упаковались в машину и двинулись в сторону Бирмингема проводить Минни в больницу «Хиллман». 9 ноября 1931 года с разницей не больше получаса в больнице родились трое малышей. Мальчик по имени Джеймс Бейтс, девочка Каролина Ли Сайзмор и Бетти Рэй – все трое увидели свет в один и тот же вечер. На четвертом этаже больницы царил кутерьма, и то, что оба клана Отманов и Варнеров топтались в родильном отделении, как армия захватчиков, ситуацию только усложняло. Лерой, брат Ферриса, созвал дружанов – музыкантов из Бирмингема – и устроил в больнице вечеринку. То есть к обычной суете родильного отделения большого города прибавился оркестр в комнате ожидания, да два мальчика Отманов вопили и бегали по коридору. От всего этого медсестра Этелин Бак в тот вечер пребывала в волнении. Кроме того, она вообще нервничала – ведь это у нее была всего вторая неделя работы в отделении, а тут сразу троих вручили – срочно взвесить, обтереть и подготовить к первой встрече с мамашами. Вдобавок за окном маячил человек с куклой, которая говорила «Эй, эй, эй» и шевелила бровями. Честер постучал в стекло деревянной головой, пытаясь привлечь ее внимание. И, к сожалению, не без успеха. Сестра Бак так перепугалась, что прицепила браслет с фамилией Сайзмор на ножку ребенка Отманов, а браслет Отманов – на ножку младенца Сайзморов.

Когда миссис Катрин Сайзмор, симпатичной светловолосой юной жене известного прокурора Монтгомери, принесли ребенка, она удивилась, что у него такие темные волосы. И Минни порядком удивилась, увидав своего

светловолосого младенца. Она сказала Феррису:

– Это ж надо, до чего беленькая. А какие ушки крохотульные!

Если бы ошибка сестры Бак каким-то образом открылась, это бы объяснило, почему семнадцать лет спустя широкая в кости, полненькая девчушка с угольно-черными волосами и короткими ручками отчаянно пыталась засунуть себя в белое вечернее платье для первого выхода в свет в Загородном клубе Монтгомери. Родители ее, разумеется, обожали, но втайне спрашивали себя, почему Каролина, дочь такой высокой, худощавой и изящной матери, каждый раз заваливается набок, репетируя реверанс. Отманы же поражались, как это Бетти Рэй не может повторить мелодию. Но что сделано, то сделано. Судьба. И пока Каролина готовилась предстать перед высшим обществом города, Бетти Рэй, которая, собственно, должна быть на ее месте, нанималась на работу в кафетерий «Три поросенка».

Окончив школу, Бетти Рэй хотела найти работу, но такую, чтобы без всяких разъездов и без близких контактов с людьми. Так что кафетерий подходил как нельзя лучше. Стой и накладывай в тарелки овощи, которые попросят. Никаких тебе разговоров. Просто предлагай посетителям фасоль, окру, кукурузу, горох и прочие разносолы, стоящие нынче в меню, а после иди домой. Не догадываясь о другой участи, Бетти Рэй вполне довольствовалась ролью раздатчицы овощей. И кто знает, может, когда-нибудь она дослужится и до раздачи десертов.

Анна Ли осталась этим летом в Чикаго на сестринскую практику, а Бобби после фиаско на День святого Валентина решил навсегда завязать с девчонками. Если он не плавал в бассейне, то читал ковбойские романы Зейна Грея, которые Бетти Рэй носила для него из библиотеки. Он так увлекся вестернами, что к июню перечитал их все, от «Всадников Пурпурного Шалфея» до «Громоподобного стада», особенно его порадовало, что большинство настоящих ковбоев даже не дружат с девчонками.

Команда по боулингу

Когда напротив дома засигналила машина, набитая женщинами, Дороти позвала:

– Золотко, приехала твоя команда по боулингу!

Спустя несколько секунд вышла Бетти Рэй, попрощалась и сбежала по ступеням. Все, включая Монро, сидели на веранде и ели мороженое. Бобби крикнул:

– Удачной игры!

– Спасибо, – отозвались из машины и укатили.

Когда машина повернула за угол, Док встал и пошел выбить трубку о стену.

– Хорошо, что ее пригласили играть. Нужно хоть иногда выходить из дому.

Джимми кивнул:

– Да. Думаю, это пойдет ей на пользу.

Дороти тоже встала, чтобы отнести на кухню пустое блюдо.

– Точно. А то такая юная девушка – и все вечера безвылазно сидит дома.

– Вот бы какой-нибудь славный парнишка пригласил ее погулять, – сказала Мама Смит. – Кто-нибудь ее возраста.

Джимми фыркнул:

– Если спросите меня, так тут нет никого стоящего, с кем на свидание пойти.

Монро, подстриженный на новый лад – торчащим во все стороны, жестким, как проволока, «ежиком», возразил:

– А че, я б ее сводил... Если она заплатит за ужин, конечно.

Посчитав, что шутка удалась на славу, он ткнул Бобби локтем в бок.

Бобби незамедлительно ответил тем же:

– Не пойдет она с тобой на свиданку, вшивая башка.

Джимми кивнул Доку:

– О чем я и говорю.

Вслух нет, но про себя он частенько думал, что будь помоложе, да с ногой, все могло бы сложиться иначе. Странно, думал он, почему ребята, бегающие за Анной Ли, которая их просто не замечает, на Бетти Рэй даже не смотрят. Дураки безмозглые. Подсовывая ей под дверь валентинку, он размышлял так: если местные Ромео настолько тупы, что не видят у себя

под носом такую замечательную девушку, то пусть не думают, что в целом городе не нашлось хотя бы одного мужчины, которому она по душе. Нет, он не позволит ей так думать, по крайней мере, пока живой.

А еще Джимми был прав насчет того, что боулинг пойдет Бетти Рэй на пользу. Когда несколькими месяцами раньше Ада и Бесс Гуднайт вошли в дом с предложением присоединиться к элмвуд-спрингской команде по боулингу, Дороти и Мама Смит уговаривали Бетти Рэй изо всех сил. И, несмотря на ее сопротивление, настойчивость сестер Гуднайт сделала свое дело. Ада, старшая, одно время работала на вербовке летчиц в ВВС США и отлично умела уговаривать. В результате Бетти Рэй не смогла отказаться. По словам Ады, это было бы по меньшей мере непатриотично, не по-американски, и поставило бы под удар весь женский пол.

Хотя Бетти Рэй взяли в команду в последнюю минуту и раньше она никогда не играла, да и вообще никаким спортом не занималась, к ее собственному удивлению и не в пример прочим Отманам, она оказалась прирожденной спортсменкой. Грациозная, с отличной координацией, после нескольких уроков Дока она стала прилично играть. Ада, Бесс и их младшая сестра Ирен, которую называли Гуднайт Ирен, тоже неплохо играли. Но не было игрока лучше Тот Хутен. Одного упоминания ее имени было довольно, чтобы навести панику среди остальных команд по боулингу. По всей стране ее величали не иначе как «Тот Ужасная, левша из Ада». Сегодня они приехали к огромному новому залу для боулинга в Ист-Прейри. Вербена, соседка Тот, отпустила ее, пообещав приглядывать за Дарлин и Дуэйном Младшим и за матерью. Это были окружные соревнования.

Борьба на дорожках продолжалась уже несколько часов. «Бомбардирши из Элмвуд-Спрингса» и «Дикие кошки из Нью-Мэдрид» шли голова к голове, проводя вничью фрейм за фреймом, но наконец «Дикие кошки» упустили очко, и теперь был шанс, что победа достанется Элмвуд-Спрингсу.

Атмосфера накалилась. Гуднайт Ирен как раз выполнила спэр – сбила кегли за два броска, и если Тот удастся сделать страйк – сбить все кегли за один бросок, они выиграют. Огромный зал притих. Тот в широких коричневых штанах, со свежезавитой по такому случаю головой, встала, все взгляды были нацелены на нее. Она с прищуром глянула на кегли, вынула изо рта сигарету, взяла мешок с тальком, окунула в него руку, подхватила свой шар и подняла высоко перед собой, сконцентрировалась, задержала дыхание и бросила.

Она поняла, что произошло, только в тот момент, когда шар уже

катился по дорожке. Из-за напряжения – ведь бросок был решающим, от него мог зависеть исход соревнования – она так вцепилась в шар, что обручальное кольцо прошло в дырку. А пальцы влажные. Шар покатился по дорожке, кольцо осталось внутри и теперь направлялось к кеглям. Мало того что страйк не удался и палец она вывихнула, так еще вся команда после игры потратила не один час на поиски ее кольца. Они перетрясли с фонариком почти четыре сотни шаров, пока не попался нужный. К тому же кольцо ни за какие шиши не желало вылезать, и Тот оставалось лишь купить злосчастный шар.

Однако владелец боулинга, мужичище с бычьей шеей, разглядывал Тот с подозрением.

– А почему мне знать, что кольцо ваше, леди?

Тот не поверила ушам. Руки в боки, она процедила ему в лицо:

– А что, мистер, у вас много знакомых, у кого на внутренней стороне колец гравировка «Джеймс и Тот Хутен навеки вместе»?

Бетти Рэй понимала, что в этом нет ничего смешного, но на этих словах еле сдержалась. Тот продолжала бодаться с владельцем. «Хоть всю ночь проторчу здесь, а без кольца не уйду», – заявила Тот. В конце концов шар ей продали, и, поклявшись больше никогда не играть, она ушла с оскорбленным видом в сопровождении команды. Смеяться на обратном пути никто не рискнул.

Бетти Рэй вернулась поздно. Дороти не могла спать, пока все домашние не соберутся под крышей, и слышала, как Бетти Рэй хохочет по дороге от входной двери к спальне. «Наверное, выиграли», – подумала она, повернулась на другой бок и наконец уснула.

На следующий день Тот отнесла шар в магазин «Инструменты». Мак пустил в ход отвертки всех размеров, молоток, плоскогубцы – нет, все впустую. И он сдался:

– Миссис Хутен, не знаю, что и сказать, не выходит.

– Все равно спасибо тебе, Мак. – Тот взяла шар и поплелась домой.

Так и закончилась короткая, но бурная карьера Тот Ужасной, левши из Ада.

– Подумать только, – вздыхала она. – Единственный вид спорта, в котором я преуспела.

Кроме спортивной карьеры она потеряла еще и две недели работы.

– Невозможно накручивать папилютки с вывихнутым пальцем, – объясняла она.

Конкурс

Когда Бобби позвонил в аптеку, трубку взяла Берта Энн:

– «Рексалл».

Бобби спросил «мужским» голосом:

– У вас есть «Принц Альберт» в жестяной банке?

– Да, есть, – сказала она.

– Вы бы его выпустили, пока не задохнулся.

Бобби не успел положить трубку, и Берта Энн услышала ржание Монро.

Парни отчаянно скучали. Кроме двух мелких происшествий – их с Монро застучали в кабинете отца, где они просматривали журналы «Нэшнл джиографик» в поисках фотографий аборигенок с голыми титьками, да еще доктор Орр поставил им на двоих три пломбы – лето обещало быть никаким. Но судьба может совершить резкий поворот, и одно-единственное событие навсегда изменит человеку жизнь.

Для Бобби это был как раз такой день, хотя остальным жителям городка он показался совершенно обыкновенным.

Джимми, как обычно, проснулся в 4.30, закурил первую сигарету, приготовил кофе, надел белую рубашку, повязал черный кожаный галстук-бабочку и к 5.00 был в кафе «Троллейбус». Джимми пока не догадывался, но он станет первым из семейства, кто узнает, что произошло в этот день. А начался он в привычных хлопотах. Джимми гордился своим кафе и держал его в идеальной чистоте. Каждое утро до блеска намывал пол, покрытый черно-белой плиткой, а хромированные детали стойки и круглых красных кожаных стульев сверкали, как у машин, выставленных на продажу. Он смахнул пыль с дверей и светло-зеленого автомата для продажи сигарет, потом нарезал пироги – шоколадный и высоченный, украшенный безе, лимонный, потом яблочный и мраморный, выставил на витрину белые тарелки с ломтями пирогов, нашинковал лук, выложил маринованные огурчики в маленький хромированный контейнер и поставил зубочистки с красными и рыжими наконечниками в короткий, толстого стекла, стаканчик. После чего вымыл гриль и вынул из холодильника нарезанный сыр, яйца, бекон, гамбургеры, сосиски, помидоры и салат. Пожарил порцию бекона и почистил картошку для картофельных оладий, покрошил помидоры. Под конец нарезал несколько буханок белого хлеба и подготовил с дюжину булочек для гамбургеров и хот-догов – вот и все, он

готов к открытию.

Джимми стал поваром первого разряда на флоте. Он мог пожарить яичницу на любой вкус и довести горячий бутерброд с сыром до идеального золотисто-коричневого цвета, чтобы растопленный сыр выползал из-под хрустящей корочки, или приготовить салат так вкусно, что, едва съев первую порцию, вы захотите добавки. Ровно без одной минуты шесть он надел чистый передник и белую бумажную шапочку с красной полосой и открыл двери. Чтобы с удивлением обнаружить стоящего на пороге Бобби.

– Привет. Что это ты так рано в город подался?

Бобби ответил:

– Не спалось, дай, думаю, зайду, кофейку с тобой попью. Знаешь, сегодня жвачное соревнование.

– А, точно. Ну заходи.

Джимми знал, что Дороти не разрешает сыну пить кофе, ну да ничего, одна маленькая чашечка небось не повредит. Бобби влез на табурет, и Джимми поставил перед ним большую белую чашку с блюдцем и налил половину. Бобби, довольный, насыпал себе четыре ложки сахара.

– И каковы твои шансы, как считаешь, приятель?

– Не знаю. В прошлом году был довольно близко.

– Что-нибудь съешь?

– Нет, спасибо, лучше не буду. – Бобби добавил еще ложку сахара. – Знаешь, секрет в задержке дыхания. Я понял это в прошлый раз, когда воздух взял и кончился, не то бы победил, точно.

– Ясно. Так какой у тебя план атаки в этом году? Какая стратегия?

Бобби отхлебнул кофе.

– Я каждый день дыхалку тренирую, задерживаю дыхание под водой – в ванне. Вот, подумал, может, ты мне чего еще напоследок подскажешь.

– Ты сегодня утром тренировался?

– Нет. Но еще ведь пара часов в запасе.

Открывая большую банку чили, Джимми тщательно подбирал слова, прежде чем заговорить.

– Тогда слушай мой совет. Можешь последовать ему, можешь наплевать, но на твоём месте я бы сегодня утром не тренировался.

– Вообще?

– Я бы не стал. Все остальные наверняка будут, правда? Значит, если ты придешь свежим и отдохнувшим, у тебя появится неплохой шанс. Сечешь?

– Точно!

– Побереги силы для рывка, пригодятся. А как соревнование начнется – сконцентрируйся. И все время сохраняй хладнокровие. Не гляди ни вправо, ни влево, не допускай внутреннего волнения, смотри прямо перед собой. Главное – спокойствие и уверенность.

Бобби ловил каждое слово.

– Да. Не волноваться. Спокойствие и уверенность.

– А приз какой, говоришь?

– Двадцать пять бесплатных билетов в кино.

Джимми заинтересовался, по крайней мере, сделал вид.

– Ого, ничего себе.

Тут вошли двое завсегдатаев, которые постоянно завтракали у Джимми.

– Доброе утро, парни.

Бобби быстро прикончил кофе и побежал к двери:

– Спасибо, Джимми.

– Удачи, приятель.

Бобби помчался домой и устроил большой и качественный отдых на полу посреди гостиной, так что все стали подходить и интересоваться, с чего это он тут разлегся. А тут еще Принцесса Мэри Маргарет лаяла без остановки и нарезала вокруг него круги, и Бобби пожаловался матери: ему очень важно сейчас отдохнуть, чтобы победить, а псина мешает. Однако мама взяла сторону собаки и сказала:

– Встань лучше с пола. Она беспокоится. Думает, тебе плохо!

Ровно в 9.00 дюжина мальчишек, все выше Бобби и все на взводе, выстроились в ряд на сцене кинотеатра. Уорд Макинтайр, человек из компании по производству жвачки «Базука», держал стеклянную вазу, наполненную жвачкой в блестящих обертках, внутри у каждой картинка из мультфильма. Бобби стоял и повторял в уме, снова и снова: «Не волноваться. Ни вправо, ни влево не глядеть», но выполнить это было трудно. Клодия Альбетта с двумя подружками сидела в первом ряду. С тех пор как мистер Йо-Йо приехал в город, Бобби мечтал выиграть соревнование. В прошлом месяце в конкурсе «Ударь по мячу» он пропустил всего три удара, но всего – не всего, а победы не получилось. Следуя маминому девизу «Если не удалось с первого раза, пробуйте снова», он все же не бросал безуспешных попыток. Хотя уже начал задумываться: неужели ему суждено всю жизнь во всем оставаться вторым?

Этим утром он был в кинотеатре за час до начала, чтобы оказаться первым в очереди. Он знал: чем дольше держишь в руке жвачку, тем она становится теплее и мягче. Первым он был до тех пор, пока за три минуты

до начала не открылась дверь и не вошел Лютер с тремя друзьями. Бобби грубо оттеснили, он стал пятым. Однако возмездие не заставило себя ждать. Когда представитель компании пошел вдоль ряда, раздавая жвачку, то начал с конца, и Григгз оказался последним. Бобби услышал, как Монро испустил ослиный клич «Йо-хоо» из зала. После раздачи мистер Макинтайр отошел к микрофону и громко объявил:

– Джентльмены, разверните свои жевательные резинки.

У Бобби сердце чуть не выпрыгнуло из груди, пока он влажными руками сражался с липкой, сладкой оберткой. Он повторял себе: «Спокойно и уверенно. Не волноваться». Мальчики стояли на сцене с огромной, размером с зефирину, розовой жвачкой в руке и ждали команды. Мистер Макинтайр посмотрел на секундомер:

– Приготовились... Начали!

Двенадцать мальчиков одновременно сунули в рот жвачку и принялись так яростно чавкать, будто это враг, которого нужно зажевать до смерти. Бобби заставлял себя сохранять спокойствие. Он знал еще один важный секрет: не начинать выдувать пузырь, пока жвачка не разжевана до нужной консистенции – не слишком мягкая, не слишком твердая. Время решает все. «Жди, жди, – повторял он про себя. – Не волнуйся, не волнуйся, жди, жди». Он слышал, что некоторые ребята уже начали выдувать, но сам терпел, пока не почувствовал, что момент настал. Он начал дуть. Сначала медленно, потом, когда надулся приличный пузырь, углублял дыхание с каждым вдохом, и вот в процесс уже включены даже плечи. Вокруг – и справа, и слева – один за другим лопались пузыри, но Бобби продолжал дуть, пока не остался в одиночестве. Впрочем, он этого не понял – дул себе и дул. Он был один на сцене, совсем один, и смотрел на мир сквозь мягкую розовую дымку пузыря – уже огромного, безграничного. В кинотеатре стояла полная тишина. Зрительный зал затаил дыхание. *Он когда-нибудь лопнет?* Нет, пузырь продолжал расти, пока не закрыл Бобби все лицо и голову. Он рос и рос, пока Бобби не почувствовал, что он вот-вот взлетит над сценой... вылетит из дверей зала, поднимется над домами и понесется над землей, чтобы больше не вернуться. Потом это случилось. Мягкий, медленный хлопок, и вот он стоит перед зрителями, а все лицо и даже уши и макушка залеплены розовой жвачкой.

– Победитель! – закричал Уорд Макинтайр, и зал вскочил на ноги, хлопая изо всех сил.

Вот это слава. Вот это победа. Пять минут спустя Бобби, размахивая пачкой билетов на свободный вход, с жвачкой на ресницах и ушах, ворвался в кафе «Троллейбус» и крикнул:

– ДЖИММИ... Я ПОБЕДИЛ... Я НЕ ВОЛНОВАЛСЯ. Я ПОБЕДИЛ!

И, не дожидаясь поздравлений, помчался в аптеку – рассказать отцу. Дома матери пришлось керосином оттирать жвачку с волос, а все двадцать пять бесплатных билетов он истратил меньше чем за неделю, водя в кино всех и каждого, но это было неважно. Он выдул самый большой пузырь в истории соревнований, говорили люди. А может, даже самый большой в штате. С этого дня он чувствовал себя особенным.

Победа в конкурсе означала, что наконец-то он стал избранником судьбы.

Успех

Насколько понял Бобби, иногда в жизни тебе просто везет и выпадает верная комбинация. Ты годами пытаешься – и ничего, и вдруг в один прекрасный день просто дергаешь за ручку игрового автомата и все три вишенки выскакивают в ряд в нужном порядке. И на тебе – джекпот. Таким оказался день, когда Беатрис Вудс стала членом Поющей Семьи Отман.

Прошло каких-то несколько месяцев совместного путешествия, когда продюсер из «Аллилуйя рекордз» услышал их пение в Атланте. После выпуска первого альбома, «Жду не дождусь попасть на Небеса», отовсюду посыпались предложения. В «Поющих новостях» даже написали, что они стали самой популярной группой года.

Последовал второй альбом, «Я потерян был, но, слава Богу, ныне найден» – по одноименной песне, написанной Минни в тот день, когда пропал Честер, – и занял верхнюю строку в чарте. А после выступления на шоу Артура Годфри они стали госпел-группой номер один в стране. К радости Беатрис, такая внезапная популярность означала поездки почти по всем штатам, и через полгода они уже выступали в Белом доме. К концу 1949-го они были ангажированы пятьдесят две недели в году и обзавелись собственным большим серебристым автобусом с надписью с двух сторон уверенными черными буквами: СЕМЬЯ ОТМАН, ИСПОЛНИТЕЛИ ГОСПЕЛА.

Несмотря на то что из-за этого Бетти Рэй нечасто виделась с семьей, она очень радовалась их успехам, а главное, тому, что сама ни в чем таком не участвует. Собственная жизнь устраивала ее целиком и полностью. Жизнь в тишине и покое. Не нужно каждый вечер петь со сцены, а после выступления паковать чемодан, чтобы ехать дальше. Неделью за неделей она проводила в одном и том же городе, спала в одной и той же постели, и это было прекрасно. У нее была простенькая работа, которая нравилась ей, любые книжки – читай не хочу, раз в неделю боулинг. Впервые в жизни она имела возможность ежедневно производить одни и те же действия. Наконец-то хоть где-то она начала себя чувствовать как дома. Ей хотелось, чтобы это длилось вечно. Но тут появился Хэмм Спаркс.

Хэмм Спаркс был молодым человеком, обыкновенным во многих отношениях: немного курил, немного танцевал, немного пил, немного флиртовал. Только в одном он был не совсем обыкновенным. Амбиции. Есть такая популярная песенка «Я не хочу поджечь мир». Так вот, это не

про него. Нет, практически все молодые люди обычно амбициозны, но Хэмм Спаркс прямо-таки сгорал от амбиций. Будь он автомобилем – мчался бы на всех шестнадцати цилиндрах и перегревался. Перегревался настолько, что мог взорваться в любую минуту.

Но, не в пример некоторым мужчинам, которых амбиции лишали здоровья или сводили с ума, Хэмм крепчал и здоровел на амбициях, как на материнском молоке. Некоторые потом скажут, что он светился в темноте амбициями. А еще у него был план, цель в жизни, и на данный момент план включал посещение колледжа по «солдатскому биллю о правах», отсиживание за партой шесть часов в день и продажу тракторов «Эллис-Чалмерс» по выходным и во время летних каникул, чтобы поддержать мать и двух младших сестер. Работа его никогда не пугала и не тяготила, он вкалывал с десяти лет. Работа для него значила только средство для достижения цели. В Америке, каким бы бедным ты ни был и где бы тебя ни угораздило родиться, трудом ты мог достичь любых высот, только не ленись. Хэмм считал: это по-честному. Это давало ему надежду на яркое и блестящее будущее. Он не знал, каким оно будет, это выяснится позже. Единственное, что он знал наверняка, – это то, что нужно спешить. Он должен нагнать потерянное время. Он быстро ел, быстро говорил, быстро ходил и почти не спал. Он пожимал руки, похлопывал по спинам и никогда не упускал возможности представиться.

Что привело его в тот день в Элмвуд-Спрингс? Бесс Гуднайт. В 1942-м он проезжал через город, направляясь в форт Ленард-Вуд – учебный центр для новобранцев, и бросил записку со своим именем в окно, надеясь, что ему кто-нибудь напишет. Бесс Гуднайт писала ему всю войну. И с тех пор Хэмм заезжал проводить ее всякий раз, как оказывался поблизости. Ему нравилось встречаться с Бесс и водить ее обедать в кафетерий. Нравилась ему и сама идея быстро и вкусно перекусить, но в эту субботу, продвигаясь в очереди, он немного замедлил шаг, приметив за стойкой с гарниром симпатичную девушку. Обычно он проскакивал мимо овощей напрямик к десерту, но не сегодня. Девушка стояла с ложкой в одной руке и коричневой пластиковой плошкой в другой – ждала, чтобы он выбрал себе гарнир по вкусу. Он изучил стойку.

– Так-так... поглядим... Мне картошку, и, может, макароны с сыром, что скажете? – Он указал на поднос с чем-то зеленым: – Это что, турнепс?

– Нет, сэр, капуста.

– А, ну хорошо. Давайте и ее.

Он бы и больше заказал, но очередь занервничала, пришлось пройти. Хэмм спросил Бесс о девушке в очках раньше, чем они успели дойти до

столика и разгрузить подносы.

Бесс глянула за спину:

– А-а, это Бетти Рэй, постоялица Дороти. Что-нибудь знаешь о семье Отман?

– Да, слышал их по радио.

– Так это их дочка. Когда-то с ними пела, но бросила.

Хэмм еще с большим интересом посмотрел на Бетти Рэй.

– Да чтоб меня. Она пока не замужем?

– Нет.

– А с кем-нибудь встречается?

– Я, по крайней мере, о таком не слышала.

– Как думаешь, пойдет она со мной на свидание?

Бесс засмеялась:

– А ты времени зря не теряешь, да, парень?

В течение следующих четырех недель Хэмм наездил столько, сколько в жизни не ездил, и съел столько овощей, сколько в жизни не ел. Видеться с ней он мог только в кафетерии. Каждую субботу, заметив его у стойки, Бетти Рэй пугалась и смущалась: слишком много внимания и суеты вокруг ее персоны. Она просила: пожалуйста, не задерживайте очередь, на что он неизменно отвечал: хорошо, я уйду, как только скажешь «да». В одну из суббот, отстояв очередь в четвертый раз, он взмолился:

– Ну же, Бетти Рэй, согласись уже на свидание. Если я съем еще одну плоскую капусту, я позеленею. Хочешь, чтобы это было на твоей совести?

Тут из двойных дверей, ведущих на кухню, появился мистер Альбетта и глянул на него так, что Хэмм ретировался под хихиканье девушек. Но не сдался. Когда Бетти Рэй вечером вернулась домой, он сидел на веранде, болтая с Мамой Смит и Бесс Гуднайт. Мама Смит, явно очарованная, сказала:

– Бетти Рэй, этот милый молодой человек говорит, что он твой друг.

– Я привел с собой Бесс – подтвердить, какой я замечательный. – Хэмм улыбался от уха до уха.

Бесс захохотала:

– Не знаю, насколько он замечательный, но прошу – ради меня, сходи с ним на свидание, потому что он меня замучил.

Ну что оставалось Бетти Рэй? Противостоять Хэмму – пустая затея.

Первое свидание

В понедельник Бетти Рэй не работала, и Хэмм пригласил ее пообедать в Поплар-Блаф. Она нервничала, что придется ехать с ним в такую даль, но не могла объяснить почему. Дороти и Мама Смит так радовались, что позвонили Тот и с утра пораньше записали Бетти Рэй на укладку. Они подобрали ей наряд, и в последний момент Дороти вбежала в комнату с ниткой жемчужных бус. Итак, в четыре часа Бетти Рэй (в туфлях Анны Ли на высоком каблуке и с распущенными волосами) и Хэмм (в одолженном костюме) сели в авто и уехали.

Бетти Рэй никогда не была на свидании. Сама идея приводила ее в ужас. Она не представляла, как себя вести, и всю дорогу до Поплар-Блаф мечтала, чтобы это мучение поскорее закончилось и можно было вернуться домой. Ну и парочка из них получилась. Она не знала, но Хэмм и сам был в этом деле никакой не профи. Слишком много времени отдавал он работе, да и денег на девушек вечно не хватало. Вот и ради сегодняшнего выезда ему пришлось продать несколько книг. Во время обеда она почти не открывала рта. К счастью, это и не понадобилось: он болтал за двоих. Впервые Хэмм видел ее не в униформе, без передника и кепки, и был впечатлен. Красавицей в общепризнанном смысле она не была, но в ней угадывалась такая доброта и стыдливость, что чем дальше, тем она казалась красивее.

На обратном пути Бетти Рэй нервничала пуще прежнего и едва слышала, о чем он говорит. А вдруг он попытается ее поцеловать или еще чего, но ничего такого не произошло. Как-то не сложилось. Когда они подошли к дому, она пожала ему руку: «Ну, спокойной ночи» – и юркнула в дверь, прежде чем он успел что-то предпринять.

Дороти и Мама Смит томились на кухне, сгорая от нетерпения, но подробностей им пришлось ждать до утра.

– Ну, – сказала Дороти, входя в кухню в фартуке, – хорошо вчера провела время?

– Да. Нормально, – ответила Бетти Рэй. И добавлять по своей воле, похоже, ничего не собиралась.

Мама Смит перехватила подачу:

– И как, еще согласишься пойти с ним?

Казалось, вопрос удивил Бетти Рэй.

– Нет, вряд ли.

Один раз сходила – и довольно, считала она. Зачем еще-то? Слишком

утомительное это дело – свидание. Подавать овощи – вот и все, что она хочет, и пусть ее оставят в покое.

Когда она вышла, Дороти сказала:

– Жаль. Я надеялась, это сработает.

– Я тоже надеялась, – вздохнула Мама Смит. – Но на нет и суда нет, ничего не попишешь.

Однако даже два человека трактуют одно и то же событие по-разному. В следующую субботу, с утра пораньше, Хэмм вошел в аптеку и кивнул Берте Энн и Тельме:

– Привет, девушки.

Потом направился прямо к аптечному прилавку, сунул руку в окошко и потряс ладонь Дока.

– Сэр, меня зовут Хэмм Спаркс, и я только хотел спросить: ничего, если я женюсь на Бетти Рэй?

Док, будучи наслышан о молодом человеке, несколько опешил.

– Даже не знаю. Наверное, это ей решать. Что она говорит?

– Я еще не спрашивал, но могу вас заверить, что вам не о чем беспокоиться. У меня уже есть отличная работа, и я намерен еще крепче встать на ноги, как только закончу колледж. Подумываю о государственной службе, говорят, у меня неплохо язык подвешен.

– Ясно, – сказал Док.

– Да, сэр, и я буду весьма благодарен, если замолвите за меня словечко. – Хэмм протянул ему визитку. – До свиданья, дамы, – попрощался он и вышел.

– Что за петушок золотой гребешок? – спросила Берта Энн.

Док засмеялся:

– Жених Бетти Рэй. По крайней мере, он так думает.

Тельма удивилась:

– Вашей Бетти Рэй?

– Так он утверждает.

– Хм, на вид симпатяга. Док, скажите Бетти Рэй, пусть держит его покрепче, а то ведь скраду, – предупредила Берта Энн.

Тельма, которая не могла поверить, что у Бетти Рэй есть парень, пробормотала:

– А люди-то правду говорят.

– Ты о чем? – спросила Берта Энн.

– В тихом омуте черти водятся.

– И не говори. За этими тихонями глаз да глаз.

Док не рассказал об этом визите ни Дороти, ни Бетти Рэй, ни Маме

Смит. Он давно понял, что когда речь заходит о нежных чувствах, то в дела женщин лучше не вмешиваться, посему мудро держал рот на замке: пусть природа возьмет свое.

Жених

И хорошо, что Док ничего не сказал. После первого свидания Бетти Рэй больше не слышала о Хэмме Спарксе и через месяц почти забыла о его существовании.

Но Хэмм о ней не забыл. На первом же свидании он понял, что хочет на ней жениться, так чего ждать? Ему почти двадцать семь, он спешил обзавестись семьей и начать карьеру и потому сразу же принялся строить планы – уже для двоих. Прежде всего, нужно достать денег. На следующий день он уговорил менеджера «Эллис-Чалмерс» позволить ему продавать трактора еще в трех районах. Он потратил почти месяц, вкалывая по вечерам и все выходные напролет, но в конце концов заработал на первый взнос, и еще немного осталось. В ближайшую пятницу Хэмм надел новый синий костюм и поехал в Элмвуд-Спрингс с коробкой в кармане. Он не стал предупреждать Бетти Рэй о своем приезде: хотел устроить сюрприз.

Поднялся по ступенькам крыльца и постучал. Дороти вышла поглядеть, кто там.

– Здравствуйте, миссис Смит, а Бетти Рэй дома?

– О, здравствуй, Хэмм. – Дороти открыла дверь. – Да, дома. Заходи. Мы как раз собираемся ужинать, садись с нами.

– Спасибо, с удовольствием, если не побеспокою.

– Да какое там беспокойство – лишнюю тарелку поставить. Иди в гостиную и присаживайся. – Она прокричала в дом: – Бетти Рэй, ребята, Хэмм приехал.

Увидев, как в комнату входит новый синий костюм, Док подумал про себя: «Опля, вот и проблемы».

– Всем добрый вечер, – поздоровался Хэмм и подвинул стул так, чтобы сидеть напротив Бетти Рэй.

Все поздоровались, Джимми только кивнул. Что-то его в этом парне смущало. Слишком напористый. Вскоре Хэмм болтал о тракторах, фермерах, фирме «Эллис-Чалмерс» и обо всем, что лезло в голову, включая последний услышанный анекдот. Бобби гость показался забавным и сразу понравился, а Бетти Рэй не знала, что думать. Рада она его видеть или нет? Ну да, симпатичный вроде бы, но слишком быстро говорит и двигается, даже раздражает этим. Ее смутило, что он взял и появился из ниоткуда без предупреждения, но остальных это, похоже, не волновало. Мама Смит, и Дороти, и Док вели себя так, будто ничего необычного не случилось.

После обеда Бетти Рэй собрала тарелки и понесла в кухню, пытаясь прийти в себя. Сидя за столом, он беспрерывно улыбался ей, ловил ее взгляд, а она всякий раз краснела.

– Бетти Рэй, оставь посуду, – велела Дороти, – посиди лучше на веранде со своим молодым человеком. Он приехал издалека, чтобы с тобой повидаться. Мы с Мамой Смит все уберем.

И Бетти Рэй оставалось только подчиниться. Когда Док и Бобби тоже поднялись, чтобы к ним присоединиться, Дороти выразительно зыркнула на мужа.

– Вы с Бобби разве не собирались послушать футбол по радио? – спросила она громко.

– Футбол?..

Но, наткнувшись на этот взгляд, Док сообразил, в чем дело.

– А-а, да. Бобби, пошли послушаем матч.

– Какой матч? Сегодня нет игры.

Но отец уже подталкивал его к кабинету. Джимми извинился и вышел с черного хода, сегодня они с друзьями играли в покер. Бетти Рэй поплелась на веранду. И как это совершенно не известный ей парень вдруг заделался ее молодым человеком?

Они сели, Хэмм достал из кармана коробочку и протянул ей:

– Открой.

– Что это? – спросила Бетти Рэй.

– Открывай. Я тебе кольцо купил.

– Зачем? – удивилась она.

– Хочу, чтобы ты вышла за меня замуж.

Сперва Бетти Рэй решила, что ослышалась. Хэмм уже месяц про это думал, но для нее это было как гром среди ясного неба.

– Ты выйдешь за меня?

– Я?

– Да, ты. Что ты на это скажешь?

Бетти Рэй была в таком смятении, что, растерявшись просто сунула коробочку ему в руки:

– Спасибо, что предложили, но я пока не хочу замуж. Надеюсь, вас это не сильно огорчит, но я правда не могу. У меня дела, извините... Мне пора, но все равно спасибо. – Она налетела на дверь с москитной сеткой и сказала ей: – Ой, простите. – И, оставив его на качелях, вбежала в дом.

Не совсем таким представлял себе Хэмм этот вечер.

Но что такое один вечер.

Хэмм не отступил. Всякий раз, как выдавалась свободная минутка, он

заглядывал в кафетерий. Оказавшись у прилавка, затягивал:

– Давай, дорогуша, соглашайся, а то стану каждый день ходить, пока не скажешь «да».

Повадился даже на боулинг заходить. Ада и Бесс Гуднайт, да и все женщины в команде ему благоволили и подначивали Бетти Рэй, чтобы разрешила ему провожать ее до дома, и она соглашалась.

Так продолжалось не одну неделю. Док сказал:

– Не хотел бы я, чтоб этот парень за мной бегал. Черт, да я бы уже за него вышел, а ведь мне он даже не предлагал.

Такой интенсивный натиск сложно выдержать даже тому, кто не хочет замуж. И Бетти Рэй не выдержала. Хэмм налетел, как небольшой торнадо, и поначалу вызывал любопытство, а потом подхватил и унес.

В тот вечер он остановил машину перед ее домом.

– Давай, Бетти Рэй, я тебя не выпущу без поцелуя. Всего один, махонький. Ты же не хочешь разбить мне сердце, правда?

Одним, впрочем, не обошлось. Зайдя в дом нетвердыми шагами, Бетти Рэй сказала Дороти:

– Кажется, я помолвлена или вроде того.

Когда Бетти Рэй ушла к себе в комнату, Мама Смит покачала головой:

– Знаешь, Дороти, между нами, мне этот парнишка по душе, но тебе не кажется, что он ее просто с ног сбивает своим напором?

Дороти заразилась беспокойством:

– Ты считаешь, он опасен?

– Ой, да я не в этом смысле. Просто не уверена, что он дал ей достаточно времени. Они знают друг друга всего несколько месяцев. А ты что скажешь, Док?

– Да вроде он ей нравится, она же сказала «да». Но он и впрямь чертовски спешит, соглашусь.

Знакомство с семьей

Хэмм отследил Отманов, выступавших в городе Шарлотт, Северная Каролина, и Бетти Рэй не заметила, как очутилась в его машине вместе с Адой и Бесс Гуднайт в качестве дуэний. Они ехали за родительским благословением.

Отманы появились только во втором отделении, так что гости из Элмвуд-Спрингса не опоздали. Бетти Рэй не видела выступления Отманов с тех пор, как покинула группу. Перемены ее потрясли. Ее мать и Беатрис все так же не пользовались косметикой, но были в одинаковых платьях с отделкой из искусственных бриллиантов, а мальчики и Феррис вышли в блестящих костюмах с широким поясом из шотландки. Их часть программы началась с того, что прожектор высветил Минни с микрофоном в руке. Пока группа за ее спиной тихо мычала мелодию, она заговорила:

– Я всего лишь бедная женщина. Ни драгоценностей у меня красивых, ни злата-серебра, ни особняков – никаких земных богатств. И отец мой бедняк бедняком. Много печалей носила я в сердце, много горьких слез пролила. Порой удивляюсь – как у меня хватало сил жить... Но однажды ко мне в дверь постучала старуха в потрепанных лохмотьях и увидела меня в глубоком отчаянии. И, глядя на меня глазами, полными радости, сказала: «Ах, доча, да ты, видать, не слышала госпел? Не знаешь хорошей новости? Твой Отец небесный даровал тебе больше, чем дитю миллионера. Больше, чем королеве на троне. Открой глаза, доча, и прими дары и прекрасные драгоценности, которые Он разложил перед тобой. Он даровал тебе алмазы, сверкающие в небе, рубины, горящие на птичьих крыльях, и сапфиры в синих морских глубинах. Бесценные изумруды рассыпаны пред тобой в зеленой траве, серебро струится в горных реках, и каждый день блещет золото в закатных облаках. Ты одета, окутана Его любовью, а дом твой – небесный дворец. В Небесах нет ни тоски, ни голода, ни страданий, ни боли, не нужно стирать грязную одежду, готовить еду, колоть дрова». Так вот, братья и сестры, я спрашиваю вас, разве удивительно, что я жду не дождусь попасть на Небеса?

Внезапно сцена осветилась десятками разноцветных прожекторов, и зал взорвался аплодисментами. Все приветствовали их стоя. После окончания программы Хэмму и Бетти Рэй пришлось протискиваться через толпу фанатов, жаждущих автографа.

Потом Минни отвела Бетти Рэй в их новый автобус и закрыла двери,

чтобы они могли посекретничать. Она усадила дочь и сказала:

– Ты знаешь, все, чего я хочу в этом мире, – это чтобы моя дочурка была счастлива.

– Я знаю, мама.

– Он кажется симпатичным молодым христианином, и у меня к тебе только один вопрос.

– Да, мама?

Минни взяла ее за руку и заглянула прямо в глаза:

– Ты его любишь, милая?

А вот как раз над этим Бетти Рэй некогда было подумать. До сих пор ее больше волновало, что он чувствует и насколько ее любит. Она обернулась и поглядела в окно на Хэмма, который стоял среди группы людей, общаясь, улыбаясь и пожимая руки. Она не слышала, что он говорит, но он показался ей таким маленьким, таким одиноким. Он никого не знал и изо всех сил старался произвести хорошее впечатление на ее семью... И это было настолько трогательно, что внезапно могучая волна любви накрыла ее с головой. Именно в этот момент ее сердце рванулось к нему. Она посмотрела на Минни и неожиданно для себя ответила:

– Да, мама. Очень.

Минни сжала ей руку, потянула какой-то рычаг, с шипением открывший дверь, и громко крикнула из автобуса:

– СЛАВЬ ГОСПОДА, ФЕРРИС, НАША МАЛЫШКА ВЫХОДИТ ЗАМУЖ!

Вскоре, после бурных объятий на прощанье, большой серебристый автобус Отманов тронулся к Бирмингему на всенощные пения. Минни высунулась в окно и в слезах махала огромным белым платком, а Честер-чревоушатель высунулся из другого и таращился на парочку, пока они не исчезли из виду.

Вернувшись в Элмвуд-Спрингс, они всем поведали новость. На следующий день собирались поехать в Поплар-Блаф и расписаться у мирового судьи. Джимми единственный не купился на эту затею и никакой радости не испытывал, но если этого хочет Бетти Рэй, то он не станет ее отговаривать. Однако вечером, когда они с Хэммом курили на веранде, он тихо сказал:

– Надеюсь, теперь, когда ты заполучил эту девочку, ты будешь хорошо с ней обращаться.

Хэмм ответил:

– Конечно. Я знаю, как мне повезло.

Джимми отщелкнул сигарету в сторону.

– Хорошо, потому что мне не хотелось бы тебя убивать.

Хэмм засмеялся и собрался было отшутиться, но Джимми уже не было рядом.

На следующее утро вся команда боулинга, включая бывшего члена команды Тот, собралась во дворе, чтобы попрощаться, и вот жених и невеста отчалили, осыпаемые слезами и пожеланиями счастья.

– Первенца назови Бесс, даже если будет пацан! – крикнула вслед Бесс.

– Мы не успели купить ей подарок, – сказала Дороти. – Надеюсь, она ни о чем не пожалеет. Он даже собраться толком не дал ей, не то что по магазинам ходить да приданое выбирать.

Днем, стоя перед мировым судьей и произнося «да», Бетти Рэй говорила от всего сердца. Она не понимала, как все случилось и почему, но новоиспеченная миссис Хэмм Спаркс вдруг обнаружила себя безнадежно влюбленной в своего мужа.

Через две недели Дороти вошла в дом, широко улыбаясь, и вручила Маме Смит открытку из мотеля «Голубые небеса» возле города Сентрейлия, штат Миссури:

– Мы обе сомневались, но, похоже, все получилось как нельзя лучше.

На открытке было написано:

*Дорогое семейство Смит,
Я так счастлива! Спасибо вам за все.*

*С любовью,
Бетти Рэй.*

Поздравления

Казалось, лето для всех складывалось удачно. Утром двадцатого августа Дороти впорхнула в дом, как большая бабочка. Ей не терпелось рассказать радиослушателям новость, которая только что на нее обрушилась. Едва она села за стол, зажглась красная лампочка.

– Всем доброго утра. У нас в Элмвуд-Спрингсе чудесная погода, надеюсь, как и у вас, где бы вы ни находились. Знаете, за эти годы я наобъявляла столько свадеб, рождений, смертей, помолвок, а сама даже не думала, что доживу до того дня, когда свадьба коснется и моего дома.

Мама Смит сыграла две строки песни «Вот идет невеста».

– Все правильно, Мама Смит, вчера вечером Анна Ли позвонила и сообщила прекрасные новости. Это официальное заявление. Она помолвлена с милым молодым человеком, о котором я вам уже рассказывала... Так что и мне предстоит привыкнуть к роли матери невесты. Мы так радуемся за нашу девочку. Они с Уильямом пожениются в следующем июне, сразу после того, как завершится ее обучение на медсестру. Но я не единственная мамочка в Элмвуд-Спрингсе, у которой хорошие новости.

Мама Смит сыграла куплет из песни «Мои голубые небеса».

– Все верно, Мама Смит... Как поется в песне: «А с ребенком трое». Перед самым эфиром позвонила Ида Дженкинс и сообщила, что скоро – уже в этом году – станет бабушкой, так что поздравляем ее дочь Норму и Мака.

Ой, у нас тут столько всего запланировано на сегодня, но прежде вот что. Вам известно, что девять из десяти звезд телеэкрана пользуются мылом «Люкс»? «Я девочка Люкс», – говорит киноактриса, красотка Линда Дарнелл. Так что если хотите уже завтра иметь чистую, сияющую кожу, сегодня умойтесь мылом «Люкс». Так, теперь из раздела «Добрые соседи». Миссис Эллен Нэйдл из города Букер, Миссури, написала письмо с вопросом, нет ли у кого-нибудь копии последней главы детектива Веры Каспари «Убийца в клубе “Аист”», публикуемого в журнале «Уольерс»? У нее кончилась подписка, а ей хочется знать, чем завершилось дело. А теперь близняшки Гуднайт вместе с их сестрой Ирен споют песню, которая как раз говорит о том, что я чувствую нынче утром, – «Я на вершине мира».

Итак, подытожим: Бобби – Король Жвачных пузырей, и Анна Ли

помолвлена, а коли кому-то хороших новостей покажется мало для одного года, вот ему еще одна. Одним прекрасным воскресным утром, через неделю после того, как Бобби пошел в седьмой класс, Старик Хендерсон вышел во двор с биноклем времен Первой мировой. Ибо заметил что-то странное.

Настроив бинокль, он взгляделся и пробормотал себе под нос:

– Что за чертов болван навязал красных шаров на верхушку водонапорной башни?

1950-e

Ковбой Боб

Когда мистер Чарли Фаулер, инспектор домашней птицы, снова оказался в Элмвуд-Спрингсе, он искренне поразился тому, что «юный Роберт» подрос фута на два, не меньше, и у него начал меняться голос. Говорят, если Бобби продолжит расти с такой скоростью, то перегонит отца, не пройдет и года. Через две недели после пятнадцатого дня рождения пришло письмо, которого Бобби давно ждал, – письмо из офиса организации «Бойскауты Америки» в Ирвинге, штат Техас. Он вскрыл конверт и с волнением прочел:

Дорогой Роберт,

Поздравляем! Ты скаут-орел [\[21\]](#). Ты преуспел во многих практических навыках и воплощал в жизнь Клятву и Закон скаутов. Мы молимся за тебя и твои дальнейшие успехи.

Брюс Томпсон,

командир Ассоциации бойскаутов

Они с Монро получили значок «Скаут-орел» и летом поехали на поезде через всю страну на слет бойскаутов в Санта-Йнез, Калифорния. Оба впервые оказались за пределами штата Миссури, а Монро – впервые за пределами Элмвуд-Спрингса. Пересечь границы Оклахомы, Техаса, Нью-Мексико и Аризоны было для них все равно что оказаться на луне. Они таращились на проплывающие за окном пейзажи из вестернов и не верили своим глазам. Неужели все это реально, не кино? Бескрайние просторы, что тянулись насколько хватало глаз, завораживали. Мальчишки и не представляли, сколь огромна их страна. Проезжая пустыню Пейнтед, индейскую резервацию, Монро мог лишь сказать «Ух ты!». И повторял это всю дорогу до Калифорнии, а еще когда впервые увидел ранчо «Арисал», где поселили бойскаутов. Это было действующее ранчо, с настоящим кривоногим ковбоем, который отвел их на место ночевки. В настоящем бараке, как выяснилось. Когда они возвращались с первой церемонии знакомства бойскаутов, темно-синее небо топорщилось звездами, такими близкими, потянись – и коснешься. А они-то думали, что в Элмвуд-Спрингсе звезды яркие. Несмотря на лето, к вечеру похолодало, и Джейк, их наставник, развел огонь в большом камине.

Ну и денек! Они познакомились с ребятами со всего мира, которые тоже впервые оказались на ранчо, но Бобби был потрясен больше всех.

Когда все уже утомонились, он не мог уснуть от избытка эмоций. Лежал, глядя в потолок, на отблески оранжевых языков огня, слушал вой койотов с далекого холма... Как будто попал в роман Зейна Грея. Он старался не спать, и стало ему грезиться вот что.

Отец мальчика вошел в комнату с письмом в руке, лицо его было печально.

– Сынок, мы тебе этого не говорили, но у тебя на Западе есть дядя, который только что скончался и оставил тебе целое ранчо. Управлять землей размером в пятьсот тысяч акров – большая ответственность, но я знаю, ты справишься...

Молодой незнакомец подъехал к ранчо «Дабл-Ар» и, оглядывая тысячу нежно мычащих коров на лугу, подумал: «Да, сегодня ты, может, и новичок в этом деле, Боб Смит, но завтра...» Ковбои лениво косились на нового молодого хозяина, который приближался к ним верхом – не спеша, но уверенно.

Тут на заросшей виноградом веранде появилась дочка начальника – красивая, застенчивая девушка.

– День добрый, мэм, – сказал он, спрыгивая с лошади. – И как нас зовут?

– Маргарита, – ответила она, и ее темные глаза вспыхнули...

Этой поездки ему никогда не забыть.

Всплеск рождаемости

В пятидесятых серьезные перемены происходили не только в Элмвуд-Спрингсе, но и во всей Америке. Куда ни глянь – повсюду телеантенны, они вырастали сотнями буквально за ночь, пока не увенчали каждый дом в каждом районе. Но множились не только телевизоры. Каждую минуту дня и ночи рождались тысячи детей.

У Нормы и Мака Уоррен родилась дочка по имени Линда, и Анна Ли ждала ребенка, а сегодня утром Дороти предстояло доложить еще об одном новорожденном. 7 апреля Дороти, как обычно, вошла в гостиную, поприветствовала гостей, и программа началась.

– Всем доброго утра. Сегодня у нас опять прекрасная погода. Мама Смит говорит «привет» и чувствует себя, по обыкновению, хорошо. Она вообще живчик, как сказал бы Уолтер Уинчелл. Внимание, внимание, граждане Америки и все корабли в море. Вчера вечером в Седалии, штат Миссури, наша юная подруга Бетти Рэй родила семифунтового малыша Хэмма Спаркса Младшего... Добро пожаловать в мир, малыш! Представляю, как гордятся твои родители. Кажется, мы только вчера расстались с твоей мамой. Ох, как летит время. У нас сегодня впереди множество приятных дел. Двое наших особых гостей, арфистки из Богемии Руфь и Дон, приехали из самого Гейлорда, Миссури, чтобы исполнить свою знаменитую интерпретацию песни «Пой, цыганочка, пой».

Но пока не началось их выступление, сообщаю, что у нас еще одному котенку нужен дом. Надо вам сказать, это милейшее существо готово весь день сидеть у вас на коленях – и безостановочно мурлыкать. Доктор Стамп говорит, что бесплатно проведет ему «мужскую» операцию... Слишком много чудесных собак и кошек остались без крова. Смотрю я на Принцессу Мэри Маргарет, и сердце разрывается от мысли, что она могла бы скитаться где-то в одиночестве, без семьи, да и вы наверняка чувствуете то же самое.

Еще мы хотели бы поблагодарить миссис Летти Невиор из Уиллоу-Крик, приславшую Принцессе Мэри Маргарет изумительное пальтишко с вышитым именем. Миссис Невиор, я восхищена вашими крошечными стежками. Вы просто художник, вот и все, настоящий художник.

Бесс Гуднайт, работающая в офисе «Вестерн Юнион», поднялась на крыльцо и протянула Дороти только что доставленную почту:

– Я подумала, ты захочешь на это взглянуть.

– Спасибо, Бесс, – сказала Дороти и быстро пробежала глазами новости. – Будь добра фанфары, Мама Смит. Только что пришло сообщение, и я счастлива доложить, что наш собственный замечательный спонсор мистер Сесил Фиггз из конторы «Похоронные услуги и Цветочное оформление» только что назван Бизнесменом года в Миссури – второй раз подряд! Так что примите наши поздравления еще раз! Мы всегда рады, если наши рекламодатели процветают.

Король похорон

Если бизнес и оправдывает затраты на рекламу, то ярчайший тому пример – «Похоронные услуги и Цветочное оформление Сесила Фиггза». Начиналось все с маленькой розовой бетонной пристройки, а теперь – только подумать – здание с белыми колоннами, вылитое поместье «Тара» из «Унесенных ветром», тридцать шесть филиалов по всему штату, в одном только Канзас-Сити два. К тому моменту имя Сесила Фиггза было крупнейшим в похоронном бизнесе. Он рекламировался по всему штату – радио, рекламные щиты, лавочки на автобусных остановках, газеты и «Желтые страницы». Куда ни глянь, что ни включи – всюду Сесил Фиггз. «Открыты двадцать четыре часа для вашего удобства, предоставим катафалк куда угодно. Мы позаботимся о ваших любимых как о своих собственных». Рекламиривал он, разумеется, и отсроченные услуги, предоставляя возможность зарезервировать места.

После того как Сесила во второй раз объявили Бизнесменом года, Хелен Рейд из местной газеты, которой дали задание сделать о нем материал, взяла интервью у двух его тетушек, до сих пор живших в городке Юдора, Миссури, где они родились. Миссис Мозел Хеммит сидела с репортером и вспоминала свое детство.

– Сесил всегда любил похороны. Лет шесть пацаненку, а принеси ему мертвую кошку – и получишь похороны. С цветами, музыкой и надгробным камнем.

Миссис Этель Мосс, вторая тетушка, постарше, добавила:

– Твоя правда. Большинство мальчишек гоняют в футбол, а этот в своем синем костюмчике торчит на чьих-нибудь проводах в похоронном бюро Шимса. Причем неважно, знал он покойного или нет. Правда, Мозел?

– Истинная правда. Ему просто нравилось смешаться с толпой и сочувствовать горюющим родичам. Лет двенадцать ему было, а мистер Шимс уже пристроил его к работе – вести журнал посетителей и раздавать веера провожающим, когда душно. Помнишь, Этель?

Этель кивнула:

– Все верно. И зарабатывал он прилично, надо сказать. Если существуют на свете прирожденные гробовщики, так это про него. Сесил просто любит людей, живых или мертвых, и всегда любил.

– А еще, – припомнила Мозел, – он с самого начала был прирожденным флористом. В цветах настоящий дока, согласна, Этель?

– О да, этот мальчик мог на скорую руку состряпать украшение из того, что большинство людей просто выкидывают. Да как ловко! Взять хоть букетик из пшеницы и листьев от кукурузных початков, который он сделал для гроба старой Нэнни Дотс. Просто волшебник, когда дело касается украшений. Дай ему пять одуванчиков и пучок сорняков – глазом не успеешь моргнуть, он соорудит шикарное украшение для обеденного стола.

– А начал с того, – подхватила Мозел, – что купил бюро мистера Шимса. В похоронном деле он, почитай, человек-оркестр. И цветами занимался, и усопших бальзамировал, утешал близких, пел гимны, проводил церемонии... Да еще сидел за рулем катафалка. Если это не сервис, то не знаю, что тогда сервис. Но с тех пор он прошел длинный путь. Урса очень гордится им, он прекрасный сын. Сколько ребят его возраста возьмут мать жить в свой дом и будут так милы с ней? Он ведь повсюду берет ее с собой, покупает все, что она пожелает. Служанку ей нанял, ей и пальцем шевелить не приходится.

Мозел задумчиво покачала головой:

– Такой славный мальчик, и никогда не был женат, непонятно почему. Всегда ведь пользовался успехом. Вот Этель не даст соврать.

– Всегда. Сесил был руководителем школьного оркестра в старших классах, участвовал во всех школьных постановках.

Репортер спросила:

– А в школе у него была девочка?

Мозел ответила:

– Ну... была одна девчушка – помнишь? Он вокруг нее все ходил. Мы думали, что-то завяжется, но когда я спросила Урсу, она сказала, что девочка принадлежит к сайентистской церкви, так что ничего не выйдет. Но друзей у него полно. Он большой активист Ассоциации молодых христиан, проводит ежегодный конкурс «Мисс Миссури», а здесь, в Канзас-Сити, руководит «Маленьким театром».

– А еще устраивает фестивали духовной музыки, – добавила Этель. – Так что вокруг него столько театральных и музыкальных друзей, что страдать от одиночества ему совершенно некогда. И среди исполнителей госпела он завел кучу знакомых. Все семьи, поющие госпел в ближайших шести штатах, – его клиенты. Когда кто-нибудь из них умирает, ему первому звонят.

Этель кивнула:

– Они так и мрут – удары, инфаркты, сердечные приступы и все такое. Сесил говорит, он специально для них заказал и постоянно держит несколько гробов.

– Одни только певцы госпела могут обеспечить его работой на круглые сутки, – добавила Мозел.

Следующий вопрос репортер адресовала им обоим:

– Как по-вашему, в чем секрет его успеха?

Обе задумались. Первой заговорила Мозел:

– Думаю, его секрет в любви к торжественным церемониям и знании людской психологии. Однажды он сказал мне: «Тетя Мо, – Мо, так он меня зовет, – тетя Мо, людям нужно немного помочь оплакивать усопших». Он сказал, что многие стараются удержать внутри то, что нужно выпустить и пережить. И поверьте мне, с его театральным умом он точно знает, как сорвать путы с сердечных чувств при помощи музыки, соответствующего освещения и тому подобного. Он у любого сумеет выманить слезы.

– Это правда. Гарантирую – пойдете на похороны, устроенные Сесилом, – без слез не обойдетесь. Уж я-то знаю. Он организовывал похороны старой леди Брок, и на полпути к кладбищу я уже рыдала так, будто она моя родная мать. К концу церемонии чувствуешь себя выжатой как лимон, но самочувствие отличное, правда?

– Точно, – подтвердила вторая тетушка. – И для него это не только бизнес. На всех похоронных службах он и сам крепко переживает. Каждый раз, кто бы ни скончался, он сядет сзади и как следует проплачется. Думаю, ему и самому нравится его работа не меньше, чем клиентам. И деньги тратить он не боится. Нанимает только лучших гримеров и парикмахеров.

– Самых лучших. На моей памяти не было ни одних похорон, где родственники не сказали бы, что усопший краше выглядит в гробу, нежели при жизни.

Репортер поблагодарила их, вернулась домой и написала статью. Сперва хотела назвать ее «В гробу краше, чем при жизни», но затем передумала и заменила на «Король похорон добр к своей матери».

Похороны Ферриса

И впрямь, когда в 1952 от инфаркта внезапно умер Феррис Отман, прежде всего позвонили Сесилу Фиггзу. Сесил решил проводить церемонию в старом «Боутвелл аудиториум» в Бирмингеме, где Отманы так часто выступали на фестивалях духовной музыки, несмотря на то что Бирмингем находится в семидесяти пяти милях от родного города Ферриса. В день похорон все госпел-группы Америки явились отдать дань уважения. Все в один голос говорили, что это были самые пышные похороны, которые видел мир госпела. Кроме Отманов, Варнеров и верных поклонников, кроме сотен групп прибыло столько автобусов, что не хватало места всех разместить. Появились даже мэр и сам губернатор.

Большущий белый гроб был укрыт белыми гвоздиками, по ним вились тонкие черные ленты с черными нотами – специальный дизайн Сесила. Отдавая дань памяти, Беатрис Вудс, которой подпевали двадцать шесть групп, стоявших у нее за спиной на сцене, спела «Будет покой в долине». Когда песня подошла к концу, Минни пришлось усадить в кресло-каталку и увезти из зала. Похороны вышли отменные, как раз во вкусе Сесила. Мощные, зрелищные. Все прошло хорошо, если не брать во внимание брата Ферриса, Лероя. Его так мучило чувство вины за то, что бросил группу и сбежал с оркестром, что он явился вдрызг пьяный и во время всей службы громко умолял Ферриса простить его за все. Бетти Рэй – единственный член семьи, кто с ним в тот день разговаривал.

Хэмм отвез Бетти Рэй в Бирмингем на похороны и по полной программе воспользовался случаем, чтобы пожать руки как можно большему количеству людей. Перед началом отпевания, обрабатывая толпу, краем глаза Хэмм заметил губернатора. Он еще никогда не был так близко к настоящему члену правительства, такому властному и важному. Хэмму нравилось, как все вокруг этого человека суетятся, как все мужчины из его окружения подпрыгивают, когда он велит подпрыгнуть, и как зрительный зал ловит каждое слово его краткого панегирика.

Прежде чем закончился этот день и все отправились по домам, случились две важные вещи.

1. Хэмм окончательно понял, какая государственная служба ему по душе.
2. Хэмм познакомился с Сесилом Фиггзом.

Эммет Кримплер

Беатрис Вудс первая позвонила Дороти и рассказала, что случилось с Минни. Дороти немедленно взялась за телефон и позвонила Бетти Рэй, та подхватила ребенка и поехала к матери.

– Дорогая, можем ли мы с Доком как-нибудь помочь? – спросила Дороти при следующем телефонном разговоре.

– Спасибо, – сказала Бетти Рэй, – но не представляю, чем тут поможешь. Я за нее так волнуюсь – к врачу не идет и уже три недели ничего не ест.

– Ах ты господи. Ну, тогда просто держи меня в курсе и знай, что мы все шлем тебе нашу любовь.

После похорон Минни велела мальчикам и дяде Флойду:

– Везите меня домой.

Ее посадили в автобус и повезли, Минни всю дорогу проплакала. Добравшись до постели в своем маленьком доме в Сенд-Маунтине, она сказала:

– Я не могу жить без Ферриса. Я приехала домой умереть.

Все так расстроились, что вызвали священника, преподобного В. В. Нейлса, чтобы за нее помолился. Но ничего не помогло.

– Незачем, преподобный Нейлз, – сказала Минни слабым голосом. – Да... Хотя я часто закахивала в долину тени смертной – высокое давление, диабет, артрит, подагра, – я всегда вымаливала себе дорогу обратно. Но теперь не хочу обратно. Буду просто лежать и читать Библию, пока не помру.

Преподобный В. В. Нейлз вышел из спальни и доложил:

– У этой женщины душа заболела от горя, и ей ничто не поможет, разве что чудо.

Все ее умоляли. Бетти Рэй плакала и упрашивала съесть хотя бы крекер. Тщетно. Дом был завален цветами и письмами поклонников. Кукла Честер то и дело прокрадывалась в спальню Минни и молила ее своим деревянным голосом:

– О, Мама Отман, встань, ты нам нужна. Что без тебя станется с семейством Отман?

– Малыш Честер, – отвечала Минни, – милый ты мой, я потеряла желание петь, когда мы потеряли твоего дядю Ферриса. Позаботься о Флойде и будь хорошим мальчиком.

Флойд, не в силах этого вынести, снова заперся в ванной комнате.

Бервин и Вернон зашли к матери, но что сказать, не знали. Она взяла их за руки и произнесла:

– Мальчики, музыка оставила мое сердце. Вам и всем остальным придется быть храбрыми и жить дальше без меня.

Во всем мире госпела строилось множество догадок. Авторы статей в «Сингинг ньюз» пытались угадать, станет ли смерть Ферриса концом для Отманов. Кто-то даже позвонил и спросил, не продают ли они автобус.

Но помощь уже приближалась – в упаковке ростом под два метра, и звали ее Кримплер. Спустя несколько дней к дому подъехал зеленый «студебекер», и из него вылез высоченный человек.

Вернон первым увидел его и воскликнул:

– Это же Эммет Кримплер!

Мальчики ворвались в спальню матери:

– Тут кое-кто приехал тебя навестить, мама.

Минни к этому времени была уже так слаба, что с трудом могла сесть. Эммет вошел, остановился в ногах кровати и запел «Все милее с каждым годом уходящим».

Баса красивее она еще не слышала.

Допев, он сказал:

– Минни, если ты меня слышишь, я приехал сказать, что могу петь с тобой, если ты захочешь.

Минни чуть привстала на постели. Эммет Кримплер считался одним из величайших басов в музыке госпела. Он сказал, что ему приснилось, будто Феррис пришел к нему и велел оставить группу, в которой он поет нынче, и занять его место.

Через час Минни сказала Бервину:

– Беги-ка в кафе, закажи мне жареной картошки и сэндвич с ветчиной и сыром.

Эммет не упомянул, что он и без того уже год как собирался бросить «Мальчиков Гармонии», но это неважно. Его приезд стал тем самым чудом, на какое уповал преподобный Нейлз.

Минни потеряла более тридцати пяти фунтов веса – и Отманы снова вышли на дорогу!

Человек для народа

Хэмм Спаркс не был, как уже говорилось, особым красавчиком, не слишком высокий и среднего телосложения. Карие глаза, каштановые волосы. Но кое-что в нем имелось – шарм и некие природные чары, о которых он не догадывался. Есть определенная притягательность в человеке, который точно знает, чего хочет и без обиняков дает понять, как бы ты мог ему помочь и что можешь ожидать взамен.

Но главное очарование Хэмма крылось в том, что в отличие от большинства амбициозных людей он за свои слова отвечал. В нем не было ничего фальшивого, он искренне верил, что все ему друзья и что он всем друг. Верил, что он – тот, кто вступится за простого работягу или за тех, кого угнетают. А еще он постоянно жаждал битвы. Кулаки у него были всегда наготове. Человек он был хороший, только излишне упрямый.

Когда власти Долины Теннесси решили на их фамильной земле построить дамбу, чтобы снабжать электричеством весь регион, его отец боролся долго и яростно. Но это не помогло. Администрация затопила весь район, и у них ничего не осталось. Большинство затронутых этими пертурбациями жителей города Норриса, штат Теннесси, извлекли выгоду из ситуации и стали работать на правительство, но только не его отец. Он отказался принять должность или поехать жить в городок, построенный компанией. Он переезжал с семьей с места на место и потратил оставшиеся годы жизни, крася крыши амбаров по всему Югу. Работа была тяжелая, денег приносила мало и в конце концов убила его в возрасте сорока одного года. И сын его считал, что отец умер героем. Тот часто повторял:

– Сынок, если правительство может обворовать человека и это сходит правительству с рук, что это за демократия? Пожертвуешь одним ради так называемого блага большинства – и получишь социализм. Если бы меня попросили отдать землю, я бы, может статься, и отдал. Я не настолько туп, чтобы не понимать пользы электричества, но когда не дают выбора – от этого случаются войны. Вот за что я боролся – за свободу от правительства. За право владеть собственной землей. А они, поганцы, пришли и забрали ее. Этого нельзя простить.

Это событие навсегда изменило его отца и жизнь всей семьи. И сделало Хэмма яростным борцом за права человека. За его собственные права и права других людей. В этом вопросе он был как лошадь в шорах – не мог посмотреть ни вправо, ни влево. Теперь, когда война и Депрессия

остались позади, он считал, что благотворительные программы Рузвельта нужно свернуть. Он не питал сочувствия к тем, кто мог работать, но не работал. Он не понаслышке знал, какой удар по человеческому достоинству наносят подачки. Один-единственный раз он принял помощь федерального правительства – в тот ужасный день после смерти отца. Матери было совсем худо, и ему пришлось идти пешком до Ноксвилля, чтобы получить продукты. Хотя они не были подписаны на социальную помощь, женщина в офисе соцобеспечения сжалилась и выдала ему пакет, где лежала банка фасоли, кусок говядины, несколько картошин, мука и сахар. Он взял его и глотал слезы всю дорогу до дома, представляя, что чувствовал бы отец. Но они почти умирали с голоду и все съели. Потом он вышел во двор и сунул два пальца в рот. Его тошнило от стыда. В тот день он поклялся больше никогда ничего не брать у правительства.

На следующий день, в возрасте тринадцати лет, Хэмм нанялся на работу и скопил денег на подержанное ружье двадцать второго калибра. До и после школы он ходил на охоту и приносил в дом мясо к столу, летом выращивал овощи и ловил рыбу, а затем обменивал зубатку и турнепс на яйца, сахар и кукурузную муку. Обменивал кроликов, оленей и белок на деньги, чтобы покупать обувь и одежду для сестер. Так что вполне естественно, что Хэмму было сложно понять, почему люди, способные работать, не работают. Он не терпел тех, кто не борется и не умирает за то, во что верит. Сразу после известия о Перл-Харборе он записался добровольцем в пехоту. Его абсолютная вера в то, что он явился на эту землю с определенной целью и наверняка не погибнет, сделала его идеальным солдатом. Его искусное владение ружьем и отсутствие страха позволяли совершать то, на что другие не решились бы. На войне за подвиги награждают медалями и продвижением по службе. Но даже тогда, между боями, в глубоких джунглях, он продумывал свое будущее. Когда ему предложили пройти обучение на офицерскую должность, он отказался, поскольку знал, что после войны голосовать будет гораздо больше простых служивых, чем офицеров, и завел множество крепких, верных друзей в армии. По возвращении он подрабатывал и учился и почти закончил колледж, но после того, как они с Бетти Рэй поженились, бросил учебу и перешел на полный рабочий график, стараясь накопить на дом. Однако в 1952 году желание пойти в политику стало таким сильным, что он бросил работу в тракторной компании и выставил свою кандидатуру на пост инспектора по сельскому хозяйству.

Несмотря на то что выборы были всего лишь окружные, их съёмный дом словно оказался в эпицентре землетрясения. Трезвонили телефоны,

люди входили и выходили, и после того, как он победил, Бетти Рэй требовала с него обещание, что больше он этого делать не станет. Хэмм пробыл на этом посту год и отлично справлялся. Но ему не терпелось двигаться дальше. Его влекла должность главного инспектора по сельскому хозяйству штата.

Единственное, о чем мечтала Бетти Рэй, – это завести маленький собственный дом и жить в тишине и покое. У них же на тот момент не было ровным счетом ничего, кроме двухлетнего ребенка и разрешения пользоваться машиной, выданной окружной администрацией, а теперь и машину отберут. Но Хэмм думал не о доме, не о тишине и покое. Он думал о своем будущем. Если он выиграет эти выборы, то станет политиком на уровне штата. Не зря же он столько лет торговал тракторами и пожимал руки. Но предстояла предвыборная борьба с сильным противником, занимающим сейчас этот пост. Для рекламной кампании нужны деньги и автомобиль. Он попытался взять кредит, но банк отказал. У Хэмма был только один знакомый, который мог одолжить денег, – его старый друг по армии Родни Тилман. До войны Родни был лучшим продавцом в демонстрационном зале «Понтиак» и теперь владел несколькими стоянками подержанных автомобилей. Когда позвонил Хэмм, Родни несколько минут слушал, не перебивая, потом спросил:

- Сколько тебе нужно, Хэмбо? Если у меня столько нет, я достану.
- Думаю, пяти сотен должно хватить.
- Я достану шесть.
- Я тебе верну.
- Я знаю.
- Я никогда этого не забуду, друг, – сказал Хэмм.
- Не бери в голову. Просто иди и выиграй эти чертовы выборы.

Они снова сменили жилье, и снова жизнь Бетти Рэй перевернулась вверх дном. Как только Хэмм подал заявку, в дом хлынули люди, они приходили и уходили, днем и ночью. Когда она шла спать, в гостиной толпился народ. Утром вставала, одевалась, и к завтраку за столом в кухне уже сидело человек пять-шесть, и было не продохнуть от сигаретного дыма. Она почти не видела Хэмма одного. Если он не ездил по городам, его постоянно окружала толпа закадычных друзей. В доме царил беспорядок, ванная комната была одна, и целыми днями через ее спальню туда-сюда сновали мужчины. Заходя в туалет, она боялась, что туда кто-нибудь ворвется. Бетти Рэй старалась изо всех сил, но однажды проснулась оттого, что мимо ее постели топает совершенно незнакомый мужчина, и это стало последней каплей. Хэмм так и не понял, отчего она так огорчается. Ему

лично не мешало, что двадцать четыре часа в сутки рядом колобродит народ. Наоборот, он этим жил, питался. Это вливало в него энергию. Однако Бетти Рэй была на грани нервного срыва. Даже сесть и поплакать ей было негде. А спустя шесть долгих месяцев это внезапно кончилось: реклама по радио, постеры, поездки по фермам... Хэмм победил. Теперь он был главным инспектором сельского хозяйства штата.

Бетти Рэй радовалась, что все позади, наконец-то муж будет принадлежать только ей и они вернутся к нормальной жизни.

Хэмм и Родни

В офисе стоянки подержанных машин зазвонил телефон, и Родни Тилман взял трубку:

– Алло?

Мужской голос сказал:

– Привет, дружбан, что поделываешь?

Это был его друг Хэмм Спаркс. Родни ответил:

– Сижу вот и думаю, убить моего бывшего шурина или нет. Знаешь, порой я жалею, что не остался и не женился на той маленькой японочке, эти алименты меня просто убивают.

Хэмм захохотал.

– А что он натворил?

– У нас тут шикарный малыш – «шевроле» сорок девятого года, а этот болван начал баловаться с одометром, я не велел ему, так в конце концов он случайно прибавил две сотни миль пробега.

– Ну так отмотай назад, это же тебе не впервой.

– Я б отмотал, Хэмбо, – сказал Родни, испепеляя взглядом проходящего мимо бывшего шурина, – да чертова штука сломалась. А ты что делаешь?

– Сегодня буду по делам в твоём районе. Прокатишься со мной днем за компанию?

Родни глянул в окно на стоянку, забитую пыльными автомобилями, и на полное отсутствие клиентов.

– Можно.

Они останавливались возле ферм по составленному на сегодня списку, Родни сидел в машине, потягивая пиво, а Хэмм таскался по полям, обходил скотные дворы, свинарники, общался с каждым фермером, похлопывал их по спине, говорил слова, которые говорят друг другу труженики сельского хозяйства. После пятой фермы Родни спросил:

– Сколько ферм на сегодня намечено?

– Ещё шесть.

– А может, где-нибудь остановимся? Перекусить бы чего.

– Давай, конечно, здесь недалеко есть местечко.

Его «недалеко» вылилось в двадцать три мили.

Когда они вышли из маленького деревенского магазина при автозаправке с пакетом чипсов со вкусом колбасы, пакетом сырных

крекеров и кока-колой, Хэмм направился к машине.

– Может, на улице поедим? – предложил Родни. – Не хотелось мне говорить, приятель, но от тебя несет скотным двором. Бог знает во что ты там вляпался, да и отметины пороссячьих пяточков у тебя на брюках аппетита не прибавляют.

Хэмм глянул на свои ноги и рассмеялся:

– Прости, работа такая.

Они сели на деревянную скамейку у ручья позади магазинчика. Родни протянул Хэмму колу:

– Отпей маленько, будь добр.

Хэмм отхлебнул и вернул банку. Родни долил доверху виски, попробовал и сказал:

– Во, теперь это кола. Так что, Хэмбо, этим ты каждый день и занимаешься? Месишь грязь на скотных дворах?

– Вроде того.

Родни скептически оглядел чипсину с колбасным вкусом, но тем не менее куснул.

– И чего ты так хотел заполучить эту работу, для меня загадка. Я же знаю, что этим не зарабатываешь.

Хэмм согласился:

– Да, денег негусто. Но кто-то должен протянуть этим людям руку помощи. Гляди, как они живут: еле сводят концы с концами, а большинство висит на волоске. – Хэмм откусил от сырного крекера с маслом в середине. – В дождь они даже выйти не могут, а правительство дорогами не занимается. Деньги вкладывают в большие города, строят красивые здания, эстакады и тоннели, а мелких фермеров, старательных трудяг, которые исправно платят налоги, игнорируют. Меня такое зло берет. Так и с отцом моим поступили, а я смотрел... Но что я могу сделать. Хоть утешить немного, подбодрить.

– Такова жизнь, Хэмбо. Богатые богатеют, а бедные беднеют, чтоб они были здоровы. Единственная разница между нами и богачами – это что у них деньги есть, а у нас нет.

Хэмм сказал:

– Слушай, Родни, не думаю, что разница только в деньгах. Они другие. Я с такими общался и видел это собственными глазами.

– Когда это было?

– После войны, школьником, я познакомился с несколькими богатыми парнями из колледжа. Не то чтобы мы подружились, нет, но один парень из Миннеаполиса, должно быть, решил, что я уникальный чувак, и пригласил

съездить к ним домой на выходные.

– Погоди-ка. Ты? Уникальный?

Хэмм улыбнулся:

– Ну да, они говорили, что у меня забавный акцент, ну и я чуток его усилил, знаешь, изображал перед ними эдакого деревенщину. В общем, поехал я с ним. Подъезжаем к огромному трехэтажному особняку, я в жизни ничего подобного не видел. У них задний двор – это озеро.

– Какое это было озеро?

– Нет, ты не понял, это было *их* озеро. Говорю тебе, натуральные богачи, и тут парень сообщает, что это их летний дом. Я ему: «Где ж вы зимой живете, в Букингемском, мать его, дворце?» В общем, никогда не чувствовал себя настолько не в своей тарелке. Родичи его были холодны как рыбы. Думаю, они и друг друга-то не любили, а со мной обращались, будто я какое-то насекомое, свалившееся с дерева. И вот что я тебе скажу: после той поездки я предпочту общество любого фермера этим людям. Мне ничего ихнего не надо. Пусть у них будут большие дома, слуги, автомобили, мне этого не нужно. – Он замолчал. Смотрел на ручей, а по глазам было видно: сам он далеко отсюда. Потом сказал: – Но у них была яхта. Такая, знаешь, красивая, не передать. Вся белая, внутри отделана блестящим деревом. Однажды его старик взял нас всех покататься по озеру... – Хэмм покачал головой: – Сказать по правде, дружище, я бы за такую птичку дал себе правую руку оттяпать.

Вдруг Родни стало его жалко. Он попытался подбодрить друга:

– Знаешь, что тебе нужно, Хэмбо? Тебе нужно смотаться со мной в Сент-Луис, сыграем в покер, подурачимся. Повеселимся – ради разнообразия. Что скажешь?

– Я б с удовольствием, да времени нет совсем. – Хэмм поднялся с лавки.

– Ну, знаешь, как я обычно говорю... Если куда-то не попал, можешь с тем же успехом повеселиться в любом другом месте.

На дереве

После того как тетя Элнер потеряла мужа, Уилла, она хотела остаться на ферме, но Норма настаивала на переезде в город, мол, так хоть приглядеть есть кому, не дело это – жить совсем одной. И не успокоилась, пока не добилась своего. Итак, тетя Элнер продала ферму, и Норма с Маком подыскали ей дом в паре кварталов от своего. Дом маленький – спальня, кухня, гостиная и славная веранда, но что пленило тетю Элнер с первого взгляда, так это большое фиговое дерево на заднем дворе. Она взяла с собой нескольких любимых курочек и кота Сонни и переселилась, но Норма все равно названивала днем и ночью.

Тетя Элнер сказала:

– Ты так себя ведешь, будто два квартала – это двадцать миль. Я с тем же успехом могла и на ферме остаться.

– Да, но так я по крайней мере знаю, что могу добраться до тебя за несколько минут, случись чего.

– Милая моя, здесь я помру или на ферме, быстро ты до меня доберешься или чуть медленней – сути не изменит.

– Тебе, может, и все равно, но мне спокойней знать, что ты не лежишь мертвая во дворе, где тебя клюют куры.

Тетя Элнер захохотала:

– Ну и пусть бы клевали. Я-то их каждый день кушаю.

Тетя Элнер любила ее поддразнивать, однако все же пообещала вести себя здраво. Но хотя обещание, причем искреннее, было получено, Элнер все равно умудрялась иногда огорчить Норму. Не далее как сегодня утром как раз случился такой инцидент, и Норма все ворчала и ворчала, не могла успокоиться.

– Не должна ты лазать по лестницам в твои годы, тем более по лестнице высотой в десять футов. Я никогда в жизни не была так близка к обмороку. Выхожу во двор, поднимаю глаза и вижу, как ты висишь на ветке на самой верхушке дерева.

– Я не висела, я сидела.

– Висела, сидела, без разницы. А если бы я не пришла? Ты должна быть осторожней. А что, если бы я обнаружила тебя мертвой под деревом?

– Ой, Норма, я собирала фрукты всю свою жизнь и до сих пор жива. К тому же виновата собака Григгса. Это она уронила лестницу, гоняя Сонни. На нее и ворчи, пожалуйста.

– Мне плевать, кто виноват, пообещай, что больше не будешь. Пусть Мак слазает или соседа позови.

– Ладно.

– Ты не так молода, как прежде.

Вечером раздался звонок от тети Элнер:

– Норма, позволь мне спросить у тебя одну вещь.

– Какую?

– Кто так же молод, как прежде? Я таких не знаю. Сделай хоть сто подтяжек, внутри ты все равно старишься. Да хоть в другое измерение времени попади, все равно тебе останется столько же лет, правда?

Норме пришлось признать тетину правоту, однако она добавила:

– Суть не в этом, а в том, что ты должна быть осторожней.

– Суть в том, что собаке Григгса следует держаться подальше от моего двора и прекратить гонять моего кота.

– Тетя Элнер.

– Знаю, знаю. Обещала, так уж обещала.

Но настал новый день. На следующее утро в районе десяти часов, когда Линда была в школе, зазвонил телефон. Норма сняла трубку.

– Норма? Можно задать тебе один вопрос?

– Подожди, я выключу фасоль.

– А какую ты фасоль готовишь?

– Стручковую. Просто отвариваю, чтоб Маку была зелень к обеду. А что?

– Да просто интересно. Что у него на обед?

– Фрикадельки из лосося, помидоры, кукуруза и стручковая фасоль.

– А хлеб какой?

– Кукурузный. Еще несколько ломтей осталось. А что?

– Да просто интересно.

– Ты хотела что-то спросить?

– Да, хотела.

– И что же?

– Погоди минутку... дай подумаю.

– Ну хоть о чем?

– А, вспомнила. Норма, у меня есть страховка?

– Какая страховка?

– Ну хоть какая-нибудь.

– Кажется, у дяди Уилла был полис Мейсона. А что?

– Тут какая-то женщина приходила, спрашивала, а я не знала, что сказать, и отослала ее к тебе.

– Какая женщина?

– Какая-то. Не знаю, кто такая. Она оставила визитку. Хочешь, возьму и прочту?

– Да.

Раздался громкий стук – тетя Элнер кинула трубку на стол. Через несколько минут она вернулась:

– Зовут Джун Гарза. Знаешь такую?

– Нет, а из какой она компании?

– «Этна»... Страховая компания. В общем, я ей сказала, что всем этим занимаются племянница и ее муж.

– Хорошо, а она что?

– Хотела знать, где ты живешь, чтобы расспросить тебя.

– Боже правый, ну ты, надеюсь, ей не сказала?

– Как не сказала, сказала. Она же спросила.

– А давно?

– Недавно, только что...

– О господи...

– Да она хорошая, правда. В зеленом таком костюме и...

– Тетя Элнер, я тебе перезвоню.

– Хорошо. Я просто хотела предупредить.

– Я перезвоню.

Норма положила трубку, бросилась в гостиную и посмотрела в окно – направо по улице и налево, заперла входную дверь, опустила жалюзи и задернула занавески. Вернулась в кухню и закрыла жалюзи там, присела на корточки под настенным телефоном и набрала номер Мака. Когда он ответил, Норма прошептала:

– Мак, когда придешь обедать, не иди через парадную дверь, обойди с черного хода. И постучи три раза, чтоб я знала, что это ты.

– Чего?

– Тетя Элнер дала наш адрес какой-то тетке из страховой компании, и она идет сюда, а я не хочу с ней дела иметь.

– И не надо иметь с ней дел – просто подойди к двери и скажи, что нам не нужна страховка.

– Я не хочу ей грубить, ты что!

– А это не грубость.

– Нельзя просто сказать «нет», не позволив им проговорить весь заготовленный текст. Неизвестно, почему этой бедной женщине пришлось работать... У нее, может, дети есть, которых кормить нечем. Ты, может, и в состоянии разбить ей сердце, а я не смогу...

– Норма, ты не разобьешь ей сердце. Она просто продает страховку.

– Вдруг она замужем за каким-нибудь алкоголиком и... тсс! (В дверь постучали.) Боже правый, она здесь. Тихо! – Норма втянула аппарат в кладовку и перестала дышать.

– Норма, просто открой дверь и скажи – спасибо большое, но никакой страховки нам не нужно. Если сейчас не откроешь, она вернется. Ты же не хочешь подавать ей лишние надежды... Это даже хуже. Ты должна учиться говорить «нет». Грубить не нужно. Давай, иди и сделай это.

Женщина продолжала стучать. Не уходила.

– Ох, Мак, я тебя убью.

Норма пристроила телефон на пол, немного постояла, собираясь с духом, сделала глубокий вдох и направилась к двери.

Спустя три четверти часа на двери магазина «Инструменты» звякнул колокольчик и вошла леди лет сорока в зеленом костюме, с коричневым плоским чемоданчиком для бумаг. С приятной улыбкой она обратилась к Маку:

– Мистер Уоррен?

Мак сказал:

– Да, мэм, чем могу служить?

– Мистер Уоррен, я Джун Гарза из страховой компании «Этна», ваша жена сказала, что вам, возможно, будет интересно услышать о нашем новом страховом полисе «Три плюс один». Скажите, вам сейчас удобно? (Тут зазвонил телефон.) Если хотите, я вернусь после обеда.

Мак растерялся.

– Простите, миссис Гарза, позвольте, я отвечу.

На другом конце провода оказалась Норма:

– Мак, она уже пришла?

– Верно, – произнес Мак, улыбнувшись миссис Гарзе.

– Слушай, пока ты на меня не разозлился, я просто хотела, чтобы ты знал: у нее муж диабетик, потерял левую ногу, а скоро ему, кажется, грозит потерять и правую.

– Да, спасибо, очень хорошо.

Норма продолжала:

– А у ее мачехи случилось три удара, она сидит на очень дорогих лекарствах от давления. А работает она оттого, что у них самих страховки не было.

– Хорошо, что-нибудь еще? – Он сделал вид, что записывает.

– Я знаю, ты злишься, но...

Мак старался, чтобы его реплика прозвучала приветливо:

– Все правильно.

– Только на нее не выплескивай. Лучше придешь домой – возьми ружье и пристрели меня, выстрели мне в голову, освободи от страданий.

– Спасибо, обязательно так и сделаю. До свидания, миссис Дурринс.

В результате Мак купил два полиса – один для них, один для тети Элнер.

Жизнь маленького города, февраль 1953

Если чужак субботним днем пойдет мимо парикмахерской в Элмвуд-Спрингсе и заглянет внутрь, то увидит группу седоголовых мужчин средних лет, они сидят и болтают ни о чем. Но будь вы одним из этих мужчин, вы бы увидели шестерых друзей, с которыми вместе росли, а вовсе не стариков. Док не видел морщин на лице Гленна Уоррена, не замечал ни покрасневшей от возраста, обвисшей шеи, ни жирка на талии, от которого едва не лопались подтяжки. Он видел семилетнего паренька. Они глядели друг на друга прежними глазами, глазами мальчишек. В шестидесятивосьмилетнем Мерле Док видел белокурого мальчика десяти лет, с которым когда-то бегал купаться. А лысеющий человек в рубашке с короткими рукавами и приличным брюшком был для него парнишкой, забившим победный тачдаун на чемпионате округа.

Между этими мужчинами не было секретов. Они знали о семьях друг друга столько же, сколько друг о друге. Их жены, ныне седые, полноватые матроны в удобных туфлях «прощай, молодость», все еще казались им восьми-, двенадцатилетними красивыми девочками с ямками на щеках, в которых они однажды втюрились по уши. Им не надо было проверять дружбу, она никуда не делась с тех пор, как они были мальчишками. Все гуляли друг у друга на свадьбах. Все делили друг с другом грусть и радость. Они не ведали одиночества, не знали, что значит жить без друзей. Им не приходило на ум подыскивать город для жилья, им всегда было куда прийти, где они свои, где им рады. Никто из них не был богат, но никто не страдал от холода, голода или одиночества. Они знали, что если один умрет, то остальные вырастят его детей и позаботятся о жене, и это не обсуждалось. Они были повязаны. Обычно люди из маленьких городов принимают такие вещи без доказательств. И в тот год молодой человек по имени Бобби Смит мог убедиться в этом лично.

3 января Дуайт Д. Эйзенхауэр принес клятву Президента Соединенных Штатов и отнюдь не обрадовал этим Тот Хутен.

– Невезуха. Первый раз пошла голосовать – и нате вам, мой избранник проигрывает.

21 января Соседка Дороти и Мама Смит поехали в такую даль – в Канзас-Сити, чтобы поприветствовать вернувшихся домой, в Миссури, Гарри и Бесс Трумэн. Они стояли в толпе на станции вместе с десятью

тысячами других мужчин и женщин и ждали поезда. Он опоздал на час, но Гарри и Бесс все же прибыли, и оркестр «Американский легион» сыграл им «Вальс Миссури». Трудно было поверить, что Гарри больше не в Белом доме, но, как говорится, время идет вперед.

Хотя мир и меняется, программа «Соседка Дороти» осталась такой же, как раньше. Слушатели были верны ей и скорее пожертвовали бы первой чашечкой утреннего кофе, чем пропустили эфир.

19 февраля в Элмвуд-Спрингсе выдалось холодным, сырым, ветреным. Дороти как раз покончила с последней рекламой муки «Голден флейк» и пребывала в довольно подавленном настроении. В конце выступления она сказала:

– Знаете, очень многие постоянно задают мне один и тот же вопрос: что делать, когда тебе грустно. И спрашивают, бывает ли мне грустно. Так вот, отвечаю – да, бывает. И единственное, что меня спасает, – это печь пироги. Трудно вообразить, сколько я напекла за все эти годы, сколько чашек муки просеяла, сколько сковородок намастила, и все потому, что это занятие излечивает меня от дурного настроения, уж не знаю, каким макарон, но работает оно безотказно. Сами знаете, в последнее время я немного пригорюнилась – скучаю по детям, но сегодня мне гораздо легче, и я хочу с вами поделиться полученным вчера письмом от Бобби.

Дорогая мама,

Ты представить себе не можешь, сколько открыток, писем и тому подобного приходит мне по почте с тех пор, как ты объявила мой адрес по радио. Поблагодари, пожалуйста, всех – от меня и других ребят. Многие из них не получают писем и страшно радуются, читая мои, помогая мне есть все эти печенья, карамельки и пирожные, проделавшие долгий путь в Корею. В моей роте большинство ребят из больших городов. Наверное, меня сюда послали для того, чтобы я сильнее полюбил родной город. Так что передай папе, что я его люблю, и хлопни посильней дверь вместо меня, чтобы твои слушатели почувствовали, что я с ними.

С любовью,

твой сын,

рядовой 1-го класса Бобби Смит

Я тоже хочу поблагодарить вас за то, что пишете ему и шлете посылки. Знаете, не люблю впадать в сентиментальность, но все же скажу: мы все знаем, что он был трудным ребенком, помню, как орала на него – сиди

спокойно, прекрати носиться, не хлопай дверью... Но сегодня я отдала бы миллион долларов, чтобы услышать, как он хлопнет дверью, или увидеть торт с полосой от его пальца по кремовому краю. Ох, если бы мы умели останавливать время... Кстати, о времени. Мои старые настенные часы говорят, что пора расходиться. Жду завтрашнего дня, когда мы снова встретимся. Вы для нас столько значите – каждый из вас. С вами были Соседка Дороти и Мама Смит. Хорошего вам дня.

К огромному разочарованию Дороти, в тот день, когда Бобби исполнилось восемнадцать, Монро отвез его в Поплар-Блаф, где ее сын записался в армию, бросив школу. Для всех это было сюрпризом, но что поделаешь. Вечером перед его отъездом Джимми вошел в комнату Бобби и протянул часы:

- Хочу, чтобы ты носил их, пока не вернешься, – ради меня. Бобби был тронут и надел подарок.
- Спасибо, Джимми, буду хранить как зеницу ока.
- Утром мы не увидимся, так что удачи тебе там, дружище.
- Он же не на войну, – говорил Док жене. Но когда на следующий день в 10.45 увидел, как от аптеки отъезжает автобус с его сыном, испугался, что больше его не увидит.

Отпустив миссис Уотли таблетки для щитовидной железы, Док на пару минут вышел с черного хода во двор и прислонился к стене. Сияло солнце, и было слышно, как на футбольной площадке репетирует школьный оркестр – словно на дворе обычный осенний день.

Зимняя сказка, март 1953

Очутившись в Корее, Бобби чувствовал себя будто запертым в инсталляции, которую под Рождество выставляли в большой витрине универмага «Морган бразерз». Только в этой зимней сказке ожили уродливые, коричневые, скрежещущие танки, люди с автоматами и медсестры, что таскали на носилках раненых, мертвых или умирающих солдат. Белый снег окрасили кровавые пятна, там и сям валялись оторванные руки и ноги, в двадцати футах от него были сложены трупы. Взрыв превратил дерево в кучу перемолотых веток. Если он выберется отсюда живым, то вряд ли еще когда-нибудь захочет видеть снег.

Но с каждым часом шансы выбраться таяли. Рота попала в окружение.

Ночью это случилось. Они услышали танки корейцев с юга, и с севера подходили еще. В живых осталось всего четырнадцать человек. Связь они потеряли несколько дней назад и жались друг к другу в наспех вырытом вчера окопе. Неделию назад на смену должна была прийти другая рота, но их оттеснили далеко за линию фронта и теперь, наверное, не могут найти. В жестоком бою они потеряли большую часть своих мешков с неприкосновенным запасом и не имели представления, где американцы.

Все было холодным и белым. Видимость не дальше фута. Когда не шел снег, опускался белый туман. Такая странная, обернутая в вату, сюрреалистическая война. Трещали автоматные очереди – мягко, приглушенно, и все же было件нятно, что они несут смерть. Нелепым казалось испытывать смертельный страх посреди такого ласкового, белого мира. Так странно – покрываться потом в снежную пургу. Временами вдали слышались голоса – кого звали, их или друг друга, неизвестно. Большинство солдат, включая Бобби, выросли в кинотеатрах, под фильмы о Второй мировой, и резкие, пронзительные звуки восточного языка, походившего на японский, разбудили в их сердцах страх двенадцатилетних подростков. Но здесь не кино. А их сержанта зовут не Джон Уэйн. Это двадцатидвухлетний парень из Эйкрона, штат Огайо, год назад женившийся. Скоро у них все кончилось: продукты, боеприпасы – буквально все. Они не могли подать сигнал своим, не обнаружив себя для вражеской артиллерии. Они оказались в ловушке. Шевельнешься – смерть, не шевельнешься – тоже смерть.

Потом, около часа дня, Бобби вдруг сказал парню рядом:

– А, к черту. Пойду найду их.

Отдал ружье, перелез через край канавы и исчез. Он знал: высунешь голову – отстрелят, потому полз. Продвигаясь по-пластунски в снегу, он вдруг вспомнил слова Джимми, сказанные ему много лет назад в кафе «Троллейбус», перед конкурсом жвачных пузырей: «Не гляди ни вправо, ни влево. Сконцентрируйся. Не допускай внутреннего волнения, смотри прямо перед собой». Он повторял их про себя, вспоминая тот день, и пузырь, который надул, и аплодисменты... «Не волнуйся. Сконцентрируйся. Спокойствие и уверенность».

Пока он полз вперед дюйм за дюймом – ради своей жизни и висящей на волоске жизни ребят, – в тысячах миль от него в Элмвуд-Спрингсе его выпускной класс был озабочен другими нелегкими вопросами: кому отдать голос в конкурсе «Кто есть кто», какого цвета камушек заказать в кольцо и кого пригласить на бал. Его лучший друг Монро пил вишневую колу в аптеке со своей девушкой Пегги и расспрашивал Дока, нет ли вестей от Бобби.

Через двадцать восемь часов он прополз в шести футах от мертвеца и в двадцати футах от пулеметного гнезда, где спали трое солдат из Северной Кореи. Но не увидел их. Взобравшись на холм, он встал во весь рост и побежал. Он бежал, падал и снова бежал, пока кто-то не услышал, как он орет во весь голос: «Хай-йо, Сильвер, прочь!»^[22] Американцы нервничали и были готовы стрелять во все, что движется, но поняли, что это не кореец, и отыскиали его. Он плохо соображал и не понимал, почему кричал, но это его спасло.

К тому моменту, как он смог довести американцев до своей роты, шестеро замерзли до смерти, но остальных удалось спасти. Он отказался от медали и никогда не рассказывал о том, что сделал. Как он объяснил мэру: «Ничего смелого в моем поступке не было. Я просто очень боялся остаться там и умереть».

Чудом уцелевший

После армии Бобби был счастлив оказаться дома, но вернулся он совершенно другим человеком. Он был тихим, задумчивым и, похоже, потерял прежний вкус к жизни. Хотя родители ничего не говорили, они беспокоились. Он не выказывал никакого желания встречаться с девушками, видаться со старыми друзьями. Пока его не было, Монро женился на Пегги и работал у отца на складе шин. Несколько раз они ездили на рыбалку и на боулинг, но в основном Бобби сидел дома или ходил в кафе поболтать с Джимми.

Через несколько месяцев Дороти по-настоящему заволновалась. А вдруг он так и не станет прежним, вдруг так и не найдет себе девушку. Она думала, что если он влюбится, то это поможет. Она не знала, что ее сын и так безнадежно влюблен – со школы и до сих пор. У Бобби всегда было неумемное воображение. Может, оттого, что фильмов пересмотрел в детстве. Рыцари в сияющих доспехах, дамы в печали, «и жили они счастливо до конца своих дней»... Идиллические картины постоянно маячили у него перед глазами. Девочки всегда увлекали его, но в тот год нагрянула такая захватывающая и болезненная любовь, что едва не прикончила его. Она пожирала его, как огонь. Она была его первой мыслью, когда он просыпался, и последней, когда он засыпал. И это не было простым увлечением. Это было настоящее чувство, страсть, почти болезнь. Когда она улыбалась ему или заговаривала, он жил этим неделю. Он был долговязый, неуклюжий, прыщавый пацан, а она – взрослая женщина двадцати восьми лет. Он не мог никому рассказать о своих чувствах, даже Монро, и страдал молча. Ее малейшее движение могло вознести его до небес или повергнуть в глубины ада, и порой это случалось в один день.

Мисс Анна Хэтчер, учитель драмы с красивым голосом и нежными карими глазами... Мисс Анна Хэтчер, разбившая ему сердце, когда в начале его предпоследнего класса обручилась с Хью Спэрроу, учителем по гражданскому праву у старшеклассников. Спэрроу был престарелым вдовцом с двумя детьми. Бобби в том году подрабатывал в кинотеатре билетером, они пару раз приходили в кино, и он провожал их до места. Глядя, как этот пузатый, лысеющий мужик идет перед ней по проходу, Бобби морщился, и его едва не стошнило от отвращения, когда негодяй обнял ее пониже спины, будто она уже его собственность. Ох как Бобби его ненавидел. Ему было ясно, что Спэрроу не понимает, насколько она

чудесная. Что ей нет равных. Он просто не мог любить ее так, как Бобби. Спэрроу нужна была мать для его детей. Бобби представлял, как приходит к ней в дом, признается в любви и просит ее руки. Представлял, как вызывает учителя по гражданским правам на дуэль и убивает. Но ни того ни другого он не сделал. Вместо этого в день восемнадцатилетия он записался в армию. Лишь бы оказаться подальше в день их свадьбы. Он думал о ней всю войну. А теперь, когда оказался дома, безумная, сжигающая любовь напоминала о себе лишь тупой болью в желудке, когда он ее видел или слышал ее имя.

Вернувшись, он чувствовал себя примерно так же, как раньше, по субботам, когда они с Монро вываливались из кинотеатра, обалдевшие после четырех часов кино и мультиков. В сравнении с миром грез производства «Техниколор» реальность за стенами кинотеатра казалась серой и выцветшей. Никакой тебе красивой музыки за кадром, а люди скучные и безликие.

Ощущение было, будто из мира исчезло все волшебство. Он скучал и не находил себе места.

Но как-то вечером Монро и его жена, Пегги, вытащили Бобби в кафе для автомобилистов «Полярный медведь». К их машине подкатила на роликах Ванда Рикеттс в короткой юбочке с бахромой и приняла заказ, и внезапно в глазах Бобби вспыхнул прежний огонек.

– Кто это? – спросил он, когда она отъехала.

Пегги рассказала, что Рикеттсы несколько лет назад переехали в город, и добавила:

– Я слышала, она довольно неразборчива.

– Правда? – Любопытство Бобби только возросло.

Как выяснилось, Ванда прослыла роковой женщиной в старшей школе Элмвуд-Спрингса. Татуировка «ВАНДА» уже красовалась на руках нескольких мальчиков, среди которых был паренек Докриллов, собиравшийся стать священником.

За ней ухлестывали трое-четверо ребят в городе, но они не шли в сравнение с Бобби, теперь симпатичным молодым человеком. Вскоре Бобби и мисс Ванда Рикеттс стали темой жарких сплетен, и прежняя радость жизни постепенно стала к нему возвращаться – вместе с воображением. Как всегда, он начал идеализировать Ванду и видеть то, чего не было. Два месяца он был ослеплен идеей, что она как две капли похожа на Мэрилин Монро, что было далеко от правды – дальше не бывает. На крашенных светлых волосах и принадлежности этой особы к женскому полу сходство и заканчивалось. Когда он впервые привел ее в дом обедать,

она, приклеив жвачку на край тарелки, доложила:

– Мы всей семьей большие фанаты рислинга. Мы с мамой считаем Шикарного Джорджа просто вкусняшкой – так бы и съели. Мама говорит, он может ставить свои ботинки к ней под кровать в любое время дня и ночи.

– Вот как? – вежливо откликнулась Дороти не моргнув глазом, Док и Мама Смит уткнулись в свои тарелки, но Бобби, не замечая внезапного затишья за обеденным столом, продолжал пялиться на нее собачьими глазами. Понятное дело, Ванда не произвела на Дороти приятного впечатления, однако сыну она ни словечком не обмолвилась.

Однажды Бобби заскочил в кафе «Троллейбус» и тараторил без перерыва о том, какая Ванда красавица, а потом спросил Джимми, как ему нравится идея, чтобы они поженились. Раньше Джимми ничего не говорил, но тут, раз его спросили, ответил:

– Честно говоря, я думаю, это будет большая, непоправимая ошибка. Родители тебя отговаривать не станут, но я лично не желаю, чтобы ты превращал свою жизнь в кошмар только потому, что какая-то официанточка из придорожной забегаловки тебе задурила голову и ты перестал соображать. Если девчонка залетит, все, ты с ней на всю жизнь повязан. Подумай, что ты творишь, дружище, пока не поздно.

Тут за хот-догом пришел парикмахер Эд. Прежде чем уйти на кухню, Джимми быстро проговорил:

– Поверь, эта деваха не для тебя. Ты достоин лучшего.

У Бобби было ощущение, что ему в лицо плеснули холодной воды. Но Джимми, конечно, был прав. Постепенно розовая пелена таяла, он начал подмечать и недостатки Ванды, и что она все меньше походит на Мэрилин Монро. Он пригляделся повнимательнее к ее семейству. Мать – морщинистая версия Ванды с такими же высветленными волосами и нарисованными карандашом бровями, в свои пятьдесят носит короткие шорты и завязанный на шее топ, который впору только девочке-подростку. Отец с грязными ногтями все пытался показать Бобби свою коллекцию журнала «Старше шестнадцати». Да и остальные Рокеттсы... ужас. И все, чары потеряли силу. Перспектива до конца дней проводить праздники с Рокеттсами решила дело.

Мама Смит высказала Дороти свое мнение об этом семействе:

– Вульгарны, милая, банально вульгарны.

Бобби сообщил матери, что порвал с Вандой, и она не стала спрашивать почему. Сказала только:

– Дорогой, уверена, ты знаешь, что тебе лучше.

Когда он спросил мнение Монро по этому поводу, тот ответил:

– Рад слышать. Мы с Пегги не хотели тебе говорить, но эта девица тупа как фонарный столб.

Спустя несколько месяцев Ванда, явно не слишком огорченная разрывом с Бобби, сбежала из дома с двадцатипятилетним менеджером из закусочной «Полярный медведь».

А еще через две недели Мак, встретив Бобби в парикмахерской, сказал:

– Похоже, ты чудом уцелел, а?

Город-то маленький.

Тот Хутен снова наносит удар

В пятницу, после того как Мак встретил Бобби, он рылся в подсобке в поисках удлинителя длиной в пятнадцать футов для Старика Хендерсона, когда зазвонил телефон.

– Я отвечу, ладно? – сказал Мак и взял трубку: – Магазин инструментов.

Это была Норма:

– Мак.

– Привет, дорогая. Можно я тебе перезвоню? У меня покупатель.

– Я подожду.

– Ну жди.

Он положил трубку на стол и вернулся к старику, который стоял в проходе и вытягивал один за другим удлинители, пытаясь прочесть надпись на упаковке.

– Вам обязательно пятнадцатифутовый? – спросил Мак.

– Да, – сказал старик, – хотя можно и двадцати... На двадцать у вас есть?

– А для чего?

– Хочу телевизор на веранду перенести, чтобы смотреть игру.

– А на веранде розетки нет?

– Если б была, поперся бы я за удлинителем, а?

Мак рылся в упаковках, наконец выудил одну:

– Вот на двадцать пять.

Мистер Хендерсон посмотрел с подозрением:

– На сколько потянут лишние десять футов?

– Не беспокойтесь, я возьму с вас как за пятнадцатифутовый. Мне казалось, они есть, но, видать, распродали.

– Что ж, длиннее не короче.

– Как думаете, у Сент-Луиса в этом году есть шанс? – спросил Мак.

– Разве что все остальные вдруг перемрут.

Мак достал бумажный пакет.

– Не нужен мне пакет, – отказался мистер Хендерсон.

– Ладно, тогда хорошего вам дня.

Старик хлопнул дверью, колокольчик на двери оглушил Мака. Он начал вешать удлинители на крючки, пытаясь подсчитать, сколько может быть лет мистеру Хендерсону. Он ведь дружил еще с бабушкой Мака, а

было это, значит, чуть ли не восемьдесят лет назад... И тут Мак вспомнил про Норму и побежал к телефону:

– Дорогая, ты еще ждешь?

– Да. Жду.

– Прости. Ну, что случилось?

Норма явно старалась взять себя в руки. После беременной, сильно раздавшейся паузы родила:

– Я сделала прическу.

Мак сел на табурет за конторкой. Сегодня у нее была назначена укладка у Тот Хутен. Он знал, чем это грозит.

– Ни слова, Мак, я не хочу ни слова слышать о моей прическе. Если придешь и что-нибудь скажешь, лучше не приходи.

– Не скажу. Что она натворила на сей раз?

– Я и так донельзя расстроена, без твоих подколок.

– Норма! Я ничего не говорил. Я тебя даже не *видел*.

– Пообещай. Дай слово, что ничего не скажешь, а то я просто уйду ночевать в мотель «Ховард Джонсон», и этим все кончится.

– Хорошо, Норма, только успокойся.

– Я не шучу.

– Я ни слова не скажу.

– Я оставлю тебе обед на столе. И если собираешься отпускать шуточки, то не выйду из спальни.

– Норма, я ничего не скажу, довольна? Но хотя бы намекни. Что она сделала?

– Мы... э-э... попробовали кое-что новенькое.

– И?

– Не сработало.

Мак закатил глаза:

– О боже.

– Вот видишь! Сказал! Я так и знала. Лучше не приходи, если у тебя такое отношение...

– Нет у меня отношения. Я сказал только «О боже», и все.

– Да. Но важно, *как* ты это сказал. Я знаю, что ты сидишь закатив глаза, так что если все же придешь домой, я не хочу, чтобы ты даже смотрел на мою голову.

– Норма, куда ты предлагаешь мне смотреть? У тебя лицо на голове, между прочим. Хочешь, чтобы я общался с твоими коленками?

– Видишь, вот опять. Не можешь удержаться, чтобы не смешить. У меня серьезный несчастный случай с волосами, и мне нужна твоя

поддержка. А ты меня только еще больше расстраиваешь!

– Ладно. Прости. Но хотя бы скажи, что вы пытались сделать.

– Объемную волну.

– Объемную волну?

– Да, как перманент, только полегче. Это должна была быть легкая объемная волна.

– И что произошло?

– Мы не знаем, но легкой она не получилась.

– Ну, дорогая, не волнуйся ты так из-за этого. Отрастет... В прошлый же раз отросло.

– Нечему тут отрастать, – прошептала она.

– Почему?

– Потому что, если хочешь знать, если тебе так важно узнать... Она ее срезала.

– О господи.

– Вот видишь! Тебе ничего невозможно сказать, на все негативная реакция... Сначала просишь рассказать, а потом отпускаешь шуточки.

– Ладно. Ладно... Прости. Наверняка это выглядит отлично. – Он помолчал. – А насколько коротко?

– Ответа не было.

– Ну не настолько же коротко, правда?

– Коротко.

– Насколько коротко?

– Итальянский мальчик.

– Какой мальчик?..

– Стрижка так называется – «итальянский мальчик».

– О господи...

– Ну все! Обедай один. Я еду в мотель.

– Ой, да ради бога, Норма, не поедешь ты ни в какой мотель. Я скоро буду.

Мак приехал через десять минут, но Норма не выходила из спальни. Наконец, после длительных задабриваний и упрасиваний, показалась в дверях. Он смотрел на нее, никак не реагируя.

– Тебе что же, нечего сказать? Я знаю, ты умираешь хочешь высказаться, – так давай, вперед.

– Ну... Нормальная короткая стрижка.

Норма разрыдалась:

– Все погибло... Я ужасно выгляжу... Кошмарно... Мне хочется одного – умереть. Совсем не похоже на Одри Хепберн. На картинке

выглядело просто отлично.

- Ну, дорогая, что ты, перестань. Очень даже ничего.
- Ты просто меня успокаиваешь.
- Нет, правда.

Перед тем как заснуть, Мак повернулся к Норме:

- Дорогая, я хочу, чтобы ты знала одну вещь.
  - Какую?
  - Ты самый сексуальный итальянский мальчик, с которым я спал.
- Последовала пауза. Потом Норма похлопала мужа по руке:
- Мучас грасиас, сеньор.

Мисс Хендерсон

Бобби сдал школьный выпускной тест еще в армии и, вернувшись, месяца через четыре наконец решил, что надо бы ему пойти в колледж и приобрести профессию. В какой – пока не придумал. Одно время Док надеялся, что сын пойдет по его стопам и станет фармацевтом, но, учитывая, что Бобби с трудом вытянул математику и химию, это явно исключалось. Он подумывал, не поучиться ли на бизнес-администратора, но сомневался. За неделю до отъезда он сидел на веранде и пытался представить свое будущее, когда увидел мисс Хендерсон, его учительницу из шестого класса, – она вернулась из летнего отпуска и медленно поднималась по ступенькам.

– Здравствуй, Роберт, – сказала она, слегка запыхавшись. – Мама говорила, что ты уже дома.

Бобби сам удивился, что так рад ее видеть.

– Здравствуйте, мисс Хендерсон, как поживаете? – Он встал и предложил ей стул.

– Отлично, – сказала она, усаживаясь. – Ты собрался в колледж, верно говорят?

– Да, мэм, в штат Миссури.

Она принялась рыться в сумке – что-то искала.

– Я хотела зайти к вам до твоего отъезда и вручить тебе небольшой подарок. Надеюсь сделать это на выпускном, но ты уехал в армию, и я подумала – принесу теперь.

Она протянула Бобби довольно потрепанный пакет. Бобби ужасно удивился.

– Спасибо, мисс Хендерсон.

Пока он боролся с оберткой, она сказала:

– Может, ты не догадывался, Бобби, но ты был одним из моих любимых учеников.

– Я? Шутите!

Это была красивая миниатюрная кожаная карта мира. На приложенной записке были такие слова: *«Пусть тебе послужит. Удачи во всех начинаниях. Мисс Хендерсон»*.

Бобби опешил.

– Даже не знаю, что сказать, мисс Хендерсон, кроме как поблагодарить.

– На здоровье.

– Знаете, я всегда думал, что самый тупой в вашем классе.

Она улыбнулась:

– Ты, может, не лучшие результаты показывал, и утомонить тебя было нелегко, но в тебе было то, чего у большинства остальных не было, – пытливый ум. Ну ладно, не буду расслаживаться. Твоя мама сказала, ты пребываешь в сомнениях по поводу специализации, верно?

– Да, мэм. Надеюсь, не вылечу за неуспеваемость.

– Ты у меня два года проучился, и я тебя как облупленного знаю, но мой совет – выбери то, что тебе всерьез нравится, Бобби, предмет, который тебе не наскучит. И если такой найдешь – уверена, у тебя все пойдет как надо.

– Спасибо, мисс Хендерсон. И за карту еще раз большое спасибо.

Он думал о ее напутствии, но ему было интересно буквально все на свете, так что выбрать что-то одно было трудно. Трудно, пока он не приехал в колледж и не прочитал весь список факультетов. Все удивились, когда он позвонил домой и объявил, на чем остановился. Не удивилась лишь мисс Хендерсон. Насколько она знала, история Америки идеально подходила для Бобби.

Однако в сфере романтических отношений бывает так, что человек, не понимающий, что для него плохо, не может также понять, что для него хорошо. Бобби больше года крутил романы без продолжения и только на втором курсе начал встречаться с Луис Скотт, студенткой с кафедры английского языка. Он познакомился с ней через приятеля, и выяснилось, что она из Поплар-Блаф и у них куча общих друзей. Ее мать бывала гостьей на радиопередаче его матери, они даже переписывались. На первом свидании Луис повела его на теннисный корт и обыграла вчистую. Она была умна, привлекательна, с отличным чувством юмора, красивыми рыжими волосами. И самое главное – сходила по нему с ума.

Утром 23 декабря 1955-го гордый Мак Уоррен, стоя на пороге своего магазина, махал дочери, Линде, которая шла в компании других девочек в костюмах и с колокольчиками под предводительством Дикси Кэхилл выступать в рождественской программе Дороти. Норма и тетя Элнер уже сидели среди зрителей и ждали, парикмахер Эд приготовил первую порцию яичного коктейля, а Бесс и Ада Гуднайт, наряженные миссис и мистером Санта-Клаус, как всегда, раздавали подарки в начальной школе. Елка возле дома украшена была старыми игрушками, и светильники в каждом окне были все те же – картонные свечи с голубыми лампочками. Анна Ли и ее

муж, Уильям, теперь практикующий дерматолог в Сиэтле, штат Вашингтон, и их дочка приехали провести праздник дома. Единственное, что отличало в этом году Рождество, – это присутствие Луис Скотт, которую Бобби привез на каникулы.

В меньшинстве и связанный по рукам и ногам

Дороти приняла Луис мгновенно, не прошло и двух секунд. Так женщины загадочным образом точно знают, что в дом вошла идеальная невестка. Не только Дороти, все ее сразу полюбили: и Мама Смит, и Анна Ли, и Док. Джимми даже заметил:

– Ну вот, другое дело.

К концу рождественских каникул все в один голос твердили, что она для Бобби идеальная девушка. И вообще они идеальная пара. В результате его уже начало раздражать слово «идеальная», даже пугать. Он не хотел быть никакой идеальной парой. Бобби хотел бурных, страстных чувств, как в кино. Оттого что она ему так идеально подходила, он чувствовал недоверие.

Бобби казался себе рыбиной, которую все тянут на леске к берегу: еще несколько прыжков над водой – и все, конец. И он принял решение. Однажды вечером, провожая ее до общежития, он сказал как можно небрежнее:

– Знаешь, Луис, я тут подумал вот чего. Раз мы оба едем на лето домой, может, мы начнем с кем-нибудь еще встречаться? Ненадолго. Сделаем небольшой перерыв – выяснить, как на самом деле друг к другу относимся.

Она восприняла это вроде бы совершенно спокойно.

– Хорошо, Бобби, если ты так хочешь.

Он быстренько добавил:

– Это, конечно, совсем не обязательно, можно просто подумать на этот счет. Я завтра позвоню.

Конечно же, она проплакала всю ночь. На следующий день ему был вручен конверт. Принесла письмо одна из ее сокурсниц, причем окатила его взглядом, полным отвращения.

Он вскрыл конверт и прочел:

Не звони. Не пиши. Я не хочу тебя видеть.

Луис

Когда летом он вернулся домой и рассказал матери, что случилось, она промолчала, но явно была расстроена. И по какой-то причине винила во всем его.

Он позвонил Анне Ли в Сиэтл:

– Не знаю, что с Луис, она с катушек спрыгнула.

– Что ты наделал?

– Да ничего, просто предложил какое-то время встречаться с другими.

– Ясно.

– Я не могу жениться только потому, что она понравилась маме.

– Ясно.

– Я сам должен принять решение, это моя жизнь.

– Ты прав, Бобби, ты должен делать то, что считаешь нужным.

– Короче, мне нужно немного развеяться. Можно я к тебе приеду?

– Ну конечно. В любое время, живи сколько хочешь. Девочки будут рады, и мы с Уильямом тоже.

У Анны Ли в Сиэтле Бобби провел месяц. Встречался с несколькими девушками, одна красивая медсестричка была очень даже веселая. Но почему-то чувствовал себя одиноким и словно бы обманувшим Луис и даже собственную мать. И однажды ночью внезапная мысль обрушилась на него тонной кирпича. А что, если Луис кого-то встретила и он ее упустил? Бобби в панике подскочил, оделся и побежал искать телефон-автомат, чтобы не перебудить весь дом. Несся по улице, подгоняемый ужасом. Нужно вернуть ее, пока не поздно. О чем он только думал? Пока разыскал автомат, воображение уже нарисовало картину: она замужем и с двумя детьми, хотя с их последней встречи прошло всего несколько месяцев. Он позвонил в дом ее родителей и – какое облегчение! – услышал ее голос. Она не бросила трубку, выслушала все, что он говорил: каким был дураком и как хочет жениться прямо сейчас, как он виноват и что в жизни не был так уверен, как в эту минуту. Но в ее ответе сквозила холодность: теперь *она* не столь уверена в своих чувствах к нему и теперь *ей* нужно время подумать.

И снова его охватила паника. Он вернулся домой, собрал в темноте вещи, оставил записку Анне Ли и бросился в Поплар-Блаф. Теперь у него была и драма, и страсти – все, о чем он мечтал, и это было ужасно. Он мог потерять ее навсегда. И тут он понял, что хочет жениться на ней больше жизни.

Луис в то время проходила педагогическую практику в школе, и через два дня он стоял перед ее школой, надеясь, что, взглянув на него, она сразу передумает, но ничего подобного не произошло. Конечно, она была и более красива, чем он помнил, и более все остальное, чем он помнил, но ему пришлось очень долго убеждать ее, что он изменился, что он никогда больше не станет сомневаться насчет своих чувств к ней. Он потерял

всякий стыд. Даже мать заставил позвонить ей и просить за него.

– Луис, это Дороти, – сказала она. – Конечно, ты должна поступать так, как лучше для тебя, но если тебе не совсем безразличен этот мой сынок, – она глянула на Бобби, стоящего рядом, – хоть это было бы удивительно после того, что он учудил, ты лучше приезжай и забери его, потому что от него никакого проку – ни для него самого, ни для кого другого.

Наконец он ее заполучил назад и в ночь перед свадьбой, как настоящий мужчина, спрашивал себя, правильно ли поступает и не поздно ли еще пойти на попятный, – в общем, все, что обычно думают перед прыжком в пропасть. Но его свидетель успокоил его всего несколькими словами.

– Тупая ты задница, – сказал Монро. – Она – лучшее, что с тобой случилось.

И все же на следующий день, после того как Мама Смит сыграла «Вот идет невеста» и Анна Ли с тремя дочками открыли процедуру бракосочетания, он был на грани того, чтобы выскочить в окно и бежать без оглядки. Потом увидел, как по проходу идет Луис. Она взглянула на него и улыбнулась, и Бобби едва не потерял сознание, когда понял, что эта красивая женщина в самом деле станет его женой.

Сесил спасает ситуацию

В 1956-м Бетти Рэй родила еще одного мальчика и радовалась роли жены и матери, хотя они до сих пор жили в съемном доме. Хэмм копил деньги, чтобы внести первый взнос и выкупить его. Все шло по плану, пока после двух лет службы он не обнаружил, что с каждым днем все больше сердится на то, как игнорируют мелкого фермера. Он поехал в такую даль – в Джефферсон-Сити, столицу штата, чтобы встретиться с губернатором, но ему, как обычно, сказали, что у того возникли срочные дела и придется назначить другое время. Это уже в пятый раз. Он пошел к огромному особняку губернатора и долго смотрел на него. Не такой уж он большой, сказал он себе. В тот день Хэмм принял решение. Ему так надоело это бессилие, невозможность что-нибудь сделать, что он решил подать заявку от Демократической партии на предварительные выборы на пост губернатора штата Миссури. Несмотря на то что Бетти Рэй умоляла его этого не делать.

Не только Бетти Рэй считала, что это плохая идея. Все убеждали Хэмма, что только полный дурак, появившись из ниоткуда, может пытаться организовать губернаторскую кампанию без денег, но он отказывался слушать доводы.

– Бетти Рэй, – сказал он, – дорогая, поддержи меня – только один раз! Обещаю: если проиграю, навсегда уйду из политики. Но я не могу сдаться, даже не попытавшись.

Единственное, что ей придется сделать, – это позировать для семейной фотографии вместе с ним и детьми, и после этого ей не надо будет ни в чем участвовать и появляться на публике. Остальное он сделает сам.

Что ей оставалось? Она его любила. Итак, Хэмм Спаркс подал заявку на кандидатство, не имея ничего кроме хорошей репутации у фермеров, смутно знакомого всем имени и готовности работать день и ночь, если придется. Он был убежден, что не понадобится никаких неоновых реклам и штаб-квартиры со штатом сотрудников, включая советников по политике и так называемых экспертов. Штаб-квартирой ему будут пыльные проселочные дороги и мелкие города по всему штату. Была бы только платформа на колесах, с которой он расскажет людям, как обстоят дела. Они должны понять, что в правительстве им нужен человек, стоящий на стороне ветерана, работника, мелкого фермера.

– В штате много умных людей, которые мыслят самостоятельно и не

пойдут на избирательный участок, как бараны, подгоняемые очередным политиканом из крупного города. Необходимо только выйти к ним и объяснить, как на них наживаются шишки из Канзас-Сити.

Идея верная, но, проколесив месяц по штату, он числился самым последним в рейтинге. Его никто не знал, и шансов войти хотя бы в число кандидатов у него было не больше, чем у снежинки не растаять в аду, если он что-нибудь срочно не предпримет – и быстро. Он уже потратил все сбережения, поскреб по сусекам и получил немного средств от друзей, но для раскрутки требовалось гораздо больше, чем было у Родни Тилмана. Больше, чем было у любого его знакомого... По крайней мере, так он думал.

Всего в четырех сотнях миль от него, в шестикомнатной квартире в Канзас-Сити, которую он делил с матерью, Сесил Фиггз готовился начать рабочий день. Стоя перед зеркалом, он аккуратно приладил небольшую накладку фальшивых волос на макушку круглой головы, воткнул свежий цветок в петлицу – и вот он готов к свершениям. В огромном, с толстым ковром, офисе похоронного бюро он нашел записку от помощника: первый клиент опаздывал на десять минут. Взял со стола газету. Обычно Сесил не глядя пролистывал ее до страницы с некрологами, чтобы проверить свои рекламные объявления, но на глаза ему попала фотография Спаркса. Он был в списке кандидатов на пост губернатора. Сесил Фиггз полагал, что Хэмм вряд ли вспомнит, как они познакомились на похоронах Ферриса Отмана, но сам Сесил никогда не забывал день, когда встретил Хэмма Спаркса. По окончании церемонии Хэмм подошел к нему и представился мужем Бетти Рэй Отман, крепко пожал руку и похвалил за проделанную работу. Потом вручил визитку, похлопал по спине и сказал:

– Мистер Фиггз, если вы соберетесь покупать хороший трактор или комбайн, позвоните. – И отошел.

Сесил был ошарашен. Он что, сумасшедший, этот Хэмм? Сесил – последний из живущих на земле, которому придет в голову покупать трактор. Вопиющее предположение. Но было в этом человеке что-то настолько искреннее, что он сунул визитку в карман, вместо того чтобы порвать в клочья. По какой-то неизвестной причине ему очень понравился этот выскочка.

Несмотря на крайнюю занятость, – Сесил вникал во все мелкие детали церемонии – краем глаза он нет-нет да поглядывал на Хэмма, а тот изо всех сил старался втереться в окружение губернатора, хотя за душой у него не было ничего кроме дрянного синего костюма, стрижки за пару долларов и безоглядной храбрости. Разумеется, Хэмма вежливо игнорировали, но

малыш не отставал. В тот день с Сесилом приключилось что-то неожиданное. Он не понимал, что это, но чувствовал, как растет в нем некая странная привязанность к этому полнейшему незнакомцу. Привязанность, основанная на смеси жалости и восхищения. Может, он заметил, как Хэмм, пожимая руку, пытался скрыть, что ему коротки рукава пиджака, а может, Хэмм напомнил ему о другом молодом человеке, который нравился ему много лет назад. Как бы то ни было, из-за этой странной привязанности, увидев фотографию Хэмма Спаркса – все в том же дрянном костюме и с той же дрянной стрижкой, – он почувствовал неодолимое желание помочь ему. И надо сказать, на тот момент никто так не нуждался в помощи, как Хэмм.

У Хэмма не было помощников кроме старых друзей, заезжавших иногда в контору, и Родни Тилмана. Офис представлял собой крошечную каморку, бывший склад ламп. Из мебели – стол, четыре складных металлических стула и телефон. Плюс три старые пыльные лампы, оставшиеся от прошлой жизни помещения.

Сесил снял трубку и позвонил Хэмму, чтобы назначить встречу, и очень удивился, что Хэмм его вспомнил. Сесил не понимал, что, встретив однажды, забыть его трудно. Мало кто в Миссури носит красный цветок в петлице и ужасный шиньон свекольного цвета.

Через несколько дней Сесил вошел в офис, оглядел грязную комнатку и покачал головой:

– Э-э, милый мой, тебе нужно местечко поприличней. – Он обмахнул стул, сел. – Слушай, если собираешься продолжать борьбу, необходим нормальный офис и реклама. У меня много денег, и если у тебя в самом деле *серьезные* намерения в политике, я хочу тебя поддержать.

Хэмм поверить не мог в такую удачу. Впервые в жизни ему предложили помощь раньше, чем он попросил. Он вскочил, обошел стол и крепко пожал руку Сесилу:

– Мистер Фиггз, я серьезен как чирей на заднице старой девы и, если вы мне поможете, обещаю сражаться изо всех сил. Буду работать день и ночь.

– В это я верю, – сказал Сесил. – Просто прикинь, сколько тебе нужно, и дай знать.

С этими словами он встал и пошел к двери. Хэмм – за ним:

– Эй, погодите минутку. Разве вы не хотите услышать мои политические воззрения?

– Ой, нет, милый мой, избавь, – отмахнулся Сесил. – Я в этих

воззрениях ни шиша не смыслю. Давай так: с меня деньги, с тебя – политика.

Так началась самая невероятная дружба между двумя мужчинами, – дружба, совершенно непонятная окружающим. Да они и сами ее не понимали.

Когда Родни, как всегда, неторопливо вошел в офис с бутылкой виски и двумя бумажными стаканчиками, Хэмм сидел за столом, с улыбкой от уха до уха.

– Эй, Хэмбо, ты чего?

– Родни, у меня только что появилась серьезная поддержка с большими деньгами.

– Кто?

– Сесил Фиггз, Король похорон. Ты с ним разминулся. Он сказал, что оплатит всю кампанию, даст столько, сколько нужно. Я как раз составляю список.

Родни, однако, отнесся к этому скептически. Он представлял, какая огромная сумма понадобится.

– Дружище, боюсь, тебя разыграли. Не бывает настолько богатых людей.

Но Сесил не шутил. Он был богат именно настолько. Он был не только Королем похорон в масштабе штата Миссури. Много лет он по-тихому скупал похоронные компании еще в семи штатах и продолжал расширяться. Кроме своего бизнеса похоронных услуг и цветочного оформления он владел еще пятьюдесятью процентами акций в компании по производству гробов «Вечный покой». Он был очень богат и тратил без колебаний. По роду деятельности он как никто другой понимал, что жизнь – штука короткая, а деньги с собой не унесешь. Детей у него не было, оставить некому, так отчего бы не тратить, отчего бы не рискнуть и не поставить на темную лошадку? Были, впрочем, и другие мотивы. Кое-чего он все же хотел в обмен, но об этом пока рано говорить.

Что же до Хэмма, он был счастлив. Ему и нужно-то всего ничего: немного рекламы, хорошая музыкальная группа и грузовик с платформой и приличным звуковым оборудованием. Он немедленно позвонил в Нэшвилл Лерою Отману, дяде Бетти Рэй, у которого была группа под названием «Парни от сохи из Теннесси», и нанял их. Неделью спустя Хэмм Спаркс с группой Лероя, переименованной в «Парни от сохи из Миссури», попрощался с Бетти Рэй и детьми, влез в грузовик с платформой и выехал на дорогу. Где он только не побывал – от пикников с жареной рыбой для

ветеранов войны до завтраков с блинами в Клубе Лосей и встреч клуба «Киванис» за партией в бинго, даже на семейных встречах... Всюду, где собиралось больше десяти человек, появлялся Хэмм Спаркс.

«Колман и Барнс Паблик релейшнз» занимались размещением всей рекламы похоронных бюро Сесила Фиггза, так что, когда Сесил позвонил Артуру Колману, тот немедленно ответил. Сесил был не только хорошим другом его жены, но также и одним из его самых крупных и щедрых заказчиков.

– Сесил, как ты?

– Хорошо.

– Чем могу быть полезен?

– Милый мой, мне нужна от тебя одна небольшая услуга.

– Конечно, рассказывай.

– Можешь, не распространяясь, поискать информацию на одного человечка и сказать, что ты о нем думаешь?

– Без вопросов, буду рад. Кто он?

– Зовут Хэмм Спаркс, он подал заявку на пост губернатора. Я бы хотел ему помочь, но ни на грош не разбираюсь в политике.

– И что мне искать?

– Просто глянь, что можно сделать, чтобы поднять его авторитет в обществе. Ты лучше меня разбираешься в таких вещах.

Артур записал имя.

– Хэмм Спаркс? Это такой парень провинциального вида с плохой прической?

Сесил вздохнул:

– Он самый.

Новости хорошие, новости плохие

Через две недели Колман позвонил Сесилу с отчетом.

– Проверил я твоего человека. – Он засмеялся. – Ну ты нашел кого поддержать, Сесил. Хотя, конечно, колоритный тип, тут не поспоришь.

– Что с ним можно сделать, как думаешь?

– Честно? Ничего.

– Может, хотя бы костюм по росту и, скажем, с произношением немного поработать?

– Нет. С точки зрения имиджа «человека из народа» я бы в нем ничего не менял. Парень очень органичен, начини его поправлять – только запутается, естественность уйдет.

– Значит, твое предложение – ничего не менять?

– Да. У него хорошая интуиция и отлично получается быть таким, какой есть. Да и в целом неплохо – двое детей, славная женушка-мамашка, которая ему не мешает... Но, Сесил, ты же понимаешь, что у него ни единого шанса противостоять Венделлу Хьюитту, правда?

– Да, но все равно спасибо.

– Обращайся. Но мне вот что интересно. Что тебя склонило именно к этому кандидату?

Сесил искренне ответил:

– Не знаю, милый мой. Чистая правда – не знаю. Наверное, просто интуиция.

Венделл Хьюитт лидировал в предвыборной гонке с первого дня и до сих пор не сдал позиций. Высоченного роста, приветливый, не прочь крепко выпить, дамский угодник, не только серьезный политический деятель, имеющий связи с представителями закона, но и независимо мыслящий человек. Что еще более важно, его любил народ. Однако в высших кругах среди демократов штата его совсем не любили и не поддерживали. Им нужен был в партии человек, которого можно контролировать, а Венделл Хьюитт был потенциальным источником проблем, от которого всего можно ожидать.

Питер Уилер, богатей с хорошим образованием, довольно слабый начальник страховой компании из Канзас-Сити, – вот кто был их человек. Но тут крылась проблема. Питер был немного зануден и никогда бы не выиграл у такого популярного в народе человека, как Венделл. За

закрытыми дверями Эрл Финли, глава партии, согласился, что лучше будет, если Хьюитт выйдет из гонки. Через месяц благодаря чудесной случайности и куче денег через третьи руки их молитвы были услышаны. В «Канзас-Сити стар» появилась фотография Венделла Хьюитта, выходящего из дверей отеля под ручку с его далеко не женой, после чего снимок опубликовали все газеты штата. Венделл уверял, что это республиканцы его уделали, но воспринял случившееся хладнокровно, не ныл, не пытался лгать. В обращении по телевизору он сказал:

– В связи с последними событиями у меня нет другого пути, кроме как снять свою кандидатуру, потому что, леди и джентльмены, если мои оппоненты будут всякий раз использовать хороших блондинок в качестве приманки, сразу скажу: я буду всегда попадаться на эту удочку.

Венделл выбыл, Пит Уилер стал единственным кандидатом на победу. По крайней мере, так они думали.

Для Эрла Финли и его команды Хэмм Спаркс был шут гороховый, источник пустых посулов, «пирога на том свете», который рассчитывает протиснуться на место губернатора со своей доморощенной, полусырой псевдофилософией и певцами из народа. Но за те несколько недель, пока они избавлялись от Венделла Хьюитта и проталкивали Пита Уилера, Хэмм Спаркс мотался со своими выступлениями по всему штату, побывал в каждом захудалом городишке, в фермерских сообществах, на всех перекрестках и переездах.

Хэмм везде произносил примерно одну и ту же речь, но она, похоже, задевала за живое и фермеров, и горожан. Когда количество его приверженцев стало расти, Эрл Финли заинтересовался им и послал человека с кинокамерой выяснить, что он, черт побери, делает и что сулит. Оператор застал горе-кампанию Спаркса под городом Кутером, штат Миссури, недалеко от границы Теннесси с Арканзасом. И вот что большие мальчики увидели потом на пленке.

Фермерский поселок с грунтовой дорогой. Человек семьдесят пять – восемьдесят деревенских жителей собрались вокруг платформы, с которой Хэмм говорил в плохой микрофон. После особо меткого высказывания или шутки кто-то в толпе звонил в коровий колокольчик. Зрители жадно внимали каждому слову. Мужчины в рабочих комбинезонах и кепках со знаком «Джон Дир»^[23], женщины в ситцевых платьях и шляпках смеялись, кивали и явно соглашались со всем сказанным.

– Слушайте, друзья, – говорил Хэмм. – Я приехал не затем, чтобы дурачить вас красивыми речами. Во-первых, не умею: это адвокаты должны быть красноречивыми. Во-вторых, считаю, что каждый

американец заслуживает услышать правду на простом языке, и я верю, что люди понимают, когда им говорят правду, а когда голову морочат.

Не ошибитесь, большим дядям нужен ваш голос. О, они вам улыбаются и обещают любить, уважать и слушаться. Стараются затащить вас на алтарь. Но слышали бы вы, что они говорят про вас за закрытыми дверями. Они считают вас тупыми. Считают, вы схаваете все, что вам скажут. Считают, что могут там, наверху, делать что угодно и это сойдет им с рук. Это напоминает мне о детстве, я вырос в деревне. Как-то мать открыла кладовку, а там повсюду личинки моли, пожирают кукурузную и пшеничную муку. Она закричала: «Папа, у нас в кладовке вредители!» Так вот, я несколько лет жил в столице штата и видел, как эта компашка ворует деньги налогоплательщиков, и вот что я скажу вам, друзья: у нас вредители в кладовке штата. И если вы выберете меня, я избавлюсь от них – от всех до единого. Я посрезаю лишний жир с бюджета и верну эти деньги в карманы рабочих, где им и надлежит быть, а вовсе не оплачивать поваров в губернаторском доме, чтобы он кушал бедро ягненка и всякую еду неженков на серебряных тарелках. А мне и старый добрый американский гамбургер подойдет.

Знаете, мой оппонент, мистер Питер Уилер, хвастает своим древним родом. Это прекрасно. Но позвольте спросить – у кого он не древний? Мы что, с неба свалились? За мной, может, и не тянется пуделиная родословная, и меня не приглашают на закрытые вечеринки, но мои отец и мать стоят у меня за спиной точно так же, как ваши, – прямо сейчас. Знаю я эту компашку из Канзас-Сити, все в мехах и бриллиантах, за рулем красивых авто, подъезжают к церквям с кирпичными стенами за миллион долларов. Но позвольте сказать вот что: для голосования все равно, худой вы или толстый, подходят ли ваши носки к шляпе, курите вы готовые сигареты или скручиваете сами. Для голосования все равно, слушаете ли вы оперу и пьете ли кофей из блюдца. Да что там, для голосования все равно даже, шелковое белье на вас или трусы из мешковины. (К этому моменту толпа уже хохотала вовсю.) Право голоса – наш лучший друг. И голоса наших с вами матерей, которые ходили в маленькую деревянную церковь-развалюху, считались точно так же, как голос богатого человека. Слышу, некоторые говорят – мол, все равно, голосуешь или нет, исход давно предрешен. Вы правы, предрешен. Кто получит больше голосов, тот и победит. И мне нужен ваш голос. Я вам врать не стану. Я мог пойти искать поддержку там, где собираются люди с большими деньгами, и набрал бы, может, больше голосов, но не пошел. Почему? Потому что не хочу быть в долгу ни перед кем кроме вас. Поэтому сегодня я попрошу у

вас денег займа – много не надо, монетку-другую. Что я могу предложить в качестве гарантии? У меня ведь мало что есть. Нет собственного дома, за машину кредит еще не выплачен. Жену, правда, не отдам. Но что я могу предложить, так это мое слово. Даю слово, что если вы поможете мне стать губернатором, я буду работать на вас. И я хочу, чтобы вы с меня этот долг потребовали. Я не хочу иметь других долгов, кроме долга перед вами. И я его оплачу – каждым принятым законом, каждой заасфальтированной дорогой, построенной школой, каждым поставленным на перекрестке фонарным столбом.

Люди Финли смотрели, как под музыку «Парней от сохи из Миссури» фермеры по очереди подходят, кладут деньги в большой бочонок с надписью «ХЭММ: БОРЬБА С ВРЕДИТЕЛЯМИ» и пожимают ему руку. Когда прожектор погас и пленка остановилась, Эрл усмехнулся:

– Да он просто идиот. Мы его побьем его же оружием.

На следующий день они наняли для Пита Уилера огромный джазовый оркестр «Диксиленд» и пригласили лучших эстрадных исполнителей из Голливуда и Нью-Йорка, чтобы сопровождали все его акции по сбору голосов. На большом обеде «Голосуйте за Питера Уилера» в Канзас-Сити они призвали саму Кейт Смит из Нью-Йорка открыть вечер песней «Благослови Америку».

Новая находка

Все эти вечеринки, деньги и усилия кампании Питера Уилера не могли не встревожить Хэмма. Чем больше он думал о данном Бетти Рэй обещании бросить политику, если проиграет выборы, тем больше отчаивался. После недельного отсутствия он вошел в спальню около трех часов утра и попытался разбудить жену, не побеспокоив детей.

– Дорогая, – звал он, тряся ее за плечо.

Она открыла глаза:

– Привет... Который час?

Он подсел к ней на постель:

– Поздно. Но мне нужно с тобой поговорить.

– Что-то стряслось?

– Нет.

Она села и включила лампу:

– Голодный?

– Нет. Мы с ребятами перекусили по дороге.

Она потянулась за очками, надела их и поглядела на него при свете. По выражению его лица она поняла: что-то не так.

– В чем дело?

Он вздохнул:

– Дорогая, ты же знаешь, я не хотел тебя в это впутывать. И не стал бы без необходимости, но мне нужна твоя помощь.

Раньше он ни о чем не просил ее, только однажды – стать его женой, поэтому было ясно, что все серьезно. Хэмм помедлил, потом сказал:

– Ужасно не хотел просить, но в Питера Уилера вложены такие огромные деньги...

– Чем я могу помочь?

– Да мы тут с ребятами поговорили, и они думают, что поскольку твоя мама и Отманы сейчас очень популярны, то если бы ты выходила со мной на сцену, позволила представить тебя публике, это бы помогло.

В другой комнате заплакал ребенок. Бетти Рэй встала, Хэмм – следом.

– Тебе ничего делать не придется, дорогая, только сидеть. Ни петь, ничего. И я буду проводить больше времени с тобой и детьми... Это ненадолго...

6 апреля Соседка Дороти сообщила своим слушателям, что книга с

рецептами десертов разошлась до самой Миннесоты.

– Миссис Верна Приджен пишет: «Дорогая Соседка Дороти, посылаю вам рецепт слоеного торта, некоторые называют его торт Миннегага, и он-таки похож, но даже вкуснее. Я живу здесь, в степях Миннесоты, и мы называем его степным тортом». Спасибо, Верна, как его ни назови, хуже он не станет – очень вкусный. Так, что еще, ага, был звонок от Тот Хутен, она просит сказать всем ее клиентам, что салон красоты снова откроется в среду. Как вы все знаете, на прошлой неделе у Тот взорвалась неисправная сушилка, пришлось менять всю проводку, и это заняло чуть больше времени, чем ожидалось. А еще хочу сказать, что мы все были рады увидеть в газете фото нашей подруги Бетти Рэй и узнать, как вырос наш Хэмм Младший. А кажется, будто еще вчера она была старшеклассницей.

Следующие две или три недели предвыборной кампании они переезжали караваном: большой черный грузовой автомобиль с платформой, груженный звуковой аппаратурой, деревянными складными стульями и баннерами ГОЛОСУЙТЕ ЗА ХЭММА СПАРКСА, следом три машины – в одной Лерой и «Парни от сохи из Миссури», в другой Хэмм с разношерстными друзьями, и Бетти Рэй с Хэммом Младшим и младенцем в третьей. Для Бетти Рэй, надо сказать, это было последнее место на земле, где она хотела бы проводить время, но она не могла отказать Хэмму. Они ездили по штату от восхода до заката, давая иногда по шесть-семь выступлений за день. Мужчины-то такое расписание с трудом выдерживали, но когда на тебе двое детей... Через несколько недель у Бетти Рэй кончились все силы. И все же Хэмм сдержал обещание. Ей приходилось только сидеть на сцене и махать рукой зрителям, пока он представляет ее не только как свою жену, но и как дочь Минни Отман, великой звезды госпела, и это объявление встречали бурными аплодисментами.

Она терпела все, не жалуясь, но еще через неделю, выступая в округе Кларк, Хэмм толкнул ее за грань терпения. Посреди выступления он вдруг ни с того ни с сего сказал:

– Знаете, друзья, к округу Кларк у меня особое отношение. Мы с женой провели медовый месяц прямо на этой дороге. – Он взглянул на нее: – Так что, можно сказать, Хэмм Спаркс Младший начал свою жизнь в округе Кларк. – И, как будто сказанного было мало, стоя среди свиста и одобрительных возгласов, он поднял руку и добавил: – Да, друзья, уверяю вас, мне здесь есть что вспомнить.

Бетти Рэй хотелось умереть на месте.

То ли от крайней усталости, то ли от стыда она села в машину и разрыдалась. Когда Хэмм наконец освободился, он был очень удивлен, увидев ее в таком состоянии.

– В чем дело? – спросил он, открывая дверь.

– Зачем ты это сказал?

– Что сказал?

– О нашем медовом месяце... Эти мужики ржали, глядя на меня со значением. А ведь это даже неправда.

Он хмыкнул и сел рядом с ней:

– Ну что ты, детка, перестань. Не будь такой. Ни с каким значением они не глядели. Ну пошутил, повеселил народ. Людям нравится думать, что их родной край – какое-то особое место. Над тобой никто не смеялся, что ты. – Он поцеловал ее и обнял за плечи: – К тому же это вполне могло быть правдой.

Вслед за Бетти Рэй заплакал малыш.

– Видишь, что ты наделала, парня огорчила. – Он опустил стекло и позвал: – Хэмм Младший, иди поцелуй маму, чтоб она плакать перестала.

Хэмм Младший, в свои пять лет уже такой же очаровашка, как отец, залез к ним, обнял Бетти Рэй за шею и шесть раз смачно чмокнул в щеки. Что ей оставалось делать? Мужчины превосходили ее численно.

После успеха в округе Кларк Хэмм еще несколько недель рассказывал ту же байку повсюду, где они ездили. Через некоторое время Рэйфорд Фуссер, бас-скрипач «Парней от сохи», человек не слишком острого ума, спросил Лероя:

– Сколько медовых месяцев было у этого парня?

Крупные газеты, все как одна против него, приклеивали ему уничижительные прозвища: Хэмм – Вредители в Кладовке, Хэмм от Сохи, а то и Хэмм Медовый Месяц, но больше всех изгалялись люди Эрла Финли, когда число почитателей Хэмма начало расти.

С приближением выборов, чтобы оспорить утверждение Хэмма, что Питер Уилер просто сынок богатея, тот добавил к предвыборным лозунгам новый: «Пит Уилер – друг маленького человека». Но Хэмм оказался умней, чем они думали. Он пошел на телевидение, вещавшее на весь штат, и сделал заявление перед камерой:

– Друзья, обычно я стараюсь сохранять уважительное отношение к оппонентам, но когда мистер Питер Уилер назвал себя другом маленького человека, мне пришлось сделать исключение. Как по-вашему, леди и джентльмены, разве в Америке должно быть такое понятие, как маленький человек? Согласно Конституции мы все равны. Я, может, не так богат, как

старина Пит, но меня несколько коробит, когда меня называют маленьким человеком.

Хэмм также провозгласил, что, если его изберут, он запретит распивать алкоголь в губернаторском доме, даже на торжественных церемониях. Он знал, что порадует многочисленных баптистов и пятидесятников, они поддержат того, кто ратует за сухой закон. Это был умный политический ход – перетянуть на свою сторону верующих.

Команда Эрла Финли на своей шкуре убедилась, что Хэмм из тех драчунов, кто не сдается. На каждый их удар он отвечал ударом. Когда в газетах появилась наскоро слепленная фотография Питера Уилера, сидящего на кукурузном поле за рулем трактора, Хэмм не заставил ждать ответного хода. На следующей пресс-конференции он выдал:

– Старый фермер Пит, наверное, удивился, собрав столько кукурузы той большой молотилкой номер четыре для пшеницы, за рулем которой сидел.

Утром 8 марта Сесилу позвонил Колман из рекламного агентства и, смеясь, сказал:

– Что ж, Сесил, ты вправе заставить меня съесть ворону.

– Ой, милый мой, не говори, я не меньше твоего удивлен.

В конце концов Хэмм Спаркс выиграл предвыборную гонку, а люди утратили теплое отношение к Питеру Уилеру. Однако на следующий день многие в штате проснулись с вопросом: «Кто такой Хэмм Спаркс?» К счастью для Хэмма, его оппонент от республиканцев, священник Делберт К. Уизенкнот, набрал очень мало голосов, а внешностью и повадками напоминал дикобраза. Но, даже несмотря на это, победа досталась Хэмму с огромным трудом. Может, Делберт и дикобраз, но зато дикобраз всем знакомый. Хэмм с Делбертом шли к финишу голова к голове, и Хэмм победил с крохотной разницей голосов. Честно говоря, он еле-еле проскочил, и то только потому, что в последнюю минуту ему оказали большую помощь. В отдаленных округах фермеры поддержали его на сто процентов, все как один. Позже в этот день, когда стало понятно, что он может проиграть, на удивление огромное количество коз, мулов, быков и телят явились на выборный пункт, чтобы отдать ему голос. Один черно-белый боров по имени Дружок Т. Бекон из округа Салливан проголосовал даже дважды. Но этот феномен был даже не столь удивителен, как другой: толпы покойников по всему штату внезапно восстали из мертвых и сунули свои имена в избирательную урну, и все ради Хэмма. Никто не знал по именам столько усопших, сколько знал Сесил Фиггз. Не будет

преувеличением сказать, что на многих избирательных пунктах голосование проходило в довольно свободной обстановке. Особенно свободной эта обстановка была на участках около Сент-Луиса, где жили итальянские и польские иммигранты. Парочка крепких парней, сидевших возле урны с бейсбольной битой, служила более-менее прочным гарантом того, что пришедшие отдадут свой голос Хэмму Спарксу.

Новая администрация

Дороти взяла за правило никогда не обсуждать в своей передаче политику и тем паче не хвастаться знакомством с известными людьми, но она так радовалась за Бетти Рэй, что не могла не отступить от правила. В начале января 1957-го перед оглашением победителя конкурса «Какой у тебя любимый праздник и почему», она сказала:

– Некоторые из вас уже знают, что нам с Доком и Мамой Смит повезло получить приглашение на инаугурацию нового губернатора, и могу только сказать: мы все страшно гордимся нашей первой леди Миссури. Она смотрелась красавицей в стильном розовом костюме, и все мы желаем ей самой-пресамой удачи!

Джимми тоже получил приглашение, но предпочел остаться дома и посмотреть его по телевизору с друзьями в Клубе ветеранов. И хорошо: это оказалось главным телесобытием года. Показали группу Отманов – целиком, включая Честера, ради такого случая облаченного в строгий костюм, и все они сидели на сцене позади Бетти Рэй. Во время церемонии Минни постоянно махала толпе большим белым носовым платком, и все время, пока Хэмма приводили к присяге, Честер на заднем плане поднимал и опускал брови, апеллируя к людям, сидящим в первом ряду. Это показывали в прямом эфире, каким-то образом звукооператор случайно нажал не на ту кнопку, и зрители, сидящие по домам, услышали, как режиссер в будке орет в наушники с микрофоном:

– Убери оттуда этого мудилу!

Не считая этих мелочей, все прошло успешно.

Утром 5 ноября случилось то, чего Бетти Рэй втайне боялась: ее разбудили и сказали, что она замужем за губернатором штата Миссури. Не одна она была потрясена. Множество других людей проснулись и осознали, что некий неизвестный экс-управляющий сельским хозяйством – ныне их новый губернатор. Но в первый день своего правления Хэмм совершил замечательный, а главное, весьма умный шаг. Перво-наперво он позвонил Питеру Уилеру и предложил пост при администрации. Уилер вежливо отклонил предложение, как и было предсказано Хэммом. Дальше последовал звонок Венделлу Хьюитту, другому проигравшему в предварительной гонке. Его спросили, не согласится ли он на пост министра юстиции штата. Хьюитт ответил утвердительно. Это хорошо. Несмотря на то что Венделла Хьюитта застукали в мотеле с блондинкой, в

народе он был популярен.

Второе, что Хэмм сделал, – это сэкономил кучу денег налогоплательщикам. В рамках программы «Избавимся от вредителей в кладовке» он объявил, что увольняет весь платный персонал губернаторского особняка и заменяет поваров, слуг, садовников и так далее на заключенных из тюрьмы штата. А еще все овощи на званных обедах будут выращиваться на участке позади особняка, а яйца и молоко будут от собственных кур и коров.

Про Хэмма можно было сказать только одно: он верен слову. Третьим его шагом было вернуть долг всем, кто ему помогал. Он создал человек двадцать друзей и с каждым поговорил отдельно. Никто не ушел с пустыми руками. Лерой Отман и «Парни от сохи из Миссури» были названы «музыкантами штата» и получили приглашение играть на всех приемах в доме губернатора, пока он у власти. Родни Тилмана назначили пресс-секретарем, а Сеймор Грейвел, еще один старый армейский друг, которому в жизни не повезло, получил должность руководителя службы безопасности и личного охранника. Эти назначения несколько удивили публику, однако всем было любопытно, как новая администрация отблагодарит Сесила Фиггза. Он ведь не политик. Чего он может хотеть от Хэмма?

Прошло несколько недель, и тайна раскрылась. Очень недовольный Родни пришел в кабинет Венделла с плохими вестями:

- Он только что назначил Сесила начальником протокола штата.
- Что? Нет такой должности – начальник протокола штата Миссури.
- Теперь есть. Отдал ему кабинет напротив.

Венделл с отвращением потряс головой:

– Господи Иисусе! Как будто и без того мало нам идиотов, не понимающих, что они делают. Так теперь еще Сесил Фиггз будет шаландаться тут четыре года.

А тем временем в Канзас-Сити Эрл Финли с десятком взволнованных людей сидел в отделении Демократической партии, жевал сигару, его пороссячьи глазки перебежали с одного лица на другое.

– Ну, мальчики, – сказал он, – что мы имеем в итоге? Продавец тракторов, бывшая госпел-певичка, гробовщик-педик и пьяница засели в губернаторском особняке. И как, черт подери, мы их оттуда вытурим?

Настоящая первая леди

Конечно, люди удивлялись, зачем преуспевшему в погребально-цветочном бизнесе Сесилу соглашаться на жалкую зарплату начальника протокола штата. Но причина у Сесиля была, и весомая. Достигнув вершины в своей профессии, он с годами все больше скучал и маялся. Мелкими похоронами он лично больше не занимался, только крупными и важными, но такие случались редко. Сесил жаждал чего-то грандиозного. Он любил музыку, любил световые эффекты и клиентов с хорошим вкусом. В этом году он так заскучал, что устроил пышный вечер памяти мисс Лили Мэй Колдуэлл, скончавшейся более десяти лет назад. Дама эта давным-давно придумала конкурс красоты «Мисс Миссури», и Сесил пригласил всех бывших Мисс Миссури на мемориальную службу, устроенную в театре, где короновали победительниц. Большинство девушек недолюбливали покойную, однако прибыли. А куда им было деваться? Мероприятие снималось для телевидения, и, не показавшись на сцене, бывшая Мисс подпортила бы свою репутацию. Поминальная служба стала событием. Вести его Сесил пригласил Берта Паркса, а за музыкальное оформление отвечали оркестр и двадцать четыре церковных хора со всего Канзас-Сити, все в специально пошитых по такому случаю костюмах – синих бархатных жакетах с вышитой золотом короной Мисс Миссури. Десять последних Мисс Миссури представили номера, с которыми когда-то выступали, а остальных вызывали одну за другой. Когда все дамы стояли на сцене, Сесил подал знак и вверх взмыли двадцать пять белых голубей, под потолком раздвинулся гигантский портрет Лили Мэй Колдуэлл, и Карен Бо Бо, бывшая Мисс Миссури, запела «Я лестницу до рая дотяну». Эта феерия чуток развлекла Сесила, но вскоре он снова затосковал. Сесилу требовался простор для деятельности, и теперь благодаря инвестиции в предвыборную кампанию Хэмма перед ним открылась сцена величиной в целый штат.

Вступив в должность, он первым делом настоял на смене формы военных. Ворвался в особняк губернатора с театральным костюмером и вывалил на стол гору эскизов для спектакля «Принц-студент». Сесил объяснил приглашенным на торжественный завтрак изумленным сенаторам, что хочет упразднить нынешний серо-бурый ужас, в котором ходят военные, и заменить его на лазурную форму, с красными лампасами и золотыми пуговицами. Но взять нахрапом сенаторов не удалось. Целый

день Сесил обрабатывал политиков и к вечеру выбил из них одобрение на парадную форму губернаторского почетного караула. Однако сенаторы поставили три условия:

- 1) Никаких сабель.
- 2) Никаких перьев.
- 3) Никаких белых ботинок.

Сесил погоревал по этому поводу, но не особо: как-никак он получил свой почетный караул. И через несколько дней резиденцию губернатора оккупировали толпы модельеров, затопивших все помещения рулонами ткани. Ради сокращения расходов в губернаторском доме работали одни заключенные. Повара, включая женщин, были все как один убийцами, впрочем, как и все горничные и садовники, компанию им составляли воры и один многоженец. Но Сесилу не было дела до преступного прошлого услуги, главное, чтобы их униформа сияла белизной, а сами они были аккуратны и подтянуты. Повариха Альберта Питс, прикончившая своего дружка ножом для колки льда, предпочитала заниматься готовкой босиком, но Сесил строго-настрого запретил ей снимать обувь. Указание его изрядно огорчило Альберту, и по дому пополз шепоток, что дни Сесила сочтены.

Но он ничего не замечал. Сесил грезил о том, как администрация губернатора Спаркса поразит высокопоставленных гостей из других штатов, и дел у него было по горло. Да большая часть губернаторских помощников до сих пор разгуливали в коричневых туфлях и белых носках! Сесил Фиггз и модельерская свита неистово металась по резиденции, сдергивали шторы, вешали новые, приставали к каждой мужской особи, чтобы та немедля вставила в петлицу свежий цветок. К концу месяца нервы у чиновников не выдержали и Родни Тилмана командировали с жалобой к Хэмму.

Но Хэмм лишь отмахнулся:

- Пусть развлекается, он заслужил.
- Черт, Хэмм, он весь персонал с ума сведет, – сказал Родни.
- Это их проблема. Придется научиться с ним ладить. Он никого не обижает.

Родни ничего не добился. По неизвестным причинам Сесил получил карт-бланш на любые безумства. И если хочешь достучаться до губернатора, то начинать следовало с Сесила.

Конечно, не обошлось без шуточек. Народ хихикал, что настоящая первая леди – это Сесил Фиггз, но вечно занятому Хэмму было не до сплетен. Сесилу же хватало забот о том, чтобы «придать немного лоска губернаторскому особняку». Ежедневно он сетовал насчет запрета Хэмма

на алкоголь: мол, это позор – подавать только лимонад и сок президенту и первой леди Франции во время их визита. Сесил изводил всех и вся и только к Бетти Рэй не приставал: щадил.

А Бетти Рэй радовалась, что Сесил вместо нее планирует вечеринки и ведет себя как хозяин или, вернее, хозяйка, развлекая многочисленных гостей. Что есть кому заниматься делами, в которых она не смыслит. Хэмм, правда, обещал, что ее не будут дергать, но все же иногда приходилось принять участие в важных событиях. Сесил обращался с подобной просьбой только в случае крайней необходимости.

– Милая моя, – говорил он, глядя на нее своими большими глазами, – тебе нужно выйти хотя бы на минутку. Как-то будет неправильно, если ты совсем не появишься.

И Бетти Рэй выходила к гостям, ежась от неловкости, и старалась соответствовать, а сама поджидала сигнала Сесила, чтобы ускользнуть.

Ей удавалось остаться на заднем плане, так что роль первой леди оказалась не такой уж невыносимой. Ее даже мало кто узнавал. Когда Сесил повел Бетти Рэй в магазин купить платье для инаугурации, одна дама подошла и спросила:

– Мисс, нет ли у вас такого же, только четырнадцатого размера?

А другая любопытствовала, какие у них в наличии черные вечерние платья без рукавов.

Некоторые особо злобные репортеры утверждали, что у Бетти Рэй нет и намека на харизму первой леди. Мало кто слышал, чтобы она вообще что-то произносила, кое-кто даже засомневался, умеет ли она говорить. Но пуще всего Бетти Рэй не нравилось, что детям приходится расти в замкнутом мире губернаторской резиденции. Будто в аквариуме. Вечно на виду, для себя момента не выберешь. Люди толпились в доме днем и ночью. Нельзя спуститься в кухню воды попить, чтобы не наскочить на группу туристов. И никуда не выйдешь без охранника. Но Бетти Рэй не жаловалась. Хэмм никогда не был так счастлив. В конце концов, это же всего на четыре года. После окончания срока он пообещал вернуться к нормальной жизни и купить им дом. Ради этого можно и потерпеть.

Электрическая компания, Миссури, 1959

В первые два года своего губернаторства Хэмм доказал, что он не такой уж сосунок в политике, и методично ворошил осиные гнезда. Он был твердо настроен выполнить предвыборные обещания, особенно по части экономии денег налогоплательщиков. Он расстроил «полубовную сделку» Эрла Финли с компаниями по производству бетона и гравия и отдал контракты производителям, предложившим самую низкую цену. Он пристально изучил деятельность компаний, предоставляющих коммунальные услуги, и велел провести по всему штату опросы жителей, чтобы выяснить, насколько эффективны коммунальщики. Элмвуд-Спрингс был одним из первых в списке.

Тощий молодой человек лет двадцати в белой рубашке с коротким рукавом, широких коричневых брюках, с галстуком-бабочкой на резинке и в черных ботинках, как у почтальона, взошел на крыльцо и постучал. Никакого ответа. Снова постучал. Через окно он видел, как в глубине дома, на кухне, спует старушка. Она его упорно не замечала, но ему требовались еще три анкеты, поэтому он обошел дом, постучал и толкнул заднюю дверь.

Старушка изумленно уставилась на него:

– Ой, это кто ж...

– Мэм, я стучал, но вы, должно быть, не слышали.

– Погоди-ка, – ответила старушка, – сбегая за слуховым аппаратом. –

Через минуту она вернулась: – Чем могу быть полезна? Что-то продаешь?

– Нет, мэм, я из...

Не дав ему закончить, она потянула его через порог:

– А входи-ка. Ты ж не серийный убивец, правда? А то мне таких в кухню нельзя впускать. Я обещала племяннице, Норме, что никаких серийных убийц в дом не допущу.

– Нет, мэм, я собираю...

– Да ты садись.

– Спасибо. Я собираю...

– Кексика покушаешь?

– Нет, спасибо, мэм.

– Уверен? Только испекла.

– Нет, мэм.

– Не против, если я скушаю? – Старушка взмахнула ножом.

– Нет, мэм, что вы. – Гость неотрывно следил за лезвием.

Потом сел и открыл большую кожаную сумку.

Старушка отрезала кусок кекса, положила на тарелку и достала вилку из буфета.

– Уверен? На этот раз, кажись, удался. В прошлый раз получилось паршиво... – Она глянула на бумаги, которые он разложил на столе. – Ты в школе учишься?

– Нет, мэм. Уже отучился. Я собираю анкеты для Отдела потребителей электрической компании Миссури. И хотел бы задать вам несколько вопросов. Можно?

Она вдруг воодушевилась:

– А за правильные ответы мне положен приз?

– Нет, мэм, это обычный информационный опрос. Для учета потребления.

Несколько разочарованная, она села к столу:

– Ну ладно, давай. Спрашивай.

– Имя?

– Первое имя Элнер, второе Джейн, а третье фамилия – Шимфисл.

– Дата рождения?

– Ну, скажем, между 1850-м и 1890-м, где-то так.

Он записал: «Дата неизвестна».

– Мисс или миссис?

– Миссис Уилл Шимфисл, овдовела в пятьдесят три.

– Сколько проживающих в доме?

Она задумалась.

– Пятеро... Кот, я и три мыши.

Он выдавил слабую улыбку, зачеркнул цифру «5» и поставил «1».

– Род занятий?

Она непонимающе смотрела на него. Он наклонился к ней и сказал погромче:

– Миссис Шимфисл, чем вы занимаетесь?

Элнер долго обдумывала, затем ответила:

– Да просто живу, наверно, чем же еще-то. Разве не все этим занимаются?

– Нет, мэм, я имел в виду, работаете ли вы где-то, вне дома?

– А, тогда ясно, к чему ты клонишь. Ну, в саду понемногу и за курицами смотрю. Когда-то я много чего делала во дворе, но теперь муж моей племянницы, Мак, приходит каждую субботу, стрижет траву и кусты

подрезает. Норма не велит мне брать в руки ничего острее резинового шланга, так что поливать я поливаю, когда необходимо.

Он записал: «Не работает».

– Это ваш собственный дом или арендуете?

– Собственный, милоч, оплаченный сполна. Мой муж, Уилл, сказал: «Элнер, не позволяй втянуть себя в какую-нибудь ипотеку, когда я помру», и когда я продала ферму, то просто заплатила всю сумму наличными, и никаких тебе ежемесячных выплат. Плачу только налоги.

– Сколько у вас в доме электрических приборов?

Лицо старушки посветлело:

– О, вот хороший вопрос. Целая куча. Давай думать... Ну, все лампочки, конечно. Плита. Холодильник. Тостер. Кофейник. Радио, вот еще что. Потом... погоди-ка, нет, холодильников-то у меня два. Второй на веранде со двора, но он не включен в розетку. Это считается?

– Нет, если вы им не пользуетесь.

– Но он работает, верней, работал когда-то. Я сказала Норме, что вообще-то он мне не нужен. Я много консервирую, и в новом холодильнике места полно, а во втором я просто храню семена для птиц и все в таком роде. Подумываю, не отдать ли его каким-нибудь бедным людям. А что, пожалуй, так и поступлю. Они будут рады, правда?

– Да, мэм. – Молодой человек попытался сдвинуть дело с мертвой точки: – А сейчас...

– Погоди-ка, я еще не закончила. Значит, лампочка на крыльце, стиральная машина, фен, кондиционер. Иногда я его включаю, когда у меня...

– Хорошо. А как насчет газа?

– Что?

– Газовые приборы у вас имеются, вы пользуетесь газом?

– А надо?

– Да нет... Не обязательно. Так что мы можем сказать, что вы предпочитаете электричество газу?

– Вряд ли мы можем так сказать. Я точно не знаю. Просто у меня нет газовых никаких штук, только электрические.

Он написал: «Да».

– Миссис Шимфисл, как бы вы оценили, ежемесячная плата за электричество по вашим счетам слишком высокая, средняя или низкая?

– Вот еще один хороший вопрос. Хмм... Я бы сказала, она справедливая. Честно говоря, за свои деньги я получаю гораздо больше благ, так что это выгодная сделка. Не лови меня на слове, но я бы платила

больше, если бы попросили, только не записывай. Я не хочу, чтобы они повысили мне плату. Это между нами.

Он подчеркнул «низкая».

– Могли бы вы сказать, что пользуетесь электрическими приборами больше среднестатистического гражданина?

– Вообще-то я считаю, что электричество – это лучшее, что можно купить за деньги, сравнимо разве что с искусственным оплодотворением или операцией на сердце. Я упоминала электрическую сушилку в ванной?

– Нет, мэм, но...

– Запиши. Знаешь, иногда я думаю о ценности. Ты думал, как люди ее вычисляют, а?

– Что, мэм?

– Как люди считают ценность того или другого? Ты знаешь, что автомобиль стоит дороже, чем к врачу сходить и завести себе ребеночка? Кто, скажи на милость, высчитал, что машина дороже ребенка, вот что мне интересно. Муж моей соседки, Мерл, поехал в Техас, и врач вставил в него новый сердечный клапан, чтобы он не умер, и стоило это меньше, чем дом-прицеп. А доводилось ли тебе слышать, чтобы дом-прицеп спас жизнь хоть одному человеку?

– Нет, мэм, но...

– Вот то-то и оно, что не приходилось. Я говорю: Вербена, что бы ты предпочла иметь – новый дом-прицеп или своего мужа? Да ты бы даже не порадовалась этому трейлеру, если бы твой муж помер, правда? И пришлось ей признать, что я права. Вот я и говорю: сердечный клапан гораздо ценнее прицепа, согласен?

– Да, мэм. У меня еще несколько вопросов.

– Но ты-то пока молод, и тебе еще долго не понадобится сердечный клапан, однако когда понадобится, то подумай вот о чем. Подумай, сколько стоит этот сердечный клапан, что не больше моего большого пальца на ноге, и какой здоровенный этот дом-прицеп. Можно приобрести что-то огромное, но это не заставит биться твое сердце... Так, о чем я, то бишь?

– Мэм...

– А, вот о чем. Электричество – это самая ценная штука, хоть и невидимая!

Он увидел просвет и ринулся в него:

– Так можете ли вы сказать по поводу электрообслуживания, вы совершенно удовлетворены, средне или вообще никак?

– Я бы сказала, что в крайней степени удовлетворена, удовлетворена сверх-самых-диких-ожиданий, вот как. В 1928 году моя сестра Герта

сказала: «Вот погоди, доберется электричество и до твоей фермы». И помню, когда к нам впервые протянули провода и в доме появился свет, ох какое это было счастье. Не представляю, как мы раньше без него жили. Ты там своим в электрической компании скажи, что я считаю электричество чудом из чудес. Ты вообще представляешь, насколько мы от него зависим? И я вот что тебе скажу. Я считаю, что Томас Эдисон – второй по важности человек после Иисуса, живший на земле, без никаких. А у нас даже праздника в его честь нету. Святому Патрику выделили день, а он всего лишь изгнал кучку змей из Ирландии. А Томас Эдисон осветил весь мир. Если бы не он, мы до сих пор сидели бы во тьме со свечкой, и мы не празднуем его день рождения! Мудрец из Менло-Парка^[24] не имеет даже своего праздника.

Молодой человек принялся запихивать бумаги в сумку:

– Да, мэм, вы правы.

– Ты слишком молод, чтобы помнить, но я помню день, когда он умер, а было ему тридцать один. Все на минуту выключили свет, чтобы почтить его память. После чего совершенно о нем забыли. А я вот его не забыла. Знаешь, что я делаю каждый год в день рождения Тома?

– Нет, мэм.

– Я включаю все, что у меня есть, – все лампочки, стиралку, фен, радио, телевизор, и целый день все работает. И я говорю: с днем рождения, Том. Вот видишь, как я высоко ценю мистера Томаса Эдисона.

– Спасибо за уделенное время, мэм. – Молодой человек встал, собираясь уходить.

– Позволь задать тебе вопрос... А в этой вашей электрокомпании штата Миссури висит на стене фотография Томаса Эдисона?

– Что-то не припомню, чтоб висела, мэм.

– Видишь, о чем я? Никто из них не имел бы работы, если бы не старина Том Эдисон, а они даже портрет не повесили.

– Да, мэм. – Он дюйм за дюймом продвигался к двери.

– Я на все вопросы ответила? Это все?

– Да, мэм.

– А-а... И как я справилась?

– Отлично справились.

– Выше среднего?

– Я бы сказал, гораздо выше.

– Погоди-ка, я тебе инжиру и слив дам. – Она встала, вынула мятый коричневый бумажный пакет из ящика и принялась наполнять его свежими ягодами. – Ты не гляди, что мятый, разок всего-то использовала, он чистый,

и микробов, не бойсь, нет, можешь прямо немытыми кушать. Я их не опрыскиваю. Я так считаю, уж если червячки до них первыми добрались, то и на здоровье. Мне и так много остается. Так много, что раздавай – не раздашь все, а чтоб портилось, я не люблю, ненавижу выбрасывать, а ты? Та к что я тебе побольше суну, для мамы твоей. Ладно?

Изумленный, он взял пакет и пошел к двери:

– Спасибо, мэм.

– Не за что. И желаю вам всего наилучшего с вашим проектом. Только вели им повесить фотографию Тома Эдисона на стену.

– Да, мэм, обязательно скажу.

Не успел он открыть дверь, она кинулась следом:

– Эй, я кое-что забыла. Запиши еще электрическое одеяло. Добавь в мой список, ладно? А еще вот что, тебе бы пойти к Норме, предложить ей тест. У нее полно всякого оборудования. Она в двух кварталах отсюда, Вторая авеню, 212. Только не говори, что я тебя послала. Она до сих пор злится за женщину из страховой компании.

– Да, мэм, – пробормотал он, но беседовать ни с какими ее родичами не собирался. Вдруг они все сумасшедшие.

Яхта

Если не считать принудительного ношения обуви и букетика в петлице, все заключенные, конечно, были довольны, что живут в особняке губернатора, а не в тюрьме. Сесил Фиггз, получивший возможность планировать все важные общественные события, и вовсе порхал жаворонком. Но никто из помощников не наслаждался жизнью больше, чем Родни Тилман. Он хорошо скакнул вверх с продавца подержанных машин на пост заведующего связями с общественностью при губернаторе и пользовался положением по полной программе. Однажды ворвался к Хэмму в кабинет с видом кота, слопавшего канарейку, и сказал:

– Привет, Хэмбо, не хочешь ли обзавестись яхтой?

Хэмм оторвался от бумаг:

– Яхтой? Какой яхтой?

– Большой. – Родни достал из кармана рубашки и шваркнул на стол Хэмму фотографию новенького круизного катера длиной в тридцать пять футов.

Хэмм поглядел на нее и улыбнулся:

– Ты же знаешь, я всегда мечтал о яхте. А что?

– А то, дружище, – он перегнулся к нему через стол, – я знаю парня, который прям жаждет тебе такую отдать.

– Отдать? За что?

– Он понимает, в каком напряжении ты все время находишься и как тебе нужно место, куда можно прийти и расслабиться, удрать от всего. На яхте, которую он так жаждет тебе отдать, есть койки для восьми человек, и побегит она до Флориды или до Багам – запросто, в любой час дня и ночи.

– Что за парень?

– Один из твоих больших поклонников... который хочет сделать для тебя что-нибудь хорошее.

– Да что с тобой такое, Родни? Пока я губернатор, я не могу принимать ни от кого подарки, ты же знаешь.

– К черту, Хэмбо, это я знаю... Но есть много способов ошкурить кота. Представь, держал бы он эту яхту где-нибудь в лодочном сарае, а тебя просто катал, когда тебе захочется. Так-то можно?

Хэмм глядел на него с подозрением:

– Слушай, Родни, звучит как-то сомнительно.

– Да нет, это ты послушай. Представь, он дал бы мне ключ от этого

сарая, чтоб я для тебя ее придержал, пока ты не перестанешь быть губернатором и не сможешь принять этот дружеский подарок. – Родни откинулся на спинку стула и закинул руки за голову. – А покамест тебе нет нужды даже знать имя хозяина. Считаю, я просто позаимствовал ее у друга одного друга.

Хэмм не мог оторвать глаз от яхты. Он не собирался принимать такие подарки, но красавица была великолепна, а для человека, который никогда не имел больше шестидесяти пяти долларов в неделю и не надеялся, что сможет себе позволить нечто подобное, соблазн был велик. Он оттолкнул от себя фотографию:

– Передай ему огромное спасибо, но нет.

Родни пожал плечами:

– Ладно, я просто подумал, сколько радости твоим ребятишкам доставит такая игрушка. Ты, конечно, поступай как знаешь... но я бы на твоём месте не стал так пристально разглядывать зубы у дарёного коня. Какой смысл в губернаторстве, если не можешь даже получить удовольствие?

Он вышел, оставив снимок на столе Хэмма. Неделю Хэмм то и дело вытаскивал фото из ящика и смотрел. На второй неделе он позвонил Венделлу Хьюитту, министру юстиции, и спросил:

– Слушай, если я как губернатор на время позаимствую у кого-то яхту, это будет нелегально?

Венделл ответил:

– Нет, а что?

– Просто интересно.

На четвертой неделе Хэмм решил, что ничего страшного не случится, если он просто съездит посмотреть на нее. Друг одного друга так надеялся, что он примет подарок, что даже имя ей дал. Увидев на борту надпись «БЕТТИ РЭЙ», Хэмм влюбился в нее.

Венделл, поехавший с ними в тот день, тоже заметил название и, не будучи дураком, сказал:

– Ничего мне не говорите, мальчики. Я не хочу знать. Я приехал покататься.

Хэмм не знал, но другом одного друга был мистер Энтони Лео из Сент-Луиса, благодарный губернатору за то, что смягчил его брату наказание за убийство, заменив смертную казнь на пожизненное заключение. Родни в тот день принес ему прошение о помиловании и очень нервничал, пока Хэмм не подписал. Венделл, который всегда консультировал Хэмма, согласился с его решением: в конце концов, убитый

не был невинной жертвой, он был такой же бандит, как его убийца.

Хэмм сказал:

– Может, он оказал штату услугу.

Но оба они, сами того не ведая, оказали услугу Родни: с того списали довольно большой карточный долг. Хэмм тоже не был глупцом. Он не собирался ни от кого принимать подарки, и никому о «БЕТТИ РЭЙ» не рассказывал, кроме самых близких людей, которым доверял. Но яхтой пользовался при всяком удобном случае.

Однажды, когда они с Родни отправились прокатиться по реке Миссури, попить вина и выкурить по хорошей сигаре, Хэмм сказал:

– Знаешь, Родни, я тут подумал, когда закончится мой срок, хорошо бы нам с детишками и женой иметь уже наготове приличный дом, куда мы могли бы сразу переехать. Как бы в кредит. А когда найду хорошую работу, я смогу его оплатить. Что думаешь?

Родни сказал:

– Ну, это я смогу устроить.

– А то, понимаешь, переезжать в съемный домишко бывшему губернатору как-то не к лицу, правда?

– Да, согласен. Какой, по-твоему, дом подошел бы бывшему губернатору?

Хэмм поразмыслил.

– Чтобы соседи хорошие, детишкам было где побегать, может, что-нибудь из красного кирпича, с большой верандой, в таком роде. Как считаешь?

– Да, звучит славно. Давай поразнюхиваю вокруг, посмотрим, что отыщется.

– И машину. Может, из этих, новых, «де сото»?

– Без вопросов. Цвет?

– Синий.

Синий был его любимый цвет. В конце концов, как сказал Родни, какой смысл быть губернатором, если не можешь получить удовольствие.

Радуги и торты

Дороти была очень счастлива. Оба ее чада нашли себе замечательных супругов, уже подарили ей трех красивых внучат, и Анна Ли только что позвонила и сообщила, что опять беременна. Так что сегодня Дороти так и лучилась счастьем.

– Всем доброго утра. Надеюсь, сегодня вас всех переполняет энергия, ведь знаете, какой нынче день? Торты, торты и еще раз торты – таков лозунг ежегодного конкурса тортов «Голден флейк», и в честь него Мама Смит сыграет песню «Сказал бы, что придешь, – я бы тортик испекла». Так что, дорогие дамы, – и их мужья, если вы тоже слышите нас, – убедитесь, что все необходимое у вас под рукой. Каждая секунда на счету. Приготовились. И – включайте духовку! Конкурс начался! А теперь, пока вы ждете, чтобы разогрелась духовка, позвольте еще раз напомнить вам правила. Только один торт от каждого конкурсанта. Когда ваш торт будет готов и остынет, несите его в Клуб ветеранов, где его оценят судьи.

Всем удачи, а вы, любители сладкого, помните, что после оценки судьями все торты отправятся на распродажу, это случится около двух часов дня. Выручка пойдет в помощь полицейским и пожарным всего штата Миссури. С судьями в этом году нам очень повезло. Из самого Поплар-Блаф приехал мистер Джек Манн, президент компании «Голден Флейк Фло», а также миссис Эдит Вейгл Пул, автор сборника рецептов «Торты на каждый день», она внесена в реестр «Кто есть кто в домоводстве», и, наконец, ваша покорная слуга. Приходите на нас поглядеть – будет весело!

Крапивники, дрозды, лазурные птицы^[25], кардиналы, колибри, рисовые птицы, зяблики – всех этих пернатых наблюдала в этом году в Уолнат-Шейд наша орнитолог Эмма Хенсон, а миссис Джоанн Олт из Вудлоуна, Миссури, пишет:

Дорогая Соседка Дороти,

Я прочитала хорошую книгу и хотела бы поделиться ею с вашими читающими слушателями, она такая смешная! «Дюжиной дешевле» Фрэнка Гилбрета Младшего и Эрнестины Гилбрет Кэри.

Хорошо, спасибо. Вообще я люблю рекомендовать книги веселые и с хорошим концом. Слишком много в мире грустного, просто не хочется на

этом заикливаться. Наверное, я как страус – прячу голову в песок. Не признаю факты. Ученые пытаются навязать нам знания, из чего состоит луна, что такое звезды... и от чего радуги... Но я не желаю этого знать. Когда я загадываю желание на падающей звезде, мне не надо знать, из чего она сделана, пусть до этого докапываются мужчины, а мне лично без разницы. Красиво – и спасибо. Никогда не устаю любоваться луной. То она маленькая и круглая, как блестящий холодный мраморный шарик, а то большущая, желтая, тихая. Разве можно заскучать, когда природа дарит нам столько удивительного. С этими словами я перехожу к следующему письму. Оно от миссис Энн Картер из Рэптона, Миссури.

Дорогая Соседка Дороти,

Вы когда-нибудь задумывались, что на конце радуги? Хочу поделиться, что со мной произошло. Вчера мы с семьей поехали за город, отгремела короткая гроза, и тут мой сын заметил огромную радугу, она пересекала все небо. Конец ее упирался будто бы прямо в шоссе впереди нас. Я помчалась к этому месту на полной скорости, там мы все вышли из машины, и когда поглядели друг на друга, наша кожа прямо светилась радужными цветами – розовым, голубым и зеленым. Мы не могли поверить глазам. Мы натурально стояли в радуге. Если это не чудо, то что тогда чудо? Господь в тот день благословил меня и мою семью, и я никогда этого не забуду.

Мама Смит сыграла «Где-то под радугой».

– Спасибо, что поделились с нами этой красивой историей, миссис Картер. Теперь всякий раз буду вспоминать, как вы и ваша семья стояли под радугой!

Дорогие мои, позвольте вас спросить, разве жизнь не чудесна?

1960-e

Цыплята возвращаются в родной курятник

После окончания учебы Бобби устроился учителем в «Франклин Пирс», небольшой колледж в Риндже, Нью-Хэмпшир, и им с Луис выделили скромный домик на озере. Хотя зарплата была невелика, какое-то время все у них складывалось хорошо. Им нравился колледж, но поскольку оба они были с юга Миссури, где народ не привык к холодным зимам, в первый год они едва не замерзли до смерти. К тому же после Кореи долгие снежные месяцы наводили на Бобби тоску, и он принялся искать место потеплее. Разослал запросы о работе в Аризоне и Калифорнии, но предложения поступать не спешили, а они тем временем ждали первого ребенка. В каникулы пара отправилась домой в Миссури. Неделю провели у родителей Луис, неделю – у Дока и Дороти.

Пока гостили в Элмвуд-Спрингсе, позвонил старинный друг – мистер Чарли Фаулер, птичий инспектор, и напросился в гости. Они не виделись несколько лет, и Бобби обрадовался. Чарли был на их свадьбе и привез замечательный подарок. В этот вечер Дороти приготовила его любимую тушеную свинину с картофельным пюре, и, отведав, Фаулер сказал то же, что говорил всегда:

– Дороти, не берусь утверждать, но думаю, свинины вкуснее ты еще не делала.

После обеда, когда мужчины вышли курить, Фаулер спросил Бобби, не против ли тот поговорить.

– Нет, конечно, – ответил Бобби.

Они устроились в садовых креслах возле качелей и наслаждались чудесным вечером. Солнце стояло еще высоко. В этом году весна пришла рано, и яблоня была усыпана розово-белыми цветками, вьюнок, оплетающий старый забор и стену гаража, тоже всю цвел. Из окна соседнего дома высунулась Руби Робинсон:

– Скажи маме, что у нас уйма лишних помидоров, если ей нужно.

– Да, мэм, скажу, – кивнул Бобби.

Он гадал, зачем мистер Фаулер позвал его, однако не спрашивал – скоро узнает. Чуть погодя гость сказал:

– Потрясающая у тебя жена.

– Спасибо, сэр.

– Я давно знаю вашу семью. Смотрел, как вы с сестренкой росли.

– Да, сэр.

Фаулер откашлялся.

– Знаешь, будь у меня сын твоего возраста, который только начинает свой путь, я бы сказал это ему. Но поскольку такого не имеется, скажу тебе. Юный Роберт, мы – ты и я – должны прекратить клевать зерно на птичьем дворе посредственности и заурядности и рискнуть полетать с орлами в мире большого бизнеса. Поэтому несколько лет назад я начал выкупать доли на куриных фермах. Однажды я просто увидел, как передо мной зажглась надпись. Знаешь, что там было написано? А вот что: Чарли, куриный бизнес на пороге перемен. Миру уже нужны не только яйца. Миру нужны жареные-куры-на-вынос, и лучше поспедай запрыгнуть в этот поезд, пока он не набрал ход. – Он наклонился к Бобби: – Итак, сынок, это строго между нами, но я только что подписал контракт с одним парнем из Кентукки, чтобы снабжать его курами. Ты не пойми меня превратно, я пока не зарабатываю, но я слежу за этим парнем и за тем, как он разворачивает дело, и не удивлюсь, если вскорости он откроет еще одну точку.

– Правда?

– Ага. И все это отлично стыкуется с моей теорией о будущем.

– С какой теорией?

– Количество, – сказал он с нажимом. – Не качество. Скорость, а не вежливость. Вот секрет быстрых денег в наши дни, малыш. Мы живем в век высоких скоростей. Люди предпочитают есть на ходу. Быстро, дешево и много – вот что сегодня людям нужно.

Бобби кивнул.

– Короче, юный Роберт, дело такое. Я подыскиваю себе для работы хорошего партнера – чтобы личностью был, умел разговаривать с людьми, и сдается мне, ты как раз такой человек. Только скажи – и работа твоя.

Бобби был польщен, но он ничего не смыслил в курах.

– Я очень благодарен вам, мистер Фаулер, но...

– Так вот, прежде чем обговоришь это с женой, – оборвал его мистер Фаулер, вытаскивая из кармана блокнот, – я напишу, сколько ты можешь ожидать от такой работы в первый год. И это только начало, заметь. – Он начеркал цифру, вырвал листок и протянул Бобби. – Конечно, придется тебе переехать, но оно того стоит. И даю тебе слово, сынок, если у меня дела пойдут, то пойдут и у тебя.

Число, написанное Фаулером, было вдвое больше нынешней зарплаты Бобби.

На следующее утро, когда Монро заскочил к ним выпить кофе и Бобби показал ему листок, Монро, верный лингвистическим привычкам, сказал:

– Ух ты... денюга-то серьезная.

Бобби разрывался. Он не хотел оставлять преподавание, но на подходе у них малыш, а учителя мало где требуются... Бобби решил поговорить с Луис. И они сошлись на том, что надо уезжать из холодного Нью-Хэмпшира и принять предложение мистера Фаулера – была не была.

Пропавшая челюсть

Тот Хутен никогда не встречалась с Чарли Фаулером, но как-то раз Мама Смит, зайдя в салон подкрасить волосы в лиловый цвет, обмолвилась о новой работе Бобби. И Тот сказала:

– Что ж, надеюсь, у него все получится. Но чем бы в жизни ни занимался, всегда может что-то пойти не так, это пятьдесят на пятьдесят. – Она выскребла краску из чашки на голову Мамы Смит и добавила: – У меня лично, впрочем, другая статистика: не пятьдесят, а все девяносто девять процентов, что что-то пойдет не так.

У Тот, наверное, сработало предчувствие.

В понедельник Норма Уоррен отвезла свою старшую дочь, одиннадцатилетнюю Линду, на неделю в Поплар-Блаф к бабушке, Иде Дженкинс. К неудовольствию Нормы, после смерти отца ее мать взяла ноги в руки и удрала в Поплар-Блаф, якобы поближе к пресвитерианской церкви.

– Теперь я вдова, – объясняла Ида, – и хочу быть с близкими мне по духу людьми.

Норму обидело, что матери какие-то пресвитерианцы ближе родной дочери, но долго она не переживала – у нее осталась тетя Элнер, хоть и хлопот та доставляла немало. По понедельникам Норма устраивала себе день красоты. Она как раз наложила витаминную маску на лицо, когда снова – в третий раз за час – зазвонил телефон. Отвечать Норма не собиралась, но телефон все трезвонил и трезвонил, и в конце концов пришлось снять трубку.

– Да, тетя Элнер, – сказала она как можно приветливее, стараясь поменьше шевелить губами, но это оказалась не сама Элнер, а ее соседка Вербена, звонившая из своей химчистки.

– Норма, это я. Слыхала, что случилось с Бедняжкой Тот?

– О боже. Что на сей раз?

– Ты ведь знаешь Рошель, ассистентку дантиста, ту толстунью, что выпивает иногда с доктором Орром?

– Да, и что она?

– Они, похоже, на выходных потеряли верхнюю челюсть Тот. Задавали жару в офисе небось.

– В каком смысле потеряли?

– В пятницу доктор Орр выдернул у Тот зубы, снял слепок челюстей для протеза и велел приходить в понедельник, мол, будет готово. Утром она

задами проскользнула к нему – не дай бог кто ее увидит такую беззубую, – села в кресло и сидит. Говорит, не могла прямо дождаться, когда ей выдадут эти новые зубы. Доктор Орт вошел, и тут бы ей понять, что что-то не так, потому что от него, понимаешь, разило, в общем, он ей: «Открывайте» – и пытается воткнуть в нее верхнюю-то челюсть, а та никак, не лезет, хоть тресни, он, значит, орет: «Дьявол, Рошель, это не ее челюсть!» – а потом Тот: «Ждите, никуда не уходите!» – а сам уходит и там орет, ругается, в общем, минут через пятнадцать вернулся и говорит: «Тот, простите, ваши зубы, наверное, по ошибке выкинули. Я сделаю новый слепок, и начнем сначала».

– О нет.

– О да. Короче, представь, как Тот взбесилась. Неизвестно же, чьи зубы он пытался засунуть ей в рот. Да к тому же именно на этой неделе она собиралась пойти в это новое заведение попробовать зубатку. Представь, попробовать зубатку без зубов. Или грызть кукурузу с початка.

– Ужас.

– И знаешь, что самое поганое?

– Что, еще не все?

– Кажется, Джеймс погуливает от Тот к этой Рошель. Мерл мне сказал. Он их видел на шоссе в старом клубе «Каса Лома», они никого не замечали, целовались и все такое.

– О, бедняжка Тот.

– Считаю, что это саботаж. Спланированный саботаж. Думаю, эта девка просто выкинула ее зубы, чтобы Тот дома осталась, а Джеймс пошел бы в ресторан с ней. Только учти, я ей ничего не говорила.

– Бедняжка Тот.

– Ой, ну в самом деле. Не одно, так другое. То мамаша ее дом подожгла, теперь это. Удивительно, как она находит в себе силы вставать по утрам.

Норма умылась и снова нанесла маску. Надо заботиться о своей внешности. Она не хотела, чтобы Мак сбегал в «Каса Лома» или еще куда с другой женщиной.

Праздничное шествие

К сожалению, и к Бетти Рэй жизнь повернулась не слишком хорошей стороной. Хэмм не сдержал слова и в 1960-м попытка остаться губернатором на второй срок. И снова рассыпалась ее мечта о собственном домике. Но даже она понимала, что его политическая карьера – как поезд, мчащийся на всем ходу, поди останови. Хэмм был на вершине популярности и объяснял, что не баллотироваться сейчас, на гребне волны, будет пустой тратой времени и вложенных сил – вся его работа пропадет. Умолял, обещал, что если победит, то этот раз точно будет последним.

– В любом случае, дорогая, – убеждал он, – закон штата запрещает сидеть в кресле губернатора три срока подряд. Дольше чем на два я все равно не смогу остаться. Какие тебе еще гарантии?

Несмотря на крах собственных надежд, Бетти Рэй видела, как от Хэмма зависят люди и как он расцветает под грузом всей этой ответственности. Из Хэмма получился потрясающий губернатор, и она гордилась им и радовалась, что он счастлив, хотя и скучала по мужу.

Радовало и другое: в этот раз его рейтинг в предвыборной кампании был настолько высок, что ей с детьми не пришлось ездить за ним хвостом. Да никакой кампании, по сути, и не было, и Эрл Финли, как ни злился, вынужден был сидеть и ждать еще четыре года, чтобы снова взять штат в свои руки.

Когда Хэмм одержал полную победу на выборах, Сесил Фиггз решил устроить грандиозный парад, посвященный истории штата Миссури, – театрализованное шествие с сотнями актеров, включая индейского пони для изображения «Пони-экспресс»^[26] 1860 года, от Сент-Луиса до Сакраменто. Шествие восстановит все главные исторические события начиная с июня 1812-го, когда Миссури впервые возник как отдельная территория, и кончая современной жизнью штата.

Они репетировали в большом зале «Шрайн Аудиториум», и Сесил весь день то и дело ругал одного высоченного гвардейца, Ральфа Чилдресса, который был страшно неуклюж и неповоротлив. Сесил строем выводил на сцену почетный караул губернатора, дальше они маршировали, а дойдя до края сцены, должны были повернуться к залу, салютовать в унисон и завести руки за спину, после чего оказаться в позиции «вольно», и все это – пока Сесил считает до десяти, отщелкивая пальцами.

– Еще раз! – Сесил отстукивал ритм ногой и тыкал пальцем в

гвардейца Чилдресса. – Живей, живей, шевелись, все время отстаешь.

Наконец гвардеец, готовый взорваться, с багровым лицом, остановился и сказал:

– Слушай, гомик, еще раз щелкнешь на меня пальцами – выдеру их и засуну в твою жирную задницу.

Сесил растерянно моргнул:

– Что ты сказал?

– Ты слышал.

Сесил нахмурился:

– Не заставляй меня тратить драгоценные репетиционные часы на глупости. Я директор программы, и ты сделаешь, как я велю, причем сделаешь хорошо.

– Ага, разогнался, – заявил гвардеец Чилдресс.

Сесил глянул на часы:

– Так, ребята, пятнадцать минут перерыв. Ровно в час сорок жду вас на сцене, начнем сначала. – Потом он ткнул пальцем в гвардейца Чилдресса и сказал: – А тебя, мистер, я попрошу спуститься со мной.

Они спустились в большой репетиционный зал, Сесил закрыл двери и сказал:

– Сними рубашку. Не хочу, чтобы ты ее порвал, у нас нет времени заказывать тебе новую.

Гвардеец с ухмылкой выполнил приказ, испытывая непреодолимое желание извозить Сесила по полу. Последнее, что услышал Ральф Чилдресс перед тем, как Сесил резким ударом отправил его в нокаут, было:

– Я не позволю подавать дурной пример.

Спустя пятнадцать минут Сесил вернулся на сцену и хлопнул в ладоши:

– Поехали, ребята... С самого начала.

За ним, слегка прихрамывая, плелся Чилдресс. Несколько минут назад он лежал на полу, не в силах подняться, а Сесил, встав над ним, руки в боки, спросил:

– Ну, готов вернуться к работе?

Гвардеец был настолько удивлен, что засмеялся и ответил:

– Да, пожалуй.

Сесил, может, и казался тюфяком, но был крепок как камень и силен как бык: всю жизнь он таскал покойников и гробы. Инцидент был исчерпан, и когда сослуживцы спросили Ральфа, что там произошло, он ответил:

– Да ничего, все путем... Парень просто делает свою работу.

На языке военных это многое значило, и Сесил больше никогда не испытывал сложностей ни с кем из них. Мало того, многие потом даже приходили к нему за советом насчет жены или девушки. Он, похоже, прекрасно понимал женщин.

И это была чистая правда. От Сесила не укрылось, что Хэмм и Бетти Рэй отдаляются друг от друга. После праздничного шествия он вошел к Хэмму в кабинет и закрыл дверь.

– Знаешь, я никогда не лез в твою личную жизнь, но тебе нужно уделять больше внимания жене. Она с тобой никуда не выходила уже полгода, это неправильно.

– А-а, ну да... Можно сводить ее как-нибудь в ресторан.

– Придумай что-нибудь, – сказал Сесил. – Только не тяни с этим.

– Обязательно, как только выдастся свободный вечер.

Но свободный вечер никак не выдавался.

Бетти Рэй чувствовала себя покинутой, хотя никому и не говорила об этом. Знакомых в Джефферсон-Сити у нее почти не было, и уже давно ближайшей подругой для нее стала Альберта Питс, убийца, заколовшая человека ножом для льда. Она развлекала Бетти Рэй рассказами про бесконечных дружков, но иногда она уезжала в тюрьму на выходные, а мальчишки в лагерь, и Бетти Рэй оставалась в огромном особняке одна-одинешенька.

Однажды днем в доме Соседки Дороти раздался телефонный звонок. Звонила Бетти Рэй.

– Ой, привет, моя дорогая, какой приятный сюрприз.

– Я просто так, – сказала Бетти Рэй. – Подумала про вас, и дай, думаю, позвоню.

Они поболтали обо всех. Бетти Рэй расспросила про Джимми, передала ему привет. Когда Дороти задала вопрос, как ей нравится жизнь первой леди штата, Бетти Рэй ответила:

– Нормально.

Она не призналась, как часто думает про них и про годы, проведенные в Элмвуд-Спрингсе. И в последнее время все чаще.

Танцующие аисты

Бобби и Луис повезло: Чарли Фаулер оказался человеком слова, и с ростом его компании стала расти и зарплата Бобби. Не прошло и года после рождения сына, а они уже купили себе хороший дом и новую машину. Они обнаружили, что Кентукки их более чем устраивает, и даже привезли Дока, Дороти, Маму Смит и Джимми на кентукские дерби. Дороти как раз горевала по Принцессе Мэри Маргарет, скончавшейся от старости, и путешествие отвлекло ее. Особенно порадовала встреча с белокурым, голубоглазым внуком Майклом.

В тот год Бедняжка Тот потеряла свою мать. В прямом смысле. Пока она была на работе, мать вышла из дому и побрела куда глаза глядят. Очевидно, она села в машину к незнакомым людям, и те довезли ее аж до Солт-Лэйк-Сити, где в конце концов ее забрали в мормонский приют для престарелых. Когда ее нашли, она отказалась возвращаться домой, но Тот все равно приходилось каждый месяц оплачивать ее проживание.

6 июля 1962-го Норма и Мак Уоррен отмечали годовщину, а на следующее утро Норма позвонила тете Элнер даже раньше, чем та ей, вот чудеса.

Тетя Элнер вытерла о передник испачканные мукой руки и взяла трубку:

– Алло.

– Тетя Элнер, это Норма. Ты в слуховом аппарате?

– Да.

– Ты не поверишь, что Мак подарил мне на годовщину. Это такая прелесть, никогда не...

– Что, скажи?

– Помнишь, как я разозлилась в прошлом году, когда он презентовал мне дурацкую поливальную установку?

Тетя Элнер засмеялась:

– Помню. Бедный Мак.

– Бедный Мак? Разумеется, я расстроилась. Еще бы. На тринадцатую годовщину купить какую-то ерунду для лужайки. Вывел меня во двор, включил воду и произнес, гордый такой: «С годовщиной!» А я ему: «Мак Уоррен, за тринадцать лет брака я заслужила *поливалку*?» Мало того, эта пакость у него же в магазине и продавалась. Он даже не ходил за ней. А я, помнишь, ездила в Поплар-Блаф, чтобы купить ему красивые трусы-

боксеры с сердечками, и торт испекла. Мне хотелось убить его на месте. Короче, в этом году он взял реванш. Принес совершенно безумную вещь. Я сейчас на нее смотрю.

– Ну что это, говори уже!

– Ничего прелестней не видела. Два аиста... думаю, это аисты. Это же аисты – такие птички с длинными клювами? Короче, два аиста – нарядные и танцуют. Аист-мальчик в смокинге, а аист-девочка в зеленом вечернем платье и с красным хохолком, пляшут на пьедестале, поворачиваешь его – а это музыкальная шкатулка. Вращаются и пляшут – под песню «Арабский шейх». Я Маку говорю: «Ничего прелестней не видела». Слушай, сейчас заведу. – Норма поднесла трубку поближе к шкатулке, потом сказала: – Услышала? Правда, прелестней не бывает?

– Правда, – согласилась тетя Элнер. – Мне эта мелодия всегда нравилась.

– Мне тоже, я в полном восторге. Вот это другое дело, говорю Маку, намного романтичней, чем поливалка. Он не признался, где ее раздобыл, но стоила эта вещь, наверное, целое состояние. Сказал, что купил специально для моей полки с безделушками, а я ему: «Мак, это тебе не безделушка». Я все искала, куда б ее пристроить, и придумала – на журнальный столик у дивана в гостиной. А что, можно такой вещью и похвастаться. Много у кого вы видели аистов, танцующих под «Арабского шейха»?

Тетя Элнер ответила:

– Ни у кого.

– Нет, если честно, я удивилась, что у Мака оказался такой хороший вкус, – надо же, сам выбрал. Обычно такую ерунду покупает. Я и говорю: «Мак, ты все еще можешь меня удивить. Значит, у нас хороший брак». А он мне: «Наверняка, потому что ты меня что ни день удивляешь». А я: «Ну и отлично, не хочу, чтоб ты у меня заскучал». А он сказал, уж чего-чего, а скучать ему не приходится. Правда, мило?

– Да, очень. А ему твой подарок понравился?

– Очень, но вы же знаете Мака: подари ему что-нибудь с рыбкой – и он счастлив.

Но не каждый брак был таким счастливым, как у Мака и Нормы. В последние несколько лет отношения между Хэммом и Бетти Рэй еще больше расклеились. Не то чтобы они совсем остыли друг к другу, просто мало-помалу отдалялись, пока, сами того не заметив, не стали жить каждый своей жизнью.

Бетти Рэй бегала от всеобщего внимания, а он, напротив, всегда

стремился к нему. Он ухватывал ночью три-четыре часа на сон, прикорнув в другой комнате, чтобы не беспокоить жену, и вскоре это вошло в привычку, в их общую спальню он не вернулся. У Бетти Рэй было два обожаемых сына, с ними она и проводила большую часть времени, но любить Хэмма и не видеть его было тяжело.

Да еще изображать при этом счастье, особенно когда в гости приезжала мать.

Был как раз такой случай – Минни возвращалась, навестив дочь и внуков в губернаторском особняке. До следующего концерта оставалось несколько свободных дней, и Флойд на денек завез ее и Беатрис Вудс в Элмвуд-Спрингс. Все были рады повидать Беатрис. Она казалась счастливой и до сих пор хохотала над шутками куклы Честера.

Почему? Никто не понимал. Руби Робинсон сострила: мол, потому что Беатрис его не видит.

Соберите вместе двух мамочек – о чем они будут говорить? Правильно, об успехах детей. И Минни с Дороти не были исключением. О чем, о чем, а об успехах Минни могла говорить со знанием дела. Это ее дочь была замужем за губернатором, а дела у «Поющей Семьи Отман» шли куда как бодро: они только что приобрели сделанный на заказ автобус и выпустили очередной альбом хитов.

– Столько мне в жизни везет, я так благодарна Господу за его ко мне отношение, – говорила Минни. – Я вот смотрю вокруг – у людей порой столько денег, а счастья нет. И все им мало. Все кажется, что надо больше, больше. А по-настоящему нужен только Господь. Деньги-то этого не дают, правда же?

Дороти сказала:

– Наверное, если и дают, то не часто.

– Знаете, Дороти, еще до недавнего времени я берегла каждый пенни, пытаюсь свести концы с концами. Всю жизнь была бедной, а когда беден, люди так к тебе относятся – тьфу, мол, на тебя. А сейчас денег куча, а гляжу на своих мальчиков и счастья в них не вижу. Бервин только и ждет, чтобы сбежать и стать вторым Элвисом, а Вернон женился в третий раз и к Господу охладел. – Она вздохнула. – А Бетти Рэй... уж не знаю, что там творится. Такой у нее муженек славный, и детишки, но... Она делает вид, что все благополучно, – ради меня, но мать всегда чувствует, коли чего не так. Не так что-то. В чем дело, не пойму, но Хэмма все в одну сторону тянет, а ее в другую. По мне, так это неправильно. Мы с Феррисом никогда не разлучались, день и ночь вместе, с того дня, как преподобный нас венчал и

сказал: «Кого Господь соединил, да не разлучит человек». И я навсегда это себе вбила. А сейчас такое чувство, будто что-то их разлучить пытается.

Вита Грин

Гарри С. Трумэн как-то сказал, что мужчину могут погубить три вещи: власть, деньги и женщины. Власть у Хэмма уже имелась, деньги тоже светили. Дело за женщиной.

Хэмм хотел быть хорошим губернатором и делал для этого все, что в его силах. Старался получать отзывы на каждый свой шаг. Говорил с людьми, по утрам перед работой читал всю местную прессу. Хотя на светскую хронику он никогда не обращал внимания, кое-что в газетах Канзас-Сити он стал подмечать. То и дело попадалась ему фотография одной женщины – и все на каких-то вечеринках. Обычно с богатеями он дел не имел и глупые их сборища игнорировал, но неделя проходила за неделей, и он стал примечать за собой, что ищет ее фото в газете и если не находит, то чувствует разочарование.

Однажды утром он зашел к Сесилу в кабинет и спросил:

– Когда ты занимался похоронным бизнесом в Канзас-Сити, не встречалась на твоём пути некая миссис Вита Грин?

– Ещё как встречалась. Она была одной из моих лучших клиенток, да и есть. Мы снабжали цветами все её праздники.

– Серьёзно?

– Однажды она устроила вечеринку для моей театральной труппы, и мы ей всю террасу украсили белыми розами. Она владеет целым верхним этажом в большом многоквартирном доме, вид из каждой комнаты – закатаешься.

– С удовольствием взглянул бы. А муж чем занят?

– Деньги делает, и много, вот и все, что я знаю. До нашего знакомства она была разведена. А что такое?

– Ничего такого. Просто читал статью, где эту миссис Грин называли главой какого-то совета по искусству, и подумал, может, губернатору стоит в этом поучаствовать?

Сесил взглянул с удивлением:

– Правда?

– Ты ж сам вечно жужжишь – искусство то, искусство се. Может, это хорошо для имиджа?

Сесил вышел из кабинета, довольный, что его чаяния заинтересовать Хэмма культурой наконец сбылись. Вита Грин была важной фигурой в

культурной жизни Канзас-Сити, все ее обожали, особенно мужчины. Высокая, яркая женщина сорока трех лет с блестящими черными волосами, стянутыми в узел на затылке. Одевалась всегда изысканно, но просто, обычно в ярко-красное или изумрудно-зеленое – под цвет глаз, на правом плече носила крупную брошь. На первый взгляд ее легко было принять за испанскую или греческую аристократку. Мало кто догадался бы, что Вита Грин – чернокожая ирландка. К эффектной внешности прилагались острый ум, чувство юмора и обаяние. Она могла поддержать разговор на любую тему и отстоять свою точку зрения перед любой аудиторией. Но когда миссис Вита Грин получила от губернатора записку с предложением встретиться и обсудить ситуацию с искусством в Миссури, она расхохоталась. Вита и люди ее круга считали Спаркса каким-то лапотником из отдела сельского хозяйства, которому до искусства дела нет. Она позвонила своему другу Питеру и сказала:

– Не поверишь, кто зовет меня на свидание.

Питер Уилер, которого Хэмм обошел шесть лет назад и который отклонил предложение Хэмма принять пост в его администрации, был джентльменом во всех отношениях.

– Думаю, стоит пойти, Вита, по крайней мере, выслушай его. Кто знает, может, он вздумал расширить круг интересов.

– Наверное, ты прав, Питер. Как говорится, ради искусства на все готова.

Через несколько дней раздался звонок из резиденции – губернатор собирается в Канзас-Сити и спрашивает, свободна ли она в среду утром между 8.30 и 9.00, перед его речью в Клубе Лосей. Несмотря на безбожно ранний для нее час, Вита согласилась встретиться с ним в здании совета по искусству. Когда она приехала, он уже был в кабинете президента, звонил кому-то.

Секретарша нервно сказала:

– Велел вам сразу заходить.

Сидя спиной к двери, закинув ноги на подоконник, он говорил по телефону. Вита остановилась на пороге, но ее духи – нет. Аромат поплыл дальше, достиг стола и вынудил Хэмма обернуться и положить трубку. В этих духах слышались различные варианты экзотических вечеров – на крыше ее пентхауса, на залитом лунным светом пляже в тропиках... Но прежде чем приступить к реализации этих проектов, надо хоть поздороваться.

– Здравствуйте, я Вита Грин.

Женщина, которую до сих пор он видел только на черно-белых

газетных снимках, стояла теперь на пороге – такая яркая, что Хэмм внезапно позабыл всех красивых девушек, виденных прежде. А в качестве губернатора видел он немного – в основном блондинистых королев красоты, победивших в каком-нибудь конкурсе. За всю свою женатую жизнь он никогда не помышлял о другой. Но когда в кабинет вошла Вита, все раздумья вышли и захлопнули за собой дверь. То, что стояло перед ним, было «роллс-ройсом» женственности. Это была не девушка. Это была зрелая женщина, явно на милю опережающая его по силе духа и уму, и это его взбудоражило. Словно в лицо швырнули миллион долларов. И, как обычно, решение он принял быстро.

Человек, вскочивший, чтобы обогнуть стол и пожать руку Вите Грин, был коренаст, примерно ее роста и не красавец. Явно не ее круга – ни утонченности, ни умения одеваться. Но когда он схватил ее руку – вцепился в нее, будто в страхе, что она сбежит, она вздрогнула. Ее поразили энергия, живость и какой-то чистый жар, исходившие от него, – будто пламя лизнуло кожу. Она привыкла к восхищенным поклонникам, но этот был иной. При первой встрече с ней большинство мужчин, как правило, теряются и мнутя, пытаются придумать, что бы такого умного сказать. Но Хэмм Спаркс явно ничего умного придумать не пытался. Ничего не крутил в голове, не просчитывал. Он сказал в точности то, что было у него на уме, – окинул ее откровенным, оценивающим взглядом и спросил:

– Миссис Грин, что от меня потребуется, чтобы заполучить вас? Потому что сразу хочу сказать: я горы ради этого сверну. Хотите, буду мячиком скакать? Только скажите – на какую высоту и сколько раз.

Она растерялась, обнаружив, что эта откровенная прямота... неотразима. И с улыбкой сказала:

– Почему бы не начать с ужина?

Не выпуская ее руки, глядя прямо ей в глаза, он заявил:

– Миссис Грин, так долго я ждать не смогу. Как насчет обеда?

– Зовите меня Вита. Куда вы хотели бы пойти?

– Все равно. Вы мне скажите, куда и когда.

– Может, в Городской клуб? Скажем, около часа дня?

Он кивнул.

– Мы будем обсуждать искусство, губернатор Спаркс?

– Я искренне сомневаюсь в этом. И зовите меня Хэмм.

Она пошла к дверям, остановилась, постояла, потом обернулась:

– Кстати, я прихожу заранее.

– Я буду вас ждать.

Всю дорогу до дома она смеялась – над тем, как ловко ее окрутили. Политик от сохи по имени Хэмм Спаркс совершенно не предполагался в ее четко спланированной жизни.

После обеда он сказал, что решил остаться в городе еще на несколько дней.

– В самом деле? – спросила она. – Разве вам не надо управлять штатом?

– Дорогуша, я могу делать два дела сразу.

«Не сомневаюсь», – подумала она.

Так и начался роман Виты и Хэмма. Ни ухаживаний, ни игр – только грубое физическое влечение. Оба встретили свою половину, оба почувствовали, будто неожиданно нашли то, что искали долгие годы. Никакой борьбы за власть, это было слияние двух могущественных сил.

Много общего

Никого не удивило, что миссис Виту Грин назначили советником губернатора по искусству. Никто ничего не заподозрил, когда Хэмм стал все больше времени проводить в Канзас-Сити, оставляя жену дома. Она и так с ним редко появлялась на людях. Виту и губернатора видели вместе на одних и тех же встречах и вечеринках, но никто и бровью не повел: это же естественно. Ведь мало кто знал, что, заселившись в номер люкс отеля «Мюэльбэтч», Хэмм тут же покидал гостиницу – через подвальную дверь, где его поджидал гвардеец Ральф Чилдресс, чтобы проводить в апартаменты Виты.

Хэмм не только физически притягивал Виту (она в жизни ничего подобного не чувствовала ни к одному мужчине), он нравился ей. Хэмм Спаркс был именно таким, каким был. Учился с жадностью. Хотел учиться, хотел совершенствоваться. А ей было чему научить. А еще Вита узнавала в Хэмме себя. У них было гораздо больше общего, чем могло показаться со стороны. Многие считали, что Вита родилась в каком-нибудь аристократическом поместье и ни дня в жизни не проработала. Однако она только слышала о своих богатых кузенах – те жили в красивых домах, учились в лучших школах, одевались в самых дорогих магазинах. Ее отец, приятный человек, родом был из крепкой буржуазной семьи, окончил хороший колледж, но пристрастился к азартным играм и алкоголю. Ни на одной работе он не удерживался, и кончилось тем, что жили они на небольшое пособие: братья стыдились его и присылали раз в месяц чек, скорее чтобы избавиться, чем из чувства долга. Вита наблюдала, как тускнеют некогда яркие глаза матери, как от переживаний и невзгод седеют ее волосы. Нет, решила она, с ней такого не случится. И поклялась никогда ни от кого не зависеть. Но в нищете обнаружилась и хорошая сторона: стыд и унижение разожгли в Вите амбиции и привели туда, где она сегодня находилась.

Вита целиком и полностью сама себя сделала. После школы уехала из Канзас-Сити в Чикаго и тут же нашла работу в компании «Побочные продукты из Иллинойса», где за три года пробила себе дорогу из бюро секретарских услуг к должности личного секретаря и, наконец, исполнительного секретаря главы компании. У президента и владельца компании Роберта Портера и его жены Элси своих детей не было, и они заинтересовались интеллигентной и амбициозной девушкой. Часто

приглашали ее на ужин – домой или в один из своих клубов. Вита быстро научилась одеваться, непринужденно чувствовать себя в дорогих ресторанах. Портеры знакомили ее с разными людьми, и она скоро стала частым гостем в красивых виллах, чувствуя себя среди своих – людей, с которыми ей суждено было жить с самого начала. «Побочными продуктами» называлась чудесная смесь железной руды, меди и стали, и с помощью мистера Портера к двадцати восьми годам она уже обзавелась небольшим состоянием, покупая и продавая железный лом, оставшийся после Второй мировой, – продукт, начисто лишенный романтики. Однако когда мистер Портер умер, оставив ей больше акций, чем она покупала, эти два слова – «железный» и «лом» – стали ее любимыми.

Замужем Вита ни разу не была. Никакого мистера Грина не существовало. Вернувшись в Канзас-Сити, она его просто выдумала, дав ему фамилию денег, – такая вот шутка для своих. Мужчины были – богатые, наделенные властью, но желания выйти замуж не возникало. Она и без того была богата и счастлива. Ей нравилось, как она живет. Нравилось входить в просторную квартиру, полную красивых вещей, смотреть сверху на город, где она когда-то была бедной и несчастной, нравилось, что каждая монета заработана собственным трудом. Теперь у нее есть все, чего она хотела, – включая Хэмма Спаркса. Она чувствовала какое-то освобождение, отдаваясь ему полностью, безоговорочно. Ее любовник все делал быстро – быстро ел, быстро ходил, быстро говорил и быстро занимался любовью. Он всегда был наготове, всегда полон энергии и скорости, как автомобиль, который может за пять секунд разогнаться до семидесяти миль в час. Находиться рядом с Хэммом все равно что наблюдать, как оголодавший человек управляет с горой еды и при том умудряется наслаждаться каждым куском. Но больше всего ей нравилось, что он ей доверяет и полагается на нее.

Хэмм же нашел в ней человека, с которым можно поговорить обо всем; женщину, которая не станет над ним смеяться, смотреть сверху вниз или думать, что он излишне амбициозен – нос, мол, не дорос. Наоборот, амбиции Виты на его счет даже превосходили его собственные. К его большому удивлению, Вита знала о политике гораздо больше, чем он. Ее отец, прежде чем скатился на дно, был одним из людей Босса Пендергаста^[27] в двадцатых – тридцатых годах, когда политика в Канзас-Сити сводилась к коррупции и прочим прелестям. А потом Пендергаста посадили. Вита тогда была совсем еще ребенком, но успела немало узнать о том, как делаются дела.

Пробыв с Хэммом год, она решила навеститься к одному из старых

друзей отца, Эрлу Финли, с которым дружила, будучи еще девчонкой. Он знал, что Вита была крупным спонсором предвыборной кампании Питера Уилера, и рад был вспомнить старые времена. Чуть погодя Вита свернула разговор на Хэмма. При упоминании его имени Эрл едва не откусил кончик сигары.

– Не вини нас, Вита, мы пытались его остановить. Но этот мужлан неотесанный не пойми как проскочил и теперь дерет нос и нас не слушает.

Вита сказала:

– Эрл, по-моему, ты ошибаешься насчет Хэмма. Он, может, и упрям, но отнюдь не глуп. Думаю, он понимает, что не может одновременно бороться с тобой и сенатом. Отзови своих псов, прекрати ставить ему палки в колеса, и, даю слово, он протолкнет то, что вам нужно.

Эрл Финли пожевал сигару, помигал, гадая, что она имеет в виду.

– Брось, Вита, откуда ты знаешь? До сих пор он ничего хорошего для нас не сделал.

Она ответила ему улыбкой, которая обо всем поведала без слов.

Он опешил:

– Брось, не может быть.

– Может, – ответила она. – Уж поверь мне.

Он начал смеяться – сначала беззвучно, потом смех выплеснулся наружу, заполнил комнату и сотряс стол, за которым они сидели. Отсмеявшись, он утер глаза платком с вышитым вензелем «Э.Ф.» и сказал:

– Черт, Вита, дай сообразить, что тут можно сделать.

Ни с того ни с сего инициатива Хэмма о 150-миллионных инвестициях в дороги штата, три года назад застрявшая на мертвой точке, прошла без сучка без задоринки, а Эрл Финли получил одобрение по нескольким просьбам. Но не по всем, об этом позаботилась Вита. «Дорогой, – сказала она Хэмму, – в мире есть люди, которые или в горло тебе вцепятся, или у ног лягут. Этого лучше держать у ног».

Хэмм делает шаг навверх

Поначалу Хэмм не хотел знаться с многочисленными друзьями Виты и ходить на вечеринки с деятелями искусства. Он отказывался, но Вита убеждала, что это полезно и ему лично, и его политической карьере.

– Слушай, Вита, – говорил он, – да я среди них буду не в своей тарелке.

– Почему? У меня очень славные друзья. И денег на хорошие дела не жалеют. Почему ты упрямишься?

– Потому что не хочу очутиться среди людей, которые глядят с презрением, говорят через губу, держат меня за дурака.

– Хэмм, ты губернатор штата. Никто тебя дураком не считает.

– Неважно, чего я губернатор, я прекрасно знаю, что они думают. Видал я таких еще в колледже, видал, как они гоняют на своих крутых машинах, вступают в свои крутые братства. Меня на эти их собрания разве что официантом допустили бы. Всегда ненавидел этих напыщенных, тошнотворных ублюдков. Я хотел получить диплом, как любой из них, только у меня не было богатого папочки, чтобы оплатил обучение, и пришлось бросить. Единственное, чему обучился, – это продавать трактора. Как я мог общаться с теми, кто у тебя в друзьях?

– И что, это до сих пор тебя задевает? Диплом никого не делает умнее или интереснее. Хэмм, погляди на себя, погляди, чего ты достиг. Большинство тех парней, с кем ты учился, с радостью поменялись бы с тобой местами.

Тогда он кое в чем признался.

– Не только в дипломе дело, Вита. Эти богатые мальчики четыре года ничего не делали, только заводили друзей и учились, как вести себя на приемах. Я им завидовал. Я работал с тринадцати лет, никакой общественной жизни не вел... А, к черту, Вита, сказать по правде, я трушу. Ляпну чего-нибудь или не той вилкой воспользуюсь. Мне комфортней с такими, как Родни. Я знаю, что они не станут надо мной смеяться. Они и сами не умеют себя вести.

Она покачала головой:

– Милый, я еще не встречала людей, которых было бы так трудно продвигать. Но я все равно это сделаю.

Хэмм продолжал сопротивляться, Вита – настаивать. Пока он не пообещал иногда показываться в обществе.

Месяц спустя Вита ждала его у себя дома. Он пришел, ужасно довольный. Сел, ослабил узел галстука и положил ноги на кофейный столик.

– Ну и как я?

– Ты был прекрасен, все в тебя просто влюбились. Весь вечер подходили ко мне и говорили, как очарователен губернатор да какой он красавчик.

– Серьезно, что ли? – Он принял стакан с вином.

– Да. Я тобой очень гордилась.

– А тебе не показалось, что я разговаривал слишком громко или еще чего?

– Нет.

– А не глупо я смотрелся в этом обезьяньем костюме? Надо мной не смеялись, нет?

– Ни одна душа.

– Знаешь, Вита, должен сказать, я немного удивлен. Этот Питер Уилер вполне нормальный парень, если поближе с ним познакомиться, верно? Мне теперь даже жаль, что я такое про него говорил.

– Рада, что он тебе приглянулся. Он в самом деле хороший человек. Как и его жена.

– Знаешь, что он мне сказал, Вита?

– Нет. Что?

– Он сказал, что завидует моей способности ладить с людьми. Сказал – жаль, что ему само все досталось, что лучше бы он вкалывал, как я, чтобы у него был шанс пробиться самостоятельно, как я. – Хэмм посмотрел на нее озадаченно: – Ты представляешь? Я ему завидовал, а он все это время – мне.

Через некоторое время Родни, делать которому было, в общем, абсолютно нечего, кроме как быть под рукой, когда Хэмму приспичит поболтать, бодро ворвался в кабинет министра юстиции. Венделл Хьюитт оторвался от бумаг на столе, глянул на него и сказал:

– Входи и закрой дверь, надо поговорить.

Родни сел:

– Чего?

– Знаешь, он только нас двоих тут и слушает. Честно говоря, я за него немного волнуюсь. Думаю, надо нам с тобой усадить его и побеседовать.

– О чем?

– Обо всей этой беготне по вечеринкам. По-моему, он как-то излишне

увлекся светской жизнью, об этом уже в газетах пишут. Если он не будет осторожен, то разозлит тех, кто за него голосовал.

Родни отмахнулся:

– Да ну, об этом не волнуйся. Они знают, что под всеми этими костюмами – человек их породы.

– Уверен?

– Да, черт, конечно. Слушай, у фермеров есть секретный метод распознавать друг друга, их не одурачишь. Они фальшивку за милую чувствуют.

– Правда?

– И не забывай, я с ним сто лет уж знаком, видел его с этими трудягами. Самое главное – он один из них, а второе самое главное – он их понимает, понимает, как они мыслят, чего хотят, и поверь мне, если бы он их не понимал, черт, скажу даже больше – не любил, они бы это почуяли. Сейчас они верят, что он за них вступится, но еще важнее – чтобы верил он. Верил, что встанет за них горой даже против нас.

– Думаешь, встанет?

– Еще бы. Он ведь всерьез говорил о том, что маленького человека не бывает. Это не красивые слова, не игра на публику. Он знает, где у них чешется и как там почесать. Они за него в горе и в радости, и он поймет, если слишком далеко зайдет.

– Ты уверен? По мне, так уже зашел.

– Неее. Всех этих людей окружает невидимая линия. Пересечешь ее – берегись, брат. Навсегда с тобой покончат. Но Хэмм знает, где она, линия эта. Это как свисток для тренировки собак – собаки его слышат, а люди нет.

Но, несмотря на уверенность Родни, вокруг Хэмма погромыхивало, некоторые начали замечать, что он изменился. Там-сям в передовицах и светской хронике что-нибудь да проскакивало. Говорили, он проводит слишком много времени с элитой и не глядит в сторону тех, кто избрал его на должность. Но прав был Родни: Хэмм знал, что сказать и как сказать. В последнем большом выступлении по телевидению перед поездкой в Нью-Йорк на национальный съезд губернаторов он закончил обращение к штату с еле заметным смешком:

– Знаете, друзья, похоже, всем не угодишь. Некоторые жалуются, что я в последнее время слишком сблизился с богачами, и с этим я соглашусь, но позвольте вот что у вас спросить. Как иначе я могу следить, чтобы они вас не обворовывали, если совсем не сближаться? Некоторые говорят, что я стал похож на любимую козу леди Астор, имея в виду эту мою новую взбитую прическу и воротничок с пуговицами на концах. Мне самому это все нравится не больше, чем вам, но что поделать, если мода такая.

Главное, чтобы в Нью-Йорке не сказали, что губернатор великого штата Миссури – деревенщина и не умеет одеваться. Такого не скажут, пока я занимаю эту должность. Да я жемчужное ожерелье нацеплю, если потребуется. И судя по тому, как идут дела, в следующем году, может, так и придется сделать.

Оператор в студии расхохотался, так же поступило большинство зрителей, и напряжение ушло.

Электричество

Хэмм Спаркс не единственный, кто отправился в Нью-Йорк в том году. Кузина Нормы Уоррен – Дена Нордстром – уехала из родного города в четырехлетнем возрасте вместе с матерью, Марион Нордстром, и с тех пор Уоррены ее не видели. Сейчас Дена работала на телевидении и была очень успешным тележурналистом. Норма решила: пора навестить ее в Нью-Йорке. После смерти Гертты, бабушки Дены, Норма хотела, чтобы кто-то из семьи поддерживал с девушкой связь. Утром в день отъезда тетя Элнер жарила бекон в кухне, когда раздался телефонный звонок. Она сняла трубку, дивясь, кто это может быть в такую рань:

– Алло.

– Тетя Элнер, это я, Норма.

Элнер удивилась еще сильнее:

– Как, уже долетели? Так быстро?

– Нет, мы еще в аэропорту...

– А-а.

– Тетя Элнер, сделай мне одолжение, выгляни из окна спальни и скажи, не видишь ли ты дыма.

– Жди. – Тетя Элнер стукнула трубкой о стол. Через минуту вернулась:

– Нет. Никакого дыма.

– Уверена? Ты в сторону нашего дома смотрела?

– Да.

– И дыма не было?

– Нет.

– Уверена? А понюхай – не пахнет дымом? Сходи, пожалуйста, еще раз глянь.

– Жди. – Чуть погода: – Не-а, на горизонте все чисто.

– И пожарных сирен не слышно?

– А что?

– Да мне кажется, я не выключила кофеварку. Мака прямо убила бы. Торопил меня, торопил, и теперь я не помню, выключила или нет. Почему, интересно, он уверен, что в аэропорт нужно приходить за два с половиной часа до вылета? Мы выбежали в такой спешке, как тут о кофеварке упомянуть. Я страшно нервничаю.

– Наверняка выключила, милая. Насколько я тебя знаю, ты, скорей всего, ее еще и вымыла.

– Иду, Мак! Тетя Элнер, будь добра, позвони Вербене на работу. У нее есть ключ от задней двери. Попроси ее зайти и посмотреть, вынула ли я штепсель из розетки, и если нет, чтоб вынула.

– Хорошо.

– Я пыталась позвонить ей. Но она уже ушла, а мне нужно через минуту сесть на этот самолет. Только не хватало, чтоб дом сгорел. ДА ИДУ, МАК!.. Он орет, так что мне пора.

– Не волнуйся, я прослежу. Беги и ни о чем не думай. Успокойся. Я оставляю кофеварку в розетке на весь день, и ничего пока не сгорело.

– Спасибо, тетя Элнер. Иду, Мак. Все, побежала, позвоню, как прилетим. Пока.

Тетя Элнер положила трубку и вернулась на кухню. Покончив с завтраком, перешла в гостиную, села за телефонный столик и с помощью лупы, лежащей рядом с телефонной книгой, нашла в «Желтых страницах» номер химчистки «Голубая лента».

– Вербена, это Элнер. Норма звонила из аэропорта насчет кофеварки. Да, снова. У нее если не кофеварка, так утюг. В общем, она велела позвонить тебе, вот и звоню. Никогда не видела, чтоб человек так переживал из-за электричества. Стоит грому громыхнуть – она начинает носиться по дому, как курица с отрубленной башкой, и выдергивать все из розеток, надевает резиновые сапоги и сидит в темноте. Представляешь? Наверное, считает, что если она в резиновых сапогах, то молния в нее не ударит. Кто-то рассказал ей о мальчике из Поплар-Блаф, которого ударило молнией. Помнишь, племянник Клэр Хайтауэр. Такой изнеженный мальчонка, еще чечеткой занимался. В общем, бежал он как-то после танцев домой, к маме, а обувь сменить забыл, и бац – молния его ударяет прямо в набойку на каблуке. Его подкинуло на двадцать футов в воздух. Про это во всех газетах писали. Но знаешь, Клэр говорит, после этого у него волосы виться стали. А до молнии прямые были как палка. Говорит, он после этого совершенно изменился. Жениться не женился, так что никто не знает, какой вред ему молния нанесла. Короче, когда ты домой вернешься, сходи туда, чтобы я могла ей сказать, что дом не сгорел. Ну ладно, бывай.

В 17.28 зазвонил телефон.

– Алло.

– Элнер, она была выключена из розетки, вымыта и поставлена в посудомоечную машину.

– Как я и говорила.

– Но хорошо, что я зашла, потому что она оставила заднюю дверь открытой настежь, и две старые псины, которых Мак подкармливает,

разлеглись на диване в гостиной.

- Ого... Ну этого я ей говорить не стану. У нее сердце не выдержит.
- Еще бы.
- Это что, та старая чау-чау была?
- Да, и еще одна. Эта, как ее...
- Хорошо, что ты их прогнала.
- Надеюсь, блох они не натащили. А если натащили, я не скажу откуда. А ты не скажешь?
- Нет, хоть пытай меня – не скажу.

Вернувшись из Нью-Йорка, Норма села за стол и написала инструкцию, что делать в случае пожара – для Вербены и для пожарных. Когда Мак зашел домой пообедать, она вручила ему листок:

- Сделай, пожалуйста, в магазине штук двадцать копий. Только читабельных, не слепых.
- Хорошо. А что это?
- Список, чтобы Вербена отдала пожарным, чтобы они знали, где что искать.
- Какой список?
- На случай, если нас нет в городе и случится пожар. Чтобы они знали, что прежде всего спасать.
- Бог мой, Норма, да не сгорит у нас дом.
- Может, и не сгорит... но лучше перестраховаться. Вдруг в него молния попадет или еще что. И мне нужно, чтобы такой список был и у тебя. – Норма села с Маком за стол. – Так. Прежде всего, номер один: забрать все из нижнего правого ящика в платяном шкафу. Там наши свидетельства о рождении, фотографии, свидетельство о браке, свадебные фотографии, альбом выпускного класса, все наши ценные бумаги, которые потом не восстановишь.
- Норма, копию альбома выпускного класса наверняка можно найти.
- Пусть и можно, но все эти милые приписки, которые мне оставили на страницах, не упомнишь и не найдешь... А фотографии твоей семьи, и моей, и детские снимки Линды – их ничем не заменишь. Помнишь, что с Бедняжкой Тот случилось, когда ее мать подожгла дом? Все у них пропало... Не осталось ни одной семейной фотографии. Не хочу, чтобы нас такое постигло. Вот чему меня научил опыт – нужно быть готовой к худшему.
- Так давай просто наденем тебе на спину огнетушитель и будешь всегда наготове?

– Да ну тебя, не ерничай.

– Ладно, но послушай, Норма, если... если вдруг начнется пожар – думаешь, пожарные станут тратить драгоценные минуты, чтобы прочесть какой-то список?

– Вот поэтому у них уже должна быть копия, чтобы они с ней заранее ознакомились и выучили.

– У меня идея получше, – сказал Мак. – Может, пригласим их порепетировать, пока мы дома?

– А они таким занимаются?

– Норма, ты с каждым днем становишься все безумней. Дай взглянуть.

Норма протянула ему бумажку.

– Что в малиновой сумке?

– Твое хорошее пальто, мое хорошее пальто, моя хорошая шапка, туфли... все такое. Хочешь остаться в чем по дому ходим? Да, и все пленки с домашним видео я положила на дно, их не восстановишь. Украшения, танцующих аистов, твою половинку доллара Кеннеди, младенческие ботиночки Линды, разве можно их потерять? Нет. Может, я что-нибудь упустила, подумай?

Мак снова пробежал глазами список:

– Ты ничего из моего кабинета не записала.

– А что там такого ценного-то, кроме пары старых дохлых рыб на стенке? А что бы ты хотел включить?

– Несколько фотографий... пару книжек... и бейсбольный мяч.

– Вряд ли у них будет время заходить в кабинет, так что когда будем уезжать, сам сложи все, что хочешь спасти, в коробку и поставь под кровать. Да, вот, кстати, Линдины бейсбольные награды. Я их снесу вниз и запакую... у пожарных может не хватить времени на второй этаж. Ну, еще что-нибудь приходит в голову? Или сейчас, или забудь об этом навеки. Помни, все бумажные ценности идут первыми... Письма, открытки, подборки газет, плакат с Уэйном Ньютоном, все наши фотографии... Так что если у тебя есть что-то такое – давай.

– Зачем ты поставила в список эти дурацкие часы с кукушкой? Это полное барахло.

– Они же *старинные*. К тому же свадебный подарок. Запиши сам что-нибудь.

Мак ходил по дому, прикидывал. Через несколько минут вернулся с подписанным Марти Марионом бейсбольным мячом, подарком Бобби.

– Ой, положишь его в коробку под кроватью. Я не стану тратить время пожарных на поиски какого-то старого мячика, когда им нужно столько

важных вещей найти. – Но мяч в список добавила и сказала: – Знаешь... я тут подумала: а какого размера банковские ячейки и не горят ли они?

– А что?

– Ну... Может, будет намного лучше, уезжая из города, относить все, что можно, в банк и класть в сейф? Тогда я не буду переживать о человеческом факторе – мало ли, кто приедет нас тушить. Так гораздо надежнее.

– А если банк загорится?

Норма взглянула на него с тревогой:

– Мак, ну зачем ты мне такое говоришь? Зачем ты во мне зарождаешь подобную мысль, если знаешь, как я серьезно ко всему отношусь?

– Ой, да бога ради, Норма, я же шучу. Банк не загорится. Как и наш дом.

– Я всего лишь пытаюсь сохранить наши воспоминания, защитить семейную историю, чтобы Линда и наши, а потом и ее внуки имели возможность на нас поглядеть, когда нас не станет, а ты делаешь из этого балаган.

– Норма, я просто пошутил.

– Сдается мне, ты не ценишь, что я пытаюсь сделать для семьи. У детей должно быть чувство рода, корней, это важно.

– Дорогая, начать с того, что у нас нет никаких внуков.

– Нет, так будут.

– Если и будут, мы всегда можем наделать новых фотографий.

– Спасибо, что объяснил, Мак. Но тогда у них останутся только снимки нас в старости, а не когда мы были молодыми. Вот я о чем толкую. Я хочу, чтобы они видели, какая у меня фигура была, а не какую-нибудь обрюзгшую тетку.

– Ох, Норма, тебе всего тридцать пять, прекрати. Ты сейчас выглядишь лучше, чем раньше. – Она молчала. Мак понял, что это шанс, и ухватился за него: – Ты сейчас выглядишь лучше, чем в день свадьбы.

– Да ну, морочишь мне голову.

– Нет, не морочу. Я на тебя смотрел недавно вечером, когда на тебе была эта розовая штука... помнишь?

– Ночнушка?

– Да. И говорю себе – на днях буквально, – надо же, Норма день ото дня все красивеет.

– Правда?

– Да. Ты была красивой девочкой, но теперь ты... сексуальная зрелая женщина. Прямо как поспевшая слива, которая так и просится в руки с

дерева. Да, точно.

– Да у меня эта розовая ночнушка уж сто лет.

– Может, и сто, а ты в ней все равно классная. В общем, я хочу только сказать, что тебе нечего беспокоиться о своей внешности. Ты красивая штучка, не забывай.

– А к ней ведь и халатик был такой же. Чего это я никогда его не носила. Даже не знаю, остался ли он, может, и выкинула уже или отдала.

Когда Мак ушел, Норма поспешила в спальню и вынула розовую ночную рубашку. Приложила к себе, подошла к зеркалу. Повернулась налево, повернулась направо... И улыбнулись.

Через десять минут в лавке зазвонил телефон. Мак ответил:

– Магазин инструментов Уорренов.

– Мак, разреши один вопрос, только ответь честно.

– Какой?

– Ты не обсуждаешь меня с другими мужчинами, нет?

– Чего?

– Не обсуждаешь с мужиками, как я выгляжу в своей ночнушке, нет?

– Разумеется, нет.

– Потому что это было бы отвратительно.

– Дорогая, я ни с кем не обсуждаю, как ты выглядишь, ни в чем, тем более в ночнушке, ты же знаешь.

– Я бы умерла, если бы подумала, что мужчина, с которым я говорю, пытается представить меня в ночнушке.

– Норма, думаешь, я по собственной воле стал бы сводить с ума всех мужиков в городе? Я не такой дурак. Так что не бойся. Я твой секрет не выдам.

– Хорошо. Теперь мне лучше. Знаешь что? Я нашла тот халат. Оказался на верхней полке в красной коробке с лишними наволочками. Но я его не могу носить.

– Почему?

– Он больше не подходит. Стал гораздо темнее рубашки, и теперь это не ансамбль. Думаю, надо мне съездить в «Кмарт», и если ими еще торгуют, то попрошу продать мне только рубашку, хотя небось не разрешат, но вдруг, а если нет... Я подумала, может, пихать халат в стиральную машину с каждой стиркой, так он скорее выцветет. Как считаешь?

– Насчет чего?

– Насчет новой ночнушки. Я подумала, раз тебе нравится, как я в ней смотрюсь, надо попытаться такую достать. Если этим фасоном еще

торгуют. Они все время меняют ассортимент, я бы предпочла, чтоб не меняли, а ты? Вот понравится человеку какая-то вещь, пойдет купить такую же, а там уже нет, больше не торгуют, это ужасно. Ты про это знай в своем магазине. Тоже ведь за новинками гоняешься. Что продавал, то и продавай дальше, не переставай закупать.

– Хорошо, дорогая, запомню.

– Мак, ты не рассердишься, если я схожу в «Кмарт», нет?

– Нет.

– Я никаких железяк покупать не стану. Может, вообще ничего не куплю. Если у них есть рубашка, я только ее куплю, и все. Ладно?

– Хорошо.

– Я возьму с собой тетю Элнер. Но мы только поглядим, ладно?

– Ладно.

– Ты не будешь меня предательницей считать?

– Нет, сходи разузнай про ночнушку.

– Мак, ты правда считаешь меня привлекательной после стольких лет или ты просто пошутил?

– Хочешь, чтобы я прямо сейчас закрыл магазин, примчался домой и доказал это?

– Мак Уоррен! Прекрати бесстыжие разговоры. Что о тебе подумают покупатели?

Мак расхохотался, а Норма положила трубку и улыбнулась.

Может, у них и есть эти ночнушки.

На волоске

За все время, пока Вита и Хэмм были вместе, только однажды они едва не поспорили. Когда их отношения только начинались, Хэмм стал поговаривать о разводе, но Вита на корню зарубила эту идею.

– Ни в коем случае. Ты не погубишь ради меня свою политическую карьеру. К тому же я не хочу замуж. Я взрослая женщина, и ничего другого мне не нужно. Если ты чувствуешь какую-то вину передо мной – забудь. И еще ты должен сразу знать: детей я не хочу. Ни мамашей не хочу быть, ни мачехой.

– Но мне как-то неловко, Вита.

Она обхватила ладонями его лицо:

– Дорогой мой, я знаю, как ты ко мне относишься. И незачем ломать себе жизнь, чтобы это доказать. Чем ты дома занимаешься – это твое дело, но то, что между нами, пусть останется только между нами. Мы никому не делаем больно. Все замечательно так, как оно есть.

Вита, конечно, этого не знала, но ее связь с Хэммом кое-кому все же делала больно.

Внешне Хэмм казался Бетти Рэй прежним. Он и раньше не сидел на месте, а если и бывал дома, то редко один. Она этого не знала, но роман с Витой изменил взгляд Хэмма на мир и на Бетти Рэй. Он все еще любил ее, но по-другому. Что бы он ни говорил, его увлек водоворот больших денег и людей из большого мира. Хэмма по-прежнему немного удивляло, что его приняли в свой круг те, кто раньше и словом не удостоивал. Он редко брал с собой Бетти Рэй. Во-первых, из-за ее нелюбви к вечеринкам и громким событиям, а во-вторых, она неизменно чувствовала себя не в своей тарелке. В тех редких случаях, когда ее присутствия требовала политика, Хэмм обычно растворялся в толпе жаждущих с ним познакомиться, а Бетти Рэй забивалась в угол и, поговорив с одной-двумя дамами, которые жалели ее или просто любопытствовали, быстренько сбегала домой.

Она старалась не терять связи с Хэммом, находиться под рукой, когда нужно, но вот нужности она своей и не ощущала. Со временем Бетти Рэй стало казаться, будто она медленно тает – как свет на исходе дня. Будто она невидимка.

Даже мальчишки ускользали. Оба пошли в отца, были агрессивны, строптивы и большую часть времени проводили на улице, играя в футбол с

гвардейцами. Бетти Рэй не понимала, отчего так получилось, что она чувствует себя чужой в доме, словно все знают какой-то секрет, кроме нее.

Впрочем, так ведь и было. С самого начала окружение Хэмма знало про него и Виту. Хэмм сразу раскрыл карты:

– Если Вита о чем-то просит или в чем-то нуждается, я хочу, чтобы вы проследили, чтобы она это получила, понятно? И если вы хотите моего мнения по какому-либо вопросу, спросите Виту, она вас оповестит.

Ральфу и Лестеру, гвардейцам, которые обычно сопровождали Виту, объяснения не требовались. Они называли ее миссис Грин. Никаких тебе шуточек, смешков, фамильярности. Они знали, кто она и что значит для губернатора, и одобрять или не одобрять было не их ума дело. Вита не жаловалась, не вдавалась в объяснения, она просто была. Все поняли негласный приказ проследить, чтобы Вита и официальная первая леди не пересекались на официальных встречах. А если, не дай бог, они все же оказывались на одной территории, то хотя бы в разных помещениях.

Но инцидент все же произошел. Питер Уилер с женой Кэрол устроили вечеринку в честь открытия нового музея искусств в Канзас-Сити. Многие известные актеры съехались ради такого случая, и Сесил, приверженец этикета, посчитал, что если первая леди не покажется хотя бы ненадолго, это будет выглядеть неважнецки.

– Милая моя, – сказал он, – побудь полчаса. Поздоровайся, тебя снимают – и свободна, кто-то из охраны отвезет тебя домой.

– Ох, Сесил, это обязательно?

– Это будет много значить для штата, и Хэмм, я знаю, тоже так считает. Это не обычная встреча. Мы же не хотим его разочаровать, правда?

– Не хотим, – сказала Бетти Рэй.

Это был прием со знаменитостями, больше пятисот человек толпились в шикарном особняке Уилера. Бетти Рэй пришла в своем неизменном коктейльном платье кремового цвета и, как всегда, чувствовала себя серой мышью среди ярких, нарядных женщин. Но, верная слову, покорно позировала для фотографов, улыбалась, пожимала руки и повторяла фразу, которой ее научил Сесил:

– Добро пожаловать в наш штат, это для нас большая честь.

Минут через сорок пять она встретила взглядом с Сесилом, попрощалась с хозяевами и с облегчением села в машину.

Они были уже в дороге, когда Бетти Рэй сняла сережки, чтобы положить в сумочку, и обнаружила, что сумочки нет. Должно быть, оставила в ванной комнате на втором этаже.

Она бы не стала возвращаться, но в сумке остались и очки для чтения.

Молодой гвардеец, заменявший в тот вечер Ральфа Чилдресса, развернул автомобиль и поехал обратно. Бетти Рэй незаметно проскользнула в дом, поднялась наверх и взяла сумочку. Спускаясь по лестнице, услышала женский смех – такой заразительный, что ей захотелось глянуть, кто же так смеется. Женщина стояла в центре толпы мужчин. Она снова засмеялась. Бетти Рэй невольно остановилась, глядя на незнакомку. Вдруг рядом громко сказали:

– Как, миссис Спаркс, мы думали, вы ушли! – Это была Марта Росс.

– Да, но пришлось вернуться за сумочкой, – пробормотала Бетти Рэй и поспешила к выходу.

Марта не отставала:

– Ой, со мной та же история, вечно все забываю.

У дверей Бетти Рэй спросила, не сдержав любопытства:

– Миссис Росс, кто та красивая женщина?

Миссис Росс подняла бровь:

– Как, это же Вита Грин. Разве вы не знаете Виту?

Бетти Рэй покачала головой, миссис Росс глядела на нее с удивлением.

– Она практически управляет программами вашего мужа по искусству.

Просто не верится, что вы не знакомы с Витой. – Она схватила Бетти Рэй за руку и потянула обратно в зал, взволнованно восклицая: – Вита! Смотри, кто здесь! Поверить не могу, что вы до сих пор не знакомы с миссис Спаркс.

В комнате, полной гама и смеха, вдруг повисла такая тишина, будто все разом онемели. Даже лед перестал постукивать в стаканах. Вита, стоявшая спиной к Бетти Рэй, похоже, осталась единственным человеком, способным двигаться и разговаривать. Она спокойно обернулась и, ничуть не изменившись в лице, сказала тепло:

– В самом деле, как это мы с миссис Спаркс умудрились до сих пор не пересечься. – И с улыбкой протянула руку: – Здравствуйте. Очень рада знакомству.

Бетти Рэй, ослепленная блеском огромной бриллиантовой броши и красотой Виты, едва слышно пролепетала:

– Здравствуйте.

Вита все улыбалась.

– Какое приятное знакомство, миссис Спаркс. Надеюсь, мы сможем чаще видеться.

– Спасибо. – И Бетти Рэй едва ли не бегом покинула залу.

– Ну вот и славно, рада, что я вас представила друг другу, – сказала Марта Росс, явно полагая, будто совершила благое дело.

Как только за Бетти Рэй закрылась дверь, к людям вернулась способность шевелиться, а Вита как ни в чем не бывало продолжила беседу, словно встреча жены и любовницы – дело совершенно обычное.

По пути домой Бетти Рэй думала о миссис Грин. Как она грациозно держала сигарету в мундштуке, прямо киноактриса, одна из тех, что они с Анной Ли видели в элмвуд-спрингском кинотеатре. Может, и ей начать курить? Вита же, до сих пор видевшая Бетти Рэй только на фотографиях, удивилась, как Хэмм мог прельститься такой простенькой, неинтересной особой, без сомнения, хорошей, но ведь она скорее похожа на прислугу, чем на хозяйку.

Хэмм пропустил весь спектакль, а Бетти Рэй ему ничего не сказала, не выказала ни малейшего подозрения. Но Хэмм пообещал Вите, что больше такого не повторится. С того дня Ральф Чилдресс не спускал глаз с Бетти Рэй.

Власть

После того случая Сесил сказал Хэмму:

– Это твоя жизнь, милый, но уж очень ты невнимателен к своей жене, вот и все, что я собирался сказать.

А вот Венделл Хьюитт, министр юстиции, волновался, что это навредит Хэмму-политику. Венделл и сам угодил в похожую ловушку, когда был застукан с блондинкой, – и это стоило ему возможного губернаторства. Венделла и Родни – личных советников Хэмма – возмущало влияние Виты. Они пытались предупредить его, мол, ситуация опасна. Но Виту никогда не волновали сплетни. Она знала, к кому Хэмм в первую очередь бежит в радости, печали, страхе или за советом. Она принимала его целиком и полностью, без осуждения, без вопросов, и он это знал. После выступления перед семью тысячами людей на съезде демократов штата Хэмм приехал к ней воодушевленный, с горящими глазами. У него всегда была температура выше, чем у других людей, а в тот день он просто горел.

– Говорю тебе, Вита, мысль, что все тебя слушают и ты можешь сказать им все что угодно, пугает до чертиков: как легко управлять людьми. Знаешь, иногда я так устаю бороться за каждую мелочь с Эрлом Финли и другими, надрываться, чтобы хоть что-то протолкнуть. Я начал себя спрашивать – зачем? Зачем я это делаю? Чего ради? Но сегодня я стоял перед залом и вдруг понял – ради чего. – Он вскочил и зашагал по комнате. – Жаль, не могу описать это чувство, когда огромная аудитория ловит каждое твое слово, аплодирует, скандирует слова поддержки. Как будто управляешь океаном – можешь утихомирить его, а можешь поднять бурю. Господи, Вита, это уже даже не отдельные люди, это гигантская масса, машина, которой ты можешь управлять. Один раз такое изведаль – и все, ты попался. Как будто без этого умрешь. Понимаешь, о чем я? Тебе дали в руки палочку и поставили дирижировать огромным оркестром. И после этого группка в пять музыкантов для тебя ничто.

Вита улыбнулась ему, и он остановился и сел.

– Мне пришлось слишком много выпить, прости.

– Не извиняйся. Тебе не нужно передо мной извиняться или жалеть о каких-то своих словах, слышишь? Чем больше ты расскажешь, тем лучше я пойму тебя. Я люблю тебя, я на твоей стороне – помни об этом.

– Должно быть, ты считаешь меня идиотом, но с ребятами я не могу поговорить. Черт, они не поймут. Ты единственный человек, кому я могу

доверять. Бетти Рэй не интересуется политика, напротив, пугает. Она, конечно, старается, но она всегда хотела только одного – тихой, спокойной жизни, а я ее вон во что втянул. Я стараюсь как могу ограждать ее. Ее выставляли напоказ перед публикой с детства, и она ненавидит это мое губернаторство. Но господи, Вита, как же мне все это нравится.

А Бетти Рэй считала дни, когда они вырвутся из губернаторского дома и переедут в свой, по-настоящему свой, где не будет сотен людей. По приказу Хэмма Родни свозил ее посмотреть на новый дом из красного кирпича в пригороде. Позже, когда она вошла в кабинет губернатора, Хэмм, не поднимая головы, спросил:

– Ну, это то, что ты хотела?

– О, Хэмм, это больше, чем я могла надеяться.

Бывший продавец подержанных машин, Родни сохранил хватку и уломал агента по недвижимости придержать дом, пока не истечет срок губернаторства Хэмма.

Бетти Рэй не станет скучать по роли первой леди, но некоторых помощников ей будет очень недоставать. Сесила, например. А еще за эти годы она крепко сдружилась с убийцей Альбертой Питс, которая помимо подготовки помогала ей с мальчиками. Если она велела им отправляться в постель, они подчинялись незамедлительно. Альберту они слушались гораздо лучше, чем мать и отца.

Но больше ничто не держало ее в доме губернатора, скорее бы собрать вещи и бежать отсюда.

Хэмм старался приучить себя к мысли, что срок губернаторства подходит к концу, но с приближением перевыборов становился все тревожней, не находил себе места. Пока Сесил с Бетти Рэй ходили по магазинам, покупая мебель, посуду и всякие мелочи для нового дома, Хэмм жаловался и ныл каждому, кто соглашался подставить ухо, как это неправильно, что губернатору нельзя баллотироваться на третий срок.

– Если бы не пришлось бороться с Эрлом Финли и чертовыми республиканцами, у меня бы могло получиться, но двух сроков мало, чтобы все уладить. Мне нужно по меньшей мере еще четыре года, чтобы закончить начатое, а теперь Эрл протащит этого идиота Карни Буфера и все загубит...

Хэмм все больше нервничал и уже не мог спать. Ребята старались его подбодрить. Ничего не получалось. Наконец однажды Родни сказал:

– Тебе нужно ненадолго уехать.

И Венделл, Родни и Сеймор отвезли его на «Бетти Рэй» покататься.

Обычно на яхте Хэмм успокаивался, забывал обо всем и радовался, но не сегодня. Он сидел и смотрел на воду, прокручивая в голове варианты. Потом обернулся к Венделлу, который потягивал пиво, задрал ноги на бортик:

– А если созвать законодательную власть на внеплановую сессию, каковы наши шансы протолкнуть поправку к конституции?

Венделл понял, что он задумал.

– Хэмм, тебе ни под каким соусом не дадут пробиться, это закон штата.

– Но законы меняют, разве нет?

– Да, но не этот. Республиканцы не станут за него голосовать, и Эрл намерен посадить на это место Карни Буфера, так что расслабься и отдохни четыре годика. Потом вернешься и подчистишь все, что наворотит за это время старина Буфер. А пока катайся на яхте, путешествуй, – короче, развлекайся, парень.

Друзья Виты предлагали ему разную работу, но Хэмма ничего не вдохновило.

– Я благодарен им за предложения, Вита, правда. Просто не представляю, каково будет снова оказаться никем. Я привык быть в центре внимания, и мне этого будет не хватать.

– Но, дорогой, в шестьдесят восьмом ты снова можешь баллотироваться. Это всего четыре года.

Он посмотрел с отчаянием:

– Вита, я столько не выдержу. Не знаю, как объяснить, но ощущение, будто всю жизнь я был заморожен и только на этом месте отогрелся, по-настоящему отогрелся. Дело в том, что если тебя это зацепило, то все, ты не сможешь сорваться с крючка, даже если захочешь. Слишком поздно. Однажды туда попал, и больше тебе идти некуда – только вниз. Это единственное место, где ты себя чувствуешь живым, и нужно сражаться, чтобы его удержать. А вдруг я не вернусь? Вдруг Карни Буфер так напорочит, что в следующий раз выберут республиканца? Люди забывают о тебе, стоит отойти от власти. Дело в том, Вита... что я боюсь выпустить эту власть из рук.

Тонущий человек – опасный человек

Как-то вечером Хэмм с помощниками уныло сидел в своем кабинете. Заскочил Хэмм Младший, попросил монеток для игрового автомата в подвале и был таков. Хэмм глянул на Венделла:

– С какого возраста можно баллотироваться на пост губернатора?

– А что?

– Может, Хэмма Младшего заявить?

Венделл ухмыльнулся:

– Черт, парень, ты еще жену предложи.

Сеймор Грейвел сказал:

– Ага, или пса. А что, он куда умней Карни Буфера.

– Нашел с кем сравнивать, – фыркнул Родни. – Покажи, кто его не умнее.

Все засмеялись, кроме Хэмма. Он уставился в пространство стеклянными глазами. Потом встряхнулся, посмотрел на Венделла:

– А почему бы и нет?

– Ты о чем?

– Почему бы не выставить жену?

– Да брось, Хэмм, я пошутил.

– Есть закон, запрещающий это?

– Нет, но ты этого не сделаешь.

– Почему? Назови хоть одну вескую причину. Это все равно что за меня голосовать, разве нет?

– Да, но за женщину никто голос не отдаст, даже за твою жену.

– Почему нет?

Тут Сеймор поддакнул:

– Действительно, почему нет?

Через час никуда не ведущих горячих дебатов на тему «почему нет» Хэмм вскочил:

– Прогуляюсь.

Он вышел в другую комнату, притворил за собой дверь и снял телефонную трубку.

Вита болтала в гостиной с подругами.

– Миссис Грин, – сказала от двери горничная Брижит, – звонит архиепископ, говорит – срочно.

Вита извинилась и поднялась в спальню. Услышав идею Хэмма, она расхохоталась.

– Послушай, Вита, это все равно что купить дом, оформив его на чужое имя. Правда? Он же все равно останется моим. Я буду губернатором... Просто звать меня будут по-другому, и все. Что скажешь?

Она так смеялась, что не в силах была ответить.

– Я не шучу, Вита.

– Я знаю, Хэмм.

– Ну и что ты думаешь?

– Идея совершенно безумная, – сказала она наконец. – Представляю лицо Эрла, когда ты ему объявишь. Ради одного этого стоит попробовать. – Она утерла слезы. – О боже, я так смеялась, что тушь потекла. Хотя что тебе терять-то? В крайнем случае, просто позабавимся.

Хэмм вернулся в кабинет, сел и сказал:

– Думаю, мы должны это сделать.

Вынудив всех согласиться, Хэмм нажал кнопку на телефонном аппарате и проговорил проникновенно:

– Бетти Рэй, не могла бы ты спуститься на минутку?

Они услышали ее ответ по громкой связи:

– Хэмм, я уже в ночной рубашке.

– Ничего, дорогая, накинь халат и спускайся по черной лестнице. Мне надо с тобой поговорить.

– Она ни за что не согласится, – мрачно сказал Родни.

– Согласится, – ответил Хэмм. – Но вы, парни, должны мне помочь объяснить, что это наш единственный шанс.

Бетти Рэй представить себе не могла, о чем Хэмм хочет с ней беседовать в такой час, но халат надела и сунула ноги в пушистые розовые тапки с заячьими ушами – подарок на Рождество младшего сына, Ферриса. Открыв дверь кабинета, она перепугалась: комната была набита мужчинами. Бетти Рэй ухватилась за ворот халата:

– Ой, я не знала, что у тебя люди.

– Ничего, входи, Бетти Рэй, садись, – сказал паук мухе.

Она неуверенно вошла, с каждым шагом чувствуя все большую неловкость. Все присутствующие, включая ее собственного мужа, смотрели на нее как-то странно, будто видели впервые в жизни.

– Что-то случилось?

– Нет, дорогая, ровным счетом ничего. Мы с парнями просто хотели с тобой кое-что обсудить...

Спустя час они были наверху, в спальне, Бетти Рэй плакала.

– Как ты мог? Ты же слово дал, что это в последний раз. Говорил – еще четыре года, и все.

– Я знаю, дорогая, но ты же слышала, что сказали ребята. Я должен закончить начатое. Если я этого не сделаю, Эрл Финли свернет все мои задумки и никаких дорог никто не достроит. Это мой долг перед людьми, которые за меня голосовали. И ты – наша единственная надежда.

– Ой, Хэмм, да это просто смешно. Я ничего не смыслю ни в политике, ни в управлении штатом.

– Тебе и не понадобится ничего смыслить. Ты не будешь управлять, я все за тебя сделаю.

Она взяла очередной бумажный платок.

– И еще кое-что. Я мать двоих детей и не желаю быть втянутой в какую-то аферу, это явно незаконно.

– Очень даже законно. Венделл же тебе сказал.

– Ну пусть законно, зато нечестно. Притворяться губернатором, когда я не губернатор. Что люди подумают?

– Дорогая, ничего бесчестного здесь нет. Люди поймут, что голосуют за меня. И будут тебе благодарны. Ты же знаешь, какой высокий у меня рейтинг. Они бы все равно за меня голосовали, если бы не эти дурацкие законы. Ты всем окажешь услугу. Венделл же тебе объяснял.

– Почему тогда Венделла не выставить?

– Потому что. Дорогая...

– Я тебе скажу почему. Потому что все знают, что у него есть мозги, а я просто идиотка, которой можно вертеть как куклой. Вот почему.

– Ну перестань, Бетти...

– И как же дом? Я восемь лет жду. Ты обещал – еще четыре года, и все.

Он подошел и сел на кровать:

– Я знаю, что обещал, и хотел бы этого не меньше тебя. Но у нас есть долг перед людьми.

– А как же мы? Мы тоже люди. Как же наши сыновья? У них должна быть нормальная жизнь. Они тебя даже не видят. И я тебя не вижу.

– Но, дорогая, это же как раз для них. Ради их будущего. Я не хочу, чтобы у них был отец-неудачник. Мое имя – это все, что я могу им оставить. Я хочу, чтобы они могли гордиться именем Хэмм Спаркс. Это мой долг перед ними.

Он видел, что теперь она, по крайней мере, слушает. И пустил в ход главное оружие:

– Бетти Рэй, мне стыдно признаваться, но я был не до конца с тобой честен. Я собирался снова баллотироваться в шестьдесят восьмом. Но сейчас понимаю, что будет слишком поздно. Если я не удержусь, пока прочно стою на ногах, если не стану сражаться за все хорошее, что я сделал, вся работа, все усилия, все жертвы пропадут даром. И честно говоря, Бетти Рэй, я не уверен, что смогу с этим смириться. Ты моя единственная надежда. Думаешь, мне это нравится – не видеть тебя и детей? Нет. Но если ты еще раз потерпишь...

– Перестань, Хэмм. Я это уже слышала.

– Я понимаю. Но – честное слово! – если ты это сделаешь, клянусь жизнью, клянусь жизнью моих детей, я больше никогда не стану баллотироваться в губернаторы. Поклянусь на Библии перед Верховным судом Миссури, если хочешь.

Еще час Бетти Рэй плакала, а Хэмм умолял, и наконец ее сопротивление начало слабеть.

– Хэмм, прошу, не заставляй меня через это пройти. Лучше возьми ружье и сразу пристрели, потому что я просто умру, если придется выходить и произносить речи.

– Тебе ничего не придется делать – только встать, представить меня и сесть. Вот и все. Не считая этого, все останется прежним. С единственной разницей – на этот раз мы с тобой будем вместе двадцать четыре часа в сутки. Я всегда буду рядом, а ты только будешь моим молчаливым партнером. А если я буду работать в другом месте, мы снова с тобой не увидимся весь день. Разве ты не понимаешь, дорогая, только так мы сможем снова стать близки, как раньше. Ты же этого хочешь, правда?

– Ты знаешь, что хочу, но...

– Каких-то несчастных четыре года, и потом я уйду, зная, что сделал все возможное, и мы навсегда избавимся от политики.

Она спросила с мукой в голосе:

– Ты уверен, что это единственный выход?

– Ты слышала, что сказал Венделл. Если ты не согласишься, пострадает весь штат.

Она снова расплакалась:

– А как же мой дом? Я столько всего накупила... Он был бы таким красивым...

– Я тебе вот что скажу. Дом можешь оставить.

– Правда?

– Правда. Он подождет, никуда не денется. Можете с Сесилом украшать его как хотите. А через четыре года мы выйдем из этой двери и

переедем туда. А пока вы с детьми, да и я тоже, можем наведываться туда на выходных или ночевать иногда. Или мы с тобой одни можем туда ездить, а детей оставлять с Альбертой. Он станет нашим любовным гнездышком, так сказать. Так как? Сделаешь это ради меня – последний раз?

Она подняла на него покрасневшие глаза:

– Никаких речей?

– Ни одной.

– Клянешься?

– Клянусь. На Библии.

Она застонала:

– О господи, Хэмм, поверить не могу, что я позволила себя уговорить.

Но если это и впрямь на благо штата...

Итак, в 2.34 утра женщина в меховых розовых тапках с заячьими ушами согласилась баллотироваться на пост губернатора.

Хэмм смотрел на нее с искренней благодарностью.

– Спасибо, дорогая, ты не пожалеешь. Я знаю, что был тебе не лучшим из мужей, но отныне все изменится, вот увидишь. Обещаю.

Он поцеловал ее, вскочил и умчался в кабинет.

Сморкаясь в очередной платок, Бетти Рэй спрашивала себя, что же она натворила. И что там Хэмм говорил? Может, он прав, может, это и впрямь их сблизит. В конце концов, за восемь лет она ему впервые понадобилась. Вдруг не так уж все и плохо. Дом ей оставят, и он обещал поклясться на Библии, что это в последний раз. Раньше он не говорил, что готов поклясться. Она очень надеялась, что их отношения еще можно поправить. Потому что все еще безоглядно любила своего мужа.

Два в одном

Эрл Финли орал в трубку:

– Этот несчастный сукин сын обещал поддержать Буфера. Мы заключили сделку, и тут он швыряет гарпун мне в спину. Скажи сукину сыну, что я до него доберусь, чего бы мне это ни стоило.

– Я ему передам, Эрл, – сказала Вита.

– Готов придушить его голыми руками.

– Представляю, каково тебе. Поверь, я сама была в шоке, когда услышала.

Вита положила трубку, улыбаясь. Какая прелесть. Эрл, человек, который в жизни не совершал ничего кроме грязных сделок, в ярости.

Минни Отман услышала новость в Пайн-Маунтин, Джорджия, на празднике «Песни на горе». Она только что исполнила свой новый хит «Я вам что-то расскажу», и тут на сцену выбежал человек и протянул ей записку. Она вскинула руки и крикнула мальчикам:

– СЛАВЬТЕ ГОСПОДА, ВАША СЕСТРА – ГУБЕРНАТОР!

Когда было объявлено, что Хэмм выставляет свою жену, новость встретили неоднозначно. Люди, голосовавшие за него, смеялись и подмигивали друг другу: мол, их парень обыграл больших шишек. Остальные были в гневе. Они считали, что Хэмм выставил в дураках и себя, и их. За или против, но объявление вызвало громкий отклик. Это событие, да еще какое. Пока во всей истории Соединенных Штатов на губернаторском посту побывали всего две женщины, и обеих избрали в 1927 году в разных штатах. На досрочных выборах Нэнси Росс из Вайоминга стала преемницей своего мужа, внезапно скончавшегося на работе, а Мириам Фергюсон заменила своего, обвиненного в незаконном присвоении фондов. В 1964-м женщины в политике еще были в новинку, и воспринималось это скорее как шутка или издевательство. Фергюсонов из Техаса со смехом прозвали Ма и Па Фергюсон, и Хэмму нравилось, когда шутили, что в Миссури теперь тоже семейная команда – Ма и Па. Журналистам выделили специальный день для съемок, они съехались и нацелкали Хэмма в переднике и с перьевой штуковиной для смахивания пыли. Хотели взять интервью у Бетти Рэй, но всему персоналу губернаторского особняка было строго наказано: «Делайте что угодно, только держите прессу от нее подальше».

Несмотря на Хэммовы обещания, Бетти Рэй немедленно попала в лапы

парикмахеров, косметологов и модельеров, которых Сесил мобилизовал для «улучшения ее имиджа», как он выразился. Поскольку, по его же словам, никакого имиджа у нее и в помине не было. Последовали бесконечные часы примерок – платье за платьем, костюм за костюмом. Бетти Рэй стояла, а Сесил с друзьями спорили, что ей больше к лицу, пока не решили, что стиль Джеки Кеннеди подойдет лучше всего – изящные трикотажные костюмы и шляпка-таблетка. Вот только с очками вся эта красота не очень-то сочетается. И следующим ходом Сесила было убедить ее заменить очки на контактные линзы.

– Милая моя, у тебя такие красивые глаза, и тебе это пойдет гораздо больше, поверь мне.

Получилась в результате полнейшая катастрофа. На первой большой пресс-конференции она стояла рядом с Хэммом, жутко лохматая – предположительно это должно было выглядеть версией пышной прически Джеки Кеннеди, – и беспрерывно моргала от рези в глазах. А когда посреди речи Хэмма одна линза выскочила, Бетти Рэй запаниковала.

– Потеряла! – прошептала она и принялась яростно шарить в вырезе платья.

Репортер повернулся к соседу и спросил:

– Что потеряла?

Второй ответил:

– Не знаю, приятель, боюсь даже гадать.

А затем последовали нескончаемые разъезды в набитой людьми машине по дорогам Миссури, за ними тащились грузовики со звуковым оборудованием, баннерами, складными стульями, портативной сценой и группой Лероя Отмана «Парни от сохи из Миссури», которых снова призывали ради такого случая. Бетти Рэй сидела в машине и читала, пока Сесил не приходил за ней, чтобы сопроводить к сцене. И тогда она брела к микрофону и говорила:

– Мы очень рады быть сегодня с вами, и я с удовольствием представляю вам своего первого советника – моего мужа, вашего губернатора Хэмма Спаркса.

На этом ее миссия заканчивалась. Хэмм ораторствовал сорок пять минут, а она сидела позади него в ожидании, когда ее отведут обратно в машину и повезут дальше.

Хэмма атаковали со всех сторон. Карни Буфер потрясал кулаками:

– Этот обман Спаркса, который пытается перетянуть избирателей на свою сторону, оскорбителен для всех женщин Америки.

Передовицы обвиняли Спаркса в надувательстве целого штата ради

того, чтобы пролезть в кабинет губернатора, держась за подол жены. Каждый гражданин имел собственное мнение по этому поводу. В Элмвуд-Спрингсе Дороти, едва услышав утром новость, пренебрегла строгим правилом не поддерживать в передаче никаких политических кандидатов и сказала в эфир:

– Похоже, наша Бетти Рэй выставила кандидатуру на пост губернатора, и мы донельзя счастливы. В мире нет девушки добрее.

Но Док и Джимми придерживались другого мнения. Однажды вечером, когда они сидели на веранде, Док сказал:

– Не стоило втягивать ее в этот кошмар. Как считаешь?

– Жестоко так поступать с такой славной леди, это точно, – ответил Джимми.

– Высечь бы его.

– Или еще кой-чего сделать.

Джимми промолчал о том, что бы он сделал с этим проходимцем. Он ненавидел Хэмма со всей страстью с того Рождества четыре года назад, когда навещал друзей в Госпитале ветеранов в Канзас-Сити. Имя Хэмма Спаркса всплыло случайно. Друзья вручили Джимми подарок. Он развернул коробку, и там оказалось двенадцать пачек сигарет. Один из друзей сказал:

– Не нас благодари, а губернатора.

Другой добавил:

– Да, он постоянно сюда навещается, к подружке своей. С тех пор как они вместе, мы купаемся в подарках.

– Он ветеран и, когда бывает в городе, всегда подкидывает нам сигарет. Она, судя по фото в газетах, красotka, дама из высшего общества... Небось певичка-то уже надоела ему. Да я его и не виню. Слыхал, эта красotka и ее подельники вбухали в него кучу денег.

– Правда?

Джимми закурил сигарету из своей пачки. А сам думал: «Ах ты сукин сын!»

Он не признался, что знает Хэмма Спаркса или Бетти Рэй. Парень в инвалидном кресле сказал:

– Я бы тоже не стал выпихивать богатую красotka из своей постели. Черт, да я бы и уродину не выпихнул, мне вообще насрать, как она выглядит.

Они засмеялись, и разговор перескочил на другую тему. Большинство ребят были парализованы, и близость с женщиной им была недоступна.

Джимми вышел из госпиталя и на автостанции сунул подаренные

сигареты старику, сидевшему на лавке:

– Держи, приятель. С Рождеством.

Джимми ничего не принял бы из рук Хэмма Спаркса. Но не гоняться же за ним с бейсбольной битой.

Шоу продолжается

Возникали, конечно, и препятствия. Одно дело голосовать за Хэмма Спаркса, но совсем другое – за женщину, даже если она всего лишь доверенное лицо кандидата. Некоторые мужчины ни за что не отдали бы голос женщине. Но большинство демократов проголосовали «за», и Бетти Рэй без труда прошла предварительные выборы. Однако в ноябре началась борьба с кандидатом от республиканцев. Нападая на Хэмма, он вел себя очень аккуратно, чтобы не задеть Бетти Рэй, но один из его главных помощников все-таки съехидничал по поводу госпела в прошлом Бетти Рэй, и это попало в газеты. Хэмм только того и ждал.

– Мы с женой, в отличие от нашего уважаемого оппонента-республиканца, не стыдимся прослыть богобоязненными христианами. Моя жена – скромная женщина, но она гордится тем, что происходит из семьи традиционных певцов госпела. И я горд, что стал зятем такой замечательной женщины, как Минни Отман. Я считаю, что нападать на людей из-за их вероисповедания – не по-американски и, если так можно сказать, не по-джентльменски. Честно говоря, мне стыдно за моего оппонента, я удивлен, что он опустился до того, чтобы замахнуться на мою жену и ее семью.

Пока Хэмм размазывал соперника по асфальту, народ уже забыл, что сам кандидат ничего такого и не говорил. Во время предвыборной кампании Вита не так часто видела Хэмма, как ей хотелось бы, хотя они и разговаривали каждый день, но она получала удовольствие, наблюдая за его деятельностью.

Утром 5 ноября все телевизоры были включены.

«Сегодня в Миссури день женщин», – сказала, улыбаясь, Барбара Уолтерс в программе «Эн-би-си сегодня». Мужчина-репортер рядом с ней едва заметно хмыкнул, но вовремя одернул себя и сменил тему, впрочем, только после того, как поздравил нового губернатора Спаркса.

Бобби и Анна Ли послали Бетти Рэй телеграммы с поздравлениями, как и Док, Дороти и Мама Смит. В первое воскресенье после победы Бетти Рэй Дороти встретила в церкви Паулину Татл, ту самую учительницу английского языка в старших классах, которая предсказывала, что Бетти Рэй ничего в жизни не добьется. Дороти не хотела потирать руки, но не удержалась и бросила, проходя мимо:

– Ну, Паулина, что вы думаете теперь о нашей девочке?

Паулина стояла с тарелкой в руке, вид у нее был беспомощный.

– Даже не знаю, что сказать, Дороти, нет слов. Как эта застенчивая малышка могла дорасти до губернатора, не укладывается у меня в голове.

В голове Бетти Рэй это не укладывалось и подавно. Как она позволила Хэмму себя уломать, осталось для нее загадкой, но позволила – и теперь чувствовала себя в ловушке. Это сильно напоминало беременность сроком шесть месяцев: назад пути нет. Только вперед.

В день инаугурации, невзирая на все страхи, она выдержала присягу, и позировала для фотосессии, и даже – хотя руки и ноги ужасно тряслись – прочитала короткую речь, которую ей написали.

– Дамы и господа, с покорным смирением я принимаю сегодня эту должность. С вашей поддержкой и с помощью моего мужа и советника номер один обещаю исполнять свои обязанности нового губернатора со всем старанием, и да поможет мне Бог.

Сесил дал знак музыкантам, и Бетти Рэй с Хэммом пешком направились к губернаторскому особняку – в самый холодный день года. Вдоль дороги выстроились шеренги доброжелателей, и Хэмм шагал, улыбаясь и приветственно махая толпе. Кое-кто говорил, что вел он себя так, будто это его переизбрали. А Бетти Рэй чувствовала себя одинокой даже в уличной толпе. Мама не было рядом: не смогла отменить выступление. Дока и Дороти тоже не было: Мама Смит заболела и в последнюю минуту им пришлось отказаться от поездки. Когда они подошли к зданию, Бетти Рэй увидела знакомое лицо на крыльце.

– Добро пожаловать домой, губернатор Бетти, – сказала убийца Альберта Питс. – Вещи губернатора Хэмма поглажены, отнесены в его комнату, и ваши вещи, и вещи мальчиков дожидаются, готовенькие.

Бетти Рэй была ужасно рада ее видеть.

– Спасибо тебе, Альберта.

– Да я с удовольствием. Вы же знаете, не люблю без дела прозябать. Как там поговорка? Дьявол всегда найдет работу для праздных рук. Как-то так.

Выкупав мальчиков, она зашла в комнату Бетти Рэй:

– Как я погляжу, этот ваш Фиггз все еще тут?

– Сесил? А, да. Все здесь, кто и прежде.

– Что ж, лучше бы ему на этот раз быть поосторожней. Если он снова спустится в кухню и начнет доставать меня туфлями, пусть пеняет на себя.

Бетти Рэй, уже одетая и готовая к губернаторскому балу, села на кровать.

– Альберта, – сказала она, – я отдала бы миллион долларов, лишь бы туда не идти.

– Ну, раз вы теперь тоже губернатор, они наверняка заставят вас делать много такого, чего вы не хотите.

– Надеюсь, что не очень много.

Сесил Фиггз постучал в дверь:

– Милая моя, не хочу тебя торопить, но надо сфотографироваться перед началом, так что спускайся как можно быстрее. Тебе помощь нужна?

Бетти Рэй вздохнула и встала:

– Нет, я готова.

Сесил открыл дверь:

– Ох, какая красавица. – Потом заметил Альберту и весело добавил: – Привет, Альберта! Вот мы и снова все вместе – правда, чудесно?

– Угу, – буркнула она, сузив глаза. – Снова.

После инаугурации Бетти Рэй стало ясно, что ничего не изменилось. Хэмм тут же удалился в свой кабинет с помощниками, и они принялись договариваться о встречах, разбираться со счетами и законами, которые не прошли за последние четыре года, придумывать, как их изменить, чтобы добиться своего. Однако предсказание Альберты оказалось верным. С этих пор Бетти Рэй только и делала, что выстаивала фотосессии с королевами красоты, победителями конкурсов, девочками-скаутами, мальчиками-скаутами, со скаутами-орлами, с учителем года, с бизнесменом и женщиной года и всеми прочими, кому Сесил обещал фотографию с губернатором, пока Хэмм и его команда в другой комнате работали. В конце каждого дня она сидела и подписывала все, что клал перед ней Венделл, после чего шла спать – как обычно, одна.

Впрочем, жилось ей вовсе не так уж плохо. Большую часть свободного времени она проводила в новом доме – с удовольствием слонялась по комнатам или возилась в саду. А через несколько месяцев после выборов в гости приехали Дороти и Мама Смит, поправившаяся после тяжелого гриппа. Бетти Рэй смеялась, когда Дороти вручила ей острый хот-дог, который Джимми специально приготовил для нее и любовно завернул в фольгу. Жадно выслушала подробности о новой работе Бобби и младшем ребенке Анны Ли, а гости дивились, как выросли ее сыновья. В общем, день прошел замечательно.

Старые друзья

Соседка Дороти не любила сплетничать, поэтому после визита к новому губернатору штата просто сказала в своей передаче:

– На выходных мы с Мамой Смит совершили замечательную поездку к нашему старинному другу и были страшно рады ее видеть. И нынче утром, пока время не вышло и мы не погрузились в рутину хлопот, я хочу воспользоваться моментом и сказать, как мы благодарны судьбе за то, что в нашей жизни есть все вы. Просто не представляю, что бы мы все эти годы делали без наших друзей радиослушателей. Кстати, о друзьях... Одна из наших милых радиослушательниц, миссис Хэтти Смит из Бел-Мид, Миссури, прислала такую фразу: «Когда сажаешь семена доброты, наверняка соберешь богатый урожай хороших друзей».

Спасибо, Хэтти, и еще у нас есть победитель в состязании по орфографии. Чемпионом становится тринадцатилетняя мисс Рони Клэр Эдвардз, ее слово – М-И-Л-Л-И-П-Е-Д. Наши поздравления – ты, должно быть, гений. Будем с интересом наблюдать за твоей карьерой. Увы мне, я произнесу такое слово по буквам не скорее, чем вычерпаю океан плетеной корзинкой.

Спасибо, Мама Смит (она подглядела в словарь). «Миллипед – членистоногое с трубчатым телом, состоящим из двадцати и более – до ста – сегментов, каждый сегмент оснащен двумя парами ног». Батюшки святы. Теперь вопрос от меня – что такое членистоногое? Что? А-а, ясно. Мама Смит говорит: что бы это ни было, лучше бы оно по ней не ползало. На сто процентов с тобой солидарна, Мама Смит.

Арбузы, сладкая кукуруза и помидоры станут темой для обсуждения в пятницу, на Дне овощей. Хотите узнать свежие факты из жизни овощей – не забудьте принять участие. У нас сегодня много веселого, но прежде всего – новости. Для этой мне понадобятся фанфары, Мама Смит. Ада и Бесс Гуднайт ездили в Канзас-Сити и приобрели себе новенький трейлер, и теперь, когда обе овдовели и ушли на пенсию, они собираются исчезнуть в голубой дали и стать заядлыми автотуристками. Они говорят, что пока не знают, куда отправятся и когда вернуться, и пусть так оно и будет. Представляете, каково – каждое утро у вас новый вид в окне. Ох, не знаю, что бы я делала, если бы выглянула в окно и не увидела своего садика, но эта парочка полна задора и рвется в дорогу. Так что, дорогие, если увидите красный «додж», похожий на большой помидор, с трейлером на прицепе,

знайте: это они. Пожелаем удачи нашим путешественницам.

Еще из серии хороших новостей: вчера я получила чудесное письмо от моей невестки Луис, она рассказала, что Бобби только что повысили до вице-президента на фирме «Птицы Фаулера», и для мальчика, который оставался на второй год в шестом классе и не мог продиктовать по буквам даже слово «обезьяна», не то что «миллипед», это, поверьте, большой скачок.

Съезд губернаторов

В 1966-м Бетти Рэй с облегчением узнала, что Лурлин Уоллас из Алабамы выставила свою кандидатуру на пост губернатора, и молилась за ее победу, чтобы не оставаться единственной женщиной-губернатором в Соединенных Штатах. Ничего веселого в этом не было.

В начале следующего года, когда на имя Бетти Рэй Спаркс из Миссури поступило приглашение на Национальный съезд губернаторов в Вашингтоне, она сказала:

– Я не поеду. Там соберутся настоящие губернаторы, не хочу выставлять себя душой.

– И не выступишь, дорогая, я все время буду рядом. – Хэмм похлопал ее по руке: – Просто улыбайся и делай приятное лицо. Я за тебя все скажу.

Сесил сразу воодушевился: раз предстоит тур, значит, они пойдут покупать наряды, и сказал, тараща глаза:

– Если не поедешь, милая моя, подведешь целый штат.

Хэмм прибыл на конференцию, сверкая глазами и распушив хвост. Это была его первая поездка в Вашингтон в качестве мужа губернатора, и пресса им очень интересовалась. Бетти Рэй с удовольствием слилась бы со стеной, будь ее воля. Она страдала, зато Хэмм являлся на все события для «жен» губернаторов – чаепития, ланчи, показы мод – и очаровал всех дам. А выиграв приз в одной из многочисленных лотерей, замысловатую женскую шляпку, развлекал дам, красуясь в ней до конца ланча. Хэмм по своей природе был очень естественным и, если его о чем-то спрашивали, отвечал прямо. Для репортеров, получивших скучное задание опросить всех губернаторских женушек, Хэмм был как глоток свежего воздуха. Супруги политиков славились тем, что отвечали в основном «Вам придется спросить об этом моего мужа» или «Я не знаю, в этом разбирается мой муж». Но с Хэммом было по-другому.

И еще он не чувствовал опасности. В его родном штате такая прямота считалась достоинством. Здесь, на общегосударственном уровне, она являла собой потенциальную катастрофу, которая только ждала своего часа, чтобы разразиться, и репортеры вились вокруг него, надеясь урвать цитату для скандальной истории.

У всех на уме был Вьетнам, а для любого политика это опасная тема, западня. Венделл предупредил Хэмма, что нужно держать рот на замке, но на коктейльной вечеринке для жен к нему подседа красотка и, отпустив

комплимент его галстуку, спросила:

– Что вы думаете обо всех этих антивоенных митингах?

Хэмм ответил, не задумываясь:

– Кучка идиотов. Лучше бы протестовали против того, что правительство сидит на заднице и ничего не делает, а эти мелкие ублюдки убивают наших лучших парней. Надо уже на что-то решиться, в конце концов.

– Что вы имеете в виду?

– Чем заигрывать с вьетконговцами, надо от них избавиться раз и навсегда. У вас посреди гостиной стоит слон, а все ходят вокруг него на цыпочках.

Женщина сделала вид, что не понимает:

– Не уверена, что поймала вашу мысль. Какой слон?

– Бомба, дорогая, бомба. У нас она есть, у них нет. На кой мы ее создавали, если не используем? Трумэн был прав. – Он указал на окно – перед отелем толпилась группа протестующих: – Пусть эти мягкосердечные слюнтяи заткнутся и дадут нам прекратить эту чертовщину, пока не стало хуже. Тогда мы сможем вернуть наших мальчиков домой, а ренегатов выдворить из страны к чертям собачьим.

Потом он сожалел, что использовал бранные слова перед дамой, но говорил он то, что чувствовал. И слишком поздно понял, что дама собирает материал для «Вашингтон таймс». Ко времени его возвращения в Миссури история прогремела на всю страну, а в «Ньюсуик» появилась карикатура: он запускает руку в ведро и бросает хиппи в океан, как наживку. Одна передовица изобразила его с поднимающимся из головы облачком в форме гриба, другая представила бешеным псом с пеной у рта, которого Бетти Рэй пытается удержать на поводке.

Хотя Хэмм выразил вслух мысль большинства ветеранов, он поднял бурю в масштабе всей страны и прослыл «горячей головой» у себя в штате. На время пришлось ему лечь на дно.

Несколько недель спустя Родни вошел в его кабинет, ухмыляясь.

– Ну ты прославился, брат. Мне только что звонили из Университета Беркли в Калифорнии, хотят, чтобы ты у них выступил.

Хэмм вскинул голову:

– Правда? Когда?

Родни отмахнулся:

– Не беспокойся, я сказал, ты занят.

– Почему?

– Почему? Не пущу я тебя туда, это же рассадник психов.

Венделл согласился:

– Нет, туда тебе точно не надо. Слишком опасно. Черт, нет ничего опаснее пацифистов. Они тебя на части порвут.

Хэмм сказал:

– Погодите, давайте помозгуем. Это крупный, знаменитый университет. А значит, выступление получит большое освещение в прессе, так? Может, мне как раз таки на пользу побеседовать с ними. Словно бы я хочу послушать противоположное мнение... и если они хотят немного прислушаться к моему, может, я им даже что-нибудь докажу.

– Нет, не докажешь, – сказал Венделл. – Единственное, чего они хотят, – это растерзать тебя на сцене, на глазах у всех. Они и слушать тебя не станут.

Хэмм понимал, что так и есть, однако был польщен, что его позвали. Он всегда мечтал пообщаться с университетом или колледжем. Все, включая Виту, твердили, что это плохая идея. И все же он не смог отклонить вызов.

Они прилетели в Сан-Франциско накануне встречи. Родни, Венделл и Сеймор всю дорогу ворчали. Заселились в отель, Хэмм почти не спал в эту ночь. Долго работал над речью, особенно старался избавиться от акцента и грамматических ошибок. Хотел быть на высоте в таком знаменитом университете. Впервые за много лет он нервничал по поводу выступления. Четыре раза спросил у Родни, хорошо ли сидит костюм, дважды поменял галстук. Их забрали в девять и перевезли через мост к кампусу. Как и ожидалось, его встретила толпа студентов. Когда они проезжали мимо, народ стал кричать и долбить по машине. Хэмма это не смутило. Теперь он был спокоен и собран. Зато остальные распереживались. Сеймор, его телохранитель, настоял, чтобы Хэмм надел утром бронежилет, и был рад этому, глядя на протестующих.

– Черт, – сказал он, – японцы, с которыми мы дрались, были не такими злобными, как эти ребяташки. – И пощупал дубинку за пазухой: – Повезет, если выберемся отсюда живыми.

Перед ними плыли транспаранты: ВЬЕТНАМ – ВОЙНА РАСИСТОВ; ХЭММ ХИРОСИМА; ВОЗВРАЩАЙСЯ В ДЖУНГЛИ, ПОДСТРЕКАТЕЛЬ; БЕЛОЕ ОТРОДЬЕ, ПОШЕЛ ПРОЧЬ; ОСЛИЩЕ ХЭММ; ПРИЗНАЙ ОШИБКУ, ТУПАЯ ДЕРЕВЕНЩИНА. Но Хэмм улыбался и махал рукой толпе, словно все рады его видеть, что еще больше распаляло собравшихся. Когда они наконец попали в здание с черного хода, ректор университета, сухой бесцветный человек с перхотью в волосах, холодно поздоровался и, опасаясь фотографов, оставил протянутую для приветствия руку Хэмма без

внимания. На сцене представление гостя слушателям ограничилось пятью словами:

– Дамы и господа, Хэмм Спаркс.

Дела пошли неважнецки с самого начала. Одно упоминание его имени вызвало в толпе гул неодобрения. Ректор сошел со сцены и сел в первом ряду среди профессоров, а Хэмм поднялся на трибуну.

– Спасибо за любезную встречу, господин ректор, – сказал он с улыбкой. – Я польщен приглашением вашего университета. Хочу, чтобы вы знали: никто не уважает и не поддерживает образование больше меня. Также я привез наилучшие пожелания от людей нашего великого штата Миссури.

Внезапно под выкрики и свист на сцену полетели помидоры, один взорвался прямо у ног Хэмма.

Хэмм глянул на первый ряд, ожидая, что ректор встанет и призовет слушателей к порядку, но тот безмолвствовал, как и прочие профессора, что сидели перед сценой; многие даже ухмылялись. В этот момент Хэмм осознал, что стоит перед ними один. Один, не в силах двинуться. Зал продолжал улюлюкать. Внутрь проникли протестующие, которых он видел на улице, и, размахивая плакатами, двинулись к сцене. Это явно была спланированная акция.

Никто с самого начала не собирался его слушать. Хэмм почувствовал себя полным идиотом. Вита и ребята были правы. Родни из-за кулис махал руками: слезай, слезай! Хэмм мог уйти, но не ушел. Вместо этого он разозлился и попер напролом. Хотя его явно не слушали, он закричал, пытаясь перекрыть шум:

– Вы можете оскорблять меня, ради бога, но вы не смеете оскорблять бывшего губернатора Миссури, и будь я проклят, если вам удастся меня заткнуть. Вы позвали меня произнести речь – и вы ее получите. Я ваши писульки на картонках прочел, и можете называть меня тупоголовой тыквой и деревенщиной, как хотите. Но у нас по крайней мере хватает вежливости не приглашать человека ради того, чтобы извлекать его в грязи. Так что я горд быть деревенщиной. Но я не фанатик. Когда я говорю, что я за всех граждан этой страны, я имею в виду всех, даже вас, хиппи. Мне вас жаль, потому что вы просто ничего не знаете. – Он посмотрел на первый ряд. – Я за всех вас, кроме этих прилизанных, трусливых профессоров, ваших преподавателей, которые промыли вам мозги и настроили против собственной страны. Доверху вам башку забили подрывными, антиправительственными идеями... Науськивают вас сжигать призывные повестки и позволяют наматывать американский флаг на задницы. – Он

ткнул пальцем в преподавателей: – Неудивительно, что подстрекаете вы детей. Попробовали бы вы пичкать этой пропагандой взрослых – они бы из вас дурь-то выбили. У меня для вас есть предложение. Если вам тут не нравится, могу позвать ребят-ветеранов и парней из Американского легиона, у них как раз руки чешутся помочь вам переехать в Россию. Эти русские и секунды не станут терпеть ваше нытье и скулеж. Я верю в свободу и личные права, но никто не имеет права жить здесь и при этом поносить нас.

Потом он обратил взгляд на демонстрантов, что маршировали на месте, скандируя: «Нет, нет, мы не уйдем» и «Эге-гей, сколько ты убил парней?»

– Вы тут коммуняк любите, но, плюнув на одного солдата или одного полицейского, вы плюете на всю нацию. Да вы просто горстка трусливых маменькиных сынков, раз позволяете другим за вас воевать. А матери и отцы бедных чернокожих пацанов, за которых вы так беспокоитесь, не могут набрать денег, чтобы отмазать их от призыва. И когда те самые коммунисты окажутся здесь, ваши неженки-профессора начнут искать, кто бы их защитил, ан нет – тут никого не будет, вы все слиняете в Канаду.

Так что можете орать ваши лозунги, мотать транспарантами и устраивать сидячие забастовки, но когда-нибудь вы повзрослеете – и устыдитесь. А если вы, тупоголовые битники, действительно хотите помочь своей стране, то постригитесь, отмойтесь да сходите в Госпиталь ветеранов – ветеранов, которые воевали за то, чтобы вы сейчас имели возможность размахивать транспарантами.

Он перевел дыхание. Шум не утихал.

– Когда я сюда приехал, ваш ректор дал понять, что меня здесь не наградят памятным значком. Что ж, наша антипатия взаимна. Мои помощники провели небольшое исследование и обнаружили, что за последние несколько лет вы приглашали Фиделя Кастро, Никиту Хрущева и члена «Черных пантер»^[28], и вы с восторгом одарили значками всех трех общепризнанных врагов, которые уничтожили бы вашу страну, будь у них хоть полшанса. Так что если вы таким даете памятные значки, то я бы предпочел его не иметь.

Он сошел со сцены под улюлюканье и топот ног и поспешил наружу, к вымазанной оранжевой краской машине, которой прокололи все четыре колеса. Когда они на ободах кое-как выехали за территорию университета, Родни повернулся, показал демонстрантам средний палец и расхохотался.

– Что смешного-то, черт подери? – спросил Венделл.

Родни ответил:

– Эти свиньи настолько оторваны от реальности, что даже не в курсе: машина-то ихняя.

Хэмм не смеялся. Его речь никто не слышал. Весь зал вопил, молотил ногами по полу и свистел. Но позже Хэмм сказал себе: ничего, он же слышал свою речь. И это его утешило.

По возвращении домой даже он признал, что обаяние Хэмма Спаркса не сработало. Они думали, что на том все и закончится, огласки не будет. Но один студент-репортер, предвидевший, что спикера будут заглушать криками, положил на трибуну маленький диктофон, которого Хэмм не заметил. Вся речь осталась на пленке. Потом студент распечатал запись – всю до последнего пылкого слова – и опубликовал в университетской газете.

Репортер, хиппи, увешанный бисерными фенечками, предполагал, что публикация еще больше навредит Хэмму. Однако в Акроне, штат Огайо, отец репортера, ветеран Второй мировой, как и сам Хэмм, нашел газету, в которую сын завернул присланное матери для стирки грязное белье. Прочитав, он сказал себе под нос:

– Все так, дружище.

А затем наделал копий газетного листа и разослал всем своим приятелям, а те разослали своим. Вместо того чтобы навредить Хэмму Спарксу, студент-репортер добился ровно противоположного: отец перестал оплачивать его обучение в колледже, что автоматически сделало его пригодным для службы. И пришлось Бисерным Бусам автостопом эмигрировать в Канаду.

Копии речи Хэмма медленно, но верно распространялись по стране и вскоре лежали в каждом Госпитале ветеранов и в холлах отделений Американского легиона. Полицейские участки, пожарные управления и профсоюзы по всей стране развешивали ее на своих стендах, и на адрес Хэмма хлынул поток писем с поддержкой. Через месяц в одной из центральных газет на первой полосе красовался заголовок: ХЭММ ПРОТИВ ИНТЕЛЕКТУАЛОВ. 10:0.

Пошли публикации на эту тему. Скоро позвонили из Национальной стрелковой ассоциации и спросили, можно ли назвать ружье в его честь. А когда продажа наклейки на бампер «ЛЮБИ ЕЕ ИЛИ ВАЛИ ПРОЧЬ» за неделю почти удвоилась, печатная компания послала ему благодарственную записку и денежное пожертвование.

Люди считали, что именно из-за этой волны народной поддержки у Хэмма возникло ошибочное мнение, что ему следует баллотироваться в

президенты.

Когда Хэмм сделал свое удивительное заявление, Сесил Фиггз буквально подпрыгнул от восторга, у него все поджилки затряслись при мысли, что он сможет планировать званые вечера для Белого дома. Вита отнеслась к заявлению Хэмма неоднозначно. Она не стала бы его отговаривать ни от каких задумок, но это решение ее сильно встревожило. Политику теперь делала не горстка мужчин, договариваясь между собой в потайной комнате. Нынче это был смертельный бизнес. Людей убивали. А Хэмм уже обзавелся множеством политических врагов. Но ведь и отобрать мечту Хэмма все равно что убить его.

И, глядя на сопящего рядом фактического губернатора и, возможно, будущего президента Соединенных Штатов, Вита подумала: «Господи, помоги нам всем».

Неожиданное и стремительное решение Хэмма баллотироваться застало всех врасплох, и особенно – Бетти Рэй. Он с ней ничего не обсуждал. Как всегда, она узнала последняя. Ее попросту огорошили: Хэмм выставил свою кандидатуру в президенты и начал предвыборную кампанию, так что с губернаторством ей придется самой справляться. Первый советник Бетти Рэй исчез в голубой дали. Перед тем как исчезнуть, он заверил потрясенную Бетти Рэй, что волноваться ей не о чем, он будет на телефонной связи. Некоторое время Хэмм и вправду управлялся с проблемами по телефону, а затем подрастерял интерес к делам штата и сосредоточился на своей президентской кампании.

Венделл как мог помогал Бетти Рэй, но Хэмм все больше дергал Венделла и остальных, заставляя работать на себя, и она целыми днями оставалась один на один с проблемами. И постепенно Бетти Рэй стала сама руководить штатом – работа, которой она никогда не желала и к которой не была готова.

Впервые за все время своего губернаторства ей пришлось читать бумаги, поданные на подпись, и даже самой принимать решения. В страхе сделать ошибку она не спала до утра – рылась в книгах, отчаянно пытаясь разобраться, как быть губернатором, а днем управлялась с государственными делами и попутно с детьми. Порой объявлялся Хэмм – подбадривал в телефонную трубку, говорил, что знает, как ей тяжело приходится, но это его долг перед американцами: им нужен человек, который будет за них. Все это, может, и хорошо, и полезно для Америки, думала Бетти Рэй, но пока он просто-напросто бросил ее барахтаться и выплывать без помощи. Но вскоре некоторые очень удивились, получив

подписанное прошение о займе практически из первых рук, поскольку бумага была доставлена Альбертой Питс. Это она подсказала Бетти Рэй, что 15 миллионов для реконструкции женской тюрьмы «Мейбл Додж» – хорошая идея.

Бетти Рэй пришлось вникнуть, что же происходит в их штате. Со строительством дорог и мостов, с развитием бизнеса дела обстояли неплохо, но Бетти Рэй заметила и тьму мелких недочетов, которыми Хэмму было вечно недосуг заняться. Теперь она внимательно читала все адресованные губернатору письма от женщин, а прежде на них отвечал кто-нибудь из помощников Венделла. Бетти Рэй глубоко трогали проблемы реальной жизни. Писали женщины, чьи мужья либо умерли, либо оставили их без средств, без работы; некоторым пришлось даже отдать детей в приемные семьи. Писали старухи, проработавшие всю жизнь и оставшиеся без средств и без жилья. Письма поступали сотнями, отправители надеялись на ее женское понимание, другим политикам они нипочем не написали бы.

Прежде Бетти Рэй подписывала бумаги и занималась прочими делами у себя в комнате, но теперь работы было слишком много. Однажды утром она зашла в кабинет губернатора и впервые села за стол Хэмма... И нажала кнопку, надеясь, что кнопка та.

Кто-то громко сказал:

– Да?

Бетти Рэй подпрыгнула.

– Да? – повторил незнакомый голос.

Она наклонилась и сказала тихо, будто извиняясь:

– Не могли бы вы принести мне список всех торговых школ в штате, если вас не затруднит?

– Кто это? – поинтересовался голос.

– Губернатор, – сказала она, сама с удивлением услышав свой ответ.

Повисла пауза, потом до ее собеседника наконец дошло.

– Ой. Ой, да, мэм, сейчас.

Бетти Рэй оглядывала большой кабинет и ждала. Потом взяла со стола табличку «ГУБЕРНАТОР ХЭММ СПАРКС», посмотрела на нее, осторожно открыла ящик, положила туда табличку – и закрыла.

Хэмм гордился открывшимися по всему штату торговыми школами, но Бетти Рэй с ужасом обнаружила, что все школы исключительно для мужчин. Да и вообще, оказывается, штат дает стипендию только мальчикам. Клубы были для мальчиков, обучающие программы, спортивные школы – все для мальчиков, а для девочек ничего. Трудные

подростки, попавшие в беду, отправлялись на фермы для мальчиков, где им оказывали помощь. Девочкам же податься было некуда.

Это нечестно, думала Бетти Рэй. Она признавала, что не представляет никакой политической силы, но тот день, когда она вошла в обветшалое, обшарпанное, обжитое крысами здание государственной школы для слепоглухих, стал для нее поворотным моментом. В этом интернате жили дети бедняков, о которых родители не могли заботиться дома. Бетти Рэй своими глазами увидела, сколь ужасно это место, что оно не годится ни для жизни, ни для учебы, увидела, как отчаянно не хватает учителей, сколь мизерно их жалованье. Самый кошмар был, когда одна слепая девочка стала пробираться к ней сквозь толпу ребят и, оказавшись рядом, принялась дергать за юбку, повторяя: «Мама, мама» – снова и снова. Бетти Рэй так трясло, что она едва дошла до машины. Приехав домой, расплакалась. Девочка была так похожа на Беатрис Вудс.

Она твердо решила настоять, чтобы Хэмм – как только он объявится – сделал со всем этим что-нибудь.

Впервые в жизни Бетти Рэй настроилась проявить свою волю.

Золотая жила

Хэмм позвонил Вите из Детройта, взволнованный как никогда. Он только вернулся в отель после выступления перед членами профсоюза водителей грузовиков – их было пять тысяч человек.

– Вита, я могу выиграть выборы. Впервые я вижу, что обязательно должен баллотироваться. Уолтер говорит, он может собрать все их голоса. Говорит, я именно то, что нужно стране, что люди устали от пренебрежения к их интересам.

– Как ты выступил?

– Отлично!

Хэмм вел президентскую кампанию лишь несколько месяцев, а уже стал популярен не только в отдаленных районах, как ожидалось, но, к всеобщему удивлению, начал собирать огромные толпы в Чикаго, Ньюарке, Питсбурге и с каждым днем набирал силу. Хэмм набрел, как выразился один репортер, на золотую жилу и был единственным кандидатом, который «говорит все как есть», озвучивая, по сути, мысли простого народа. Многих не устраивало, как управляют их страной: мол, федеральное правительство впихивает им то, в чем они вовсе не нуждаются. В центральных штатах росло недовольство тем, что богатые политики с Востока с их бесконечными программами подачек безработным ведут страну к социализму, вяжут народ по рукам и ногам ненужным бюрократизмом.

Война во Вьетнаме развивалась не так, как предполагалось, и нежелание правительства что-то с этим делать воспринималось как слабость. Людей поразило неуважение митингующих к американским солдатам, сражавшимся во Вьетнаме и Корее. Ада Гуднайт, бывший пилот Второй мировой, заявила, что с радостью хоть сейчас отправилась бы во Вьетнам, если б ее пустили. Для них война была войной, а уклоняющиеся от призыва – предателями. Всюду царил беспокойство из-за расовых неурядиц, роста криминала, наркоторговли и торговли оружием в крупных городах и бездействия властей по этому поводу. Американский союз гражданских свобод набирал силу, и многим казалось, что у преступников стало больше прав, чем у жертв. Священники по всей стране трубили о равнодушии и аморальности подростков. Некоторые обвиняли телевидение. Как сказал преподобный В. В. Нейлс, «у дьявола теперь три имени: Эй-би-си, Эн-би-си и Си-би-эс^[29]. Люси^[30] они любят больше, чем Бога, а Джона Бивера^[31] предпочитают Иисусу». Средний класс, люди,

зарабатывающие на жизнь тяжелым трудом, не живущие ни криминалом, ни пособиями, которые редко жаловались, вдруг разом начали выказывать признаки растущего разочарования, беспокоясь, что теперь им придется тащить на себе и богатых, и бедных. Они устали от огромных выплат и налогов, не зависящих ни от тяжести работы, ни от зарплаты, а в ответ никакой благодарности, наоборот – вечно государству мало.

Но большинство просто боялись. Они оглядывались и видели, как яркая и сверкающая страна Америка, страна их детства, начала тускнеть и трещать по швам. Хэмм Спаркс отлично знал, как выразить словами их страхи и разочарование. В отличие от остальных кандидатов он единственный, казалось, их понимает.

Как заметил Родни, Хэмм знал, где у народа чешется и как там почесать. И чесал. Он вычерпывал все, что мог, из недовольства и тревог граждан, говорил то, что они хотели слышать. Он расстраивал их и разочаровывал все больше, пугал все больше – и с каждым днем набирал голоса поддержки. Вскоре Хэмма полностью охватила «вашингтонская лихорадка», он был готов на все, лишь бы оказаться в Белом доме. Совершал сделки с теми, с кем вовсе не следовало знаться, а речи его становились все более гневными. Вита предупреждала, чтобы он соблюдал осторожность. Бетти Рэй умоляла остаться дома. Но легче остановить локомотив. Он был не плохой человек, просто опрометчиво амбициозный. Скоро даже ближнее его окружение заволновалось, и Венделл выразил эту мысль лучше всех. Когда на обеде Общества Джона Берча одна женщина от избытка чувств воскликнула, что только Хэмм в силах спасти Америку, Венделл сказал:

– Если она так думает, еще ничего, но если Хэмм начнет в это верить, то держитесь.

Генетический изъян

Норма сидела в салоне красоты, а Мак обедал в кафе «Троллейбус», как и каждую пятницу. За стойкой, тоже как обычно, мужчины обсуждали политику и Хэмма Спаркса.

– Этот парень опасен, – говорил Мак. – С каждой минутой он все больше теряет голову. Он уже перебудоражил всех злобствующих психов и фанатиков. Если его не остановят, он приведет нас прямоком к политическому экстремизму и охоте на ведьм, и тогда оглянуться не успеешь, как мы окажемся втянутыми в войну с Россией.

– На днях слышал, что его поддерживает Ку-клукс-клан, – сказал Эд.

– Мало ли кто поддерживает, он-то при чем, – сказал Мерл, известный своими ультраправыми взглядами. – Он же заявил в газете, что не имеет к ним отношения.

– Заявить-то заявил, а денежки у них берет, – возразил Мак. – У них и бог знает у кого еще.

– А ты что думаешь, Джимми? – спросил Эд.

Джимми, до сих пор молчавший, тихо ответил:

– Согласен с Маком. Пусть заткнется и прекратит втягивать жену.

– Да как его остановишь? Это ведь свободная страна.

Тут встрял только что вошедший Монро Ньюберри:

– Я с Бобби по телефону болтал, так он говорит, за Хэммом стоят все крупные страховые компании.

Мерл сказал:

– Плевать мне, что болтают газеты, думаю, у него есть шанс победить.

Джимми гневно обмахнул тряпкой стойку, но смолчал.

В трех кварталах от «Троллейбуса», в салоне красоты Тот Хутен, о политике не говорили. Бетси Докрилл, вылезая из-под сушки, сообщила:

– В универмаге Монтгомери распродажа пончо. Я сразу два купила, такие дешевые.

– Да, неплохо, если у тебя есть время красоваться в пончо. – Тот сняла с головы Бетси сетку. – А тут в магазин сбегать некогда. А до дому вообще без ног добираешься.

– А ты устраивай себе выходные.

– Устраивала бы, коли могла бы. – Тот покосилась в сторону Дарлин, двадцатипятилетней дочери.

Бетси поняла намек. Дарлин была далеко не семи пядей во лбу, в

салоне ее одну не оставишь, кто-то должен присматривать, чтобы она чего не натворила с прическами клиентов. У Тот и так выплаты по страховке были выше неба.

Норма с накрученными на бигуди волосами сидела в соседнем кресле, листая журнал. Она глянула на Тот, жадно затягивавшуюся сигаретой:

– Думаешь, Элизабет Тейлор счастлива?

Тот выдохнула дым.

– Она щеголяет в бриллианте размером с дверную ручку, с чего бы ей печалиться?

– Просто интересно, принесло ли ей счастье все это: слава, и деньги, и эти мужья.

– Ну, – сказала Тот, – если она при этом не счастлива, пусть со мной поменяется местами. Я бы рехнулась от счастья. Мужиков своих пусть оставит себе, а мне отдаст деньги и это кольцо. Набегалась я между папашей и Джеймсом, не говоря уж о Дуэине Младшем, как в аду, спасибо, хватит.

– Ох, Тот, ты так говоришь, просто ужас. Поверить не могу, что твоя жизнь настолько кошмарна. Ты никогда не была счастлива?

Тот затянулась в последний раз и вдавила окурок в черную пластмассовую пепельницу. Интересный вопрос, раньше ее никогда об этом не спрашивали. Она подумала.

– Так, давайте поглядим... Скажем, вот свадьба. Кроме того, что папаша нажрался и отрубился и мне пришлось самой вести себя к алтарю, свадьба протекала нормально, пока мы не вышли из церкви на улицу. Тут Джеймсу в ухо залетела рисина: нам же дорогу рисом посыпали. Медовый месяц был погублен с самого начала. Едва мы сели в машину, он начал жаловаться, что в ухе у него звенит. Это ухо сводило его с ума два месяца. Он жутко ослаб, только и делал, что лежал. Три операции, чтобы найти эту треклятую рисину, и горы счетов из больницы.

– Про это я забыла, – сказала Норма.

Тот продолжала:

– Так что первые три месяца замужней жизни я была медсестрой, а потом его забрали в армию, и он вернулся через пять лет законченным алкоголиком, как и папаша, а я, может, замуж вышла только для того, чтобы от своего папаша сбежать. Так что к вопросу, была ли я когда-нибудь счастлива, я бы сказала – да, ровно столько, сколько нужно, чтобы дойти от алтаря до дверей церкви. Сколько требуется на то, чтобы дойти от алтаря до дверей, минута? Значит, я была счастлива минуту.

Норме стало неловко.

– Бедняжка Тот, – сказала она.

– Не жалею меня, я сама дура. Сама с собой это сотворила. Топая в одиночку к алтарю, могла сообразить, что это дурное предзнаменование. Надо было развернуться и пойти домой, но все так ждали свадьбы... Бабы полные дуры. За что угодно замуж выскочат, лишь бы мужского рода. – Она снова глянула на Дарлин: – Я все еще расплачиваюсь за ее последнее фиаско – номер три. А Дуэйн Младший уже обрюхатил двух девчонок, которым я плачу теперь алименты. Лучше бы оба моих отпрыска были гомосексуалами, в мире стало бы поменьше проблем.

– Мама, не думаю, что это смешно.

– То, что ты не думаешь, для меня не новость, но я говорю правду. – Тот посмотрела в зеркало на Бетси: – С пятнадцати лет до двадцати пяти она умудрилась побывать замужем за тремя полудурками и теперь встречается с четвертым.

Дочь попыталась оправдаться за свой последний выбор:

– У него есть работа, мама.

Тот закатила глаза:

– Что ж, если собирать пивные банки на заднем сиденье грузовика считается профессией, то поправь меня, конечно. – Она сменила тему: – Дарлин, сбегай купи мне сэндвич с тунцом на хлебе из цельной муки и пакет чипсов. Хочешь что-нибудь, Норма?

– Нет, спасибо, я уже обедала. Я с половины шестого на ногах.

Когда Дарлин вышла, Тот покачала головой:

– Норма, радуйся, что у тебя дочка с мозгами. Дарлин сведет меня с ума. Говорю тебе, с того дня, как она завалила экзамен в школу танцев, все покатилося под откос. Недавно захожу к ней домой утром и вижу – сидит за столом, а перед ней кирпич. Я ей: ты чего делаешь? А она: ногти обтачиваю. Я грохнула целое состояние, чтобы оплатить ей учебу на курсах подготовки косметологов, а она точит ногти о кирпич. После десятого класса ни черта не делала, только возилась со своими с волосами день и ночь, вот я и послала ее на косметолога учиться. Думала, она хоть это освоит как следует. Не, ошиблась. И не представляю, от кого у нее такие тонкие кудельки. Точно не от моей родни. Это у нее от Хутенов. Окромя всех прочих прелестей этого гена, что она насобираала для бизнеса, связанного с волосами, это худшая из реклам. Вот так и мечусь между ней, Джеймсом и Дуэйном Младшим и еле заставляю себя глаза открыть с утра.

Хотя Тот старательно это скрывала, но сердце у нее было золотое – последнюю рубашку вам отдаст. Потому-то она все время и ходила такая

вымотанная. После рабочего дня в салоне красоты Тот собирала свои парикмахерские причиндалы и шла по домам – стричь старушек. Многие больные, некоторые и вовсе лежащие, и у большинства нет денег на парикмахера, но Тот все равно. Пока руки слушаются, говорила она, все ее знакомые леди могут рассчитывать на еженедельную укладку. И как ни жаловалась Тот на детей, им позволялось все, и с внуками она сидела по первой просьбе – вот только просьбы поступали слишком уж часто.

Охота

Всего за несколько месяцев президентской кампании Хэмм Говорю-Как-Есть Спаркс стал большой занозой в заднице многих. Снова завел себе могучих врагов внутри партии, только на сей раз на государственном уровне. Кампанию, которая начиналась как местный междусобойчик, стало трудно не замечать. К тому же косноязычие Хэмма и его захолустные манеры оскорбляли выпускников Гарварда и Йеля, изысканных демократов Вашингтона и прочих. Они считали, что непримиримые радикалы, «не берущие пленных», опасны как для них самих, так и для страны. Силы, поддержавшие Хэмма, пытались урезонить его ради интересов партии, но Хэмм был как пес, вцепившийся в кость. Он не желал отступать, и его партийные сторонники знали, что, если от него избавиться, он станет баллотироваться как независимый кандидат и оттянет на себя голоса своих избирателей.

31 декабря первым в списке задач на будущий год у Дороти значился тот же пункт, что и год назад:

1. Похудеть на 10 фунтов.

31 декабря Минни Отман села за маленький столик в большом серебристом автобусе, направлявшемся в Блумингтон, штат Иллинойс, на концерт новогоднего госпела, и записала под первым номером то же, что и в прошлом году:

1. Похудеть на 50 фунтов.

У Тот Хутен первым значилось то же желание, что и последние семь лет:

1. Больше не одалживать Дарлин и Дуэйну Мл. ни цента.

Но в масштабах страны у многих людей первым пунктом в списке новогодних пожеланий себе появилось нечто новенькое:

1. Избавиться от Хэмма Спаркса.

Они этого не записали, но подумали.

С каждым днем Хэмм набирал популярность. Было понятно, что выборы Хэмму не выиграть: он был «лишней картой», джокером, но теперь забеспокоились даже республиканцы. Этот Хэмм тайком получал тысячи долларов от богатых покровителей – деньги, которые должны были уйти к их ставленникам. И демократов, и республиканцев пугала его растущая популярность. Несмотря на то что все газеты, журналы и ток-шоу

национального телевидения или игнорировали Хэмма, или высмеивали, он набирал голоса. Что-то надо было делать. Если так пойдет, он всем расстроит выборы.

Некоторые спонсоры Хэмма не хотели оглашать свои имена. А некоторых он сам предпочел бы не знать.

С Родни связался мистер Энтони Лео, восемь лет назад подаривший Хэмму яхту «БЕТТИ РЭЙ», и сказал, что один его приятель из Нью-Орлеана намерен сделать большой денежный взнос – анонимно. Но прежде хотел бы поговорить с Хэммом о том, кого тот желал бы видеть в вице-президентах.

Хэмм согласился встретиться. Из соображений безопасности встречу назначили на яхте богача в Нью-Орлеане. Хэмм выделил для этого выходные. К сожалению, это оказались те самые выходные, которые он обещал Бетти Рэй провести дома, в Джефферсон-Сити. Она так ждала их – не только потому что соскучилась, но и вопросов по работе у нее накопилось. В пятницу утром Хэмм позвонил из Джексона, штат Миссури, и сообщил, что не приедет: они с друзьями собрались на охоту. В понедельник, сказал он, они улетают из Джексона на очередную встречу с избирателями и он не знает, когда вернется. Повесив трубку, Бетти Рэй едва не расплакалась.

Альберта Питс, увидев, как расстроилась Бетти Рэй, подошла и положила руку ей на плечо:

– Зря эти мужики так с вами обращаются, пока я рядом, а то ведь мне опять крышу сорвет. Пусть помнят, что случилось с последним, кто меня достал.

Венделл Хьюитт и Сеймор Грейвел сообщили своим женам то же самое. Но это не была ложь в чистом виде. Они и впрямь ехали на охоту – за деньгами. Поскольку пресса отслеживала каждое передвижение, а ситуация была щекотливая, поездка в Нью-Орлеан требовала осторожности. После детального изучения карты Родни Тилман выдвинул план. Он вернется в Миссури на пару дней раньше и заберет «БЕТТИ РЭЙ», чтобы встретить их на границе штатов Миссури и Луизиана, и потом они поплывут к Нью-Орлеану. Чтобы никто не заметил, как они садятся на яхту, Сесил заберет их из отеля в четыре утра на старом катафалке, который одолжит у одного похоронного агентства в Канзас-Сити. Комфортом катафалк не отличается, зато никто не увидит Хэмма и Венделла за черными занавесками. Так и сделали. Катафалк они спрятали в кустах за полмили от того места на реке, где их ждала «БЕТТИ РЭЙ», и дальше пошли пешком. И всю дорогу смеялись, довольные своей находчивостью.

Сесил не был в курсе, что стояло на повестке дня, да и не интересовался. Просто радовался возможности прокатиться. После того как яхта пришвартовалась в Нью-Орлеане рядом с огромным кораблем анонимного богача, Сесил отправился во французский квартал. Кому нужна политика, когда вокруг столько красивых парней, мама далеко и никто дома не знает, где он. Раздолье. Он весело спрыгнул на берег. Эх, повеселимся!

Хэмм Спаркс и четверо его людей пропали. Подозревают, что они убиты

Во вторник утром все газеты, радио и телевидение вопили одно и то же.

К полудню перед домом столпилось несколько дюжин репортеров, и на подходе была еще добрая сотня. В ночных новостях на Эн-би-эс на все лады повторяли одну лишь новость:

«Скандалный кандидат Хэмм Спаркс и четверо его помощников, включая министра юстиции Миссури, фактически исчезли с лица земли в эти выходные. Вопрос – где они?»

К решению загадки привлекли полицию штата, местное отделение полиции и ФБР, но все они зашли в тупик. Никто не видел Хэмма и его людей после вечера пятницы.

В понедельник Хэмм должен был выступать перед членами Американской федерации труда и Конгресса профсоюзов в Гранд-Рапидс, а Сесил – везти матушку к окулисту. Но они так и не объявились. ФБР методично опрашивало всех и каждого. Жены Сеймора и Венделла рассказали одно и то же – мужья сообщили им, что отправляются на охоту. Бывшая жена Родни ничего не знала, но сообщила прессе, что тот задолжал алименты. И только Сесил оставил матери записку, что уезжает по делам, но в понедельник непременно отвезет ее к главному. Об охоте он не упомянул.

Бетти Рэй жила как в тумане, пыталась успокоить мальчиков и оградить их от встреч с репортерами.

Минни, услышав новость, бросила Отманов в Каролине, Северная Калифорния, и прилетела к дочери. Пробравшись сквозь толпу писак, Минни обняла Бетти Рэй и прорыдала:

– Ох, доча, как это похоже на то, когда малыша Честера украли. А теперь вот кто-то похитил малыша Хэмма!

Минни немедленно организовала коллективные молитвы и в губернаторском особняке, и за его стенами. Репортеры, по большей части циничные ньюйоркцы, и глазом не успев моргнуть, уже стояли на коленях, держась за руки с какой-то толстой теткой, и молились за возвращение Хэмма.

Национальная гвардия штата Миссури прочесывала все окрестные леса, в которых обычно охотился Хэмм. День за днем перепуганная Бетти

Рэй ждала вестей о муже. Позвонила Дороти, спросила, может ли чем-то помочь, но помочь было нечем, разве что мужа найти.

Все были растеряны и не знали, что делать. Казалось немыслимым, что пятеро взрослых мужчин могли испариться без следа. Из Вашингтона прибыл Джейк Спарлинг, лучший эксперт ФБР по розыску пропавших. Все известные враги Хэмма, коих оказалось немало, были допрошены, но ни одного не удалось связать с его исчезновением. Правительство назначило вознаграждение в 500 тысяч за любую информацию. На радио и телевидение посыпались сотни звонков. Люди клялись, что в те выходные заметили летающую тарелку. Одна женщина из Холтс-Саммит видела, как из иллюминатора выглядывал человек, когда тарелка стартовала в небо с пастбища, где пасется ее корова. Психи звонили отовсюду. Один, из Лондона, утверждал, что пропавшие украли деньги и поселились в Новой Гвинее в племени пигмеев. Другой убеждал всех, что их засосал Бермудский треугольник. Вся страна онемела от ужаса, потрясенная тем, что кандидат в президенты бесследно исчез с лица земли.

Альберта Питс утверждала, что у нее были предчувствия. В те выходные она ездила проведать мать и потом рассказала Бетти Рэй, что в субботу вечером у нее сильно мерзли ноги.

– Искать надобно на Аляске, – уверяла Альберта.

Через несколько дней после исчезновения Хэмма мистер Энтони Лео позвонил из уличного таксофона своему нью-орлеанскому приятелю. Тот клялся и божился, что не знает, что стало с гостями после встречи, и задал встречный вопрос – может, Энтони сам в курсе? Нет, мистер Лео также не знал. Положив трубки, оба гадали, соврал собеседник или нет. Однако высказывать свои сомнения вслух в их кругу было не принято.

Люди в Миссури не понимали, как действовать: подобного в их штате не случалось, бог миловал. Спустить флаг наполовину или слегка приспустить? Ведь нет уверенности, что Хэмм мертв. Вот Сесил Фиггз знал бы, как правильно, да он сам пропал.

И лишь два человека не особо удивились такому повороту событий: Эрл Финли и Джимми Хэд. Эрл позвонил Бетти Рэй и от лица Демократической партии выразил сочувствие, а уже через пару минут сидел в номере дешевого отеля и старался не улыбаться от уха до уха, планируя с друзьями следующие шаги. Джимми Хэд был в Канзас-Сити на похоронах друга, когда узнал, но, вернувшись в Элмвуд-Спрингс, сказал только:

– Удивительно, что этого не случилось раньше. Мне жалко Бетти Рэй,

однако без него ей будет гораздо лучше.

Со временем стало ясно, что Хэмм и его друзья не вернутся. Бетти Рэй поблагодарила мать за поддержку и сказала, она справится, да и Альберта за ней приглядит, а Минни нужно возвращаться в свой серебристый автобус. Бетти Рэй хотелось посидеть в тишине и собраться с мыслями. Никто не думает, что последний момент, последний взгляд на человека может на самом деле стать последним. Она не могла ни спать ни есть. Неведение, жив Хэмм или нет, было мучительно, а ведь на ней еще висели двое детей и целый штат.

Спустя месяц, отстояв странную службу в память Хэмма и четырех его помощников, Бетти Рэй вошла в дом и вдруг осознала, что больше его не увидит. Ей хотелось одного – умереть. И если бы не дети, она бы, может, так и сделала. Но Хэмм Младший, обожавший отца, тяжело переживал утрату, и Бетти Рэй не могла лишить его еще и матери.

После того как Хэмма объявили мертвым, популярность Бетти Рэй взлетела до небес, все ей сочувствовали, все стремились поддержать. А Вита Грин страдала в одиночестве. Но в отличие от Бетти Рэй она понимала, сколь опасной стала политика и сколь безрассуден был в последнее время Хэмм, а потому Вита почти не удивилась подобной развязке. Но горе ее от этого меньше не стало.

Из уважения к его семье она не пошла на церемонию, а устроила дома собственное прощание. Люди, знавшие об их отношениях, старались как-то помочь, но помочь обеим женщинам могло только время.

Времени, как и терпения, у Джейка Спарлинга было хоть отбавляй. Некрасивый, с красным рябым лицом, Джейк был предан делу розыска, как большинство мужчин бывают преданы семье.

Хотя поминальную службу отслужили, но тел так и не нашли, ни одного. И дело это Джейк считал не раскрытым. Джейк Спарлинг, один из лучших криминалистов страны, поклялся не сдаваться, пока не поймет, куда делся Хэмм Спаркс. И кто за этим стоит. Джейк был известен своей бульдожьей хваткой. Он будет копать, пока не докопается, сколько бы времени это ни заняло.

Тетя Элнер приходит в ярость

Лютер Григгз, задира, когда-то третировавший Бобби Смита, обитал в трейлерном парке позади почты; у него был сын, такой же злобный, как его папочка в этом возрасте. Многие годы тетя Элнер держала рыжих котов, которых традиционно называла Сонни. Нынче утром Лютер Григгз Младший швырнул камень в очередного Сонни и попал ему в голову.

За четверть часа до полуночи тетя Элнер позвонила племяннице сообщить новость:

– Норма, я убила мальчишку Григгзов.

– Что?

– Я убила мальчишку Григгзов, прикончила, причем хладнокровно. Не нарочно, но так уж вышло. Скажи Маку, чтоб шел сюда и вызвал полицию.

– Тетя Элнер, что ты мелешь?

– Убила, да, отравила. Наверное, он уже лежит мертвый, и следы рано или поздно все равно приведут ко мне, так что лучше сразу сдаться и с этим покончить. Я пыталась прожить достойную жизнь, а кончилось все хладнокровным убийством.

– Тетя Элнер, слушай меня. Оставайся на месте и ничего не делай, хорошо?

Норма кинулась в спальню и затрясла мужа:

– Мак, вставай! Мак! Надо идти к тете Элнер.

Он пошевелился:

– Что стряслось? Ей плохо?

– Одевайся. Она убила мальчишку Григгзов.

– Как – убила?

– Не знаю, Мак. Она в истерике. Говорит, отравила его. Давай одевайся, пока она не вызвала полицию.

Мак натянул брюки прямо на пижаму, Норма схватила пальто.

Элнер ждала их на крыльце, заламывая руки:

– Я понимаю, что опозорила семью! Не знаю, как я могла такое сотворить.

Мак отвел ее в дом:

– Тетя Элнер, сядьте и расскажите, что произошло.

– Про меня во всех газетах пропишут. Как думаете, наручники мне наденут? Бедный старина Сонни лежит с проломленной головой, а хозяйка его отправится в тюрьму или, может, на электрический стул. – Элнер была

на грани помешательства.

– Тетя Элнер, ну-ка успокойтесь. Что случилось?

– Наверно, я сошла с ума. Может, сослаться на помешательство, как думаете?

– Что вы сделали?

– Ну, хотела отомстить за Сонни. Поймать-то я его не поймаю, что ж, думаю, делать? Решила – заманю на веранду и оттреплю за уши. Вот и приготовила мороженое. Ох, надо было на этом и остановиться. Но у меня оставалась целая гора старого шоколада с истекшим сроком годности, я его растопила и полила мороженое, получился фадж.

– И все?

– Еще немного жидкого дезодоранта для мужчин.

– Все?

– Нет.

– Что еще?

– Полчашки средства для мытья плит. И зубным порошком посыпала сверху, он на сахар немного похож.

Норма не могла сдержаться:

– О боже!

– Постой, Норма, – сказал Мак. – Это все, тетя Элнер?

Норма смотрела на мужа как на сумасшедшего:

– По-твоему, этого мало? Да этого хватит угробить целую семью!

Тетя Элнер сказала:

– Об этом я как-то не подумала, – всплеснула руками Элнер. – Считаешь, он мог отнести угощение домой? Может, они все лежат в трейлерном парке мертвей мертвого? Теперь я, выходит, массовый убийца!

Мак сказал:

– Тетя Элнер, уговоритесь. Начните с самого начала. Расскажите, как все было.

– Я приготовила фадж... И подождала, пока не увидела, как он крадется по саду. Потом позвала: «Иди сюда, малыш, я тебе угощеньице приготовила». Думала, он только попробует, тут я его и схвачу, а он цап всю тарелку и дал деру.

– Когда это случилось?

– Сегодня утром.

– Что же вы так долго ждали, прежде чем нам сказать?

Тетя Элнер помотала головой:

– Наверно, когда такие вещи делаешь, преступный образ мыслей берет верх. Думала, мне это сойдет с рук. Надо было сразу признаться. А теперь

вот я целую семью прикончила.

– О боже! – схватилась за голову Норма. – Надо позвонить хорошему адвокату, да, Мак? Так ведь поступают в подобных случаях?

– Никому мы звонить не станем. Наверняка он жив-здоров.

– Мак, в таких делах не гадают. Мы имеем дело с убийством. Отправляйся посмотри на мальчика. Может, нам всем придется удариться в бега.

– Господи, ладно, но это глупо.

– Мак, обещаю, что не вернешься, пока не убедишься, что мальчик ходит и разговаривает.

– Да ладно, ладно.

Дверь приоткрылась, Лютер Григгз сперва выглянул в щелку, потом выставил в проем ружье:

– Какого черта тебе нужно посреди ночи?

– Ты в порядке?

– Черт, да. А ты?

– Можно войти? Разговор есть.

Зайдя в трейлер, где воняло пивом и окурками, Мак пригляделся к Лютеру, похож ли тот на отравленного, но Лютер Григгз никогда не являл собой образчик здоровья, так что сказать было трудно.

– Извини, что так поздно, но тут одна небольшая проблемка возникла. Твой сын дома?

– А где ж ему еще быть в такой час?

– Ну да. Просто ему могло попасть в руки не очень свежее угощение, и, вероятно, потребуется осмотр врача.

Миссис Григгз в ярко-розовом застиранном халате с красно-малиновыми цветами, хмурясь, вошла в комнату:

– Чего он опять натворил?

– Ничего, миссис Григгз, мне просто надо на него взглянуть. Если не возражаете.

– Это еще зачем?

– Долгая история. Но моя тетя могла утром угостить его несвежим фаджем, и мы просто хотим убедиться, что с ним все в порядке.

Она не двинулась с места, только заорала:

– А ну поди сюда, слышишь? Живо! – Потом развернулась и ринулась в спальню: – Вставай, говорю! Ну!

Вскоре она появилась, таща мальчишку за ухо, а тот норовил ее лягнуть.

Мак сказал:

– Моя тетя говорит, ты стянул мороженое, которым она тебя хотела угостить. Правильно?

– Врет она все. Не брал я ее дурацкого мороженого, – просипел пацан.

– Она не обвиняет тебя в воровстве. Она...

– Она дура чокнутая, ведьма чертова. Не брал я ничего.

Тут Лютер Григгз начал заводится:

– Слышал, что сказал мой сын? Не брал – значит, не брал. Ты что, лгуном его называешь?

– Нет. Не называю. Просто хотел удостовериться, что он здоров. Угощение могло быть не очень... ну, не из самых подходящих ингредиентов. – Мак внимательно разглядывал мальчишку. – Ты уверен, что хорошо себя чувствуешь, сынок? Тебя не тошнило?

– Ничего я не крал!

– Ну ладно, раз все хорошо, то и хорошо. Но если тебе станет плохо, позвони. Вот мой номер. – Макс написал телефон на листке.

Вообще-то Лютер Младший утянул-таки угощение, но, куснув разок, тотчас выплюнул, такая оказалась гадость, а тарелку швырнул за чужой забор.

Мак вернулся в дом тети Элнер и подмигнул Норме:

– Ну вот, тетя Элнер, у меня для вас плохие новости. Они до сих пор живы. Жалость какая. Вы могли заработать медаль от властей города, если бы свели эту семейку в могилу.

Норма сказала:

– Я рада, что ты способен шутить на эту тему. Мы были на волосок от тюрьмы. Не слишком полезно для карьеры Линды, если бы ее двоюродную бабушку засадили в камеру смертников.

Мак расхохотался.

Норма пальнула в него взглядом:

– Смейся, Мак, смейся, но учти, твою дочь тогда не приняли бы ни в один приличный женский клуб.

Встреча

Немало времени прошло с поминальной церемонии, прежде чем Бетти Рэй решилась сделать то, что давно хотела. Она попросила гвардейца Ральфа Чилдресса немного проводить ее. В холле нужного дома привратник галантно поднес руку к козырьку и спросил:

– Чем могу служить, мэм?

Бетти Рэй судорожно прижала к груди сумочку.

– Э-э... я пришла к миссис Вите Грин.

– Да, мэм. Как вас представить?

Бетти Рэй, закутанная в шелковый шарф и надевшая темные очки, испугалась. Не ожидала, что ей предстоит называть имя. Она едва не повернулась, чтобы уйти, но сдержала себя.

– Скажите, это миссис Спаркс.

– Да, мэм. – Привратник нажал на кнопку: – Миссис Грин, вас хочет видеть миссис Спаркс.

Он помолчал. Потом повторил:

– Миссис Спаркс.

И снова повисла длинная пауза. У Бетти Рэй так колотилось сердце, что еще чуть-чуть – и кинется бежать. Тут швейцар положил трубку и сказал:

– Входите. Лифтом на четырнадцатый этаж и налево. Посмотрите вправо и увидите квартиру 15А.

– Спасибо.

Бетти Рэй ринулась в лифт, где ее чуть не стошнило от волнения.

Вита немного растерялась от неожиданности. Первой мыслью было сказать, что ее нет дома. Но когда-то придется с этим столкнуться, так пусть это произойдет сегодня. В любом случае разговор с его женой будет не из приятных. Она позвала горничную:

– Бриджет, открой дверь и скажи леди, что я сейчас буду.

Вита направилась в спальню переодеться. Времени минуло изрядно, но она все еще не оправилась, из дома практически не выходила, а в иной день и из постели не выбиралась. Выйдя из лифта, Бетти Рэй позвонила в квартиру 15А и чуть не подпрыгнула от резкого звука.

Дверь открылась, Бриджет готова была, как делала сотни раз, произнести: «Входите, пожалуйста, присаживайтесь, миссис Грин сейчас выйдет», но, узнав Бетти Рэй по фотографиям из газет, только и смогла, что

разинуть рот и пялиться. Бетти Рэй тоже удивилась: она внутренне готовилась увидеть в дверях Виту Грин. Наконец спросила:

– Это квартира миссис Грин?

Бриджет выдавила из себя:

– Да, мэм.

– Она дома?

– Пойду посмотрю.

Бриджет кинулась прочь по коридору, распахнула дверь спальни, бледная как привидение, глаза расширены от ужаса:

– Жена архиепископа. Прямо у двери. Что мне сделать? Вы дома?

– Все хорошо, я справлюсь. – Вита за туалетным столиком спокойно подкрашивала губы.

– Могу сказать, что вас нет в городе.

– Не надо, но если услышишь выстрел, то звони в полицию.

– Ох, Иисус, Мария и Иосиф! – выдохнула Бриджет.

Вита улыбнулась и потрепала ее по руке.

– Шучу, – сказала она, а про себя подумала: «Надеюсь» – и отправилась встретить Бетти Рэй, которая так и стояла у порога.

Гладкая как шелк, спокойная, словно к ней заглянула подруга, а не жена мужчины, ставшего любовью всей ее жизни, Вита сказала:

– Губернатор Спаркс, простите, что заставила вас ждать, я была не одета. Зайдете?

У Бетти Рэй дрожали колени, когда она входила в гостиную. В квартире витал слабый аромат духов «Шалимар» – знакомый запах. От Хэммы всегда так пахло.

– Присаживайтесь, губернатор. Можно предложить вам кофе или чаю?

– Нет, спасибо. Воды, если можно.

– Конечно. Бриджет, принеси, пожалуйста, губернатору Спаркс стакан воды.

Когда они уселись, Вита сказала:

– Вы понимаете, как я и все мои коллеги из совета по искусствам сочувствуем вам из-за вашей потери.

Бетти Рэй кивнула:

– О да, и я благодарна за письмо и цветы.

Повисла неловкая пауза.

Бетти огляделась:

– Красивая у вас квартира.

– Спасибо.

Две женщины впервые видели друг друга после той мимолетной

встречи несколько лет назад, и Бетти Рэй обнаружила, что все еще чувствует себя рядом с Витой неуклюжей школьницей. Сидевшая напротив женщина, в серьгах с огромными желто-зелеными, под цвет глаз, кристаллами горного хрусталя, была, пожалуй, одной из самых шикарных женщин на свете.

Вита тоже разглядывала гостью. Конечно, она много раз видела ее на фотографиях и в течение нескольких неуютных минут на вечеринке Уилера, но это совсем другое. Перед ней сидела довольно миловидная женщина, ничего выдающегося, однако в глазах у нее было что-то такое, чего Вита раньше не замечала. Что же это, не могла сообразить Вита. У Бетти Рэй были красивые руки с длинными пальцами, изящные, крупные губы смягчали излишнюю худобу лица... и эти глаза. Когда Бриджет принесла стакан воды, Бетти Рэй взяла его, улыбнулась и сказала:

– Спасибо.

И тут до Виты дошло, чем ее привлекли глаза Бетти Рэй. В них проглядывало то же бесхитрое выражение, что у собачки, которая была у нее в детстве. Милая доброта, с примесью грусти и чего-то еще, и тут Вита поняла, что жена ее любовника никого не пристрелит. Она сама напугана. Вита сказала Бриджет, что служанка может идти, ее позовут, если что понадобится. Девушка взглядом спросила: «Вы уверены?» – и Вита кивнула.

Они сидели и смотрели друг на друга. Наконец Бетти Рэй заговорила:

– Миссис Грин, мне казалось, у меня есть причина сюда прийти, но теперь я не могу ее вспомнить. Чувствую себя глупо, боюсь, что своим приходом я выставила себя полной дурой. Я подумала, может, вам нужно с кем-нибудь поговорить, с кем-то, кто... Наверное, я хотела узнать, все ли у вас в порядке, не нужно ли вам что-нибудь. Я знаю, как хорошо вы относились к моему мужу и как он хорошо к вам относился... как зависел от вас... от ваших советов... и вообще. Вы не пришли на поминальную службу, и мне кажется, я догадываюсь почему. – Тут Бетти Рэй икнула. – Ой, простите. Я подумала: как вам, наверное, тяжело было пропустить ее... – Она снова икнула. – Ну, отлично. Теперь еще икота.

Вита встала и взяла ее стакан.

– Сейчас вам еще воды принесу, – сказала она и вышла на кухню, оставив Бетти Рэй икать на диване.

Когда Вита вручила ей стакан, Бетти Рэй сказала извиняющимся голосом спасибо, отпила большой глоток и пролила воду на платье.

– Ой, боже мой, не так, совсем не так я себе это представляла. Я хотела... – Она снова икнула. – Простите. Просто я хотела сделать то, что...

Просто Хэмм наверняка хотел бы, чтобы кто-то это сделал.

Вита сидела и наблюдала, как бедолага разваливается на части прямо у нее на глазах, но ничего не могла сказать. Она до сих пор не знала, насколько жена Хэмма в курсе.

– Я думала, что поступаю благородно или что-то типа этого, но теперь понимаю, что пришла для того, чтобы вы мне кое-что сказали. – Тут Бетти Рэй расплакалась. – Мне нужен друг, и я не знаю, где его искать. Ладно, я лучше пойду. – Она встала. – Я думала, будет по-другому. – У двери она снова икнула. – Простите. – С этими словами вышла из гостиной и закрыла дверь.

Вита секунду сидела, прислушиваясь к иканию Бетти Рэй в холле, потом встала и с мыслью «Не исключено, что я об этом пожалею» подошла к дверям лифта, как раз когда они открылись, и взяла Бетти Рэй за руку:

– Вернитесь.

Бетти Рэй сказала:

– Нет, я лучше пойду и оставлю вас в покое.

– Я не хочу, чтобы вы уходили. – Вита глянула на озадаченного лифтера: – Она не едет.

– Не еду? – переспросила Бетти Рэй.

– Нет, не едете.

Пока они шли назад, Бетти Рэй сказала:

– Честное слово, я не такая идиотка, какой кажусь. – И снова икнула.

Усадив ее на диван, Вита протянула ей бокал с бренди:

– Выпейте.

Бетти Рэй глотнула и посмотрела на Виту с ужасом:

– Что это?

– Бренди.

– А-а, ладно. Я подумала, что пришла сегодня, чтобы вы знали, что можете в любое время заходить в гости и видеть мальчиков, если хотите. Я понимаю, как вам его не хватает. – Она помолчала. – Но вопрос у меня все же был. Миссис Грин, неловко спрашивать, но скажите, вы не догадываетесь, что могло случиться?

– Нет, миссис Спаркс. К сожалению, не догадываюсь. Поверьте мне.

– Ох, я думала, уж если кто и может что-то знать, так это вы.

Вита пристально посмотрела на нее:

– Так вы догадывались обо мне и вашем муже?

– Да.

– Давно?

– С самого начала, наверное. Хэмм не из тех, кто умеет скрывать.

– И вы ничего не говорили?

– Нет. Но не думайте, что я святая. Нет, не святая. Я едва не умерла. И плакала, и молилась, да разве заставишь человека разлюбить. Сердцу не прикажешь. Конечно, хотелось порой бросить его, но я знала, что развод повредит его карьере, и решила перетерпеть, смириться. – Она с благодарностью глянула на бренди. – Надо же, помогло, икота прошла. И конечно, я себя обманывала, что если поработаю за него губернатором, то он станет от меня зависеть. Надеюсь, вдруг он когда-нибудь вас разлюбит. Ну а если уж совсем честно, то, полагаю, мне просто не хватало смелости уйти. Я ведь не из храбрых, миссис Грин, и мысль, что я пойду скитаться, одна, с двумя детьми...

Бетти Рэй снова отхлебнула из стакана, поморщилась.

– Были моменты, когда я гадала, что вы обо мне думаете и думаете ли вообще. А может, уговариваете его бросить меня. Конечно, когда мы встретились и я увидела, как вы красивы и умны, я поняла, почему он вас полюбил. Тут я его не виню, правда. В смысле, у вас есть все то, чего нет у меня. Я даже думала, что вы небось ненавидите меня за то, что он не уходит...

Вита встала, подошла к бару и смешала себе напиток.

– Нет, ненависти у меня не было. Если честно, я просто о вас не думала.

– Ясно, – сказала Бетти Рэй.

– Не то чтобы мне было все равно, я просто не могла позволить себе думать о вас. Если женщина связывается с женатым мужчиной и начинает думать, каково его жене, она не сможет с ним встречаться. Будь вы мегерой, еще бы куда ни шло. Но я знала, что вы никакая не мегера. Однако не догадывалась, насколько хорошо вы его понимаете.

Она вернулась и села:

– Думаю, я должна вам кое-что сказать. Во-первых, я никогда не хотела за него замуж. Я не из тех, кто выходит замуж, поверьте, и детей я не хотела. Это вы должны меня ненавидеть. Это я воровка. Я украла принадлежащее вам по праву. Забрала лучшее, а вам оставила объедки.

Бетти Рэй слабо улыбнулась:

– Да нет, по-моему, у меня как раз осталось лучшее. У меня остались сыновья. Но дело в том, что при всей его любви к вам, и ко мне, и даже к сыновьям никто из нас по-настоящему им не владел. Политика была его истинной любовью, а мы все на втором месте.

– Может, вы и правы.

Бетти Рэй почувствовала, что пора уходить, но все сидела, не в силах

шевелинуться. Сидела и смотрела на Виту, словно хотела еще что-то сказать.

Вита не понимала, что с ней, почему она сидит с таким беспокойным видом. Потом в голову ей пришла мысль. Она взяла Бетти Рэй за руку и посмотрела прямо в глаза:

– Миссис Спаркс, может, вам нужна помощь?

Бетти Рэй с облегчением схватила ее руку и выпалила:

– Ой, да, да, нужна. Я совершенно не соображаю, что делать и кого спросить. Я знаю, какая вы умная и как он на вас полагался. Ох, миссис Грин, вы не согласились бы стать моим советником?

– Прежде всего, зовите меня Витой, и я буду рада вам помочь чем смогу, миссис Спаркс.

– О, спасибо, Вита. И если не трудно – зовите меня Бетти Рэй.

Они встали, Вита проводила ее до двери:

– Когда вы хотите снова увидеться? Завтра за обедом, около часа дня?

– По правде говоря, Вита, не уверена, что смогу так долго ждать, – сказала Бетти Рэй. – Может, за завтраком, около восьми?

Вита засмеялась:

– Я приду. – Вита не слишком любила женщин, но эта маленькая кареглазая птичка была смелее и чище сердцем, чем все ее знакомые. У лифта Вита взяла ее за руку: – Знаете, Бетти Рэй, мне кажется, что это может стать началом прекрасной дружбы.

Как вы познакомились с вашим лучшим другом?

– Нашла!

Соседка Дороти влетела в комнату и плюхнулась на стул в тот миг, когда зажглась красная лампочка эфира.

– Доброго утра всем, у меня для вас уйма новостей! Готова огласить победителя конкурса «Как вы познакомились с вашим лучшим другом». Но прежде позвольте сказать то, что я вчера забыла. Изобрази нам, пожалуйста, что-нибудь индейское, Мама Смит... Мы получили письмо от сестер Гуднайт из далекой Оклахомы – с фотографией. На обеих головной убор из перьев, а между ними стоит настоящий индеец. Они пишут: «Привет из страны краснокожих. Нас удочерил вождь... э-э... боюсь ошибиться в имени! И теперь мы члены индейского племени в Майами. Мы едем на съезд знахарей. Жаль, вы не с нами. Ада и Бесс Гуднайт, ныне известные как Смеющаяся Птица и Маленький Гром». Ну и бесстрашные у нас девчонки, скажу я вам! Неизвестно, откуда в следующий раз прилетит от них весточка. Зато известно, что дальше в программе. Мисс Вирджиния Мэй Шмитт, наш особый гость из Дэйла, Индиана, споет новую песенку для вас, одиночки. Называется она «Живу одна, и нравится мне это». Но прежде чем вы услышите песню, попрошу всех радиослушателей-мужчин приглушить звук, потому что у меня есть спецсообщение только для дам. Док, я знаю, у тебя в аптеке есть радио. Берта Энн, проследи, пожалуйста.

В аптеке «Рексалл» Берта Энн послушно приглушила громкость радио.

– Итак... Снова настал День отцов. Каждый год я ломаю голову, что же подарить Доку. Мужчины... Для них трудней всего что-нибудь выбрать, правда? Но в этом году я придумала нечто стоящее, может, и вам пригодится моя идея. Док обожает свои инструменты, и мы решили купить ему подарочный сертификат в хозяйственный магазин Уорренов, чтобы он сам выбрал, что хочет. Звоните Маку, он сказал, что с радостью предоставит вам такой сертификат на любую сумму. После песни Дороти вернулась к микрофону:

– Спасибо, Вирджиния Мэй. Думаю, всем одиноким девушкам слова пришлись по вкусу. А теперь перейдем прямиком к письму нашей победительницы. Миссис Джони Хартман из Байбл-Гроув, Миссури, пишет:

Дорогая Соседка Дороти,

У нас в Бйбл-Гроув уйма белок, они вечно швыряются желудями. Однажды гляжу – мимо моего дома идет незнакомая женщина, и тут белка бац! – роняет огромный желудь прямо ей на голову. Бедняжка падает точно подстреленная. Я выскочила на крыльцо и говорю: мол, это вас просто желудем пристукнуло. Пригласила ее в дом, дала аспирину, и выясняется, что она работает в Международных коммерческих перевозках, потому и решила, что в нее стреляли. После этого случая она уволилась и теперь служит в отделе недоставленных писем в Вашингтоне, округ Колумбия, и мы регулярно переписываемся.

Поздравляю, миссис Хартман. Когда слышишь такие истории, на сердце теплеет. Белка роняет желудь, бац! – и у тебя новый друг, не говоря уж о бесплатном мешке муки «Голден флейк» весом в пять фунтов.

Никогда не знаешь, чего ждать от жизни, правда?

Неожиданное

Бетти Рэй, сама того не ведая, очень вовремя подружилась с Витой. С тем, что случилось дальше, она бы не справилась без такого друга.

Эрл Финли сделал свое грязное дело втихую, за закрытыми дверями, заключив правильные сделки с правильными людьми из обеих партий. Он ждал, свернувшись, как змея, пока пройдет время, достаточное, по его подсчетам, для соблюдения приличий, а затем сделал бросок. Как гром среди ясного неба, в палату представителей Миссури и сенат поступил призыв собраться внепланово. На повестке дня – ходатайство о перевыборах, поскольку Бетти Рэй избрали, ожидая, что штатом будет управлять ее муж, а раз его нет, то и ее власть фиктивная. В двадцать четыре часа распространилась весть: новые выборы определяют, кто будет губернатором в течение оставшегося двухлетнего срока.

Карни Буфер дожидался этого момента на низком старте. Это было сделано с лучшими намерениями, как сказали все – или почти все. Мол, нужно снять с бедной леди тяжкое бремя губернаторства. Бетти Рэй получила милое письмо от спикера палаты с благодарностью за доблестную службу в течение двух лет. Ей с детьми позволено остаться в особняке до конца выборов. Ей даже общим голосованием решено выплачивать пожизненную пенсию размером в десять тысяч в год.

Вита сочла это гнусным поступком, но согласилась, что в целом оно, пожалуй, и к лучшему. Она не стала гворить Бетти Рэй, что Эрл Финли – человек очень опасный. Если он рвется к власти, его ничто не остановит. И в исчезновении Хэмма она подозревала именно Эрла Финли, но Джейк Спарлинг и его люди нарыли только, что у Финли и его братии на тот уик-энд было прочное алиби, – ничего удивительного, впрочем.

Никому, включая саму Бетти Рэй, не приходило в голову, что она может отказаться от предложенной отставки.

Когда прошло первое удивление, она испытала облегчение. Можно уйти прежде, чем она сотворит какую-нибудь ужасную ошибку и опозорит себя, загубив всю работу Хэмма. Как будет хорошо переехать в собственный дом: он обустроен и давно ждет хозяйку. Бетти Рэй была почти благодарна Эрлу Финли.

Они с Альбертой Питс начали паковать вещи и готовиться к переезду, но постепенно до нее начало кое-что доходить. По сути, несмотря на

вежливую форму, политики штата во главе с Эрлом Финли заявили ей буквально следующее: «Вот ваша шляпа, вы, кажется, куда-то спешили?» И Бетти Рэй позвонила Вите в Канзас-Сити.

– Вита, я тут подумала. Мы не знаем точно, кто избавился от Хэмма, но если это те же люди, что пытаются избавиться и от меня, то не думаю, что это должно сойти им с рук. Правильно? По крайней мере, не без борьбы, хотя бы в память о Хэмме.

– Что ты можешь сделать?

– Ну, если они утверждают, что прошлые выборы были недействительны, то я еще раз их пройду, уже сама.

– Ты знаешь, против чего собираешься выступить? – спросила Вита.

– Нет.

– А я знаю. Эти люди играют жестко.

– Вита, что они могут мне сделать, кроме как убить? Может, я и не выиграю. Но ради Хэмма обязана попытаться.

Вита улыбнулась:

– Забавно будет поглядеть на лицо Эрла.

– Можешь завтра приехать, Вита, чтобы мы обсудили все?

– Могу. Но только обсудить. Буду к обеду.

На том конце провода молчали.

– Ладно, к завтраку.

Говорят, люди за два квартала слышали вопль Эрла, когда он узнал.

Вита Грин позвонила своему доброму другу Питеру Уилеру, жена которого только что скончалась, и уговорила его переехать в Джефферсон-Сити и взяться за предвыборную кампанию Бетти Рэй. Это был забавный ход, учитывая, что Питер Уилер выступал против Хэмма на первых губернаторских выборах и это в его доме проходила вечеринка, где впервые встретились Вита и Бетти Рэй.

Эрл Финли поклялся, что это ей с рук не сойдет. Он хотел избавиться от Бетти Рэй втихую и по-хорошему, но теперь ринулся в драку, не брезгуя ничем. Как глава Демократической партии Миссури, он объявил кандидатуру Бетти Рэй нелегитимной и отказался ее поддержать. Пришлось ей баллотироваться в качестве независимого кандидата.

Лерой Отман и «Парни от сохи из Миссури» были призваны в строй. С самого начала список избирателей Бетти Рэй был настолько мизерным, что побил все антирекорды. Как она ни старалась, а смущение все же брало верх. Она выходила к микрофону, и все видели, как у нее трясутся колени. Если находились люди, не голосовавшие за женщину, даже несмотря на

поддержку Хэмма, то без Хэмма за нее почти никто не отдавал голос. В одной передовице писали: «Похоже, миссис Спаркс запомнила, что была губернатором лишь на бумаге, и иначе ее никто не воспринимал. Трудно не заподозрить, что ее снова используют как пешку в чьих-то руках. В память об усопшем муже миссис Спаркс лучше прекратить позорить себя и детей и вернуться к своим прямым обязанностям домохозяйки и матери».

Карни Буфер и остальные кандидаты поначалу ее игнорировали, но со временем Карни не смог удержаться от критики. Свое первое интервью для телевидения он закончил словами:

– Что же касается дамы, подавшей свою кандидатуру, позвольте прежде всего выразить уважение нашим женщинам, не ставя под вопрос их способности, но кто из нас пустит жену или дочку в жестокий мир политики? В этом мире каждый день приходится принимать трудные решения. Я уверен, что миссис Спаркс замечательная женщина, но при этом не могу не заметить, что бывшая певица госпела и подавальщица овощей в кафетерии, с трудом окончившая школу, вряд ли в состоянии управлять штатом. Миссис Спаркс самое место дома, пусть воспитывает детишек, а мир политики оставит мужчинам. В конце концов, за независимость в нашей стране боролись мужчины. Предлагаю миссис Спаркс вместо политики сидеть дома и вязать, и я заключу с ней сделку: если она не станет баллотироваться, я обещаю не брать в руки спиц.

Над шуткой Буфера смеялись. Но не женщины.

Соседку Дороти эта шутка повергла в такой гнев, какого она вовек не испытывала. Просто в ярость. После его речи она повернулась к Маме Смит и сказала:

– Достал.

Мама Смит поддержала:

– Не то слово. Будь у меня ружье, пальнула бы в него не думая.

После того как все кандидаты наговорили про Бетти Рэй кучу гадостей, речь Карни Буфера была для Дороти последней каплей. На следующее утро, покончив с рекламой, она плюнула на все свои правила и ринулась напролом:

– Знаете, мы в нашей передаче никогда не пускаемся в дебаты, но черт с ним. Простите, что позволяю себе чертыхаться по радио, но сегодня я обязана кое-что сказать. Меня достали некоторые мужчины, болтающие, что женщина должна только сидеть на хозяйстве и подтирать носы детям. И вы знаете, о ком речь. Этим мужчинам придется уяснить себе, что времена изменились. (Мама Смит разразилась мелодией «Попробуй их на ферме удержи, когда они Парижи повидали».) Правильно, Мама Смит. Мужчины

войну выиграли не в одиночку, мы все вкалывали на фабриках, водили поезда, автобусы, записывались в армию, делали все то же, что и мужчины. Наша с вами Ада Гуднайт была пилотом самолета. Но когда все закончилось, мужчины вернулись домой и захотели, чтобы все стало как прежде. Ну ясное дело, удобно. Но мы уже поняли, на что способны, нам это понравилось, и запрещать нам неправильно. В нашей стране все должно быть по-честному, а это, по-моему, нечестно. Если согласны, нужно дать им знать, что мы по этому поводу думаем, правда? Как говорит Мама Смит, женщинам слишком тяжело досталось право голоса, чтобы в результате им не велели голосовать за себе подобных. Неправильно нападать на человека только за то, что она женщина. Вы знаете, нам повезло: Бетти Рэй жила какое-то время с нами. Так вот, я утверждаю, что человек, заставивший Бобби Смита прочитать за лето тридцать четыре книги, может руководить штатом! Вот и все, что я имела сказать на эту тему.

В сущности, большего говорить и не требовалось. Не так много женщин интересовались политикой, пока Соседка Дороти не призвала их к оружию, но после той передачи Демократическую партию засыпали письмами с жалобой на Карни Буфера. Да, зря политики запулили камень в это огромное гнездо, полное свирепых ос.

И теперь обе партии – и демократы, и республиканцы – бежали сломя голову, спасая жизни.

«Соседку Дороти» услышал весь штат, и остальные кандидаты, включая сторонников Карни Буфера, немедленно принялись трезвонить в офис компании «Мука Голден флейк» с требованием снять программу с эфира. Но Джек Манн, президент компании, поступил так, как велела его восьмидесятидвухлетняя мать, миссис Сузанна Манн, владелица и председатель правления. Она лишь нежно проворковала:

– Заткнуть Дороти? Только через мой труп.

Матушка Нормы, Ида Дженкинс, после передачи Дороти аж раздулась, как белогрудый зобастый голубь, и выдала:

– О горе тебе, мистер Карни Буфер. Не на ту женщину ты нарвался.

Как президент Ассоциации женских клубов Миссури, бывший президент трех клубов садоводов и цвет пресвитерианского общества, Ида имела обширные связи и умело ими пользовалась. Она подняла на бой все женские клубы штата, и тысячи женщин подписались под заявлением.

Но самым сильным потрясением стала телеграмма, поступившая в офис Демократической партии штата Миссури, – телеграмма от человека, чьи мать и жена были преданными слушательницами программы Соседки

Дороти. От человека, имевшего огромное влияние и в Демократической партии, и далеко за ее пределами. Телеграмма была короткой и ясной:

ПУСТЬ МАЛЕНЬКАЯ ЛЕДИ БАЛЛОТИРУЕТСЯ! ГАРРИ С.
ТРУМЭН

Эрл Финли трясся от бешенства. Он метался по арендованному для заседаний номеру отеля и орал на своих помощников, окаменевших за столом:

– Черт, мы беспомощны как младенцы. Почему? Я вам скажу почему. Нельзя оскорблять вдову с двумя детьми по телевизору, вот почему. Нельзя ее трогать. Не дашь ей баллотироваться как мужику – ты дрянной сукин сын. Станешь обращаться с ней как с мужиком – ты дрянной сукин сын. Это гребаный эмоциональный шантаж! – Каждое слово он отбивал кулаком по столу.

К концу дня кандидатуру Карни Буфера пришлось заменить на кандидатуру маленькой леди.

Петух, может, и кукарекает, но яйца-то курочка несет

Хотя Бетти Рэй снова баллотировалась от Демократической партии, знающие люди полагали, что шансов на победу у нее нет.

Вита тоже так считала. Но, наблюдая, какую реакцию вызвала передача Дороти, она придумала ход, никогда не применявшийся ни в истории штата, ни в истории страны. Хватит уговаривать мужчин серьезно воспринимать ее кандидатуру, пора апеллировать к женщинам. Вита выставит Бетти Рэй как аутсайдера, и чем больше на нее станут нападать, тем лучше.

Крючок был закинут. Газеты и другие кандидаты попались на него, совершив ту же ошибку, что и Карни Буфер.

Один сказал:

– Что она может предложить штату, кроме «Кухонного кабинета»?!

Пресса подхватила эту фразу, как и надеялась Вита, и тут на Бетти Рэй отовсюду посыпались телеграммы.

УДАЧИ. ДЕРЖУ ЗА ВАС ПАЛЕЦ. – МЕЙМИ
ЭЙЗЕНХАУЭР
УДАЧИ ОТ ПЭТТИ, МАКСИН И ЛАВЕРН ЭНДРЮС
ЖЕЛАЮ ВСЕГО НАИЛУЧШЕГО. – МИССИС ЛУРЛИН
УОЛЛЕС
ЗА ВАС ВО ВСЕХ СМЫСЛАХ. – ЛЕДИ БЕРД
ДЖОНСОН^[32]

Но совершенно ошарашила Бетти Рэй телеграмма из Миссури, от первой кинозвезды, которую Бетти Рэй увидела, попав с Анной Ли в элмвуд-спрингский кинотеатр на фильм «Китти Фойл»:

ЗАДАЙ ИМ ЖАРУ, МАЛЫШКА! – ДЖИНДЖЕР РОДЖЕРС

Женщины начали слушать Бетти Рэй. А она говорила: выберите меня, и я не только продолжу политику покойного мужа, но и добавлю кое-что от себя, исходя из наших интересов. Она обещала пробить законы, заставляющие штат тратить денежные средства на помощь не только мужской части населения, но и женской. Она говорила о неравноценной

оплате труда, а ведь таких тем никто из кандидатов никогда не поднимал. Когда Ада Гуднайт и ее сестра Бесс, которые в тот момент путешествовали в своем трейлере по Аризоне, услышали, что Бетти Рэй баллотируется как независимый кандидат и что на нее нападают, они развернулись и помчались на помощь. Ада по опыту знала о положении женщины в мире, где доминируют мужчины. В 1945-м, когда солдаты начали возвращаться из Европы, ей и другим женщинам-пилотам, служившим в военно-воздушных силах во время войны, было приказано ехать по домам, и они не получили ни вознаграждения, ни простой благодарности от правительства. Когда во время миссии убивали пилота из ее женского батальона, армия отказывалась выделить деньги для отправки тела на родину. Ада жаждала сразиться. Дома она подняла на ноги своих подруг-пилотов, и по своим округам во всем штате они разбросали тысячи листовок, агитирующих женщин голосовать за Бетти Рэй. Бесс призвала женские команды по боулингу встать на защиту Бетти Рэй. Вскоре за нее ратовали женские вспомогательные подразделения из Клуба Лосей и Клуба Львов, жены продавцов из тракторной компании «Эллис-Чалмерс» опубликовали объявление на целую полосу в фермерском еженедельнике, распространяемом по всему штату.

Мужчины всерьез испугались и стали в открытую нападать на Бетти Рэй, наплевав на все приличия. Даже Минни Отман это надоело. Она подошла к телефону на стене костюмерной в Коламбусе, штат Миссури, и набрала номер.

– Элвис, – сказала она, – это Минни Отман.

– Ой, мэм! – Он рад был ее слышать. – Как поживаете?

– Дорогой мой, моя дочурка Бетти Рэй баллотируется на пост губернатора штата в Миссури, и ее уже замордовали. Я хотела, чтобы ты лично появился на одном из ее выступлений. Можешь это сделать – для меня?

– Да, мэм. Буду рад. Скажите, где и когда.

Хотя Элвис сколотил состояние на рок-н-ролле, сердце его пело госпел. Миссис Глэдис Престли, мать Элвиса, была большой фанаткой Минни, вырос он под пластинки Отманов и сам в детстве побывал в Мемфисе на многих всенощных с их участием. Минни была в хороших отношениях с его матерью и отцом и Элвиса знала с детства. Он бы ради ее просьбы отменил любые гастролы.

Про певцов госпела можно сказать одно: в трудную минуту они встанут за тебя горой. Не только Элвис, но и все до единой группы исполнителей церковных песнопений выступали в поддержку Бетти Рэй. И

такое не вычеркнуть из памяти избирателей. Как и сотни бесплатных жареных цыплят, пожертвованных Бобби Смитом, теперь главой всей фирмы «Птицы Фаулера». Как-никак, ведь если бы не Бетти Рэй, он бы так и не окончил школу.

Популярность Бетти Рэй росла на глазах, и Вита всерьез беспокоилась за ее безопасность. У Бетти Рэй, конечно, был телохранитель, но ведь и у Хэмма они были. Но зря Вита беспокоилась. У Бетти Рэй имелось то, чего не было у Хэмма. Альберта Питс ни на секунду не оставляла Бетти Рэй одну. Ни один мужчина не смог бы живым пробраться к Бетти Рэй, минуя Альберту.

Что же касается самой Бетти Рэй, то она становилась все более уверенной в себе. Она уже могла говорить с людьми, не трясясь и не роняя бумаг. Вита поняла, что трудности позади, когда в округе Кларк Бетти Рэй сказала слушателям:

– Знаете, округ Кларк занимает в моем сердце особое место. Мы с покойным мужем провели наш медовый месяц в нескольких милях от этого места. Так что, можно сказать, жизнь Хэмма Младшего началась именно здесь.

Хэмм Младший, сидевший на сцене позади матери, покраснел как рак, зато в округе Кларк Бетти Рэй получила 78 процентов избирательских голосов.

Наутро после выборов Соседка Дороти завершила свою передачу такими словами:

– Поздравляем нашего нового губернатора. Мы всегда сочувствуем побежденным, но, как говорится, пусть победит сильнейший. Только на сей раз поговорку придется чуть изменить: пусть победит сильнейшая. С вами были Соседка Дороти и Мама Смит за фисгармонией. Прекрасного вам дня. И помните: вы делаете нас счастливыми, так что ждем вас завтра. Вы же придете, правда?

1970-e

Новая декада

В 1970-м семья Смит простилась с Мамой Смит, она ушла после долгой болезни. В том же году у Бобби и Луис родился еще один сын. В целом же мир изменился очень мало, не считая того, что на Луну высадился человек. Все в Элмвуд-Спрингсе были страшно довольны, что первым это сделал американец, и только тетя Элнер на вечеринке Мака и Нормы в честь прилунения не радовалась. На вопрос Линды, почему она грустит, тетя Элнер сказала:

– Ох, не знаю. Мне просто жалко бедного Нила Армстронга. После того как побываешь на Луне, разве ж куда-нибудь еще захочется.

С этим, в общем, не поспоришь.

Линда Уоррен, дочь Мака и Нормы, была красивой девочкой со светлыми рыжими волосами, и хотя Норма старалась не походить на свою мать, но раздражала дочь так же, как ее – Ида, когда Норма была подростком. Когда Линда не слушалась, Норма обычно говорила: «Ты вся в отца». Была в этом укор и доля правды. Линда и впрямь была папиной дочкой – и темпераментом, и увлечениями. Любила бейсбол, рыбалку и спорт.

Несмотря на занудные просьбы Нормы, Линда отказалась пройти курс домоводства и вместо этого, к ужасу матери, в качестве профориентации на уроках труда выбрала столярное дело. Линда сказала, что лучше учиться делать скворечники, чем печь пироги, и отец, как всегда, с ней согласился.

– Не знаю, как ты собираешься растить ребенка и заботиться о муже, если не можешь яйцо сварить и застелить постель, – сказала Норма.

Когда Бетти Рэй переизбрали на второй срок, первое, что она сделала, это назначила Виту Грин вице-губернатором. Вот так, всем на удивление, жена и любовница Хэмма на пару стали управлять штатом. Им помогал Питер Уилер и другие умные головы, которых пригласили в администрацию. Бетти Рэй также позвала старую знакомую по работе в кафетерии в качестве советницы по делам ветеранов-инвалидов. Когда закрылось кафе «Троллейбус», Джимми переехал в Джефферсон-Сити и помогал губернатору в разных делах. Альберта Питс, со своей статьей за убийство, официально не могла работать в штате, но получила досрочное освобождение и осталась при Бетти Рэй личным секретарем. Эрл Финли, как-то брякнувший, что не дождетсЯ конца эры Хэмма Спаркса, как в воду глядел. В 1969-м его хватил удар.

Но Бетти Рэй была не единственной из семьи Отман, чьи дела шли в гору. В 1970-м министерство иностранных дел организовало тур доброй воли, чтобы продемонстрировать миру американскую музыку, и Отманов выбрали представлять южный госпел. Они побывали в шестнадцати странах и замечательно провели время, особенно им запомнилось выступление в лондонском Альберт-Холле.

Минни пришла в такой восторг от встречи с королевой-матерью, что после книксена, что для женщины весом в триста фунтов оказалось нелегким физическим упражнением, она захлопала в ладоши:

– Ну какая ж вы чудесная в этой махонькой коронке! Я знаю, нам не положено вас трогать, но так хочется обнять вас!

Королева-мать, очарованная массивной американкой в красном платье и очках, инкрустированных горным хрусталем, с огромной копной волос, собранных в высоченную прическу, слушала ее щебет.

– Может, вы не знаете, но у нас с вами много общего. Ваша дочка стала королевой, а моя – губернатором штата Миссури. Значит, мы неплохие матери, правда, уважаемая?

– Правда, миссис Отман, – улыбнулась королева-мать.

А Джейк Спарлинг все корпел над загадкой исчезновения Хэмма. Три года он работал с неослабевающим упорством, и в январе 1970-го наконец наметился кое-какой прорыв.

Когда в зарослях у реки нашли катафалк, Джейк велел прочесать всю округу. На катафалк наткнулась ребятня, игравшая у реки. Автомобиль проржавел, обивка пошла пузырями. Его обследовали от крыши до дна и проследили до автомобильного парка похоронного бюро Сесила Фиггза в Канзас-Сити, где хранились такие устаревшие модели. Проверка показала, что катафалк числится пропавшим как раз с того времени, когда исчезли Хэмм и его помощники. Нашли бывшего ответственного за парк, задали вопрос, почему он не заявил о пропаже. Он объяснил, что эту рухлядь постоянно угоняют подростки – покататься, вот он и решил, что это как раз такой случай, и не стал заявлять. Джейк отправился в Луизиану, облазил все что мог, но не нашел ничего подозрительного, кроме полуразрушенного лодочного сарая возле причала.

Услышав имя владельца, Джейк насторожился. И причал, и земельный участок с 1967 года числились за Бадди Лео, дядей Энтони Лео из Канзас-Сити, штат Миссури, – человеком, явно связанным с организованной преступностью. Да, на случайное совпадение не похоже, решил Джейк. Причал располагался не так далеко от того места, где в последний раз

видели Хэмма. Может, он приплыл на яхте? После долгих поисков удалось раскопать, что в мае 1959-го на имя сестры Энтони Лео, миссис Дженни Мицелли, был приобретен новый тридцатипятифутовый катер. Не та ли это самая ниточка, которую все эти годы искал Джейк? Брошенный катафалк, лодочный причал и пропавшие люди – все было связано с Канзас-Сити.

К сожалению, ни одного из мистеров Лео допросить не удалось. Дядя умер от старости, а Энтони Лео, хоть и не старик, тоже ушел из жизни, что не редкость для граждан, занятых подобного рода деятельностью. В 1968-м он случайно встретился с пятью пролетавшими тем же путем пулями, и встреча оказалась для него фатальной. Сестра его, миссис Мицелли, заявила, что никакого катера у нее сроду не бывало. Что наверняка было правдой. Эти люди то и дело совершали покупки под чужим именем, чтобы замести следы.

Когда Джейк спросил об этом Бетти Рэй, она сказала, что Хэмм пару раз упоминал некоего друга Родни, владельца яхты, которую они иногда одалживали, чтобы покататься.

Джейк был доволен. Наконец-то мы до чего-то докопались, думал он. Теперь предстояло узнать, что стало с яхтой.

Отпуск Тот

21 апреля позвонила тетя Элнер и, даже не поздоровавшись, что, впрочем, случалось нередко, спросила:

– Слыхала, что случилось с Бедняжкой Тот?

Норма догадалась, что, скорей всего, ничего хорошего.

– Лучше не рассказывай.

Тетя Элнер просьбу проигнорировала:

– Знаешь, она мучилась с этим сломанным пальцем, работать не могла, и Дуэйн Младший уговорил ее поехать с ним во Флориду, и там рыба едва не оттяпала ей ногу, и сейчас бедняжка в больнице, а ведь сама даже не рыбачила. Говорит, крутилась на камбузе, никаких рыб не трогала, готовила сэндвичи с сыром, и тут эта рыбина на нее набросилась.

Норма опустила на стул:

– Какая рыбина?

– Почему я знаю? Знаю только, что тварь просто взбесилась из-за того, что ее выдернули из воды.

– Кто тебе это рассказал?

– Вербена, вот секунду назад звонила.

– Тетя Элнер, я перезвоню, – сказала Норма и набрала номер химчистки Вербены, дабы услышать историю из первых уст.

– «Голубая лента», – ответила Вербена.

– Это Норма.

– А я как раз тебе набираю, у тебя занято.

– Ты сказала тете Элнер, что Тот укусила рыба?

– Нет, я сказала, что ее ударило рыбой, когда она готовила себе сэндвич с сыром. Я не говорила, что ее кусали.

– Как ее могло ударить рыбой, если она была внизу, на кухне?

– Значит, рыба спустилась по лестнице, искала ее.

– Да с чего бы?

– Да с того, что Тот – самый невезучий человек на свете, вот с чего.

– И как это произошло?

– Она поехала во Флориду, Дуэйн Младший и его приятель взяли напрокат рыбацкую шхуну, чтобы развлечь Тот. Так он сказал, а на деле небось сам хотел развлечься. Короче, просидев три часа на солнцепеке на палубе и не поймав ни одной рыбки, Тот сказала: «Я что-то проголодалась, пойду приготовлю себе горячий сэндвич с сыром. Кому-нибудь еще

сделать?» Мальчишки ответили, что им не надо, и Тот как раз собралась перевернуть сэндвич на сковороде, как вдруг на нее напрыгнула громадная рыбина. Дуэйн слишком резко выдернул ее из воды, рыба перелетела через его голову, отскочила от палубы, запрыгала вниз по лестнице и своим носищем воткнулась бедной Тот в ногу.

– Господи! Она, наверное, до смерти перепугалась.

– Говорит, скорее удивилась. Капитан обложил ногу льдом и повез Тот в Пенсаколу, к врачу. Она чувствовала себя полной дурой, сидя в приемной больницы с торчащей из ноги рыбой, но капитан сказал, что побоялся сам выдергивать зверюгу. Это могло нанести сильный вред.

– Кому?

– Рыбе, видать... Дуэйн Младший забрал ее в качестве сувенира.

– Что это за рыба?

Норма услышала шелест бумаги.

– Я записала. Вот. Носатый сарган, или морская щука. В газете ее фотография.

– Тот в порядке?

– Ну да. Если не считать шесть швов и того, что пришлось позировать для фотографии.

– Она не может подать на кого-нибудь в суд?

– Норма, на кого она подаст? С кем ей судиться-то, с Мексиканским заливом? Или с рыбой? Нет, просто еще одна травма, так что завтра она возвращается. Ни дня отдыха у бедняжки не получилось. Если уезжала она несчастной, то представь, какой вернется.

На следующий день жители Пенсаколы увидели фото, как миссис Хутен выкатывают в кресле из отделения скорой помощи. Заголовок над снимком гласил: ЖЕНЩИНУ ПРОНЗАЕТ ЛЕТАЮЩАЯ РЫБА.

Жители Элмвуд-Спрингса постарались не тревожить Тот расспросами, но иногда не удерживались, и она отвечала:

– Тунца больше в рот не возьму, вот что я вам скажу.

Для широкой публики.

Недавно я получила от жизни дорогостоящий урок и передаю мой опыт людям, пусть послужит предупреждением. Никогда не вызывайте «скорую помощь», если можете этого избежать. Поверьте, я могла дважды съездить в Европу за те деньги, которые с меня содрали за шесть жалких кварталов на их машине. Был час пик, а оплата шла повременная. Все со мной были милы и предупредительны, и я в ответ была очень мила, поскольку не догадывалась, что за это с меня сдерут целое состояние, я

до сих пор выплачиваю долг, и мои страховые взносы тоже подскочили до небес. Повредила я ногу, но меня заставили надеть на шею воротник, всю дорогу до больницы пихали мне в нос кислород и каждые две минуты мерили температуру и давление. Мало того, на мне еще учили зеленого практиканта и даже никакой скидки за это не дали. Но самое плохое ждало впереди. Когда вас привозят в отделение, берегитесь. Врачи там страшно дорогие, и каждая секунда их внимания будет стоить вам о-го-го. Меня всю зарентгенили и засканировали от носа до кормы, катали из одного кабинета в другой, заморозив чуть не до смерти. У них там просто холодильник. В моем случае требовалось удалить из ноги рыбу (лучше не говорить, во что это обошлось), и мне сделали укол с анестезией, и потом я не могла ходить, пришлось остаться у них на ночь. Если я скажу, почему стоит поспать на их кровати плюс пара таблеток аспирина и успокоительного, вы испугаетесь. Не поддавайтесь иллюзии, что ваша страховка все покрывает. Не покрывает, нет. Мой вам совет: если можете пройтись, сесть за руль, вызвать такси или проехать на автобусе до больницы – сделайте это. Не звоните 911, если вы не до конца умерли.

Обеспокоенная гражданка
миссис Том Хутен

P. S. Берегитесь летающих рыб.

День матери

Весной 1970-го среди радиопередач, которые крутили молодежную музыку, сразу после «Десятки хитов» по-прежнему можно было послушать «Соседку Дороти» с радиостанции УДОТ.

И пусть Мама Смит уже не было, а Дороти совсем поседела, передача ничуть не изменилась. Голос у Дороти был такой же теплый и дружелюбный – краткий миг покоя среди грохота и воплей рок-н-ролла, сотрясавших эфир днем и ночью.

– Всем доброго утра, – сказала Соседка Дороти. – Не знаю, как у вас, но у нас тут на всех действует весна и народ слегка не в себе. Не могу их винить – до того апрель выдался теплым и нарядным. Надеюсь, у вас тоже. Никогда не видела столько нарциссов – буквально повсюду. А ведь скоро День матери, и если вы еще ничего не приготовили, то подумайте насчет поющего подарка. Представьте только, канарейка на кухне или в гостиной, чтобы каждый день у вашей мамочки начинался на веселой ноте. Знаю по своему опыту. Не передать, сколько радости мне доставляют две птички – Клецка и Мой, подаренные мне давным-давно. А если канарейка у вашей мамы уже есть, подарите дверной колокольчик от фирмы «Риттенхаус», ведь дверные колокольчики от «Риттенхаус» всегда приятны для слуха, к тому же это ненавязчивое напоминание, что компания «Риттенхаус» всегда у ваших дверей. Так, поглядим, что тут еще у нас... Мы получили очередную открытку от наших автотуристов, сестер Гуднайт, жаль, вы не видите. Они сидят на страусах. Ох и бесстрашные девчонки.

А если кто-то из вас путешествует в районе Лебанона, Миссури, и ему негде переночевать, вспомните про трейлерный парк «Нельсонс Дрим Виллидж». Поезжайте туда, посмотрите и послушайте электрический музыкальный фонтан. Проведите славный вечерок в районе Озарк-Маунтейн на шоссе номер 66, это ворота между Югом и Севером. В «Нельсонс Дрим Виллидж» очень современные, противопожарные бунгало на одну семью, где за детей плату не берут.

Кстати, о детях. Я получила милое письмо от Бобби и Луис и рада сообщить, что Майкл теперь орел-скаут. Все бы отдала, чтобы присутствовать на посвящении. Так жалко, что оба моих ребенка живут так далеко от меня, наши дети навсегда останутся для нас детьми, в любом возрасте, правда? Когда вижу Бобби, трудно поверить, что он управляет крупной компанией. Я знаю, что он взрослый человек и у него свои дети,

но для меня он все равно малыш Бобби, а Анна Ли так и осталась маленькой девочкой, хотя – держите шляпы – вчера позвонила и сообщила, что сама скоро станет бабушкой, а мы с Доком, значит, прабабушкой и прадедушкой. – Дороти засмеялась. – Чуть позже в программе состоится беседа с Гертрудой Хейзелетт на тему «Лучший способ колоть орехи гикори», но сначала позвольте вас спросить: неужто я одна такая барахольщица? Каждый год во время весенней уборки я лезу на чердак, чтобы избавиться от старья, которое только копится без толку и собирает пыль. И всякий раз не решаюсь выкинуть ни одной вещицы. Сижу, перебираю, и каждая вызывает такие приятные воспоминания! Надо бы все раздать, да не хватает духу... Н у, ничего. Может, в следующем году.

Пустое гнездо

Норма Уоррен готовилась впервые расстаться с дочерью и не испытывала от этого никакой радости. Окончив школу, Линда тут же устроилась работать в телекоммуникационную компанию «АТ&Т». В день профориентации представители пришли в школу, чтобы найти девочек для работы. Когда Линду выбрали для обучения на менеджера, Норма расстроилась:

– Я надеялась, ты надумаешь в колледж поступить. Зря я сама так рано вышла замуж. Зря в колледж не пошла.

– Мам, но подумай, какая прекрасная возможность. Меня обучат такой классной специальности. К чему тратить четыре года на колледж, если я к тому времени уже буду работать и зашибать хорошие деньги?

– Но, дорогая, представь, сколько ты пропустишь веселья – женские клубы, свидания, жизнь в общежитии с другими девочками.

– Да ну, это все прошлый век, эти радости можно получать и зарабатывая деньги. Если все взвесить, мама, то понимаешь, что это самое разумное и практичное решение.

– Слишком ты молода, чтобы мыслить разумно и практично. Это у тебя от папы. Я вот никогда не была ни практичной, ни разумной. Может, и зря. Выскочила замуж и ничему не научилась. Случись чего с твоим отцом – придется в уборщицы идти или в поварихи, только это я и умею. Никаких познаний, лишь в стряпне да уборке.

– Да ну, мам. Хорошая стряпня требует мастерства.

– Ничего она не требует, – отмахнулась Норма. – Любая дуреха умеет готовить.

– Я вот не умею, – сказала Линда.

– Ты и не пыталась. Знаешь, твой папа очень огорчится, если ты не пойдешь в колледж.

– Не-а, не огорчится. Он тоже считает, что это отличный шанс.

– Откуда ты знаешь?

– Оттуда. Я уже сбегала в магазин и показала ему письмо.

– Когда?

– Утром.

– Раньше, чем мне?

– Просто хотела посмотреть на его реакцию. И он сказал – надо ехать.

– Ага, понятно, значит, вы, как обычно, уже все решили, а я так, сбоку

припека, мое мнение можно не учитывать.

– Ой, ну мам...

– Да, все верно. Могли бы меня и вовсе не ставить в известность, зачем. Я для вас не важнее дверной ручки. Не спрашивать же мнения у дверной ручки. Все равно ты поступишь так, как посоветует папа.

– Мама, ты же знаешь, это не так. И если ты так смертельно против, я не поеду.

– Ну конечно, и потом до конца жизни будешь меня в этом упрекать. Я просто надеялась, что ты останешься рядом с домом, вот и все.

– Так на самом деле тебя это беспокоит?

– А как же мне не беспокоиться? Я обыкновенная мамаша.

– Не о чем беспокоиться. Все будет в порядке.

– Думаешь, я отпущу тебя в большой город, где сплошь оружие и сутенеры, и при этом смогу не беспокоиться?

– Ой, мам, ну какие сутенеры в Сан-Франциско?

– Обыкновенные. Я смотрю телевизор, между прочим. Барбара Уолтерс в передаче рассказывала про русских девочек, которых сутенеры взяли в рабство. Это до сих пор продолжается. – Слезы навернулись у Нормы на глаза. – Надеюсь, ты будешь носить пистолет в сумочке. Знаешь, как легко ударить человека по голове, – это сплошь и рядом случается.

Час спустя Линда позвонила отцу:

– Пап, ты должен поговорить с мамой, ее заклинило, что мне проломают череп или сделают рабыней.

Мак ответил:

– Так я и думал. Про землетрясения еще не говорила?

– Пока нет, но скоро наверняка додумается.

Как и ожидалось, вечером Норма сидела с Маком на кухне.

– Не понимаю, о чем думают эти люди в телефонной компании. Ждут, что такая юная девочка поедет в Сан-Франциско одна-одинешенька?

– Да с ней вместе едет целая толпа ребят ее возраста, которых отобрали для учебы.

Норма распахнула глаза:

– Сан-Франциско! Господи, там же трясет!

Мак встал и налил себе еще кофе. Ночь обещала быть длинной.

– У меня будет микроинфаркт, и не один, я чувствую.

– Норма, может, ты перестанешь беспокоиться по всяким пустякам? Ты себя с ума сведешь.

– Что я могу сделать, такой вот я беспокойный человек. Я и ребенком была нервным. И подростком нервным. Я всегда была нервной. Когда ты на

мне женился, ты знал: я нервная. Я тебе говорила.

– Да, но первые двадцать лет я думал, что это пройдет.

– А ты в жизни ни минуты не беспокоился и не знаешь, каково это, так что не сиди тут и не говори мне, что я должна перестать нервничать. Как будто это у меня по желанию, хочешь – нервничаешь, не хочешь – нет. Ты небось считаешь, что я встаю по утрам и говорю себе: «Ой, прямо жду не дождусь снова весь день биться в истерике, пугаться по любому поводу до смерти и умирать от ужаса каждый раз, как зазвонит телефон, это ведь так весело». Мак, попробуй понять меня. Вы с тетей Элнер прямо как две капли воды, у вас в теле ни единого нерва нет. Я бы с удовольствием такой же была, но не могу. Наверное, природа у меня другая. Есть существа нервные, а есть спокойные. Нельзя винить людей за их характер. Ты же птичке не велишь быть похожей на корову.

– Ладно, Норма, ты меня убедила.

– Или льву – на обезьяну.

– *Хорошо, Норма, я просто хотел сказать, что тебе было бы веселее жить, если бы ты могла немного расслабиться.*

– Думаешь, я не знаю? Думаешь, ты мне открыл глаза? Я бы с удовольствием позволила дому рухнуть, а вам с тетей Элнер и Линдой делать что заблагорассудится. Захотела Линда жить в большом городе среди убийц и насильников, ну и что? Подумаешь! Хочешь ты кататься на американских горках в твоём возрасте, ну и что? Подумаешь! Хочет тетя Элнер жить с дверьми нараспашку, чтобы любой бандит мог ночью ворваться и придушить ее в постели, ну и что? Подумаешь!

– Хорошо, Норма, но не бегать же, как та курица, не кричать, что небо падает. Думаешь, твое беспокойство что-то изменит? Что должно случиться, то случится, а что не должно, то не случится.

Норма смотрела так, будто готова его убить.

– Что ж, спасибо, Мак, ты невероятно мне помог. Я тебе это припомню, когда ты в следующий раз станешь по какому-нибудь поводу волноваться.

После отъезда Линды в Сан-Франциско позвонила тетя Элнер:

– Норма, я знаю, что с тобой. У тебя синдром пустого гнезда. Я прочитала про это сегодня в «Ридерз дайджест». Поэтому ты все время моешь полы. Там говорится, что при этом синдроме ощущение, что жизнь твоя кончена, что ты стала бесполезной. И некоторые признаки я вижу у тебя – ясно как день.

– Какие признаки?

– Всякий раз, как ты приходишь, я прямо вижу, как ты жаждешь устроить мне тут уборку. Тебе необходимо какое-нибудь хобби. Слушай, что говорит «Ридерз дайджест», цитирую. Слушаешь?

– Да.

– «Противоядием от синдрома пустого гнезда служат следующие действия или их комбинация. Почаще выходить из дому и заводить новых друзей, придумать себе хобби, пожертвовать часть времени на общественную деятельность, устроить второй медовый месяц».

– Второй? У нас и первого-то не было. Теперь он мне должен сразу два. Ну, что там еще, продолжай.

– «Обедать или ужинать в ресторане хотя бы раз в неделю или брать уроки танцев».

Норма не могла не признать, что тетя Элнер права. Она таки чувствовала себя бесполезной и постоянно боролась с желанием отдраить дом тети Элнер от подвала до чердака. Но она не хотела ни танцевать, ни обедать в ресторанах. Теперь, когда закрылся кафетерий, пойти было некуда, не считая ресторана «Говард Джонсон». А сколько можно съесть за раз жареных моллюсков? И Мак ни за что не закроет магазин, чтобы отправиться во второй медовый месяц. Видимо, остается только общественная деятельность, а найти общественную деятельность в Элмвуд-Спрингсе – задача нелегкая. У всех и так есть все, что им надо.

Автотуристки, 1974

Тетя Элнер разбиралась с собакой, гонявшей в саду ее кота, и пропустила большую часть передачи Соседки Дороти. Она пулей влетела в дом и включила радио, пытаясь хоть конец ухватить. Это была последняя неделя эфира Дороти, и Элнер не хотела упустить ни слова.

– Мы снова получили открытку от наших автотуристок, Ады и Бесс Гуднайт. Бесс пишет, что странствия их окончены, они нашли себе место и планируют остаться там навеки. Их новый дом – трейлерный лагерь «Форель у Олли», расположенный в полутора милях от Майами. На открытке чудесное фото, лагерь Олли назван одним из красивейших автомобильных туристических парков в стране, там могут разместиться триста пятьдесят машин и повсюду кокосовые пальмы. По мне, так это рай.

Ощущение, будто они только вчера уехали, а ведь путешествуют они уже девять с лишним лет. Ну вот, все новости вам доложила. Крутится у меня в голове одна мысль, вот думаю, не поделиться ли с вами. Вчера вечером мы с Доком сидели в саду, любовались, как садится солнце... Красота несусветная... Ночь теплая, тихая, а мы сидим, пока все небо звездами не запестрело, и тут я вот что подумала. А если бы мы никогда не видели звезд и луны, одно только черное небо, и однажды ночью они вдруг все высыпали на небе. Мы бы, наверное, с ума сошли. Но иногда так засуетишься, что забываешь глаза поднять, порадоваться. Господь дарует столько красивого – смотри не насмотришься. Вот мы с Доком подсчитываем радости в жизни и приходим к выводу, что их было больше, чем мы заслуживаем. Нам так повезло, что Мама Смит столько лет прожила с нами. Наши дети счастливы и здоровы, а меня Господь наделил таким количеством прекрасных соседей, и настоящих соседей, и радиососедей, которые со мной были все эти годы. Часто спрашиваю себя: что я такого сделала, чтобы заслужить столь чудесную жизнь? Трудно будет не бежать каждое утро к микрофону, но что поделать, время, как говорится, идет вперед и никого не ждет – ни мужчин, ни женщин. Мы прошли вместе долгий путь. Тридцать восемь лет вещания – это превзошло все мои самые смелые ожидания.

Как вы знаете, Док в этом году вышел на пенсию, и мы собираемся путешествовать, поехать по друзьям. К концу жизни накопили мы немного, далеко не богачи, но я перечитываю ваши письма и чувствую себя миллионершей. Надеюсь, вы иногда будете мне писать. Но у нас еще целая

неделя, так что не прощаюсь, просто говорю «до завтра». Приятного вам дня.

Элнер встала, вздохнула, подумала: как же мы будем без «Соседки Дороти»? И не она одна так думала. На кухне в двадцати милях от города фермерша открыла левый ящик стола, тот, что возле раковины, вытащила блокнот, и, перепробовав штук шесть ручек, нашла одну, шариковую, в которой еще не закончилась паста. Она села за стол и принялась писать.

Дорогая Соседка Дороти.

Дай думаю сяду да набросаю вам пару слов чтобы сказать как мне будет не хватать ваших ежедневных передач. Так приятно вас слышать, пересташь чувствовать себя такой оторванной от города. Без вас и вашей семьи мне было бы одиноко и тоскливо. Временами мне кажется что Бобби и Анна Ли – и мои дети. Господи, неужели это закончится? Вы были прекрасной соседкой.

*Ваша подруга
миссис Вернон Бошелл*

Конец эры

Док наставлял молодого фармацевта, который должен бы занять его место, когда принесли рецепт. Увидев, кому предназначено сердечное лекарство, он кинулся домой. Они так и не попутешествовали. Осень в этом году выдалась теплая, и они часто сидели на качелях в саду, провожая солнце.

22 октября в студию вошел высокий худощавый диктор, посмотрел на часы. Ровно в 9.30 вместо передачи «Десятка хитов», выходящей сразу после новостей, люди с удивлением услышали:

– Дамы и господа, радиостанция УДОТ с грустью сообщает о смерти нашего друга. Вчера вечером Соседка Дороти мирно скончалась у себя дома, в Элмвуд-Спрингсе. У нее остались дочь Анна Ли и сын Роберт. Мы хотели передать наши глубочайшие соболезнования родным и сотням радиослушателей, которые знали и любили ее. Мы же, радиостанция УДОТ, в знак траура выйдем из эфира и почтим часом молчания память женщины, которой всем нам будет не хватать.

Закончить обращение мы хотели бы вот чем. Что такое жизнь? Лучшая и достойнейшая жизнь – это когда об ушедшем можно сказать, что при жизни он нес любовь и радость всем, к кому прикасался. Такой была женщина, которую все знали просто как Соседку Дороти. И хотя здесь, на земле, ее голос больше не прозвучит, мы хотели бы думать, что где-то там, в другом мире, люди включают приемник и услышат ее впервые. Прощай, дорогой друг.

1980-e

Страх

Хотя нет числа годам и часам, потраченным Нормой на волнения по пустякам, в миг настоящей опасности она одна сохраняла спокойствие и хладнокровие. Ни слова ведь не сказала ни Маку, ни тете Элнер. Близкие знали только, что Норма отправилась на ежегодный осмотр. Две недели она им ничего не говорила. В тот вечер после ужина, сложив посуду в посудомоечную машину и выключив свет в кухне, она под села к Маку на диван в гостиной.

– Мак, я уверена, что это чепуха, но у меня на маммограмме небольшое уплотнение, и доктор Халлинг хочет сделать биопсию.

Мак почувствовал, как от лица отлила кровь.

– Так что я съезжу в среду. Я всего день-другой там пробуду, но ты не волнуйся, я приготовлю впрок, чтобы ты тут с голоду не помер, пока меня не будет.

Мак наконец обрел голос:

– Господи Иисусе, когда ты узнала?

– Две недели назад.

– И две недели ты молчала?

– Ну а чего тебя зря беспокоить. Я и сейчас-то говорю лишь потому, что меня могут оставить в больнице на ночь, смотря что найдут, и я не хотела, чтоб ты пришел с работы и начал гадать, куда я запропастилась.

– Ты сказала тете Элнер и Линде – она приедет?

– Нет. Я же говорю, нечего тут рассказывать, пока мы не узнаем, что это, может, вообще пустяки.

– Как ты могла от меня скрыть? Что с тобой такое?

– Да ничего такого, дорогой, просто не хотела тебя волновать, и все.

– Да я же твой муж, бог ты мой, кто ж так делает: да, кстати, знаешь, у меня, возможно, рак.

Он пожалел о своих словах в ту же секунду, как они вырвались. Однако Норма погладила его по голове, потрепала по плечу:

– Да ну, милый, нет у меня рака.

– А вдруг.

– Шансы невелики, но даже если есть, это не конец света. Доктор сказал, стадия ранняя.

– Так он думает, это рак?

– Нет, он имел в виду «если». Если и есть небольшой шанс, то мы

вовремя его отловили.

Ночью Мак не мог заснуть, около трех встал, вышел во двор, по щекам его текли слезы. Не столько оттого, что он был напуган, сколько оттого, что ее храбрость всегда трогала его до невозможности.

Следующие несколько дней были настоящим адом. Мак хотел провести с ней всю оставшуюся жизнь, хотел просыпаться каждый день и видеть ее, и радоваться, что она тут, что она такая. Она была его женой, его любовью, матерью его ребенка, но больше всего – лучшим его другом.

Он сидел в комнате для посетителей и, пока ждал результатов операции, размышлял о времени – единственной вещи, которую нельзя остановить. В детстве сидишь на уроках и бесконечно ждешь звонка, а перемена проскочит – не заметишь. От рождественского вечера до утра – немыслимо долго. А теперь через несколько минут врач объявит им вердикт. Через эти несколько минут его жизнь навсегда изменится – или у них появится второй шанс.

Сознают ли люди в белых халатах за дверью операционной, на что они смотрят? Или думают о скором обеде, тогда как от того, что они обнаружат, навсегда изменится чья-то жизнь? Ему хотелось на всю больницу крикнуть: «Это моя жена, это вся моя жизнь, у вас в руках – все мое будущее». Он не выносил сидеть на пассажирском сиденье автомобиля, ненавидел летать на самолетах, поскольку там он ничего не контролировал, зависел от других. А теперь он зависит от этих людей в белых халатах. Да и поглядите на них – сплошь молодняк. Куда подевались дородные медсестры и седовласые доктора, которых он помнил по прошлому посещению больницы, когда на свет появилась его дочь, тридцать один год назад, и чему, черт побери, эта молодежь так радуется? Его бедная малышка может проснуться с одной грудью, и ей сообщат, что метастазы уже повсюду, что дело зашло слишком далеко. Почему, черт возьми, до сих пор не нашли лекарство от этой дряни?!

Зачем мы посылаем деньги по всему миру, тратим миллиарды на военный бюджет, на производство идиотских фильмов и телешоу? Люди умирают каждый день, а мы швыряем деньги на ветер! Почему их не отдают ученым, чтобы они изобрели средство? Странно это – рак ведь зверствует так давно, у кого-то наверняка уже есть ответ. Да, точно, просто остальным не говорят! Мак довел себя до белого каления, пока дожидался врача.

– Мистер Уоррен, опухоль была явно доброкачественная. Да и результат из лаборатории на биопсию пришел отрицательный. Некоторое время ей придется... – И тут же повернулся к проходившему мимо другому

врачу: – Привет, Дюк, можешь добыть мне еще два билета на завтрашнюю игру?

Мак не слышал ответ Дюка. Он уже был на улице. Внутри больницы все было холодным и стерильным, а здесь он смог вдохнуть полной грудью. Он почувствовал, что улыбается всем подряд, и в этот миг поклялся себе: с этого момента его жена будет получать все, что захочет.

Потом ему пришлось напоминать себе об этой клятве. Когда год спустя Мак спросил, куда Норма хочет поехать на праздники, она сказала:

– Вообще-то есть одно место, куда я умираю хочу попасть, но ты вряд ли согласишься. Я всегда хотела побывать в Лас-Вегасе, послушать вживую концерт Уэйна Ньютона.

Да он бы на Луну полетел, если бы она захотела.

Оживление города

Через полгода после поездки в Лас-Вегас Норма наконец нашла себе подходящую общественную деятельность. Почему-то после смерти Соседки Дороти возникло ощущение, будто город постепенно затих, больше никто сюда не приезжает. Пока Дороти вела свою передачу, люди ехали со всех концов страны целыми автобусами, теперь же, несмотря на новые дороги, улицы словно вымерли. На очередной встрече представителей коммерции даже создали комитет по оживлению города, и Норму избрали его главой. Прогулявшись с планшеткой по центру, Норма исследовала вопрос и на следующей встрече доложила о своих выводах:

- У нас слишком скучно, нужна тема.
- Тема? Какая еще тема? – спросила Леона.
- Какая-нибудь, чтоб отличала нас от других городов, что-то выдающееся, непривычное, чтобы люди захотели сюда ехать. А то у нас нет своего характера, ни то ни се. Нам нужно лицо. Когда въезжаешь в город, что ты видишь? Видишь знак «Добро пожаловать в Элмвуд-Спрингс», но нам нужно что-то более броское. Что-то уникальное. «Родина самого крупного батата», скажем, или еще что. Чтобы люди захотели свернуть с шоссе и глянуть на нас хоть одним глазком.

Все заговорили разом:

- А может, придумать такое, что попадет в Книгу рекордов Гиннесса?
- Скажем, самый большой в мире торт. Или пирог, или даже блин.
- А что, если вафля? Огромнейшая в мире вафля?
- Но все это долго не хранится. Нужно что-то, что можно предъявить в любой момент.
- Что-нибудь природное, что растет.
- Как вам такое: родина самой большой в мире тыквы? Помните, Док Смит вырастил тыкву и отвез ее на ярмарку штата?
- Откуда вы знаете, что она была самой большой в мире? В штате – да, но про мир нам ничего не известно.
- Ладно, кто теперь узнает-то, но можем сказать – самой большой в штате.
- По-моему, ее фотографировали. Надо найти снимок и показывать его.
- Я вам вот что скажу: я бы точно не стала сворачивать с шоссе, чтобы поглядеть на тыкву, тем более на фотографию тыквы, – сказала Тот.

- А чего у нас много?
- Кукурузы?
- Нет, кукуруза в Айове. В Айдахо картошка.
- А ревень? Кто-нибудь еще выращивает ревень? – спросила Вербена, вгрызаясь в пончик. – Можно быстренько посадить и вырастить море ревеня.
- Да чего вы к овощам прицепились. Почему не мясо, или выпечка, или напиток?
- Норма сказала:
- Все-таки мне кажется, что тема должна быть интересней и более, что ли, постоянной. Например, чтобы Главная улица выглядела как-то совсем по-другому. Может, как иностранная, знаете, как Датский городок в Калифорнии.
- Есть идея. Только придется все дома поменять на швейцарские шале и надеть коровам колокольчики на шею. Назовем ее «Маленькой Швейцарией».
- Каким коровам? У нас в городе нет коров.
- Ну ладно, сами тогда придумывайте.
- А если гавайская тема? А что? Все будут носить просторные платья муму, Дикси научит нас танцевать хулу. Может, она весь город научит, и будем раздавать проезжающим красочные цветочные гирлянды. Ну что-то в таком роде.

Весь следующий день Норма моталась по городу, пытаясь придумать тему, которая, как постановил комитет, «наиболее легко впишется в существующую топографию». Больших водоемов у них не было, не считая прудика и весенних луж, так что гавайская идея не прошла. Гор по соседству тоже не наблюдалось. Элмвуд-Спрингс был плоским, как самый большой в мире блин, и удален от всех морей и границ.

Удален от границ! Словно молния сверкнула. Вот и надо сыграть на том, что Элмвуд-Спрингс расположен в центре. Они одинаково удалены от севера, юга, востока и запада. И если отбросить Нью-Мексико и Неваду, что вполне законно, поскольку там сплошная пустыня и больше ничего, то Элмвуд-Спрингс будет точнехонько в середине страны. А если залезть повыше, можно увидеть Кентукки, Иллинойс, Индиану, Теннесси, Миссисипи, Арканзас – все до самой Айовы.

За это и проголосовали. Джордж Кроуфорд сварганил плакат, и 22 мая комитет торжественно водрузил его под аплодисменты и одобрительные возгласы жителей. Теперь все проезжающие по скоростному шоссе читали

ВОТ ЧТО:

СЛЕДУЮЩИЙ ПОВОРОТ – ЭЛМВУД-СПРИНГС,
МИССУРИ,
САМЫЙ ЦЕНТРАЛЬНЫЙ ГОРОД АМЕРИКИ

Ни одна машина не свернула с шоссе из-за этого знака, но город почувствовал себя лучше.

Мир госпела

Минни Отман, ехавшая на фестиваль духовной музыки в Дейдвилле, сидела в гостиной одной своей старинной подруги и рассказывала о состоянии своего здоровья и состоянии музыки госпел.

– Знаешь, я не так давно слегла на четыре месяца, но как только с сердцем получало, села в самолет и рванула в Детройт, к своим, и, знаешь, хорошо сделала. Пока я валялась, мальчики и этот дурачина Эммет наняли себе менеджера. Щеголяют теперь в эдаких брючках в обтяжку, в галстучках бабочкой, с длинными баками и тоненькими усиками, а волосы зачесаны вверх валиком и как цементом залиты, и, главное, думают, что выглядят сногшибательно. Я им: «Вы в одном шажке от шоу-бизнеса, видел бы вас отец – в гробу перевернулся б». Ох, я чуть их не бросила. И ведь Беатрис нельзя винить: она же не видит, чего они учудили. Короче, погнала я этого менеджера. Но все-таки до смерти волнуюсь за госпел: он становится коммерческим. Думаю, все началось с группы «Оак Ридж Бойз», когда они отрастили волосы и стали блять в стиле кантри. И за ними следом многие ребята повернулись к кантри, оно и понятно – другие деньги. Боюсь, Вернон сбежит в Нэшвилл и прирастет к наркотикам, они все там балуются. Бервин обженился по новой и угрожает заделаться продавцом в «Амвэй», и тогда у нас не останется тенора. – Она отхлебнула чая со льдом. – Я надеялась увлечь сыновей Бетти Рэй музыкой, но пустая затея. – Минни вздохнула и поглядела в окно. – Не понимаю, просто не понимаю. Обоим медведь на ухо наступил – это при таких корнях, как мы с Феррисом.

По окончании второго срока Бетти Рэй ушла из политики и большую часть времени проводила так, как мечтала с детства: хлопотала по дому и обихаживала сад. Еще занималась двенадцатью школами для слепоглухих, которые основала в честь покойного мужа. После смерти жены Питер Уилер женился на Вите Грин, и с тех пор они странствуют по миру на яхте. Джимми Хэд переехал в гостевой домик Бетти Рэй и счастлив там.

В 1984-м Хэмм Спаркс Младший баллотировался на пост губернатора и победил. Говорят, народ слышал, как Эрл Финли перевернулся в могиле.

Что же касается дела Хэмма Спаркса, то Джейк Спарлинг снова зашел в тупик. Яхта Энтони Лео исчезла. Они с помощниками подняли списки

всех найденных лодок, считавшихся пропавшими, а также всех найденных фрагментов лодок от Сент-Луиса до границы с Миссисипи и дальше, до самого Мексиканского залива, но ничего не нашли. И Джейк до сих пор не уверен, имеют ли отношение к делу пропавшая яхта и пропавший катафалк. Единственное, что он знал, – Хэмм Спаркс провел ночь в Джексоне, Миссисипи, и на следующее утро исчез.

Каждый лагерь рыболовов и охотников в этом районе был прочесан с собаками. Каждый кусочек ткани, косточка, зуб и клочок волос из найденных за прошедшие семнадцать лет подвергся тщательному исследованию. Ничего. Так что этот случай он приписал к самым загадочным из всех в своей карьере. Если бы Джейк Спарлинг не был материалистом до мозга костей и не верил только в то, что видел под микроскопом, он бы, пожалуй, согласился с теми, кто утверждал, что эти люди просто растворились в воздухе.

Монро

Бобби был в Нью-Йорке на деловой встрече: «Птицы Фаулера» сливались с более крупной компанией. На третий вечер, вернувшись в отель, Бобби нашел на стойке администратора телефонограмму от жены.

ТВОЙ ДРУГ МОНРО НЬЮБЕРРИ СКОНЧАЛСЯ.
ПОХОРОНЫ В СРЕДУ В ДВА. ПОЗВОНИ
КАК ПОЛУЧИШЬ СООБЩЕНИЕ

Бобби поспешил в номер и позвонил домой. Луис уже забронировала ему билет на самолет из Нью-Йорка прямо в Канзас-Сити, где его будет ждать арендованная машина, на ней он доедет до Элмвуд-Спрингса. После смерти жены их отец переехал в Сиэтл к Анне Ли, и Бобби не был в Элмвуд-Спрингсе со дня похорон и не виделся с Монро несколько лет. Закрутился. Но они перезванивались, поздравляли друг друга с днем рождения и Рождеством. Вечно планировали, как бы встретиться и что-нибудь устроить, но не встретились. Оба думали, что у них куча времени. Оба ошибались.

Сидя за рулем арендованной машины, Бобби вспоминал, сколько они с Монро вместе пережили. Забирались на водонапорную башню, ныряли в Синего Дьявола, ездили на поезде в лагерь бойскаутов, и сотни раз Монро ночевал у них дома. Бобби вспомнил обещание, данное, когда они смотрели на звезды вместе с его бабушкой, – созвониться в новогоднюю ночь 2000 года. Оба были друг у друга свидетелями на свадьбе.

Но Бобби уехал в большой мир, завел новых друзей, купил дом в Шейкер-Хейстс в Кливленде, где теперь расположены офисы корпорации. А Монро остался дома, на шинном складе отца своей жены.

В церкви Бобби был без двадцати два, высказал соболезнования жене Монро, поздоровался с несколькими школьными друзьями. Потом подошел к гробу. Протянул руку и погладил лежащее в нем тело – тело, которое должно было принадлежать Монро, но оказалось холодным и твердым, из холодильника. Бобби испугался. Что это лежит в коричневом костюме из полиэстера и галстук – какой-то манекен? И что такое вообще смерть, что за злобный фокус мироздания? Вот человек здесь, а потом мгновение – и его нет.

Тот, кто был когда-то его другом Монро, исчез. Куда он делся? – спрашивал себя Бобби, так же, как в детстве спрашивал, куда девается кролик из шляпы фокусника.

Он понимал, что должен чувствовать что-то большее, но ощущал только оцепенение, близкое к равнодушию. Он сидел на церковной скамье, слушал бубнеж священника и вдруг осознал, что мычит мелодию, которая никак не идет у него из головы. Мелодию, которую не вспоминал много лет.

Резвись, пока часы твои идут.
Резвись, пока живой, покуда тут.

Надо бы слушать, но он не мог сосредоточиться. Когда служба закончилась, женщины, как водится, все сделали как надо: они всегда знают, когда нужно плакать. И как плакать, и какое блюдо принести, и куда поставить. А мужчины только стеснялись, ну еще построились для выноса гроба, да и то когда им скомандовали, кому за кем и как встать. Неся гроб, Бобби все не мог осознать, что в ящике у него на плече лежит Монро. Сорок девять. У него должно было остаться еще столько лет в запасе! Прогуливался себе по рынку, искал средство для уничтожения сорняков – и внезапно рухнул: обширный инфаркт. Говорят, даже не успел понять, что случилось.

Но Бобби гадал, чувствовал ли Монро, что смерть близко, было ли у него хотя бы несколько секунд, чтобы задать себе вопрос? Он умирает? Это конец? Успел ли ощутить шок, поняв, что это оно? Успел вспомнить, какие последние слова сказал жене или детям? Разозлился, а может, испугался? Промелькнула у него перед глазами вся жизнь, как рассказывают? Или стало темно? Это как сон? Просто засыпаешь – и все? А вдруг сейчас Монро следит за ним, довольный, что он все-таки приехал...

Если бы Монро знал, как мало проживет, он бы что-нибудь изменил? Стал бы тратить столько дней, просто слоняясь по своему складу или болея за бейсбольную команду перед телевизором? Что бы он делал, если бы знал, как быстро кончится жизнь? Словно скорый поезд: грохот, вибрация – и все, его уже нет?

После похорон вернулись в дом. Пегги поставила свечу на маленький стол и разложила фотографии. Бобби увидел снимок, где Монро сидит на пони, – и у него самого есть снимок на том же пони. Школьные фотографии, свадебные, семейный портрет, Монро держит связку рыбы...

С годами Монро раздался, оставаясь, однако, тем же славным, добрым парнем. Под конец все мужчины вышли на заднюю веранду, встали в кружок поговорить, вспомнить всякие забавные происшествия последних лет. Как Монро отстрелил себе мизинец на ноге, споткнувшись об охотничью собаку, и как его застукали, когда он пытался стянуть тачку Старика Хендерсона, и разные смешные случаи из детства. Кто-то пустил по кругу бутылку виски, и все отпили по глотку. Многим, включая Бобби, уже случалось терять родителей, но этого можно было ожидать. Совсем другое дело – Монро. Это был первый друг их возраста, который умер. Всем было не по себе.

Смерть не пугала Бобби, в Корее он повидал ее достаточно. Пугали те несколько секунд, когда ты понял, что умираешь и все кончено. Он однажды уже тонул и на какую-то секунду осознал, что это, возможно, его последний миг на земле. Но у юности короткая память, страх быстро забылся, и вскоре он снова шел на риск самым глупым образом. Но чем ты старше, тем труднее забыть о том, что смертен. Слишком часто тебе напоминают. То один знакомый, то другой. Когда умирает бабушка или дедушка, за твоей спиной стоят родители, но когда и они уходят, то оглядываешься и понимаешь, что ты следующий. А потом в один прекрасный день заговариваешь о страховке и месте на кладбище.

Поминки закончились около пяти. Перед отъездом в аэропорт Бобби решил пройтись по городу. Он несколько лет здесь не был, с маминых похорон. Шел по улицам и никого не узнавал, а ведь раньше его каждый знал в лицо. Дома, которые он помнил до трещинки, изменились. Он шел по своему старому газетному маршруту – когда-то он разносил здесь почту, – но в доме Уотли жили другие люди, у Нордстромов тоже на крыльце сидели незнакомые. Он срезал путь по дороге, которая в детстве казалась футов двадцати шириной, и удивился, увидев вместо нее замусоренную узкую тропку. Он не помнил, чтобы здесь было столько мусора. Дошел до своего дома. Они с Анной Ли продали его несколько лет назад, и он порадовался, что хоть дом почти не изменился, только как-то меньше стал, чем помнилось. Да все стало гораздо меньше. Центр города оказался длиной в квартал, а тогда казался огромным. Он постоял перед витриной универмага «Морган бразерз», удивляясь: как они умудрились устроить новогоднюю инсталляцию в такой крошечной витрине. Исчез полосатый столбик перед парикмахерской, вообще почти ни одного мелкого предприятия не осталось – разве что кроме магазина инструментов и старой аптеки его отца.

На ручки стеклянных дверей кинотеатра накручена цепь, изнутри к фрамуге прилеплена выгоревшая афиша последнего фильма, показанного в 1968 году. Господи, сколько часов он здесь провел, среди гомона детей и скрипа сидений. Зеленые плафоны на стенах гаснут, и наступает тьма, на время слепнешь, пока глаза не привыкнут и не станет заметна слабая подсветка на полу возле каждого ряда. Идешь по проходу, и все ближе экран с удивительной жизнью, полной волнующих возможностей. Внезапно он почти услышал гул в зале, почуял солоноватый, маслянистый вкус попкорна из красно-белого полосатого пакета. А проходя мимо аптеки, ощутил вкус коктейлей, и лимонной газировки, и малиновой, вот банановый сплит и дымящийся горячий фадж его детства.

Столько звуков, столько запахов. Наверно, я пьян, подумал Бобби. Он вернулся к машине и долго сидел внутри. Стояла осень, листья начали желтеть, и воспоминания затопили его.

То время. Те чувства. Что угодно бы отдал, чтобы вернуть их на день, даже на час, но это все равно что дым руками ловить. Если бы знать, что когда-то ты будешь завидовать самому себе. Почему никто не сказал ему: никогда в жизни ты не будешь счастливее. Зачем он столько времени потратил в мечтах о других местах? Впервые Бобби осознал: то, чего ему так не хватало, исчезло навсегда, без возврата, – и, осознав, заплакал. Он хотел вернуть детство. Хотел вернуться домой, залезть в старую кровать, чтобы проснуться – а его будущее лежит перед ним на красном ковре. Он хотел вернуть время, когда день длился целую вечность, поля за домом уводили в просторы волшебной страны и бассейн был широким и длинным, как озеро. Время, когда твой лучший друг становится кровным братом, а девочки считают тебя симпатичным. Что же случилось с мальчиком, который собирался водить самолеты, наняться юнгой на грузовой корабль, что держит путь в восточные страны, стать ковбоем и сделать столько всего чудесного?

Ничего ужасного. Он просто повзрослел.

Бедняжка Тот

Одно дело, когда за паршивым детством следует сносная взрослая жизнь, и совсем другое, когда за счастливым детством – несчастливая зрелость. Однако у Тот Хутен было вот как: вслед за ужасным детством черной псиной тащилась совершенно кошмарная взрослая жизнь. Тот была вечно без сил и ничего не замечала, но однажды вдруг огляделась и обнаружила, что для остальных-то людей жизнь – вовсе не сплошная битва. Они, похоже, наслаждаются и с нетерпением ждут нового дня.

Тут-то до нее и дошло, что если просыпаешься по утрам и по часу уговариваешь себя встать с постели, значит, что-то не так. За последние двадцать с лишним лет каждое утро она была сама для себя командой поддержки, которая подпрыгивает и скандирует: «Радуйся, что ты жива, жизнь прекрасна, тра-ля-ля... Трам-пам-пам! Скоро в гроб, не трать время понапрасну, подъем, подъем, подъем, солнышко светит, птички поют, новый день пришел» – и прочую белиберду. Но сегодня команда поддержки посидела-посидела, свесив ноги, да и повалилась обратно на кровать рядом с ней, бормоча:

– Знаешь, устала. Сдаюсь. Больше не могу.

День за днем Тот заботилась сначала о братьях и сестрах, потом о своих детях, о муже-алкоголике, выжившей из ума матери. Как слон, изнемогший от тяжелой поклажи, она упала и не смогла подняться. Бедняжка Тот не только не могла жить дальше, но и не хотела. Дети оказались сплошным разочарованием, и у нее ни разу в жизни не было нормального отпуска. Сейчас Дарлин была замужем в четвертый раз, и ее дочка, видать, пошла в мать – всего десять, а уже сходит с ума по парням на мотоциклах. В последний раз, когда Дуэйн Младший явился в гости, он стянул серебряные подсвечники – небось очередную дозу купить или выпивку своей девице с нарисованными бровями, которая смолит одну сигарету за другой. Где он ее нашел, даже подумать жутко.

И никто из детей ее не слушал. Только отмахивались:

– Сама-то за кого вышла.

И ведь не то чтобы она не пыталась с Дарлин. Послала ее в школу танцев к Дикси Кэхилл, но та отправила ее назад с запиской:

Дорогая Тот,

Дарлин путает, где право, где лево, и, боюсь, никогда не станет

танцовщицей. Вам слишком трудно достаются деньги, чтобы тратить их на мои бесполезные уроки.

*Искренне Ваша,
Дикси*

Потом, после того как она долгие годы мыкалась с Джеймсом, умоляла и упрашивала бросить пить, его однажды нашли в гараже, совершенно никакого после очередного запоя. Врач сказал ему: «Еще раз напьешься – умрешь». Эта одна фраза сделала то, чего не смогли сделать годы пролитых слез и унижений Тот.

Он завязал и устроился на хорошую работу... Но недолго она радовалась. Скоро он сидел в гостиной и рассказывал, что влюбился. Сказал, глядя ей в глаза:

– Тот, впервые в жизни я люблю по-настоящему.

То есть вот она сидит перед ним, она, родившая ему двоих детей, терпевшая его пьянство больше тридцати двух лет, и у него хватает наглости говорить, что он впервые полюбил. Тогда-то она и поняла, почему люди иногда способны на убийство, и решила про себя не поддерживать смертную казнь.

Будь у нее силы – убила бы, но она не могла пошевелиться, а он разглагольствовал, что шанс найти родственную душу выпадает раз в жизни, это невероятное везение. Что он впервые с тех пор, как был мальчиком, снова может смеяться. Что мир снова кажется ему ярким и сверкающим. И как он полюбил детей этой своей новой крали, и что сейчас чувствует в себе силы стать лучшим отцом, чем прежде, поскольку теперь не пьет.

На этом он закончил свой доклад о любви и втором шансе.

– Не передать, насколько мне стало легче, когда я признался.

– Угу. Рада за тебя.

– Мой куратор сказал, что чем скорее я расскажу тебе, тем лучше для нас обоих.

– Рада, что он так считает, – сказала она.

– Теперь ты знаешь. И что ты предлагаешь с этим делать?

– Что я предлагаю?

– Да. – Он глянул на часы, словно опаздывал на встречу.

– Предлагаю позвонить этой бабе и сказать, что ты уже женат.

– Ой, Тот, ну брось, давай разумно. Джеки Сью я нужен, а тебе нет.

Тот не могла поверить своим ушам:

– Джеки Сью Поттс? Джеки Сью, которая переспала со всеми мужиками в городе?

– Тот, не говори того, о чем пожалеешь. Ты не знаешь, как туго ей пришлось.

– Ей туго пришлось?

– Тот, прошлое – это прошлое. Нужно жить настоящим, сегодняшним днем.

– Я тебе вот что скажу сегодняшним днем. Я дам тебе развод, но при одном условии. Забирай эту шлюху и валите как можно дальше, потому что я не собираюсь жить в одном городе с тобой и с ней, понял меня?

Тот чувствовала себя полной дурой. Не только потому, что та девица моложе ее дочери, но и потому, что все это время она колдовала над волосами Джеки Сью. Чтобы Джеки Сью хорошо выглядела, встречаясь с ее мужем!

Разумеется, никуда они не переехали, и скоро она наблюдала, как Джеймс и Джеки Сью разгуливают по улицам, хвастаясь новехоньким младенцем.

В то утро она спросила себя, почему ей так плохо. Может, от усталости? Может, все силы ее иссякли? В семь зазвонил телефон. Это наверняка Дарлин хочет знать, в котором часу закинуть ей детей, чтобы они с очередным муженьком могли поглазеть на автомобильные гонки. Но Тот не взяла трубку – впервые в жизни. Телефон звонил еще несколько раз, но даже этот назойливый звук не вызвал в ней ни малейшего желания встать. Тот сама на себя удивлялась. Что с ней случилось? Что там внутри нее наконец не выдержало и сломалось? Почему она может лежать такая спокойная, тихая, как радио, выдернутое из розетки? Точно, думала она, меня выдернули из розетки. Наконец я сдохла внутри. Во мне не течет больше ток, заставляющий топтать вперед, включаться, что-то чувствовать.

Интересно, это навсегда или всего лишь отпуск, которого у нее никогда не было? Сколько она пробудет выключенной? Она надеялась, что это навсегда. Так хорошо было внутри, так приятно и безболезненно – быть живой и не чувствовать ничего. Как будто она переступила через свое тело и вышла из дому, хотя женщина, раньше бывшая Тот, все еще здесь, пустая, полая.

Часа в три она решила попытаться вылезти из постели. Она боялась, что стоит шевельнуться, и старая Тот впрыгнет снова в это тело, но, медленно встав и пройдясь по дому, успокоилась. Она могла двигаться, а прежняя Тот не возвращалась. Она была призраком в собственном доме, бродила по комнатам, созерцая жизнь, но эта жизнь совершенно ее не

трогала. Что за чудесное состояние! В каком удивительном покое можно проводить дни! Что это? – думала она, опуская шторы, снимая со стены телефон и запихивая его в шкаф. Что это за новое состояние? Некоторое время спустя она его опознала. Все очень просто. Ей все равно. Всю жизнь она заботилась, старалась, сражалась, искала ответов, и сегодня вдруг пришел один ответ. Настал день, когда она ни о чем больше не волновалась.

Пусть дети бесятся. Пусть салон красоты летит в тартарары. Пусть церковное сообщество удивляется, почему ее нет на службе. Пусть мир катится к чертям, ей отныне все равно.

Она разогрела томатный суп из консервной банки, выпила колы, съела пару крекеров с куском сыра и вернулась в постель. Посуда осталась на столе. Ей было все равно. Она унеслась мечтами в один день, ей тогда было семь. Школьная подруга пригласила ее на день рождения, и ей разрешили пойти. В 1928 году ей разрешили одной пойти на вечеринку. Не с братьями-сестрами гулять, не поручение выполнять, а пойти развлекаться. Они играли и ели мороженое, а потом их отпустили побегать на большом лугу за домом, и она бегала, и мать не орала на нее, и не надо было ни за какими младшими следить. Она немного побыла счастливой – в тот день, когда ей было семь.

Интересно, думала она, как сложилась бы ее жизнь, если бы ей в тот день не выпало одного часа счастья.

Тот свихнулась

Весь город беспокоился за Тот Хутен. Норма говорила по телефону с тетей Элнер:

– Я так встревожена, ужас. Проезжала сейчас позади дома Бедняжки Тот, гляжу, бродит одна по полям, будто ей нечего делать. В церкви не появляется и велела Дарлин больше не привозить детей. Двор запущен, а это неправильно. Она всегда ухаживала за двориком. Стригла лужайку, кусты аккуратно подрезала. У нее на кустах можно было разложить скатерть и обедать. Вот как за ними ухаживала.

– Зачем есть на кустах? – спросила тетя Элнер.

– Не в этом дело, я боюсь, она свихнулась. Я всегда думала, что первая в городе свихнусь, а Бедняжка Тот меня опередила. Совсем как ее мать.

Тетя Элнер сказала:

– Не думаю, Норма. Я к ней недавно заходила, и она показалась мне абсолютно разумной. Она устала, вот и все. Подожди чуток, она станет прежней или же не станет, одно из двух.

– Это очень утешает, тетя Элнер. И что мы скажем Дарлин и Дуэйну Младшему? Ваша мама или придет в себя или не придет, да?

– Но так звучит правда, Норма. Тут по-другому не скажешь.

Норма задумалась.

– Наверное, ты права, она должна сама себя вытащить. За нее никто этого не сделает. Мы можем только быть рядом, когда – и если – понадобится, правильно?

– Насколько я могу судить, это единственное, что мы можем, – согласилась тетя Элнер.

Но другие люди думали иначе. Миссис Милдред Нобблит, худая женщина с тиком на правом глазу, подошла к дому Тот и так долго молотила в дверь, что Тот вынуждена была открыть. Тот была в бархатном халате цвета морской волны с розовыми фламинго на спине. Миссис Нобблит протопала напрямик в гостиную, села и сказала:

– Тот, ты в курсе, что сейчас почти десять, а ты еще в халате?

– Да, – сказала Тот.

– Тот, все за тебя беспокоятся. Ты должна взять себя в руки, вернуться к реальности и включить телефон. Нельзя просто сидеть весь день дома, задернув шторы, и двор у тебя зарос весь. Что люди подумают?

– Мне все равно.

– А должно быть не все равно. У тебя всегда был такой ухоженный дворик, ты же не хочешь, чтобы он превратился в джунгли.

– Хочет – пусть превращается, – сказала Тот.

– Ох, Тот, ну это уж совсем на тебя непохоже, ты же не такая, сама знаешь.

– Нет, не знаю. Понятия не имею, какая я.

– Ну так я тебе скажу. Ты аккуратная. Поэтому мы все и волнуемся: ты сама не своя сейчас.

– Откуда вам знать? – спросила Тот.

– Оттуда, что ты всегда была образцом стоического терпения, тобой все восхищались. Ты же не хочешь нас всех разочаровать, правда? Когда что-нибудь случается, мы всегда говорим: поглядите, как достается Бедняжке Тот, и ничего, держится, – и нам становится легче. Если ты сдашься, с кого нам брать пример?

Тот пожала плечами.

– Ладно, я скажу тебе кое-что. Знаешь, как тебя люди называют? Великомученицей. И я не один раз это слышала, а тысячи раз. «Бедняжка Тот – настоящая великомученица». Вот как высоко тебя ценят. Что, разве не приятно?

Тот прислушалась к себе.

– Да как-то не особо.

– Суть в том... Ой, не соображу, в чем суть, но не стоит жить, если жизнь тебя не радует.

Тот подняла на нее глаза:

– В точку!

– Слушай, Тот, не нравится мне твой тон, и папоротники ты все загубила. Если ты это не прекратишь, боюсь, как бы ты кого-нибудь еще не убила.

Легкая ухмылка скривила правую сторону лица Тот, отчего нервный тик миссис Нобблит активизировался.

Она встала.

– Еще одно – и ухожу. – Она лихорадочно придумывала ударную заключительную фразу. – Красота не в лице, а в поступках. – И вышла за дверь.

Следующей попыталась ей помочь Вербена.

– Знаешь, Тот, когда я начинаю себя жалеть, я всегда вспоминаю бедную маленькую Фреду Пушник.

– Кого?..

– Фреда Пушник, она родилась без ног и без рук. Я видела ее в 1933-м на Всемирной ярмарке в Чикаго. Ее принесли на красной бархатной подушке, и она сидела – просто обрубок с головой, и была веселой и приветливой до невозможности. Болтала как сорока. Говорила, что может вдеть нитку в иголку, и рассказывала, как выиграла национальную премию по чистописанию. Я привезла фотографию с ее подписью – она у меня на глазах подписывала. Зажала ручку между подбородком и плечом и написала: «На удачу! Фреда Пушник». Как начинаю кукситься – вытаскиваю снимок и гляжу, и сразу стыдно становится, что расстраиваюсь из-за ерунды. Представь, ни рук, ни ног – а она никогда не жалеет себя. Никогда не жалуется, хотя кому, как не ей, себя жалеть. Только представь, Тот, как бы ты себя чувствовала, если бы тебя день и ночь носили на подушке?

Тот честно ответила:

– Мечта, а не жизнь.

Ничего у Вербены не вышло. Поскольку Тот была ее ближайшей соседкой, Вербена считала своим – и только своим – гражданским долгом вытащить Тот из депрессии, или что там у нее было, и потому через два дня, после тяжелой борьбы с собой, совершила великую жертву и сунула подписанную лично ей фотографию Фреды Пушник под дверь кухни Тот. Но даже улыбающееся лицо Фреды Пушник, лежавшей на бархатной подушке с красной лентой в волосах, не помогло Бедняжке Тот. Она сунула снимок под набор парадной посуды в гостиной и забыла о нем.

Но вот – такое иногда случается – однажды утром в понедельник Тот проснулась и посмотрела в окно. В соседнем дворе Вербена развешивала в саду белье, и вдруг кто-то – пчела, скорей всего, – залетел ей под платье. Вербена ойкнула, бросила корзину с бельем и стала бегать по двору, высоко задрав юбку, словно танцевала джигу, и вскрикивая: «Кыш! Кыш!»

Потом пчела наконец отыскала выход и вылетела на волю, Вербена одернула платье, приняла хладнокровный вид и огляделась – нет ли свидетелей. Убедившись, что никто не видел, как она носится среди бела дня, задрав юбку на голову, Вербена вернулась к белью. Однако в соседнем доме Тот хохотала до слез, пришлось уткнуться в подушку, чтобы Вербена не слышала. Сроду она так не смеялась и все не могла остановиться. С трудом уgomонившись, опять вспоминала Вербену и корчилась от смеха. Так сильно и так долго она хохотала, что не смогла потом встать и снова заснула... Но, едва открыв глаза, подумала о Вербене, танцующей джигу, и все началось по новой.

Позже все же пришлось подняться и пойти в ванную комнату, но когда

она взглянула на свое отражение в зеркале, ее снова разобрал смех. И так целый день. От хохота у нее выскочил верхний протез, что вызвало новый приступ. На следующий день у Тот все нутро болело, зато она проснулась спокойной и отдохнувшей и впервые за несколько месяцев почувствовала, что хочет встать.

Вербена так никогда и не узнала, что дело решила залетевшая под платье пчела. Она пребывала в полной уверенности, что Тот излечилась благодаря малютке Фреде Пушник, и Тот не стала ее разубеждать.

Скоро все в городе знали, что Тот оправилась после этого сурового испытания. Она наконец раздернула занавески в гостиной, оделась однажды в цивильное и вернулась к работе – с новым отношением к жизни.

– Норма, – сказала она, – долгие-долгие годы я была на грани нервного срыва, и теперь, когда побывала за гранью, мне стало гораздо лучше.

Дочери

Дочь Нормы и Мака, Линда, вышла замуж, но продолжала работать, чтобы помочь мужу окончить юридический факультет, чем Мак был бесконечно раздосадован.

– Нечего жениться, коли не можешь содержать жену на свою зарплату, – говорил он.

Однако Норма радовалась, что Линда не бросила работать.

– Жаль, у меня нет работы, – завидовала она.

Спустя несколько месяцев, когда открылся «Блинный дом», она пошла устраиваться официанткой, и, на удивление, ее взяли, но Ида, импозантная вдова семидесяти пяти лет, носившая черную трость и шесть ниток жемчуга на обширной груди, отговаривала ее:

– Норма, ради бога, что люди подумают? Дочь президента национальной федерации женских клубов Миссури – официантка в блинной. Если тебе плевать на свое общественное положение, подумай о моем!

Так что Норма осталась домохозяйкой, как сама выражалась. Мечты стать бабушкой растаяли, когда у Линды на третьем месяце случился выкидыш. После этого у Линды с мужем начались ссоры. Она хотела попытаться еще раз, а он предпочитал сперва закончить учебу. Мак объявил, что он просто не хочет упускать бесплатные талоны на обед, а Норма добавила, что сразу его невзлюбила.

Год спустя Норма встретила вернувшегося с работы Мака словами:

– Линда звонила, сказала, что в шесть опять позвонит: хочет кое-что сообщить нам обоим. – Они испуганно смотрели друг на друга. – Что, как думаешь?

– Надеюсь, то, о чем и ты подумала.

– Да?

– Надеюсь.

– Хочешь сейчас поесть или подождать?

Мак посмотрел на часы:

– Осталось всего сорок пять минут. Давай подождем.

– Хорошо, но что нам делать эти сорок пять минут?

– Позвонить ей?

– Нет, она в дороге, у нее встреча, позвонит, когда освободится.

– Надеюсь, это то, что мы думаем, – повторил Мак.

– Наверняка не известно, но если это то, что мы думаем, не надо ей ничего советовать. Скажи просто, что это ее решение, а мы поддержим ее в любом случае.

– Норма, я знаю, как разговаривать с собственной дочерью, а она знает, что я чувствую.

– Я знаю, что она знает, что ты чувствуешь. Особенно по поводу ее мужа – ты это выразил весьма недвусмысленно, в излишней тонкости тебя никто не обвинит. – Норма покачала головой: – Устроил целое представление. Мне в жизни не было так стыдно.

– Ладно тебе, Норма.

– Мог по крайней мере сказать что-то наедине, а не ждать свадьбы, чтоб такие номера откалывать.

Мак встал и ушел в кабинет. Но Норма продолжала:

– Только представь. Идет церемония. Все в курсе, что на слова «Кто отдает эту женщину в жены» ты должен был ответить «я» и отойти. – Норма встала и принялась перекладывать подушки на диване. – Но нет, это было бы слишком просто, посему ты во всеуслышание заявил: «Я ее не отдаю, а предоставляю во временное пользование».

– Ну хватит, Норма, – попросил он из кабинета.

– А потом одарил жениха таким взглядом... Неудивительно, что они не ладят. Мне совестно было глаза поднять на его родителей. Да еще тетя Элнер захохотала как безумная. Странно, что наша дочь с нами вообще разговаривает после этого.

Мак вернулся:

– Линда знает, что я имел в виду. Я не могу – в церкви или в любом другом месте – заявить, что отдаю дочь... Будто это куст, который мы вырастили возле дома. И что бы там Линда ни думала, я все равно считаю, что с браком они поспешили.

– Мак, да они шесть лет встречались, какая спешка? Ты же понимал, что когда-нибудь она выйдет замуж, а ты сидел и выл тут, так что все тебя слышали. Это я мать невесты, мне положено было плакать, а не тебе.

– Норма, ну что ты все это старье разворошила?

– Ой, не знаю, наверное, просто волнуюсь. Хочешь крекеров или еще чего? Сыр с перцем еще остался.

– Нет, подожду, пока она позвонит.

– Но, Мак, не слишком надейся, у нас и раньше случалась ложная тревога.

– Я не слишком. Надеюсь только, что новости хорошие.

Они сидели друг напротив друга и молча ждали, пока не зазвонил

телефон, и Мак кинулся к аппарату в кабинете, а Норма – к тому, что на кухне. Повесив трубку, Мак бодро вошел в кухню, весь сплошная улыбка, но Норма не улыбалась.

– Похоже, ты рад.

– Рад, – сказал он и полез в холодильник за сыром.

Норма открыла шкафчик, где хранились крекеры.

– В жизни не видела мужчину, который бы так радовался, что его дочь разводится.

Тур доктора Роберта Смита

После похорон Монро с Бобби что-то приключилось. Поездка в родной город всколыхнула в нем столько воспоминаний! Причем вспомнил он не то, каким был, а то, каким хотел стать. Да, он хорошо зарабатывает, есть накопления в банке, грех жаловаться. У них два дома, один в Кливленде, другой во Флориде. Дети его учатся в лучших школах, он много работает, его уважают, но все эти тайные детские мечты разбредили ему сердце. Уснувший было мальчишка, замороженный когда-то пляской огненных языков на потолке сарая на ковбойской ферме, вдруг пробудился. Бобби обнаружил, что ненавидит галстуки и совещания в душных кабинетах. Он все чаще ловил себя на том, что смотрит в окно, отвернувшись от всех.

После трех месяцев раздумий однажды вечером Бобби вошел в дом и спросил:

– Луис, что бы ты сказала, если бы я решил доучиться в колледже?

Луис, ни секунды не колеблясь, ответила:

– Я бы сказала: давай!

Итак, мистер Роберт Смит вышел досрочно на пенсию и вернулся к учебе, защитил докторскую, его диссертация «Американский Запад: мечта и реальность» была опубликована, и доктор Роберт Смит с женой отправились в тур с лекциями. Луис сказала детям:

– У вашего папы сейчас самая счастливая пора в жизни.

Дорогая, мы стареем

Мак потерял покой. Войдя в кухню, он сел за стол напротив Нормы:

– Норма, как я выгляжу?

Норма оторвалась от блокнота «Дела на сегодня»:

– В каком смысле – как выглядишь? Собой и выглядишь.

– Нет, я серьезно... Как я выгляжу?

– Мак, у меня нет времени на дурацкие шутки. Я пытаюсь сообразить, сколько сэндвичей заказывать.

– Это займет секунду. Посмотри на меня и скажи, что ты видишь.

Норма положила карандаш и внимательно посмотрела на мужа:

– Ты выглядишь как всегда, Мак, только старше.

– Насколько старше?

– Ты выглядишь... Ой, ну не знаю. Как, как... Да как всегда. Сам поглядишь в зеркало.

– Мне нужно объективное мнение. Сам себя я каждый день вижу.

– Так и я тебя каждый день вижу. Мое мнение тоже не объективное.

– А если бы ты увидела, как я иду по улице навстречу, что бы ты сказала?

– Я бы сказала: вот идет мой муж, Мак Уоррен. Что я, по-твоему, могла бы еще сказать? Вот идет незнакомый человек?

– Норма.

– Ой, ну ладно. Если бы я тебя не знала и увидела на улице, я бы сказала... Да не знаю, Мак, я не сильна в таких играх, ты прямо как тетя Элнер. Пойди погляди на фотографии, если хочешь увидеть, какой ты, полистай школьный альбом, найди снимок, где нас выбрали лучшей парой. Так же ты и сейчас выглядишь, старше, но такой же симпатичный.

Не такого ответа он ждал.

– Ну в чем дело? Думаешь, человек не может быть симпатичным, когда становится старше?

– А насколько старым я выгляжу?

– Ну... на свой возраст. Выглядишь так, как тебе положено. Не знаю, чего ты от меня хочешь. Пойди кого-нибудь другого спроси. Я должна решить, будем мы картофельные чипсы или фруктовый салат. Выберу чипсы – все наверняка скажут, что хотели фруктовый салат. – Норма вернулась к списку, но сказала вдогонку мужу: – Ты самый сумасшедший человек в мире.

После ухода Мака она задумалась. Он явно обеспокоен тем, что постарел. Но постарел ли он? А она?

Ей сложно было судить – они ведь виделись каждый божий день, год за годом. Они никогда не разлучались, кроме той ночи, когда ее оставили в больнице рожать Линду, да еще трех дней, проведенных с тетей Элнер в Сент-Луисе, когда они навещали Мэри Грейс, племянку тети Элнер. Но кое-что начало проявляться. По вечерам она засыпала на диване перед телевизором. Чаще всего Маку приходилось ее будить, чтобы отправить в постель. Зрение у нее испортилось, приходилось надевать очки, чтобы прочитать что-то или подшить. Маку тоже нужны были очки для чтения, но он упрямо не шел за своими и хватал ее, читая газету. Растянул ей дужки.

Может, он прав, может, они и впрямь постарели.

Когда Мак вернулся домой, Норма стояла в спальне перед большим зеркалом в лифчике и трусах.

– Мак, – сказала она, – я выгляжу толстой?

Он не стал бы отвечать на этот вопрос за весь чай Китая.

1990-e

Мороженое «Попсикал»

Норма ждала Мака в гостиной.

– Мак, сядь, – сказала она.

Судя по выражению лица, она собиралась сказать что-то замечательное или, наоборот, ужасное, он никогда не мог угадать.

– Что случилось?

– Я говорила по телефону с Линдой.

– Так. И?

– И. Она говорит, что хочет ребенка. Говорит, биологические часы тикают.

– Ага. Она кого-нибудь встретила?

Норма вскочила и принялась перекладывать подушки на диване, как делала всегда, если нервничала.

– Нет, никого не встретила, но звонила в разные агентства.

Мак насторожился:

– Агентства? Какого черта? У нее на работе полно мужиков.

Норма хмыкнула:

– В том-то и дело, она не хочет мужчину. По крайней мере, лично. Она хочет ребенка, но не мужа... Так она сказала.

– Что?

– Прежде чем ты разозлишься, знай, я не сказала ей, что это хорошая идея, но она решила пойти в... – Норма с большой осторожностью подыскивала слова, – в место, где специализируются на таких вещах. Она ищет – ну, ты знаешь, банк такой.

– Банк?

Норма начала терять терпение:

– Ой, Мак, не заставляй меня говорить тебе по буквам. Она хочет забеременеть, но не хочет больше замуж. Она пойдет в одно из мест, где имеют дело с... замороженной...

Как ни пыталась Норма обойти это слово, у нее не выходило. Она посмотрела в окна – нет ли кого в пределах слышимости, потом шепотом произнесла по буквам: С-П-Е-Р-М-А.

– Что ты сказала?..

– Мак, ты никогда не слышал об искусственном оплодотворении? Она хочет это сделать и хочет, чтобы мы знали.

– Боже правый.

– Ты всегда говорил, что она может нам все говорить, – вот она так и поступила. Прямо не знаю, что и думать. Она твоя дочь. Если бы ты в прошлый раз не талдычил, что мечтаешь о внуке, может, этого бы и не случилось.

– Норма, она же была беременна, я что, не должен был этого говорить?

– Ты вел себя так, будто внук – это все, что тебе нужно в жизни, а когда случился выкидыш, ей от этого было еще хуже. – Норма вдруг разрыдалась. – Надеюсь, ты доволен. Теперь у тебя будет внук от отца с фамилией Попсикл^[33].

Но месяц проходил за месяцем, а попытки Линды забеременеть приводили всякий раз к разочарованиям, и она сдалась. Мак с Нормой решили, что это конец истории, но однажды, когда Мак вернулся с рыбалки, Норма встретила его на заднем крыльце:

– Надеюсь, ты любишь китайскую кухню.

– Что я люблю?..

– Пока тебя не было, звонила твоя дочь. Она едет в Китай за ребенком.

– Каким еще ребенком?

– Она сказала, что в прошлом году подала заявку на девочку. А не говорила нам, потому что думала, вдруг ничего не выйдет, но три дня назад ей позвонили и сообщили, что можно приехать и забрать ее.

Мак стоял с открытым ртом, со связкой рыбы в руке. Вот уж чего он никак не ожидал.

– Поздравляю, Мак, теперь ты дедушка коммунистки, которая, вероятно, вырастет и зарежет нас во сне.

С этими словами Норма оставила его стоять столбом и удалилась в спальню вся в слезах.

Но, как они ни волновались, увидев очаровательную кареглазую девчушку, которую Линда назвала Эппл, в тот же миг влюбились. Через два года Норма гордо шла по бульвару в толстовке с лицом китайской девочки во всю грудь и надписью внизу: КОЕ-КТО НАЗЫВАЕТ МЕНЯ БАБУШКОЙ.

Сесил Фиггз, также известный под именем Реймон Наварро

Когда тело крупной женщины в красном парике было подобрано на улице и доставлено в похоронное бюро Сесила Фиггза для бальзамирования, обнаружилось, что дама вовсе не дама. Представьте удивление публики, когда сообщили, что мужчина в ярко-зеленом платье – не кто иной, как мистер Сесил Фиггз собственной персоной!

Разразился скандал. Слава богу, мать Сесила до этого не дожила. Джейк Спарлинг немедленно вылетел в Нью-Орлеан. Но даже он, вооруженный своим дедуктивным талантом и ресурсами ФБР, не смог понять, как Фиггз оказался в Нью-Орлеане, где прожил двадцать с лишним лет под именем мисс Аниты «Бум-бум» Де Томас.

Ничего у Джейка не было, как он ни бился. Единственный человек, который мог пролить свет на исчезновение Хэмма и остальных, был мертв, да и сам Сесил не знал всего. Джейк мог бы разгадать эту тайну, не упусти он много лет назад очень важную деталь.

Кусок дерева, выброшенный на берег, с надписью «ЭЙ». Администрация речных спасателей проверила записи и выяснила, что восемнадцать лет назад была украдена яхта мистера Дж. С. Паттерсона, названная «ЭЙ, ЭЙ, ШКИПЕР». Они решили, что это кусок от той лодки. А это был единственный уцелевший кусок «БЭТТИ РЭЙ».

У Сесила был человек в Луизиане, который согласился продать ему формальдегид с хорошей скидкой, и, когда «БЭТТИ РЭЙ» пришвартовалась в Нью-Орлеане, Сесил сообразил, что раз уж они тут, неплохо бы погрузить на яхту восемьдесят галлонов формальдегида и не тратиться на доставку.

Сесил не знал, что продавали ему так дешево по той простой причине, что этот формальдегид был украден с его же склада. Пока Хэмм со своими людьми были на встрече, Сесил посещал Французский квартал, а в яхту погрузили не только формальдегид, но и пятьдесят ящиков дешевого, не облагаемого налогом нелегального рома с Кубы, который Родни тоже вознамерился взять с собой в Миссури.

После деловой встречи «БЭТТИ РЭЙ», груженная до краев дешевой выпивкой и краденым формальдегидом, отчалила, направляясь назад, в лодочный ангар. По дороге они играли в карты, Сеймор Грейвел жевал вонючую сигару.

– Я пас. – Он бросил карты, жалуясь, что ему вечно не везет, и начал искать спички.

Игра была жаркой, все увлеклись. Хэмм сказал Сеймору:

– Если собираешься дымить, отсыдь на корму.

Сеймор пересел на ящик, продолжая хлопать себя по карманам в поисках коробка.

– Эй, Венделл, дай-ка мне зажигалку.

Венделл, поглощенный размышлениями, поднимать ли ставку, достал из кармана и кинул ему тяжелую серебряную «Зиппо» с флотской эмблемой. Сеймор хотел поймать, но не дотянулся. Зажигалка перевернулась в воздухе, открылась и приземлилась на ящик, ударившись колесиком о край. Такое случается один раз на миллион. Нарочно не повторишь, как ни пытайся. Искра воспламенила солому, в которую были упакованы бутылки, и пламя мигом охватило судно.

Никто из них не знал, что несколько месяцев назад настоящий владелец яхты, мистер Энтони Лео, приобрел ворованный динамит, которым собирался воспользоваться в будущем для разрешения делового спора. И безопасности ради припрятал его в потайном отделении трюма.

Горючий формальдегид, 45-градусный алкоголь и трюм, полный динамита, составили не только нелегальную, но и летальную комбинацию. Двое рыбаков божились, что в реку, милей выше по течению, рухнула с неба огромная комета. Но они ошибались. Не комету они видели в тот вечер. Это были Хэмм, его яхта и его закадычные друзья.

Плохая новость: это событие прервало блестящую политическую карьеру. Хорошая новость: Хэмм Спаркс всегда хотел взлететь как можно выше над миром – и взлетел. А остальные, как водится, пострадали за компанию.

Но был человек, в эту компанию не попавший.

Сесил Фиггз не явился ко времени отплытия, и пришлось им отчалить без него, что Фиггза вполне устраивало. Ключи от катафалка он передал Родни и домой мог вернуться самолетом.

Два дня спустя он проснулся в Нью-Орлеане в грязном отеле во Французском квартале, с ужасным похмельем. Его молодой приятель ушел, но оставил записку:

Дорогой Реймон,

Спасибо за приятно проведенное время. Позвони, как будешь снова в городе.

*С любовью,
Тодд*

Вне дома Сесил всегда пользовался именем Реймон Наварро. При мысли, что сейчас вторник и он не отвез вчера матушку к окулисту, ему стало дурно. Надо срочно звонить ей, но сперва выпить кофе. Сесил оделся и пошел завтракать в кафе по соседству, придумывая, что скажет матери, которая, конечно, очень огорчилась. Прежде чем сделать первый глоток, он взял со стойки оставленную кем-то газету. И, увидев первую полосу, едва не упал в обморок.

ХЭММ СПАРКС И ЧЕТВЕРО ЕГО ПОМОЩНИКОВ СЧИТАЮТСЯ ПОГИБШИМИ

Статья под фотографией пятерых человек, среди которых был и он, сообщала: полиция считает, что пропавшие, скорее всего, были убиты и, насколько можно судить, это работа профессионалов. В данный момент в Сент-Луисе допрашивают нескольких человек, связанных с чикагской мафией.

Остатки волос на затылке Сесила встали дыбом. Он понятия не имел, что случилось. Когда прошел первый шок, он вскочил было, чтобы бежать звонить маме. Но тут понял, что если убийца поймет, что одна из жертв еще жива, то может попытаться завершить начатое. Сесил лихорадочно соображал. Сидя над остывшим кофе, он вдруг кое-что понял – и его как громом поразило. Погодите-ка, подумал он. Это, несомненно, трагедия, но... Ведь для всех он умер. Впервые в жизни он свободен. Волен быть кем хочет, кем всегда и был на самом деле. Больше не надо вести двойную жизнь, вечно оглядываться в страхе быть уличенным, в страхе огорчить мать и опозорить семью. Ему пришлось умереть ради этого. Дорогая цена, но оно того стоит.

В результате человек, которого Хэмм и его команда взяли с собой на встречу в Нью-Орлеан, не желая иметь отношения к скандалу, ничего никому не сказал. Мистер Энтони Лео из Сент-Луиса гадал, куда делась яхта с его динамитом, но он явно был не в том положении, чтобы откровенничать, и много лет держал рот на замке. Человек, продавший Родни контрабандный кубинский ром, ясное дело, ничего не сказал, и человек, продавший Сесилу краденый формальдегид, ничего не сказал. И Сесил ничего не сказал.

Впрочем, никакого Сесила и не было. Отныне никто, кроме него

самого, не знал, что мисс Анита «Бум-бум» Де Томас, популярная актриса в известном клубе «Ну и ну» в Нью-Орлеане, Луизиана, была единственным оставшимся в живых после катастрофы – покойным мистером Сесилом Фиггзом из Миссури. Сесилу представился шанс, какой редко кому выпадает. Перед ним открыли двери в другую жизнь, и он шагнул на ту сторону, и обратного пути не было. Маме Фиггз и всему клану Фиггзов осталась кругленькая сумма от его состояния и теплые воспоминания о хорошем сыне, а ему – веселые годы оставшейся жизни. Только об одном сожалел он, предавая Сесила небытию, очень сожалел. Его убивало, что похороны губернатора организует кто-то другой. Это был бы триумф его карьеры. Ну да что ж.

Пора прощаться

Мак читал написанный от руки листок на стене. Задолго до того, как он сказал Норме, он понял, что маленький магазин инструментов не может конкурировать с тремя крупными торговыми центрами. Появилась новая фирма, занимавшаяся ремонтом, и это вдобавок к «Уол-Марту» и «Электротоварам Эйс». Иными словами, он разорился. Большинство старых клиентов старались ходить к нему, но в другие места повалил народ, цены опустились, и, конечно, завсегдатаи стали его покидать, один за другим. Он сказал своему другу Мерлу:

– Черт, мне ли их винить, я бы и сам там закупался.

Возникла мысль распродать все и уйти на пенсию, но до последнего времени он об этом всерьез не задумывался. И вот момент настал. Он сел перед женой лицом к лицу и заговорил о перспективе продажи дома.

Скоро Мак и Норма стали рассылать письма в разные сообщества пенсионеров и получать в ответ брошюры. Судя по фотографиям, жизнь там была ключом: здоровые и крепкие на вид седоволосые мужчины и женщины, весело болтая, пили коктейли у бассейна, играли в гольф и теннис. «Дом вдали от дома – это лучший вариант», – говорилось в брошюрах.

Но вышло так, что решение было принято меньше чем за сорок восемь часов и не имело ничего общего с их планами. Вербена и Мерл позвонили в дикой спешке. У них племянник живет в подобном частном поселке в Веро-Бич, так вот, он только что узнал, что на продажу через несколько дней выставляют дом, и позвонил спросить, не интересуется ли их такое предложение. У них это, мол, лучший комплекс для пенсионеров, и если переехать быстро, пока не пронюхали риелторы, то можно купить дом у хозяина – его друга, не платя комиссионных.

– Плохо то, – сказал Мак, – что решить нужно сразу. Мерл говорит, там уже очередь из покупателей, если мы откажемся.

Норма запаниковала:

– О боже... у нас есть время позвонить Линде?

– Да, дорогая, звони.

Через десять минут Норма передала трубку Маку.

– Папа, что ты об этом думаешь?

– Это маме решать, я на все соглашусь.

Норма всплеснула руками:

– Вот всегда ты так.

– Знаешь, пап, у меня ощущение, что это неплохое предложение. Поедете, поживете, а если не понравится, всегда сможете продать его, но по мне, так это шанс купить хороший дом за хорошую цену. Думаю, вы будете всю жизнь жалеть, если упустите возможность. А кроме племянника Вербены в Веро-Бич у вас нет знакомых? Кого вы могли бы поспрашивать?

– Нет.

– Давай я попытаюсь что-нибудь выяснить.

Через двадцать минут она перезвонила:

– Пап, вот послушай: Веро-Бич, Флорида, загородный дом «Индиан ривер», знаменитый «бейсбольный колледж» Доджерттаун, США.

– Это что такое?

– Это где команда «Доджерс» из Лос-Анджелеса проводит весенние тренировки. Вы с мамой сможете ходить на их игры.

На следующий день Норма позвонила дочери:

– Ну что ж, дорогая, мы это сделали. Купили кота в мешке. Надеюсь лишь на Господа, что мы не приедем и не обнаружим вокруг болото.

– Отлично! Вы рады?

– Даже не знаю, слишком быстро все произошло. Надеюсь, твой папа принял верное решение.

Когда они собрались и все распродали, настала пора, как выразился Мерл, стряхнуть пыль веков и узреть новые горизонты. Мерл и Вербена, переезжая во Флориду, летели самолетом, но Мак решил приобрести минивэн и заодно посмотреть страну. Он купил капитанскую фуражку, приклеил на заднее стекло знак «ЧАЙНИК», посадил в машину Норму, тетю Элнер и Сонни № 4, и они тронулись. Мак радовался как ребенок. Он помнил очаровательные маленькие кафешки вдоль дорог, где они с семьей останавливались перекусить, когда в последний раз ездили во Флориду в 1939-м. Но выяснилось, что все поменялось. День за днем они проезжали только такие заведения, как «Бургер Кингз», «Тако Беллз» и «Макдоналдс». Норма сказала:

– Мак, маленьких кафешек не осталось, а мы с тетей Элнер меньше всего хотим отравиться ради того, чтобы ты поностаьгировал вволю.

Он таки нашел одно местечко, но Норма отказалась туда входить.

– Пойдем лучше в «Банку печенья», там по крайней мере чисто и вкусно готовят.

Дорога тоже изменилась до неузнаваемости. Сплошь грузовики, один за другим. Легковушек почти не видно.словно вся страна пересела на

громадные фуры. Города-близнецы все на одно лицо. На каждой автозаправке одинаковый ассортимент в магазине. Один штат неотличим от другого.

В Веро-Бич хозяин дома велел найти торговый центр с большой аптекой «Пабликс», но в каждом торговом центре была большая аптека «Пабликс», и Маку в конце концов пришлось остановиться и спросить дорогу. Прохожий мотнул головой и сказал:

– Да еще минут пять проедете, за «Винн-Дикси» налево и прямо к Лейжервиллю.

Они нашли знак со стрелкой с надписью: ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ В ЛЕЙЖЕРВИЛЛЬ, ЛУЧШИЙ ЧАСТНЫЙ ПОСЕЛОК ВО ФЛОРИДЕ, но когда въехали в ворота, то увидели просто ряды зеленых, розовых и лиловых домов, покрытых штукатуркой, – тех же цветов, как заметила тетья Элнер, что и сладкие мятные шарики, которые мисс Альма когда-то держала в стеклянной банке у кассы.

На территории они не заметили никаких жизнерадостных седоволосых парочек из брошюры, никто не стоял у бассейна с коктейлем в руке с видом «Я мир поймал за хвост». Здешние обитатели показались им слишком старыми, а тете Элнер – чересчур молодыми.

Вскоре выяснилось, что выражение «патио с видом на цитрусовый сад» означало следующее: наглухо забетонированный двор величиной с почтовую марку и апельсиновая роща через дорогу – вместо сада. Когда вошли в новый дом, Норма не проронила ни слова. Потолки с побелкой под «зернистый творог» были ниже, чем ожидалось, а косматый ковер с горчичными зигзагами пестрел пятнами, и это ничуть не смягчило впечатление от плиты и холодильника оливкового цвета. Кроме того, дом простоял три месяца закрытым и пропах плесенью. Скучные стены цвета беж, популярного в пятидесятые, дешевые алюминиевые раздвижные двери. Мак уже прикидывал, насколько трудно будет продать такой дом, и тут Норма его неожиданно удивила:

– А что, Мак, не так уж он и плох. Я его в два счета приведу в чувство.

Сонни без колебаний принял лохматый ковер за подарок на новоселье и с восторгом впился в него когтями. Они поселились в отеле, пока Мак снимал ковер и перекрашивал стены. Норма отправилась в магазин и купила новую плиту и холодильник, а старые отдала волонтерам из «Доброй воли». Мак постелил белый линолеум в кухне и в ванных комнатах. Через неделю прибыл фургон с их мебелью из Миссури, и когда все расставили, то дом приобрел, по крайней мере, слегка знакомый вид. Мак сел в любимое старое кресло, вытянул ноги и подумал: «Ну и что

теперь?»

На следующей неделе по почте пришел журнал. Мак полистал его, потом спросил Норму:

– Что такое этот «ААП»? Звучит, как будто пса стошнило.

Норма сказала:

– Это журнал Американской ассоциации пенсионеров. Его получают все достигшие пенсионного возраста. Тут говорится о скидках для тех, кому за пятьдесят.

Мак что-то проворчал и вышел прогуляться. Что происходит? Он не готов стать пенсионером. Государство словно вешает ярлык на тех, кому больше пятидесяти пяти, чтобы выпнуть их из общего течения жизни. Насколько он помнил, во времена его молодости такого не было, люди не считались старыми лет до семидесяти пяти, восьмидесяти, и даже Старик Хендерсон в свои девяносто три все еще копался у себя в огороде. Мак еще молод, до старости еще куча времени. Для чего отдыхать, думал он, чтобы к смерти подготовиться? Короткий отдых перед длинным? Норма причалила к берегу пенсионеров с ветром в парусах и улыбкой на лице. Но он не хотел.

Мак слонялся по комплексу. Он не только в другом состоянии, чем остальные, он вообще в другом мире, и он потерялся. Потерянный в Лейжервилле.

Как в старые времена

Прошло несколько месяцев, и Норма обзавелась новыми друзьями, а тетя Элнер была весела как жаворонок: местные постоянно играли в бинго. Сонни тоже радовался, что здесь столько песка, копать не хочу. А вот за Мака Норма переживала. Как раз нынче утром говорила Линде по телефону:

– Твой папа не готов к пенсии.

Норма каждый день читала Маку список предлагаемых для пенсионеров видов волонтерской деятельности, но он все отвергал.

– Норма, говорю тебе, я не собираюсь стоять перед магазином «Уол-Март» и приветствовать людей, как какой-то слабоумный пердун.

– Не обязательно «Уол-Март». Есть куча мест, где работают пенсионеры... «Макдоналдс», «Бургер Кингз». Смотри, здесь сказано, ты можешь пойти работать в школьной кафетерии или библиотеке. Они хотят, чтобы пожилые подавали хороший пример молодежи. Что в этом плохого? Дома ты не стеснялся работать на пользу общества.

– Это было другое.

– Да в чем же разница?

– То было мое общество, а это не мое.

– Теперь твое. Молодежь везде одинаковая, разве ты не хочешь стать примером для подражания? Оказывать хорошее влияние?

Он вышел погулять по комплексу. На дворе только конец ноября, а народ уже прицепил на двери рождественские венки, привезенные из прошлой жизни. Они, может, неплохо смотрелись бы на двери дома в Нью-Хэмпшире или Мэйне, но здесь, под сияющим солнцем Флориды, выглядели по меньшей мере странно, словно все сообщество внезапно сошло с ума и решило встретить Рождество посреди лета. В одном бледно-оранжевом доме на веранде поставили искусственного снеговика, но не стали убирать с лужайки пластмассового розового фламинго. Мак по календарю и разговорам в телевизоре знал, что близится Рождество, но совершенно этого не чувствовал: один день не отличался от другого. Никаких признаков смены сезонов, к которым он привык за шестьдесят два года.

Дома он видел наступление осени. Чувал ее запах. Сгребал листья во дворе. У них с Нормой были привычные обязанности. В конце сентября она собирала всю летнюю одежду и убирала в нижние ящики шкафа, а

свитера перекладывала в верхние. Из кладовки в холл приносились куртки и пальто. Летнюю обувь меняли на зимнюю. В течение месяца одежда еще пахла нафталином. В мае все летнее возвращалось. Но в этом году одежду менять не пришлось, так и ходят во всем легком, с коротким рукавом. Пару свитеров оставили, но прохлады шла в основном от кондиционеров, а не с улицы. Мак где-то вычитал, что способность человека приспосабливаться говорит об уровне его интеллекта. Пока что этот тест он завалил. А ведь старается. Кстати, поначалу он воспринял переезд с энтузиазмом, даже лучше, чем Норма. Но после первого всплеска воодушевления, когда он покончил с ремонтом дома, познакомился с соседями и нагляделся на все окружающие пейзажи, до него медленно начало доходить. Прежняя жизнь, к которой он привык, кончена. Жизнь в городе, где твоя семья прожила больше ста лет и все знают не только тебя, но и твоих бабушек-дедушек, не вернется. Здесь все чужаки, и он один из них. Очередной транзитный пассажир. Ничего особенного. Дома он был личностью. Он был Маком Уорреном. Сыном Оллы и Гленна Уоррен. Его отец держал магазин инструментов больше полувека, потом он занял место отца. Большую часть жизни, бывая в местах, где его не знают, на вопрос «Чем вы занимаетесь?» он отвечал: «У меня свой магазин инструментов». Теперь его не спрашивали, чем он занимается, а если бы спросили, пришлось бы отвечать, чем он занимался в прошлом. Кем он был в прошлом. А сейчас он что? Кто он теперь? Еще одно перемещенное лицо, которое пытается делать вид, что жизнь здесь «как дома, только лучше».

Тетя Элнер обзавелась друзьями своего возраста и полюбила Флориду, а вот Норма мучилась с Маком. Пришла она как-то с урока цветочного дизайна...

– Мак, я говорила с подругой, Этель, она сказала, что у ее Арви было то же, что у тебя, и врач определил это состояние как проблему мужской самоидентификации. Тебе просто нужно связаться с твоим внутренним самцом.

– Господи, Норма, что ты ей наплела?

– Ничего такого, сказала просто, что ты подавлен, трудно привыкаешь. В этом нет ничего постыдного, многие мужчины через это проходят. Короче, она переговорила с мужем, и Арви сказал, что ходил к врачу, это ему здорово помогло.

– Норма, Арви идиот. Ты всерьез считаешь, что нацепить золотую цепь и черный парик с завитушками в семьдесят пять означает привыкнуть? Да он смешон, жалко смотреть.

– Ладно, может, он несколько глуповат, зато счастлив, а разве не каждый к этому стремится – быть счастливым? В общем, я не собираюсь спорить из-за Арви. Вот, она мне дала брошюрку, чтобы ты взглянул.

Мак взглянул. И выяснил, где раз в неделю доктор Джон Авнет собирает группы мужчин, чтобы «вступать в контакт с внутренним воином, бить в барабан, разговаривать, плакать и делиться наболевшим в безопасной обстановке».

Мак красноречиво посмотрел на Норму, однако промолчал.

Муравей

Мак добрел до Океанического парка, сел на бетонную скамью и устался на синюю воду. Понятный ему мир исчез. Пока он был занят работой все эти годы, кто-то взял и изменил правила. Это как заснуть дома, а проснуться на луне.

Когда он вырос, жизнь как-то устаканилась, пришла к определенному стандарту. Ты не врешь, не изменяешь, не воруешь, уважаешь родителей. Твой мир – это твои обязательства. Ты от них не уклоняешься. Ты женишься. Платишь по счетам. Заботишься о детях. Играешь по правилам и ждешь, что это поможет, если ты заплутаешь. Ты держишь в чистоте свой дом, свой двор и себя самого.

Норма говорит – смирись, не мучай себя. Он бы и рад, но, похоже, женщинам как-то легче свыкнуться с новым миром. Мужчин его возраста и старше беспокоит, что ценности, ради которых они готовы были отдать жизнь, перестали быть ценностями. Все, во что он верил, обращено в горстку анекдотов, и вихлезадые комики из ночных шоу делают на них деньги – достаточные, чтобы содержать небольшую страну. Только и слышишь, какие мы были испорченные, коррумпированные, как жестоко вели себя белые люди. Он вот совсем не чувствует себя плохим человеком. Он ни разу не поступил жестоко или нечестно по отношению к другому человеческому существу. А теперь выясняется, что он угнетатель и несет ответственность за все плохое, что случилось в мировой истории. Война, рабство, расизм, сексизм – это он во всем виноват, хотя всю жизнь только и делал, что старался вести достойную жизнь. История переписывается каждую минуту. Герои его детства теперь считаются злодеями, их жизнь пересматривается под влиянием сиюминутной прихоти сегодняшних правил политкорректности. Да что там говорить, если «Гекльберри Финна» изымают из библиотек, придурки, господи прости. Слишком все запутано.

Людей-то теперь не увидишь, сплошное самообслуживание, или отгораживаются от тебя стеклом. По телефону не услышишь человеческого голоса, всюду автоответчики, одна запись связывает тебя с другой записью, а потом раздаются короткие гудки. И все злятся, орут. Не знаешь, кто хуже, левые радикалы или правые. В середине никого и не осталось. Вроде шли все правильным путем, да где-то не там свернули. Что тому виной – наркотики или телевидение? А может, с жиру бесятся? Он пытался читать, что думают по этому поводу эксперты, но они не больше него эксперты.

Известно одно: после сороковых-пятидесятых мир перевернулся, как блин на сковородке, и все встало с ног на голову. В его детстве все мечтали стать Тарзанами, а теперь – туземцами. Втыкают в нос кольцо, и даже красивые девушки бегают с зелеными волосами и пирсингом по всему телу.

И никто теперь не отвечает прямо на поставленный вопрос – да или нет. Развозят какую-нибудь риторику. А еще – незнакомые люди говорят о себе гораздо больше, чем он хотел бы знать. О чем раньше стеснялись и обмолвиться, о том теперь пишут книги и болтают по телевизору. Убийцы становятся знаменитостями, у них просят автографы. Футболисты, баскетболисты, бейсболисты могут бить своих жен, баловаться наркотиками, садиться в тюрьму и все же оставаться в команде и зарабатывать миллионы. Стало неважно, какой ты человек. Он помнил, как обожествляли профессиональных атлетов, а теперь спортивную страничку читают скорее как полицейскую хронику.

Да разве мог он подумать, что когда-нибудь профессиональный игрок в бейсбол станет носить кольцо в ухе? Или чтоб девушка пела по телевизору в одном лифчике? Жизнь так изменилась, теперь у ребенка могут быть две мамы или два папы.

Он не знал, что и думать. Не было у него ощущения, что мир становится лучше. Хуже – да. Целый час он сидел и смотрел на воду, гадая, к чему это приведет.

Потом наклонился, оперся локтями о колени и уставился на песок под собой, словно ища там ответа. И вдруг заметил маленького муравья, он тащил огромный кусок картофельной чипсины. Вот муравей наткнулся на вторую ногу бетонной скамьи, обогнул ее, одолевая камни и другие препятствия, и тащил, тащил к дому свое сокровище. Слишком большое для его веса, но все равно тащил.

Мак сидел, смотрел на работягу, пока тот не скрылся из виду, и вдруг впервые за много недель улыбнулся.

«Как знать, – подумал он. – Если эта мелочь пузатая не сдастся, может, и донесет».

Привет, дружище

На следующий день Норма вошла в дом и сказала:

– Я приняла решение. Раз ты не хочешь ходить ни в какие группы, буду брать быка за рога. Пошли к машине, поможешь донести.

В машине стояла коробка размером с хлев. Норма купила ему компьютер.

– Норма, я же не умею им пользоваться.

– И я не умею, ничего, научимся. Я записалась на уроки в «Компьютерном мире». Ничего сложного. Говорят, даже первоклассники легко обучаются. К тому же Линда сказала, если мы заведем компьютер, то сможем переписываться.

– Норма, я помогу тебе его установить, но ни на какие занятия ходить не буду. Сама ходи, если хочешь.

Через пять минут, проклиная все на свете, он позволил Норме показать, как входят в интернет.

Однажды, когда ее не было дома, Мак после нескольких попыток смог зайти в чат, оказалось на удивление легко.

– Эй, старичье, привет, есть тут кто-нибудь, кто помнит книжки серии «Харди бойз»?

Через несколько минут ответил Мартин из Бивер-Фолз, Пенсильвания.

– Привет, дружище, подтверждаю. Только что нашел три старые книжки – «Башня сокровищ», «Пропавшие жильцы», «Тайна Сломанного меча». «Пропавших жильцов» у меня две, буду рад прислать.

С тех пор Норма не могла оторвать его от интернета. Он мог найти все, даже экспертов по рыбной ловле на муху. Что там обсуждать в теме «искусственная наживка», было для нее загадкой, но он часами болтал с кем-то из Вайоминга. И кажется, они даже понимали друг друга. Мак объяснял Норме:

– Это как радио, только лучше.

Норма, как всегда, не удержалась:

– Видишь? Я же тебе говорила.

Мак воспрянул духом. Его внучка, Эппл, приезжала в гости, и он начал учить ее играть в бейсбол. Однажды в воскресенье они вдвоем отправились посмотреть игру «Доджерс» в Доджерттаун и чудесно провели время. Девочка не знала, но однажды она вспомнит этот день, вспомнит, как

палило солнце и пахла трава, вспомнит хот-дог, купленный дедом, и как он держал ее за руку, когда шли домой, вспомнит – и улыбнется.

Все хорошо, что хорошо кончается

Возьмите, к примеру, что случилось с Бетти Рэй. Хотя жизнь у нее началась кривовато, ведь ее, считайте, лишили законного места в мире, но иногда вселенная исправляет ошибки. Двое ее детей оказались удачливы в бизнесе и нажили приличный капитал на торговле недвижимостью. Чувство вины ее дяди Лероя Отмана, оставившего группу песнопений ради оркестра, сыграло немалую роль. В 1989-м, во время трехдневного кутежа в Дель-Рио, Техас, он написал песню о том, что деньги и слава ничего не значат, потому что, как говорит название, «Я маме так и не сказал “прощай”». Звезда музыки кантри Клинт Блэк записал ее, песня стала хитом, и взрослые мужики много лет подряд рыдали под нее, роняя слезы в пиво. Скончавшись, Лерой оставил Бетти Рэй, единственному члену их семьи, которая хорошо к нему относилась, миллионы долларов, накопленные от гонорарных отчислений.

Деньги от страховки Хэмма Вита помогла инвестировать в несколько предприятий. Одним из таких предприятий была фармацевтическая компания, производящая контрацептивные препараты. Когда в семидесятых грянула сексуальная революция, одна только эта компания принесла ей пять миллионов. Но, даже разбогатев, Бетти Рэй осталась жить в доме из красного кирпича.

Однако Лерой был не единственным Отманом, процветающим в мире музыки.

После затяжного периода упадка, когда южный госпел был оттеснен на задний план направлением, известным как «современная христианская музыка», в 1992-м семью Отман официально ввели в Аллею славы музыки госпел, и благодаря телевизионным шоу «Госпел» Билла и Глории Гейзер они стали популярны как никогда. Минни изводила диабет, подагра и эмфизема, она перенесла пять инфарктов, ей заменили оба коленных сустава, но ничто не могло ее уморить. Женщине, мечтающей попасть на небеса, придется еще подождать. Сейчас она ангажирована на четыре выступления в неделю.

Что же касается Беатрис Вудс... Давняя поговорка «любовь слепа» – всего лишь метафора, но в случае Беатрис любовь и впрямь была слепа, и это хорошо. Флойд Отман далеко не красавчик, зато в душе – невозможный романтик. Просто ему никогда не хватало смелости заговорить с женщиной, а вот Честер всегда был волокитой и ничего не боялся. То, чего

Флойд по причине крайней застенчивости женщинам не говорил, за него чревовещал Честер. Но в 1969-м Флойд наконец смог обрести собственный голос и заговорил от себя лично, предложив Беатрис руку и сердце без помощи куклы.

Беатрис, конечно, не знала, что он не самый красивый мужчина в Америке. Он сказал ей, что похож на Кларка Гейбла, но, будучи слепой, она не имела понятия, как выглядит и Кларк Гейбл. И позже – это стало возможным только благодаря любви и поддержке Беатрис – Флойд совершил шаг немыслимой смелости: бросил свою куклу с моста в реку. Наконец он освободился от Честера и начал жить сам.

Однако Флойд остался в неведении о дальнейшей судьбе Честера, которого ожидал еще один, последний выход на сцену, сольный. Упав в воду, он всплыл и скользил на спине по поверхности большой, протекающей через весь город, Пиа-Ривер, до полусмерти пугая очевидцев. Трое пожарных, что рисковали жизнью, прыгнув в реку, чтобы извлечь тело бедного мальчика-утопленника, были несколько удивлены и подверглись насмешкам со стороны остальных, когда вытащили его на берег. Остаток дней Честер провел на стене пожарного депо, пока его не сожгли. И прах бедного деревянного чревовещателя обрел наконец покой.

У Беатрис и Флойда родился сын. Назвали его Честером.

— — — —

Для широкой публики

Это снова Тот, с последними событиями. Верите, нет, но я еще раз вышла замуж. Понимаю, неожиданно. Сама не ожидала. Он пенсионер, занимался бизнесом, связанным с домашней птицей, остался хороший доход, вдовец, т. е. никаких здравствующих или бывших жен, детей, собак и котов. Ура! Он владелец (полностью оплачено) красно-коричневого трейлера и не употребляет. Он заехал в город и остановился на кладбище, чтобы навестить могилы друзей, Дока и Дороти Смит. А я как раз выдергивала сорняки с маминой могилы и спросила:

– Кого-то ищете?

Ну и все. Я продала дом и переписала салон красоты на Дарлин – целиком и полностью. Дуэйн Младший опять в тюрьме за торговлю наркотиками. Ну и пусть им занимается правительство. Я не справилась. Внучка моя, Тэмми Луиза, как и предсказывалось, скоро родит, и это одна

из основных причин, почему мы поехали странствовать. Я больше не желаю оплачивать ни одного ребенка. Я это пишу, пока мы с Чарли едем через Нэшвилл к Миннесоте, в крупнейший торгово-развлекательный комплекс «Молл оф Америка», где я планирую ходить по магазинам до одури, а потом поедem во Флориду, к Маку, Норме и тете Элнер. Может, там и осядем. Сестры Гуднайт и Вербена с Мерлом туда переехали, и, говорят, Бобби Смит с женой Луис и Анна Ли с мужем туда часто навещаются, так что там будет как дома, только лучше. Никаких Хутенов. Здоровье у меня вполне сносное, учитывая, что мне пришлось пережить, а с таким прогрессом в медицине, как сейчас, шестьдесят – это все равно что сорок. Значит, мне снова пятьдесят один!

С наилучшими пожеланиями, миссис Тот Хутен-Фаулер

P. S. Впервые в жизни я счастлива.

Эпилог

Поскольку Роберт Смит разъезжал по всему миру с лекциями о Старом Западе, его попросили что-нибудь написать в любимый журнал тети Элнер «Ридерз дайджест». Целый день он ходил из угла в угол, думая о королях и королевах, африканских вождях, премьер-министрах и президентах всех стран, где он побывал. Удивительно, сколько людей увлекаются ковбоями и индейцами. Он встретил столько интересных людей, что трудно было выбрать одного. Потом он выбрал. Он сел и написал название:

Д-р Роберт Смит

Самый незабываемый человек в моей жизни

Ее звали Дороти, и случилось так, что она была моей матерью. Время, с которого я начну рассказ, пусть будет 1946 год, а место – мой родной городок, Элмвуд-Спрингс, Миссури, о котором вы, скорее всего, никогда даже не слышали...

---

notes

Примечания

Красно-белый шест у парикмахерских – символ профессии, пришел из тех времен, когда цирюльники не только стригли-брили, но еще и пускали кровь. – *Здесь и далее примеч. перев.*

2

Популярный на Гавайях четырехструнный музыкальный инструмент.

«Кемосабе» – так на ломаном английском обращается к рейнджеру Рейду индеец Тонто в знаменитой американской радиопостановке 1930-х гг. «Одинокий рейнджер».

Во время обеих мировых войн федеральное правительство призывало всех американцев обзавестись личным огородом.

Легендарная норвежская фигуристка, единственная трехкратная олимпийская чемпионка в женском одиночном катании.

В годы Великой депрессии, когда жители перестали ходить в кино, между кинотеатрами и производителями посуды был заключен договор: раз в неделю на киносеансах раздавали бесплатно посуду.

Название переводится как «Независимость».

Тюрьма, ныне музей на острове-скале Алькатрас в бухте Сан-Франциско.

Герой мультфильмов У. Диснея, долговязый, нескладный и невероятно медлительный пес.

В нью-йоркском районе Кони-Айленд расположен знаменитый парк аттракционов.

Мистер Арахис – эмблема компании «Плантерс нат» – арахис в цилиндре, белых перчатках, с тросточкой и моноклем.

12

30,8 к.г.

Нам – ветчина, окорок (*англ.*).

Spark – искра, разряд (*англ.*).

Американская актриса Таллула Бэнгхед претендовала на роль Скарлетт О'Хара, но роль, казалось бы лежавшая в кармане у суперзвезды, ушла к малоизвестной тогда англичанке Вивьен Ли.

В конце XIX в. квартал на Манхэттене, где были сосредоточены музыкальные магазины, нотные издательства и фирмы грамзаписи, а из открытых окон неслись музыка и пение. Позже так стали называть всю индустрию популярной музыки. Жестянка, фигурирующая в этом выражении (tin pan, букв. «оловянная кастрюлька»), на самом деле не имеет никакого отношения ни к посуде, ни к металлу, это сокращение от tinny piano (дребезжащее пианино).

Районы США, где евангельский протестантизм является основой культуры. Ядром Библейского пояса являются южные штаты. Нэшвилл – столица музыки кантри, исполнители которой традиционно имеют слабость к ремням с огромными пряжками.

Банановый сплит иначе называют «полбанана»: на половинку разрезанного вдоль банана кладут пломбир, клубнику и заливают сверху взбитыми сливками.

В 1932 году был похищен полуторагодовалый сын Чарльза Линдберга, первого летчика, перелетевшего в одиночку Атлантический океан.

Американские актрисы.

Бойскаут первой ступени, набравший по всем видам зачетов не менее 21 очка и получивший по результатам высшую степень отличия – значок «Скаута-орла».

Фирменный крик Одинокого Рейнджера.

Марка сельскохозяйственной техники, на эмблеме изображен бегущий олень.

Прозвище Томаса Эдисона, который в 1876–1887 гг. работал в своей лаборатории в поселке Менло-Парк, штат Нью-Джерси.

Лазурная птица (голубая сialis) – символ штатов Миссури и Нью-Йорк. Боболинк, или рисовый трупиял, – суетливая и крикливая птичка, гроза рисовых плантаций.

«Пони-экспресс» – почтовая служба, существующая и поныне, но первые сто лет (с 1860-го по 1961-й) для доставки корреспонденции она использовала низкорослых, но выносливых лошадей.

Томас Джозеф Пендергаст – босс «политической машины» Демократической партии в Канзас-Сити и во всем штате Миссури.

«Черные пантеры» – леворадикальная группировка, выступавшая за «вооруженную самооборону» афроамериканцев.

ABC, NBC, CBS – три крупнейшие телерадиовещательные компании в США.

Видимо, речь о сериале «Я люблю Люси».

Джон Бивер – евангелист, телепроповедник и автор многих литературных христианских бестселлеров.

Мейми Эйзенхауэр – жена президента Дуайта Эйзенхауэра и первая леди США с 1953 по 1961 г.; «Сестры Эндрюс» – чрезвычайно популярное эстрадное трио; первая жена Джорджа Уоллеса, Лурлин Брегам Уоллес, стала первой (и вплоть до 2009 г. – единственной) женщиной, избранной губернатором Алабамы; Клодия Джонсон (леди Берд) – жена президента Линдона Б. Джонсона и первая леди США с 1963 по 1969 г.

Компания, поначалу выпускавшая мороженое на палочке, впоследствии прибрала к рукам весь холодильно-морозильный бизнес.